

СФЕРА ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ В ТРУДАХ
УЧЕНЫХ ЛАМ

СФЕРА ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ ЛАМ

**СОСТАВИТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ
А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ, А.Д. ЦЕНДИНА**

ТОВАРИЩЕСТВО НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ КМК

МОСКВА ❖ 2005

*Издание посвящается 800-летию юбилею образования
Монгольского государства (1206 – 2006)*

Серия “СФЕРА ЕВРАЗИИ”

Редакторы серии: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов

А.С. Железняков, А.Д. Цендина (сост.). История в трудах ученых лам. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2005. 275 с.

Данная книга содержит три фундаментальных работы монгольских историков-лам XVII, XIX и XX вв. Сочинение Эрдэнипэла “Конечная причина религий в Монголии”, написанная в 30-х гг. XX в., публикуется впервые, причем монгольский оригинал текста до сих пор не обнаружен. Труд Джамбадорджи “Хрустальное зеркало”, относящийся к первой половине XIX в., никогда еще не переводился ни на один из европейских языков. Наконец, одна из самых ранних летописей — “Золотое сказание” (XVII в.) анонимного автора издавалась лишь в приблизительном переложении на русский язык Г. Гомбоева в 1858 г.

Давно назревшее издание на русском языке этих трудов важно не только для знания истории Монголии и Евразии в целом, но и для корректного сравнения отношения монголов к своему прошлому с тем, как это прошлое воспринимается со стороны, а также для сравнения логики развития исторической мысли кочевых и оседлых народов.

A.S. Zheleznyakov and A.D. Tsendina (compilers). History in the Works of Learned Lamas. Moscow: KMK Scientific Press. 2005. 275 p.

This book contains three fundamental works by Mongolian historians of the 17th, 19th and 20th centuries. The treatise by Erdenipel “Final Cause of Religions in Mongolia”, written in 1930s, is published in the first time. Mongolian original of this treatise was not found as yet. The treatise by Jambadorji “The Crystal Mirror”, belonging to the first half of the 19th Century, has never been translated into any European language. Finally, one of the earliest annals, “The Golden Summary”, by an anonymous author of the 17th Century, was published only in an approximate translation into Russian by G. Gomboev in 1858. Russian edition of these treatises is important not only for understanding of history of Mongolia and Eurasia in general, but also for correct comparison of attitude of the Mongols to their past with that from the outside, as well as for comparison of the logics of historical ideas development in nomadic and settled nations.

Перевод: «Золотое сказание»: Г.С. Горохова, А.Д. Цендина

Перевод: «Хрустальное зеркало»: Б.И. Король, А.Д. Цендина

Перевод: «Конечная причина религий в Монголии»: Ринчен, Самбу

Составление, редакция, комментарии: А.С. Железняков, А.Д. Цендина

Вступительная статья: А.С. Железняков

*Книга подготовлена в Институте сравнительной политологии РАН и
Институте востоковедения РАН*

*Издательство выражает благодарность за содействие в издании книги
Посольству Монголии в Российской Федерации и лично послу г-ну Л. Хангаю
Генеральному директору компании “Петровис” г-же Ж. Оюунгэрэл*

© А.С. Железняков, А.Д. Цендина, составление, 2005

© А.С. Железняков, вступительная статья, 2005

© Т-во научных изданий КМК, 2005

ISBN 5-87317-255-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выход в свет представленных в настоящей книге шедевров монгольской исторической мысли назрел давно. Сочинение Эрдэнипэла печатается впервые – монгольский оригинал рукописи никогда не публиковался и его местонахождение неизвестно, летопись Джамбадорджи никогда не переводилась ни на один из европейских языков, а анонимная летопись «Золотое сказание», хотя и издавалась до этого на русском языке, но очень давно (в 1858 г., то есть в позапрошлом веке), причем тот перевод следует считать устаревшим. Поэтому публикация перевода Г.С. Гороховой (1919–1997), долгое время проработавшей в Институте востоковедения АН СССР, также весьма своевременна.

Предположение о ламском сане анонимного автора «Золотого сказания» основывается на особенностях текста. Здесь, как и в «Хрустальном зеркале» Джамбадорджи и «Конечной причине религий в Монголии» Эрдэнипэла, родословная линия монгольских ханов своим началом привязана к генеалогии древнеиндийских и тибетских царей. Причем привязана отнюдь не механистично: автор на всем протяжении своего труда активно и со знанием дела вводит в оборот и использует такие основные понятия буддизма, как нирвана Будды, страдания живых существ, Джамбудвипа, Чакравартин и др. Время написания летописи (начало XVII в.) совпало с первыми шагами распространения северного буддизма в Монголии, и поэтому автор, как идеолог нового учения, не мог не быть в самой гуще церковной жизни. «Золотое сказание» анонимного автора — одно из самых ранних известных науке произведений, положивших начало монгольской буддийской историографии. Наряду с другими важнейшими произведениями историков XVII в. — «Желтой истории», «История Асарагчи», «Драгоценного сказания» Саган-Сэцэна, «Золотое сказание» Лувсандан-дзана — оно написано на основе монгольских устных и письменных традиций, восходящих к выдающемуся памятнику XIII в. — «Тайной истории монголов».

Авторство «Хрустального зеркала» впервые установил Х. Пэрлээ, обнаруживший в южной Гоби список, в колофоне которого было указано, что данное сочинение начато в 14-й год правления Даогуана и закончено в 17-м году правления этого императора, что соответствует европейским 1835 и 1838 гг. Кроме того, там был назван и автор: «...ее написал рабджамба гэлун, да-лама по имени Джамбадорджи из среднего Уратского хошуна [принадлежащего] дзасаку гуну Лаванринчину» (Пэрлээ, 1959, с. 186).

Произведение «Хрустальное зеркало» до сих пор оставалось недоступным для тех, кто интересуется историей и культурой Монголии. Между тем, это сочинение, несомненно, заслуживает быть опубликованным. Стремясь восполнить существующий пробел, составители представляют на суд читателей перевод «Хрустального зеркала», сделанный преподавателем восточного факультета Ленинградского государственного университета Б.И. Королем (1907 – 197?) в 1959 г. Это — первый и до сих пор единственный перевод летописи на европейский язык.

Габджу Эрдэнипэл (1877–1960) был одним из образованнейших людей Монголии, первым настоятелем монастыря Гандан в г. Улан-Баторе после восстановления

ния в нем религиозной службы в 1944 г. Обстоятельства перевода сочинения на русский язык и появления его в Москве загадочны. Оно было переведено в начале 1940-х гг. На титуле перевода стоят имена переводчиков — Ринчен и Самбу. Один из переводчиков, судя по написанию имени и многочисленным ремаркам в тексте — известный монгольский ученый, академик Б. Ринчен (1905–1977). Известно, что, находясь в начале 40-х гг. в тюремном заключении по обвинению в шпионаже в пользу Японии, Б. Ринчен использовался властями в качестве переводчика текстов на русский язык. В отношении Самбу есть не вполне твердое предположение, что это Ж. Самбу (1895–1972) — посол МНР в СССР (1937–1946), позднее председатель Президиума Великого народного хурала, автор книг по аратскому хозяйству, «ламскому вопросу» и борьбе с религией. Очевидно, рукопись Эрдэнипэла (скорее всего, в процессе окончательной подготовки ее перевода на русский язык) оказалась под контролем коммунистов — посольства и функционеров МНРП. Только этим можно объяснить, что в написанный ученым ламой в религиозной традиции текст попали чужеродные для этой традиции вкрапления, такие, как: “истоки всякой религии лежат в вымысле самого человека”, принятие буддийской религии монголами “было инспирировано исключительно” Китаем, “Далай-лама и Панчен-богдо обманывали монголов” и т.п. Таких вкраплений, впрочем, немного, и все они легко прослеживаются.

Предлагаемый сборник ценнейших памятников монгольской исторической литературы является своего рода данью памяти ушедшим переводчикам-ученым, оставившим после себя неизданное наследие. Переводы Г.С. Гороховой и Б.И. Короля не свободны от ошибок, их комментарии кратки и схематичны. Текст перевода Ринчена и Самбу изобилует стилистическими погрешностями, опечатками, не снабжен ни введением, ни комментариями. При подготовке к публикации тексты переводов были в значительной степени исправлены, отредактированы и подвергнуты большой стилистической правке, хотя составители и пытались сохранить неповторимый колорит языка переводчиков. Составители выражают благодарность редактору серии “Сфера Евразии” С.Л. Кузьмину за ценные замечания по текстам и комментариям, действенный и конкретный вклад в работу по подготовке рукописи в печать. Комментарии и уточнения переводчиков сохранены и даны в подстрочных примечаниях и в круглых скобках. В квадратные скобки заключены дополнения составителей. Комментарии составителей приведены в конце книги. Все отождествленные имена, названия и термины, данные в оригинале в разнообразных или искаженных формах, по возможности, унифицированы и переданы так, как они употребляются в российской научной литературе сегодня. В случае сомнений или невозможности отождествления они приводятся в том виде, в каком приведены в тексте перевода. Названия двух летописей сохранены в первоначальном переводе, а название сочинения Эрдэнипэла изменено и дано в сокращенном варианте (в оригинале: «Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами»). При издании переводы были исправлены А.Д. Цендиной.

МОНГОЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

Собранные в настоящей книге фундаментальные труды монгольских историков-лам, известные за пределами их родины только узкому кругу специалистов, были написаны в начале, середине и конце растянувшегося на три с лишним столетия буддийского цикла истории Монголии («Золотое сказание» анонимного автора было написано в середине XVII в., «Хрустальное зеркало» Джамбадорджи — в первой половине XIX в., и «Конечная причина религий в Монголии» Эрдэнипэла — в 30-е гг. XX в.). В контексте рождения, расцвета и заката историографии трудов монгольских лам прослеживается логика конструирования мировой истории кочевниками, что может стать подспорьем не только для корректного сравнения отношения монголов к своему прошлому с тем, как это прошлое воспринимается со стороны, но и для выявления в целом существенных расхождений в развитии исторической мысли у кочевых и оседлых народов.

Поскольку всемирная история и ее ключевые сюжеты трактуются у разных народов в пределах устойчивых стереотипов, гипотетически можно выделить минимальный фрагмент раздела библиографии всех самых «проговариваемых» (то есть ведущих к формированию наиболее распространенных стереотипов) текстов по каждому из таких сюжетов. У большинства народов мира этот усредненный массовым потребителем фрагмент наиболее читаемой литературы практически никак не связан с трудами историков из среды кочевников-монголов, осмысливаемыми в оседлой культурной среде с гораздо большим трудом, чем европейские, китайские, персидские и русские источники. Даже сюжеты истории Монгольской империи Чингис-хана известны среднестатистическому читателю отнюдь не по работам монгольских историков, не по «Тайной истории монголов», признанной специалистами-монголоведами памятником мирового культурного значения. В России, например, эти сюжеты известны «в народе» по наиболее популярным изложениям в книгах российских и западных авторов сведений, почерпнутых из монгольских и других источников (Ян, 1979; Груссе, 2000), по важнейшим научным трудам отечественных востоковедов (Бартольд, 2002: 253–265; Владимирцов, 1992), несколькими старинным европейским (прежде всего, Марко Поло, 1997), китайским (Бичурин, 1950), русским (Рассказы русских летописей, 1993), персидским (Рашид-аддин, 1946, 1952, 1960), армянским (Армянские источники, 1962) текстам. В России (с некоторыми странами СНГ) и Китае массовые знания о Монголии более объемны, поскольку здесь монгольский и вообще степной мир вплетается в ткань отечественной истории. Но за пределами Монголии и расселения монголоязычных народов в Китае и России с монгольским взглядом на мировую историю непосредственно знаком лишь довольно узкий круг специалистов.

Оседлая среда никогда не была особенно восприимчивой к данному подходу. Хотя нет никаких препятствий к этому: имеется немало переводов на разные языки монгольских письменных памятников (Козин, 1941; Шара туджи, 1957; Лубсан Данзан, 1973 и др.), которые служат признанными источниками достоверных сведений о событиях и фактах истории. В последнее время наука начала обнаруживать

интерес к структурным и сюжетно-стилистическим особенностям монгольских исторических текстов (Цендина, 2004).

Настоящая публикация переводов трудов монгольских историков призвана подтолкнуть исследовательскую работу к логическому продолжению — в сферу анализа их историко-философского содержания.

Пока же, весьма убедительная и перекрестно подтверждаемая в подробностях картина истории, которая предстает в настоящем сборнике, может многим читателям показаться настолько неожиданной, что возникает вопрос о ее несоответствии их устоявшимся представлениям. В этой связи возникает также вопрос о том, насколько адекватно отражено содержание всех известных монгольских письменных памятников, как находящихся в архивах и рукописных фондах, так и опубликованных, в современной философии истории и в более широком контексте — в устойчивых стереотипах исторической мысли.

Вопрос закономерен, поскольку в глазах сторонних наблюдателей из оседлого мира — иностранных летописцев, путешественников, ученых, писателей — общественное и культурное развитие жителей степных, пустынных, горных и таежных зон Внутренней Азии выглядит весьма далеким от привычных понятий цивилизованной жизни, социального прогресса, собственно истории. Часто даже для профессиональных историков, в том числе монголоведов, жители этого региона — сплошь кочевники-скотоводы и воины, а значит, представляют собой первобытную, не имеющую истории (Тойнби, 1991: 182) периферию цивилизованного оседлого мира. В последнее время несколько смягченно говорится о «суперсложных вожествах», то есть о «доклассовой», «предгосударственной» и т.п. стадии, на которой остановились средневековые кочевники Монголии (см., например, Крадин, 1992: 152; Скрынникова 1997: 49), что, в сущности, смысла не меняет. Ряды сторонников этой позиции постепенно растут даже за счет тех исследователей (Трепавлов, 1995: 150), которые ранее придерживались взгляда о наличии у монголов традиционной государственности и классов (Трепавлов, 1993: 3–6, 114). Выводы Б.Я. Владимирцова и его последователей о классовой природе монгольского общества (Владимирцов, 1934; Златкин, 1971: 131–193; Таскин, 1984 и др.), не в последнюю очередь, из-за их вольной или невольной привязки к марксистским догмам и доктринам, в настоящее время отвергнуты.

Одной из наиболее свежих трактовок такого подхода является идея о кочевниках, как *оспариваемой периферии* (contested periphery) — социальной группе между мир-системами. Т. Холл, ссылаясь на соответствующие работы своих коллег, посвященные, главным образом, регионам Ближнего и Среднего Востока (Allen, 1996; Berquist, 1995: 17; Cline, 2000: 8–17), несколько модифицирует эту идею в отношении монголов, отмечая, что у них степные конфедерации играли роль *оспариваемой полупериферии* (Холл, 2004: 158). При этом автор, отмечая свое знакомство с работой Н.Н. Крадина (Kradin, 2002: 368–388), делает вывод о том, что для российских читателей эти идущие с Запада идеи могут показаться «изобретением велосипеда» (Холл, 2004: 165). Это, в целом, соответствует положению дел, поскольку в историко-философском описании места кочевников Внутренней Азии в мировой истории российская историография всегда являлась наиболее весомой. Правда,

Н.Н. Крадин выступает с критикой модифицированного подхода к кочевому миру, как *оспариваемой полупериферии*, и считает его «хинтерландом, вечной окраиной мировой истории» (Крадин, 2001: 388–389).

Но российская школа кочевниковедения выходит далеко за рамки западнического «велосипеда», представляя также свой оригинальный евразийский взгляд, беспрецедентный по глубине осмысления (но также надрывной гиперболизации, неизбежной при «научном одиночестве») исторических перипетий «кочевой стихии». Именно «евразийцы» впервые приступили к развенчиванию европоцентристских мифов о лестнице эволюции и прогресса человечества и даже попытались взглянуть на историю с точки зрения наследия кочевников (см. статьи Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и «Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» — Трубецкой, 1995: 55–104; 211–266). Как продолжатель дела евразийцев, Л.Н. Гумилев написал, пожалуй, самую «степную» картину мировой истории (Гумилев, 1990, 1993 и др.). Однако и в этом подходе собственно Монголия представляет периферию истории: в межимперские периоды до Чингис-хана ей отводится роль «провинциальной державы» (Вернадский 1939: 7), а после него — полупериферии уже не «спорящего» за нее всего ее окружения, как у западников, а особого «континента Евразии», в котором у России особое предназначение (см.: Савицкий, 1997: 334–335).

По весьма распространенному — как на Западе, так и на Востоке — мнению, имевшие место прорывы из доисторического мира в мир истории носят у кочевников опустошительный и паразитический характер, и связаны с тем, что их эпизодически «засасывал вакуум, который образовывался в смежной области местного оседлого общества» (Тойнби, 1991: 186). С этой идеей вполне согласуется вывод В.В. Трепавлова о неспособности кочевого государственного наследия при соприкосновении с оседлыми традициями соперничать с ними, о неминуемой при этом замене кочевых форм государственности на оседлые или «оторвавшиеся от центрально-азиатской основы» синтезные оседло-кочевые (Трепавлов, 1993: 117). В последнее время эта идея приобрела вид утверждения о ксенократическом характере политической системы у кочевников Монголии, которые выступают в качестве специфического «класса-этнуса», надстраивающегося над оседло-земледельческим базисом (Крадин, 2001: 381).

Знакомство с трудами монгольских авторов, на протяжении столетий рассматривавших мировую историю через призму исторического развития их страны и всей родной им Внутренней Азии, опровергает этот взгляд и показывает, что исторический процесс в Монголии не был эпизодическим, никогда не пресекался. Более того, даже поверхностный анализ текстов, приводимых ниже, показывает, что этот процесс несколько не выглядит непрерывной историей опустошения соседей и паразитического за их счет существования*.

Он предстает вполне самостоятельным, укорененным на достаточно мощном и гибком экономическом, социально-политическом и культурном базисе изначально оседло-кочевого общества Внутренней Азии, насыщенным не только обычными

* Во всяком случае, история Внутренней Азии «неотягивает» по этим показателям до средних значений наиболее развитых цивилизаций и стран.

событиями и перипетиями побед и поражений — сценами дворцовой жизни, политических и любовных интриг, подоплеками принятия оригинальных военных, дипломатических и административных решений, но и жизненной силой, крупными свершениями, сокровенным смыслом.

В стремлении увидеть на своей земле и в своем близком и понятном окружении — во Внутренней Азии — гармонию и великий смысл происходящих событий монгольские историки-ламы ничем не отличаются от собратьев по перу в других странах и мыслят примерно в том же духе, что и, например, крупнейший английский теоретик истории А.Дж. Тойнби, для которого Великобритания расположена в родном «умопостигаемом поле исследования» — в Западной Европе (а «другие участники событий — Франция, Испания, Португалия, Нидерланды, Скандинавские страны и т.д.») (Тойнби, 1991: 25). Для монгольских историков «умопостигаемым полем» является оседло-кочевая Внутренняя Азия, а кочевая Монголия — ее органической частью.

Полярные различия позиций сторонних и внутренних наблюдателей в отношении смысла истории того или иного «умопостигаемого поля исследования» не принимаются во внимание при возникновении устойчивых стереотипов — побеждает всегда одна сторона. У каждой цивилизации — свое ощущение мировой истории, других общностей и цивилизаций. Однако диалог цивилизаций предполагает сближение позиций, выработку единых критериев в оценке друг друга.

Монгольская историческая мысль в настоящее время имеет относительно небольшой круг распространения, и поэтому ей трудно заявить о себе как о субъекте такого диалога, как о равноправном с другими субъектами явления в историко-философской литературе. Положение усугубляется тем, что окружающие Монголию цивилизации имеют сближающую их основу — многовековое господство ценностей оседлой жизни и уже стремительно сужают пространство распространения традиций исторической мысли монголов. Диалог в этих условиях безотлагателен, поскольку связан с самим правом на существование монгольского взгляда на мировую историю.

Здесь целесообразно остановиться на вопросе о том, как складываются различные картины истории мира. Ни у кого, пожалуй, в наши дни не вызывает сомнения тот факт, что истоки и основы доминирующих в настоящее время представлений об историческом прошлом стран и народов мира сформировались совсем недавно — в считанные столетия — благодаря опыту и усилиям оседлых народов, причем тех, среди которых было распространено христианство. Христианский (и при этом — оседлоцентристский) угол зрения в постижении исторического пространства планеты на протяжении первого полутора тысячелетия отнюдь не доминировал, сосуществовал с богатыми традициями летописания у народов, исповедующих другие религии — индуизм, буддизм, тенгрианство (в кочевых империях), конфуцианство и даосизм, иудаизм, манихейство, ислам. Да и в самом христианстве исторические картины мира были и остаются разными на Востоке и Западе. Вначале более широкое распространение (в Афро-Евразии) получили взгляды на мир и его историю, сложившиеся у народов, охваченных восточными ветвями христианства — несторианством и православием. Лишь с эпохи Великих географических открытий западным христианам-европейцам выпала доля первыми распрост-

ранить уже на весь мир форпосты своего присутствия и пункты сбора информации, связать воедино разрозненные, разбросанные по континентам факты и сведения, и дать им собственную интерпретацию. Этой интерпретации религиозные параметры истории уже не подходили, и она утвердилась в своей светской («постхристианской») модификации как наиболее полная и авторитетная историческая картина мира и в таком качестве существует по сей день.

Данное направление исторических исследований неспособно беспристрастно подойти к письменным памятникам и наследию исторической мысли народов, не прошедших христианизации в ее западном варианте. Исключение из употребления представителями этого направления явных христианских парадигм не меняет сути дела: европоцентристское содержание подхода прослеживается в фундаментальных идеологемах, на которых строится жизнь западного общества. Коренные различия в исторических картинах мира продолжают существовать в «пострелигиозную» эпоху между всеми цивилизациями, в том числе между восточной и западной ветвями христианства. На XX век пришлось калейдоскопическая смена картин мира, основанных в восточной части на большевизме («русском коммунизме»), и постсоциализме (евразийстве и западничестве), а в западной — на социальных доктринах различного толка (социализме, нацизме, либерализме).

В настоящее время вслед за Западом и Россией актуализацией своих исторических картин мира занялись другие мировые цивилизации. Современное историческое сознание в центрах и мировых диаспорах конфуцианского, индуистского, исламского, буддийского мира (и сюда же следует добавить — кочевого мира) связано не только с религиозно окрашенным письменным наследием прошлых эпох, но и с освобожденными от религиозных догматов идеологемами. В основе этих идеологем, картин истории мира лежит в каждом отдельном случае прошлый опыт той или иной цивилизации, а не только анти-традиционалистское «цивилизующее» воздействие Запада — колониализма, христианизации, революций, диаспоризации, глобализации (в случае с Внутренней Азией в это перечисление попадает еще и «цивилизующее» воздействие оседлости — ассимиляция и седентаризация). Объективная историческая картина мира в XXI в. является мозаичной, многосоставной, и уже не может быть только «постхристианской». Вот почему в наши дни в научных кругах Запада и России растет интерес к философскому, в том числе, историко-философскому наследию Востока.

Для того, чтобы такой диалог состоялся, необходимо вести его в рамках общих критериев оценки общественно-экономического роста, технического и духовного прогресса, значимости исторических событий на Западе и Востоке, в кочевых и оседлых обществах.

С монгольской стороны в качестве примера такой актуализации общих критериев в диалоге может послужить публикация в настоящей книге сочинений, которые являются образцами историко-философской мысли, поскольку рассказывают об истории с древнейших времен всего «умопостигаемого» авторами мира — Монголии и Внутренней Азии. В работах вскользь рассматриваются и далекие страны — от Индии, Китая и Японии до России, Германии и Персии. Работа Эрдэнипэла является обобщающей всю традицию, поэтому занимает в сборнике центральное место.

Все три сочинения в фактологическом и научном отношении весьма солидны: написаны в русле богатой историографической традиции Внутренней Азии, восходящей к эпохе кочевых государств и империй хунну (то есть, начиная с III в. до н.э.), сяньби, муяо, тоба, жуаньжуаней, тюрок, уйгуров, киргизов, киданей, чжурчженей и монголов с их «Тайной историей» — выдающимся памятником XIII в. У каждого автора были свои специфические возможности доступа к обширному кругу источников, в который входят древние хроники, буддийские трактаты, биографии, другие письменные труды монгольских, тибетских, индийских, персидских, китайских, маньчжурских, а у Эрдэнипэла — еще и европейских авторов, и, наконец, сообщения современников, старинные устные предания, легенды, рассказы*. Таким образом, они вполне пригодны для иллюстрации не только событийной канвы исторического развития, но и теоретических конструкций и выводов.

Общественно-экономический аспект единых критериев в диалоге цивилизаций имеет в отношении к Монголии фундаментальное значение. Именно, прежде всего, по этому критерию, как паразитический нарост над земледельческим и городским базисом, древняя и средневековая Монголия вычеркнута из классических списков цивилизаций, отодвинута на задворки истории. Основные темы, нуждающиеся здесь в прояснении, сконцентрированы в вопросе о правомерности рассмотрения истории Монголии вне цивилизации, то есть вне надэтнической общности и городской культуры. Примечательно, что с первых же фраз своего труда «Конечная причина религий в Монголии», лама Эрдэнипэл с совершенно неожиданной стороны дает ключ к иному пониманию проблемы уровня общественно-экономического развития кочевников Внутренней Азии. Пожалуй, впервые в мировой историографии при изучении начальной истории монголов им была предпринята попытка рассмотреть эту тему в цивилизационном (и, в определенном смысле — мир-системном) ключе, отодвинув на задний план процессы этногенеза.

Следует учитывать, что Эрдэнипэл пришел к цивилизационному подходу, по-видимому, независимо или, во всяком случае, вдали от дискуссионного поля в российской и западной историографии, не имея возможности сколько-нибудь подробно ознакомиться с работами своих классических предшественников и современников (Тойнби, 1991; Шпенглер, 1993; Данилевский, 2003). Поэтому он пришел к совершенно противоположным выводам, и используемый им научный аппарат весьма специфичен и оригинален. Выделение единой надэтнической общности, частью которой является Монголия, достигается им в духе традиционной историографии посредством вневременного размещения самих монголов, как постоянных участников событий, в тех частях пространства Внутренней Азии, где осуществлялись судьбоносные межцивилизационные контакты (и где монголы в отдельные периоды, действительно, присутствовали и играли, порой, решающую роль).

Внешне, он приводит будто бы намеренно искаженные факты о территории расселения «с древнейших времен» монголов, живших «на обширной территории в центре Азиатского континента, к югу от Байкала, к северу от Индии, Тибета и

* Подробнее о фактическом материале, использованном авторами, см. в комментариях к их работам.

Китая. На западе их земли начинались от северных границ Индии и на востоке доходили до хребта Хинган». Это в корне противоречит не только современным научным данным о ранней этнической истории монголов, согласно которым ареал их первоначального расселения занимает лишь небольшую часть этого региона, но и несомненно известным автору легендам об Эргунэ-Куне — прародине монголов*. Но Эрдэнипэл не противоречит своим предшественникам — монгольским историкам, задолго до него обрисовавшим такие же границы «видимого мира», взглянувшим за пределы этих границ, не только в сторону Китая, Тибета и Индии, но и Японии, Кореи, России (где правит «девушка-царь из рода Чингисова» — Екатерина II), Турции, Германии, Швеции и других стран («Хрустальное зеркало». Это произведение Эрдэнипэла цитирует особенно часто). Принципиальное отличие конструкции Эрдэнипэла от «видимого мира» в трудах предшественников (перечень этих работ с учетом их удельного веса в пространственно-временном континууме весьма солиден даже по масштабам всей мировой исторической литературы) касается особой протяженности во времени (два с лишним тысячелетия) и устойчивости его схемы единого пространства.

У авторов средневековых монгольских памятников исторической литературы собственно монголы в «видимом мире» проживают довольно компактно, хотя могут появляться в неожиданных местах внутри него и за его пределами — даже в Мекке («Хрустальное зеркало»). Этническая картина очень подробна: расписаны иногда до деталей места обитания в конкретном временном срезе того или иного периода многочисленные обоки (вотчины династий), улусы (государства и княжества), аймаки, хошуны (административные единицы), в том числе населенные различными в этническом отношении группами. «Золотое сказание» и «Хрустальное зеркало», как и многие другие монгольские сочинения, наиболее подробно описывают политическую карту ойкумены начиная с периода распада Хамаг Монгол улуса в XII в. В начальном временном срезе присутствуют чжурчжени, создавшие в Маньчжурии, Монголии и Северном Китае после откочевавших на запад киданей империю Цзинь, и тангуты, проживавшие в богатом государстве Си Ся между Монголией и Тибетом, а также улусы и обоки татар, кераитов, найманов, тайчжиутов, меркитов, других групп: урянхатов, борджигинов, бесутов, бааринов, олхонутов, икересов, дербетов, хори-туматов и др. В позднем срезе, после распада Монгольской империи, по унаследованной от нее привычке некоторое время в единое пространство с монголами включаются китайцы и тибетцы, которые раньше в этом «поле исследования» отсутствовали. Однако акцент в перечислении делается на «северной стороне от Китая и Амдоской страны» (то есть Тибета), где в тумэнах (тьмах), отоках (от согд.: «страна», «территория»), аймаках, сеймах, хошунах, других объединениях проживают чахары, внутренние монголы, ордосцы, халхасцы, ойраты (дурбеты, хойты, хошуты, чоросы, а также кукунорские и алашаньские олёты), джунгары («Хрустальное зеркало») и даже китайцы, тангуты и сартагулы (то есть тибетцы и тюрки).

* Во 2-м томе недавно вышедшей в Улан-Баторе пятитомной «Истории Монголии» признается уже вполне решенным вопрос о прародине монголов: она находится в междуречье Онона и Аргуни (Эргунэ), откуда они в X–XI вв. переместились к истокам трех рек — Онона, Керулена и Толы — в горах Хэнтэя (Монгол улсын туух. Дэд боть, 2003: 50)

У Эрдэнипэла все временные срезы мозаичной картины этнополитической истории Внутренней Азии со времен хунну до Маньчжурской империи Цин совмещены в двух с половиной тысячелетний сгусток и в таком концентрированном виде укладываются в формулировку, продолжающую приведенную выше фразу о расселении монголов: «Жили они вперемежку с уйгурами, тюрками и чжурчженями». Вывод настолько же верен, насколько неожидан и не вписывается в устойчивые стереотипы картин истории. Перенос его на более точную и подробную этнополитическую карту того или иного периода, можно обнаружить, что «вперемежку» на всем пространстве Внутренней Азии сосуществовали не только различные этнические группы, но и разные уклады хозяйства внутри этих групп (подобно тому, как современная Монголия — страна кочевников-скотоводов и горожан — являет собой пример своеобразного сочетания пасторальных экологических традиций и новейших промышленных технологий. Один и тот же народ является здесь одновременно кочевым и оседлым).

Отсюда можно заключить, что оседлая часть населения Внутренней Азии всегда была в привилегированном положении, часто (в наиболее засушливых регионах) существовала в качестве надстройки над кочевой частью, а не наоборот, как это представляют некоторые современные историки. Причем, чем выше была доля кочевого населения и ниже — земледельческого, тем более сложные, сугубо городские и государственные функции были у оседлой части, органично существующей в составе кочевого общества. У кочевников Монголии, начиная с хунну вплоть до настоящего времени, достигнут максимальный предел: оседлое население полностью инкорпорировалось в состав города, а его высшая часть слилась с государственной структурой.

Правда, город в условиях Монголии чаще всего не имел постоянного места в пространстве, был своеобразной «кочующей» ставкой хана, наместника или духовного иерарха. Вплоть до середины XIX в. такой снимавшейся иногда с места была даже столица Внешней Монголии — Урга (ныне Улан-Батор). В периоды экспансии кочевых империй с III в. до н.э. в Хангайско-Хэнтэйском районе строилась и стационарная столица, которая каждый раз поднималась из руин. Последний раз этот пульсирующий Рим кочевников как столицу Монгольской империи — Каракорум — восстановил сын и наследник Чингис-хана хан Угэдэй. В конце XVI в. на месте одного из уцелевших кварталов заброшенного за ненужностью стационарного Каракорума возник первый буддийский монастырь в Северной Монголии — Эрдэни-дзу. В первые десятилетия XX в. прекратили свое существование свыше 700 монастырей Внешней Монголии, и вместе с ними Эрдэни-дзу. За пределами Монголии ставки ханов и полководцев постепенно становились полностью стационарными (если это происходило вне Внутренней Азии, то они растворялись в городах других цивилизаций), но письменные источники разных народов зафиксировали моменты переездов, когда в разных концах Евразии двигались орды — монгольские города с юртовыми дворцами на огромных, запряженных в десятки быков, телегах с администрацией и чиновничьим аппаратом, монастырями, школами, бурлящей торговой и ремесленной жизнью.

Большинство историков-“цивилизационщиков” не готовы еще увидеть новые горизонты исследовательской работы, которые открывает данный вывод, поскольку он полностью переворачивает привычные представления об уровне общественно-экономического развития монголов в древности и средневековье. Но сторонники идеи о первобытном характере общественно-экономического строя и экзополитарном (или ксенократическом) характере политической системы кочевников Монголии после знакомства с выводами Эрдэнипэла уже не могут игнорировать сведения, приводимые монгольскими историками. Обобщив труды предшественников, и указав на сосуществование в течение тысячелетий «вперемежку» кочевников с земледельцами и горожанами, Эрдэнипэл тем самым определил общую для оседлых и кочевых обществ систему координат и критериев, в рамках которых только и может быть правильно понят уровень общественно-экономического развития кочевников Монголии. Таким образом, взгляд «кабинетных» (монастырских) ученых из кочевой среды на роль кочевников Внутренней Азии в мировой истории оказался более гибким и универсальным, чем у их коллег из стран оседлого мира.

Время, видимо, все расставит на свои места: когда-то европейские ученые проявляли недоверие к похожим конструкциям оседло-кочевой Скифии у Геродота (с подробным членением скифского населения на горожан и кочевников, земледельцев, лесных конных охотников — йирков и тиссагетов, лесных «кочевников», занимавшихся подсечным земледелием), но здравый смысл в итоге восторжествовал. Б.А. Рыбаков приводит красноречивую историю о том, как российский профессор, крупный знаток и переводчик Геродота Ф.Г. Мищенко в конце XIX в. отстаивал авторитет патриарха истории в споре с английским ориенталистом А. Сейсом (Рыбаков 1979: 8). Характерно, что историко-философский вакуум вокруг средневековой Монголии в последние годы начинают прорывать археологи, для которых этот период связан со специфическим объектом исследований — городской жизнью монгольской степи*. В историографии работ монгольских историков и археологов четко обнаруживается преемственность в Монголии основных черт и традиций единой надэтнической общности и городской культуры.

Технико-технологическая сторона общих критериев междивизиационного диалога оседлого мира и оседло-кочевой Внутренней Азии (по большому счету, это проблема динамики и результатов прогресса) в настоящее время также недостаточно прояснена. С этой стороны, в трудах монгольских историков-ламов наиболее подробно и точно обрисованы динамизм и прогрессивная устремленность деятельности городского оседло-кочевого и сельского кочевого населения. О земледельцах сведения также есть, но их немного, что связано, видимо, с их крайне незначительной в Монголии долей в составе городского населения и довольно изолированным размещением их отдельных поселений на весьма ограниченных участках в плодородных поймах рек и в оазисах. Вместе с тем, материал, который представляют монгольские историки-ламы, вполне достаточен, чтобы выстроить следующую цепочку умозаключений.

* Прежде всего, следует отметить написанную известным монгольским археологом Д. Баяром совсем не археологическую главу о тюркских государствах в пятитомной «Истории Монголии» (Монгол улсын туух. Тэргуун боть 2003: 313–359) и интересную статью-эссе, которую написал в память о В.В. Волкове Е.Н. Черных (2001: 114–128).

Засушливая степная зона Монголии с доисторических времен окружена, как это видно из описаний окраин «видимого мира», экологическими зонами различного переходного типа — на границах с началом пустынь, тайги, высокогорья, плодородных равнин. Соответственно, население этих зон использовало разный опыт хозяйственной деятельности соседей. Однако костяком, центром всего мира Внутренней Азии была Монголия, в Хангайско-Хэнтэйском районе которой с определенной цикличностью возникали центры мощных кочевых империй, объединявших с собою в единое целое пограничные обочи и улусы. Разнообразный опыт синтезировался, становился общим достоянием с тем, чтобы вернуться на границы и за их пределы обогащенным. Уже только это говорит о чрезвычайно высокой динамике и прогрессивности процессов, которые происходили в Монголии и вокруг нее.

Но это только одна сторона дела. Монголия являлась горнилом прогрессивных процессов, решающих сдвигов в сфере «тонких технологий», приспособленных к собственной весьма хрупкой экологической зоне. Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие она настойчиво продолжала оставаться монокультурным анклавом кочевого скотоводства, не допуская нарушения равновесия между человеческой деятельностью и природой. Иными словами, она держала оборону вокруг своих границ, защищая свой рукотворный памятник — пасторальный ландшафт — от малейшего воздействия, чреватого разрушительными последствиями. И это — несмотря на то, что она являлась родиной кочевых государств и империй народов, которые до этого проживали на периферии, еще раньше попав туда, имея за плечами самые разные навыки хозяйственной культуры — земледельцев плодородных равнин, охотников и рыболовов тайги, полуоседлых жителей горных селений. В монгольском центре все перенимали кочевые традиции старожил, которые, преломляясь через собственный опыт новых пришельцев, обогащались новыми веяниями в мобильной архитектуре, технике ухода за скотом, переработке животноводческой продукции и, говоря современным языком, в сфере социальной практики, информационных и политических технологий.

Для сторонних наблюдателей эти изменения часто незаметны, поскольку они с трудом могут быть сопоставлены с синхронно протекавшими процессами (начиная с доместикации животных) в оседло-земледельческих странах — со строительством крупных ирригационных сооружений, а затем монументальных зданий, развитием ремесел, мануфактурного и промышленного производства, классов и слоев капиталистического общества, прессы и других средств информации и массовой коммуникации, парламентаризма и т.д.

Однако изобретение и совершенствование кочевниками разборных или легких для перевозки жилищ, седла, стремян и всей конской упряжи, военного снаряжения, способов сублимации для уменьшения веса и длительного хранения мяса (борц) и молочных продуктов (ааруул) привело к возможности превратить ставку кочевого хана в неприступный для самой мощной армии современного ему мира город, без строительства защитных стен и крепостей. Как бы ни развивалась техника в земледельческих странах, степные анклавы Монголии каждый раз оказывались недоступными для завоевания пришельцами из оседлого мира. Будущий заво-

еватель Монголии должен сначала долгое время прожить на периферии ее мира, повариться в едином котле с ней и созреть для того, чтобы превратиться в кочевника. Но для этого такой народ — кандидат в кочевники должен резко сместить акценты в своих прошлых представлениях о собственности, богатстве, власти, влиянии (политическом и информационном). Именно в процессе такой эволюции просматриваются наглядно общие критерии оценки оседлых и кочевых обществ.

Для того чтобы проиллюстрировать эту мысль, нужно вернуться к анализу роли монгольского города. Городом в Монголии являлась ставка иерарха — хана, нойона, полководца, наместника или высшего ламы. В моменты взлета город мог разрастаться до огромных размеров в завоеванных земледельческих странах и одновременно быть довольно компактным (с точки зрения оседлых цивилизаций) в самой Монголии, а во время затишья в степи он сужался до микроскопических размеров. Исследователи, «выплескивая вместе с водой ребенка», часто просто исключают из лексикона термин «город», и вместе с этим они уже не видят оснований говорить о цивилизации применительно к Монголии, искать общие критерии для ее сравнения с оседлыми обществами. И действительно, сложно обнаружить хоть малейшее сходство с привычным образом города у ставки правителя, где дойкой коров занимается его супруга — случай, о котором свидетельствует монгольский исторический труд XVII в. «Шара туджи». Но данное свидетельство говорит лишь об одном: никакого возврата в первобытный строй нет, просто в Монголии расслоение общества не ведет к отрыву правящей верхушки от природы, как в странах оседлого мира. В наиболее засушливых зонах совместное кочевание правителя с многочисленной челядью просто невозможно, ограничивается также численность стада, поскольку в противном случае увеличивается количество перекочевок за единицу времени. Невозможно накопление имущества, скарба, а при изоляции (иногда весьма длительной) от пунктов обмена и торговли резко снижается значение денег, золота, драгоценностей. Вместе с тем, и Гобийская пустыня и Хангайские луга встроены в одно пространство с другими зонами, и авторитет правителя поддерживается политическими (классовой солидарностью) и информационными (созданием соответствующего имиджа) рычагами.

И, наконец, об общих критериях в анализе кочевых и оседлых обществ в духовной сфере. За обстоятельным изложением событий минувших эпох бросается в глаза одна ключевая особенность всех трех сочинений: в них светская жизнь предстает одновременно религиозной, а религиозная — светской. В этом — важнейшая отличительная черта повседневной жизни государств Внутренней Азии и империй с традиционным центром в Монголии: человеческий прогресс здесь с доисторических эпох до настоящего времени связан с никогда не прерывавшимся существованием мифологем кочевого общества, в основе которых органическое единство обыденного и культового, плотского и духовного, природного и рукотворного.

Историки (как на Западе, так и на Востоке) часто выдают эту сохраняющуюся в течение тысячелетий значимость одних и тех же мифологем за признак примитивного общества, находящегося в плену доисторических мифов и предрассудков. Отсюда они, забывая о религиозных парадигмах у себя дома, выводят принадлежность данного общества к родовому строю и на почти всем протяжении двух после-

дних тысячелетий отрицают у него наличие своей собственной истории, государства, права, развитой религии и морали. Представленные в настоящей книге сочинения, наряду с множеством других письменных памятников Монголии, Тибета, Северного Китая, Восточного Туркестана и Маньчжурии, опровергают этот стереотип: они повествуют о событиях, за которыми проглядывает крупная человеческая общность с классовым разделением и сложной политической структурой государств и империй, развитой религиозной жизнью, богатым интеллектуальным опытом, древнейшей письменной культурой, разнообразными системами философских знаний и наук о природе и обществе, выдающимися достижениями в области медицины, военного дела, мобильной архитектуры, изящной словесности, изобразительного и других видов искусства. Оригинальные исторические сочинения монгольских лам открывают перед читателем удивительный, завораживающий мир Внутренней Азии, в котором разворачивается подлинная история, по широте охвата стран и народов, накалу страстей и драматизму событий ничем не уступающая истории хрестоматийных центров мировой культуры.

Вместе с тем, указанная выше отличительная черта — живучесть одних и тех же мифологем кочевого общества на различных этапах исторического развития региона — накладывает оригинальный отпечаток на всю историю Внутренней Азии, в том числе, на историю исповедуемых здесь религий. Неслучайно сочинение ламы Эрдэнипэла, жившего в XX в., когда в Монголию пришли современные знания об истории мировых религий, посвящено уяснению «конечной причины религий, исповедуемых монгольскими племенами».

«Конечной причиной» этих религий в Монголии и окружающем ее огромном пространстве Внутренней Азии является сама монгольская земля. В Монголии — географическом, геополитическом и цивилизационном центре Внутренней Азии — нет обширных оазисов, пригодных для не рискованного земледелия, поэтому строительство храмов здесь никогда не вызывало образования вокруг них крупных поселений земледельцев, как это было на Ближнем и Среднем Востоке, не приводило к переходу кочевников к оседлому земледелию или снижению их роли в обществе, не вело к изменению вектора культурного развития. Даже в современной Монголии, где отмечен стремительный рост городов, их границы обрываются не пашнями, садами и огородами, а бескрайними просторами пастбищ. По-прежнему степные просторы Монголии обрабатываются не крестьянами-земледельцами, живущими в оседлых поселениях, а резко отличающимися от них укладом жизни и символами культуры кочующими аратами-скотоводами. Кочевое скотоводство всегда было в Монголии основной и, практически, единственной отраслью хозяйства, обеспечивающей главные сферы жизнедеятельности всего общества. Здесь религии, первоначально возникшие у земледельческих оседлых народов, никогда не могли полностью вытеснить местные культы и верования, смешивались с ними, приобретали собственный смысл и трансформировались в новые формы.

Это касается всех религий и идеологий, которые прививались на монгольской земле в течение тысячелетий — первых попавших в Евразию из Индии через Кушанское царство буддийских школ, зороастризма, манихейства, христианства несторианского толка, ислама, различных направлений тибетского буддизма. Эрдэ-

нипэл пишет, что монголы «исповедовали — сначала шаманизм, затем религию огнепоклонников и буддизм. Кроме того, было некоторое количество монголов-христиан и магометан». Симбиозы этих религиозных течений с местными культами приводили к появлению новых скрепляющих символов, что нашло выражение в загадочной по своей веротерпимости религии кочевых империй — тенгрианстве.

Тенгрианство — синкретическая религия, своеобразная матрица, в которой возможны различные сочетания элементов тех или иных религий с основными культурами кочевого общества (прежде всего, с культом Мунх тенгри — Вечного неба), при господстве последних. Одной из важнейших функций тенгрианства, как духовной подпорки кочевых империй, являлось объединение под одной крышей в диспутах наиболее авторитетных представителей всех конфессий мировых религий империи. Жрецу (наставнику хана) отводилась роль организатора конкурса, на котором доктрины религий подвергались оценке соответствия идеалам империи — хотя все религии пользовались покровительством государства. Уникальность конкурентной борьбы на монгольском полигоне представителей мировых религий проявилась в постоянном реформаторстве, не прекращавшемся никогда межрелигиозном диалоге, и даже в появлении сект с заимствованными одновременно из разных религий божествами и ритуалами.

В публикуемых сочинениях монгольских лам приводятся эпизоды, показывающие глубинную потребность многоконфессиональных кочевых империй в едином духовном авторитете, в наставнике хана, независимо от того, какой религии претендент на этот пост изначально придерживался. Для тенгрианской матрицы с приоритетом ценностей кочевого общества доктрины тех или иных религий оседлых земледельцев казались весьма далекими от жизни и не имели значения. Главное, чтобы наставник органически вписывался в ханское окружение и лично соответствовал политическим и духовным потребностям хана. Само собой подразумевалось, что наставником хана может стать лишь победитель в диспутах с крупнейшими представителями других религиозных конфессий и сект империи. При дворе императора такие диспуты — своеобразные многоконфессиональные соборы — устраивались регулярно.

В окружении Чингис-хана могущественными религиозными наставниками были жрец, известный как Тэб-Тэнгри Кокэчу, и даос Чан Чунь. Первый был у истоков создания Монгольской империи, сыграл заметную роль при возведении Тэмуджина — Чингис-хана на ханский престол и в укреплении нового государства. В литературе его принято считать служителем местных культов и верований — шаманом, хотя в его титуле (тенгри — небо), исполнявшихся им государственных обрядах и в объекте поклонения обнаруживаются различные религиозные корни — согдийско-манихейские, уйгуро-буддийские и др. В частности, божество, которому в VIII–IX в. поклонялись кочевники-буддисты Уйгурского ханства в Монголии, Хормуста-тенгри довольно четко соотносится с согдийским Хурмазтой или с Ахурмаздой — в зороастрийском пантеоне. В дальнейшем Тэб-Тэнгри был отторгнут ближайшими родственниками хана как опасный вершитель их судеб и умерщвлен. Второй наставник Чингис-хана — даосский монах Чан Чунь — также оставил заметный след в религиозной истории Монгольской империи, но был вынужден от-

казаться выполнить возложенную на него непосильную задачу — обеспечить хану бессмертие.

Тенгрианские матрицы были присущи не только кочевым империям, но и улусам и даже обокам (отдельным династийным вотчинам) на территории Монголии задолго до Чингис-хана, а также во время его возвышения у его соседей, которых он впоследствии присоединил к своей державе, и после его смерти. Наставники ханов улусов и глав династий стремились на месте адаптировать доктрины разных религий к условиям кочевого общества. Часто советниками выступали жены правителей, которые прибыли в ставку из земель христиан, буддистов, мусульман и т.д.

Джамбадорджи и Эрдэнипэл повествуют о том, как через десятилетия после смерти Чингис-хана светская власть в Монгольской империи, следуя этому архетипу, ставит своего хана на место ученика буддийского ламы одной из многочисленных тибетских школ. Учеником и милостынедателем выступил Хубилай-хан, а учителем и милостынеполучателем — Пагва-лама. Тем самым было положено начало соединению буддизма с монгольскими мифологемами и распространению возникшего синтетического учения в качестве одной из мировых религий. Вместе с тем, в самой Монголии буддизм получил распространение лишь три века спустя.

С признанием наличия внутренних ресурсов во Внутренней Азии, необходимых для обеспечения самодостаточного общественно-экономического, технического и духовного развития населения и его равноправных контактов с окружающим миром, неизбежна переоценка причин имевших место экспансий кочевых империй и миграций целых ханств и улусов из Монголии, начиная от гуннов и кончая калмыками. Труды историков-лам прекрасно иллюстрируют эту тему и дают достаточно материала для вполне логичного предположения, что причины экспансии из Монголии те же, что и причины экспансии других цивилизаций от Античности до наших дней — стремление обрести свободу (Моисей, колонизация Америки, заселение Сибири, с одной стороны, и гунны, авары, кара-китай и калмыки — с другой), восстановить справедливость (Крестовые походы, гражданские войны — походы Чингис-хана против татар, Хорезмшаха и тангутского Шидургу-хана), «естественный» ход событий в соответствии с понятными идеалами (походы Александра, Дария, Цезаря, Наполеона, мировые войны — походы монголов в Китай и Европу). Жажда грабежей и добычи здесь не могут быть главными отличительными признаками (это спутники любого завоевания и любой войны).

Трудно представить, чтобы кто-нибудь из современных историков-оседлоцентристов начал серьезно рассматривать предложение гипотетического монгольского историка перенести по одним и тем же общественно-экономическим критериям вывод о ксенократическом или паразитическом характере политической системы монголов на реалии истории Запада, России, Китая, Индии и исламского мира.

Возможно, такая аргументация все-таки поможет сдвинуть с мертвой точки диалог с монгольской исторической мыслью.

Золотое сказание*¹

[I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ И ЦАРЕЙ ИНДИИ И ТИБЕТА]

Коротко поведаю историю происхождения мудрых и знатных ханов из рода бодхисатв², ведущих свой род из Индии и Тибета. По повелению великого Будды, к людям и другим существам вселенной, которые были в смятении, [был послан] Махасаммата³, прославившийся под именем «Многими возведенного». Итак, первым царем в Индии был Махасаммата-хан. Его сын — Удзэсгулэн-Гэрэлту-хан. Его сын — Буянту-хан. Его сын — Тэдхун-Асарагчи-хан. Его сын Намайи-Хухэ управлял четырьмя материками и имел титул Алтан-Хурдугу-хана. Его сын Удзэсгулэн управлял тремя материками и носил титул Мунгун-Хурдугу-хана. Его сын Маши-Удзэсгулэн управлял двумя материками и носил титул Дзэс-Хурдугу-хана. Его сын Сайн-Удзэсгулэн правил на одном материке и имел титул Тэмур-Хурдугу-хана. Его сын — Тэгус-Удзэсгулэн-хан. Эти все пятеро прославились под именем ханов-чакравартинов⁴.

Сыном Тэгус-Удзэсгулэн-хана был Талбигчи-хан. Его сын — Талбин-Баригчи-хан. Его сын — Шигуни-хан. Его сын — Гуши-хан. Его сын — Ихэ-Гуши-хан. Его сын — Сайн-Удзэгчи-хан. От золотого рода Махасаммата-хана отделился Гэргэ-хан. Его сын — Сайн-Турулту-хан. От этого хана произошло много поколений ханов. Последний из них был Арслан-Угучиту-хан. Его сын — Аригун-Идэгэту-хан. Далее следовали: Цаган-Идэгэту-хан, Тансуг-Идэгэту-хан, Рашиян-Идэгэту-хан. Старший Аригун-Идэгэту-хан имел двух сыновей. Старший из них — учитель Будда. Второй — Удзэгсулэнту-Нанди. У второго сына Цаган-Идэгэту-хана было два сына: старший — Насуна-Тэуглдэр-Илаугчи и второй — Тэгус-Сайн. Третий сын Тансуг-Идэгэту-хан тоже имел двух сыновей: старший — Насуна-Тэгулдэр-Ихэ и второй — Улу-Турэдугчи. У четвертого сына Рашиян-Идэгэту-хана также было два сына: старший — Дэвадатта и второй — Ананда. У Шакьямуни был сын Рахула, который стал монахом, и поэтому род Аригун-Идэгэту-хана пресекался. Однако в ряде сочинений говорится, что род этот не прервался.

По прошествии более тысячи лет после погребения Будды в нирвану золотой род Махасамматы распространился на восток, на склоны снежных гор⁵. Вот как это было.

У Сарба-хана, сына Кусала-хана, царя [государства] Магадха в Индии, было пятеро сыновей. Младший из них родился с синими волосами, с плоскими руками и ступнями и с глазами, которые моргали снизу вверх. Так как он не был похож на своих предков, его положили в медный ящик и бросили в Ганг. На границе Непала и Тибета, в истоках реки его нашел старик тибетец. Когда он открыл ящик, то увидел в нем прелестного мальчика. Старик воспитал ребенка. Когда паренюк исполнилось шестнадцать лет, он пошел искать красивую горную местность. Придя к

* Перевод Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной

Древняя монгольская стела. Из архива Г.С. Гореховой

Придворные. Фрагмент росписи уйгурского времени (VIII в.). Из кн.: Цултэм Н. 1984. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изобразительное искусство

снежной горе Шамбу, он вырыл яму в четыре меры и решил, что останется здесь на жительство. Ему встретился тибетец «Откуда ты прибыл?», — спросил он. Ничего не говоря, парень указал пальцем вверх. Тибетец сказал: «Этот юноша послан Небом. А у моего тибетского народа нет хана». Тибетец посадил [мальчика] себе на шею и понес. Это и есть первый тибетский правитель Худзугун-Сандалиту-хан⁶. У него было семь великих потомков — ханов Сандалиту⁷. Его сын — Кия-Джарбу-Шибегун-Сандалиту-хан. Его сын — Айдулга-Арбай-Сандалиту-хан. Его сын — Гури-Хулук-Гал-Болор-Сандалиту-хан. Его сын — Хун-Субин-Морин-Сандалиту-хан. Его сын — Далай-Субин-Алтан-Сандалиту-хан. Он имел трех сыновей. Старший — Борочу, средний — Шибегучи и младший — Бортэ-Чино. Между ними произошла ссора, и Бортэ-Чино ушел на север, перешел море Тэнгис и достиг местности Джад⁸. Там он женился на незамужней девушке Гоа-Марал и остался на жительство в местности Джад. Так было положено начало племени монголов. Его сын — Бадай-Цаган. [Сын Бадая] — Тамачин. Его сын — Хоричил-мэргэн. Его сын — Угуджам-Богорол. Его сын — Сали-Халчагу. Его сын — Ихэ-Нидун. Его сын — Сэм-Сочи. Его сын — Борджигидай-мэргэн. Его сын Торголджин-баян был женат на Борогчин-Гоа.

Первым монгольским великим ханом был Чингис-хан. Его сын — Угэдэй-хан. Его сын — Хулук-хан⁹. Его сын — Мункэ-хан. Его сын — Хубилай-хан. Его сын — Улдэйту-хан. Его сын — Хулук-хан. Его сын — Буянту-хан. Его сын — Гэгэн-хан. Его сын — Йисун-Тэмур-хан. Затем следовал Дзаягату-хан. После него был Хутух-

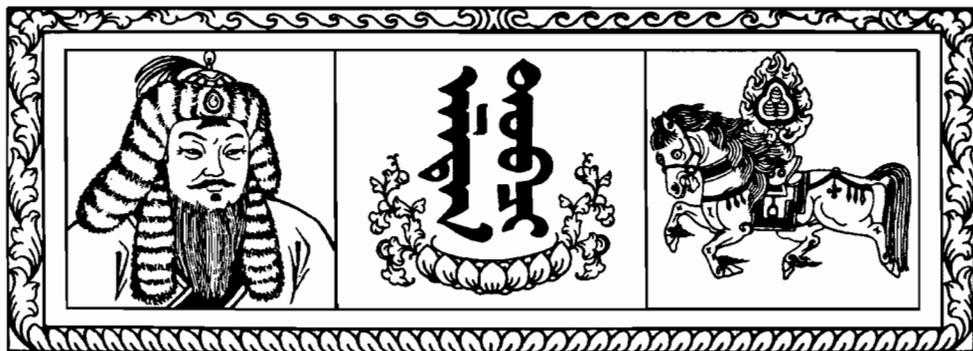

Чингис-хан.

“Чингисов камень” из собрания Эрмитажа. Из архива Г.С. Гороховой

ту-хан. Потом Ирджамал-хан. Затем — Ухагату-хан. Его сын — Билигту-хан. Его сын — Усхал-хан. Его сын — Дзорикту-хан. Его сын — Элбэг-хан. После него на престол вступил ойратский Батула-чинсан, который отнял правление у монголов. После него [правили] Тогоган-хан, Олой-Тэмур-хан, Дэлбэг-хан, Ойрадай-хан, Атай-хан. После этого правление в Монголии захватил ойратский Тогон-тайши. Затем правил Тайсун-хан. У него отнял престол ойратский Эсэн-тайши. Потом правили: Махагургис-хан, Молон-хан, Мандугули-хан, Баянмунхэ-Болху-джинон. У последнего был сын Батумунхэ-Сайн-Даян-хан. Затем на престол вступил его внук Боди-Алаг-хан. Его сын — Дарайсун-Гудэн-хан. После него на престоле сидел сын Барс-болод-джинона — Гэгэн-Алтан-хан¹⁰. [Затем правили]: Тумэн-Дзасакту-хан, Буян-Сэцэн-хан, Сэнгэ-Тэмур-Дэгурэн-хан. Его сын Сумир-мэргэн-тайджи. Его сын — Далай-лама, хубилган¹¹ Йонданджамцо. После него [правили] Буян-Сэцэн-хан, его брат Мангуг-мэргэн-тайджи. Потом его сын — Лигдэн-Хутухту-хан. Его сын Эрхэ-Хонгор-тайджи. После него [правил] его брат Абахай-чинван. Его сын Бурнай-чинван — сорок второе колено.

Шмуцтитул современного монгольского издания “Золотого сказания”. Из кн.: Монгол улсын туух. Гутгаар боть. 2003. Улаанбаатар

[II. РОДОСЛОВНАЯ ЧИНГИС-ХАНА]

Жили Дува-Сохор и Добу-Мэргэн. У Дува-Сохора был один глаз посредине лба, которым он видел на три кочевки вперед. Еще имел он двух коней — Дачир и Боро. Однажды Дува-Сохор взял своего брата Добу-Мэргэна и отправился на гору Бурхан-Халдун. Сидя там, Дува-Сохор увидел, как из темного леса вниз по берегу реки Тунгэлик движется группа людей. Он сказал своему брату Добу-Мэргэну: «В возке у тех кочующих людей сидит девушка, красота которой видна отсюда». Младший брат пошел, посмотрел — девушка действительно была очень красивая. Добу-Мэргэн спросил у той девушки, из какого она рода-племени. Она ответила: «Я дочь тумэдского Хоролдай-мэргэна и Баргуджин-Гоа. Родилась в Ариг-Усуне и зовут меня Алун-Гоа». Добу-Мэргэн взял ее к себе, и она стала его женой. У них родились два сына. Старшего назвали Буху-Хатагис, а второго Бухучи-Шалчи. Бухучи-Шалчи стал основателем рода шалчигудов, а Буху-Хатагис — рода хатагинов. После смерти Добу-Мэргэна его жена Алун-Гоа родила еще трех сыновей: Бэгтэра, Бэлгэтэя и Бодончара. Буху-Хатагис и Бухучи-Шалчи заподозрили [мать] и стали ее осуждать: «Поблизости нет ни одного мужчины. Чьи это дети?» Об этих разговорах узнала Алун-Гоа. Она сказала: «Вы, два моих сына, правильно делаете, что задаете мне этот вопрос!» [С этими словами] она дала им по ивовому прутику и велела переломить. Когда они это сделали, она дала по пять прутиков и тоже велела их сломать. Сделать это им не удалось. Тогда Алун-Гоа им сказала: «Если вы впятером будете вместе, ваша сила будет большой, как у этих пяти прутиков. Эти трое детей произошли вот как. Темной ночью ко мне приходил желтый юноша. В юрте становилось светло. Он гладил мой живот и рано утром убежал, обернувшись желтой собакой с пятном на лбу. Облизываясь, он уходил через правую половинку двери. Вот я и думаю: эти дети родились волею неба».

Спустя какое-то время пятеро братьев решили поделить наследство. Бодончару достался рыжий конь со ссадиной на спине. Бодончар сказал: «Уж если дали, так

я и возьму. Пусть судьба моя про это ведает!» С этими словами он поехал вверх по реке Онон. Увидел, что волк загнал красавицу лань, которая спряталась в горную расщелину. Он подкрался и убил ее. Это мясо служило ему пищей. Он построил себе жилище из ивовых ветвей под названием Умбулэ в верховьях реки Онон и стал в нем жить. Как-то раз он увидел, как сокол поймал серую утку. Сделав силок из хвоста своей лошади, он его поймал. Выбросив утку, он забрал [сокола] с собой. Однажды идя вниз по течению реки, он повстречал какой-то народец и стал ходить к нему пить кумыс.

Как-то его старший брат Бэгтэр сказал: «Один из моих младших братьев ушел вверх по Онону. Пойду-ка я поищу его. Жив он или умер?». Повстречался ему тот народец, и Бэгтэр спросил: «Не видели ли вы здесь паренька с двухгодовалым рыжим конем?» Человек из того народа ответил: «Здесь есть один юноша с рыжим конем и серым соколом. Он приходит каждый день пить кумыс. Не надо его искать, он сам придет». Только он это сказал, как в полдень при безоблачном небе зашеле-стело, и пошел дождь. «Видно, этот юноша уже идет. Ты пойди, посмотри», — заключил говоривший. В это время Бодончар уже подошел. Во время его охоты с соколом вниз по Онону летели перья, словно шел снег.

Братья встретились и вместе отправились домой. По пути к дому Бодончар сказал своему старшему брату Бэгтэру: «Говорят, у человека должны быть старшие, а у шубы — воротник. Давай захватим этот народец!» На это старший брат ответил так: «Придем домой и все обсудим с другими братьями». Придя домой и поговорив с братьями, они условились напасть на тот народец и захватить его. Когда это было сделано, то Бодончару досталась девица в середине беременности.

У Бодончара был сын Хабичи-Хулук. Его сын — Бэкир-багатур. Его сын — Маха-Тудун. Его сын — Хачи-Хулук. Его сын — Байшинкур-догшин. Его сын — Тумбиной-сэцэн. Его сын — Хабул-хан. Его сын — Бартам-багатур. Его сын — Йисугэй-багатур.

Однажды Йисугэй-багатур вместе с двумя младшими братьями Даритаем и Отчигином отправились на охоту. Они стали эхотиться на зайцев. Вдруг они увидели пятно, оставленное женской мочой. От него шел след от колес телеги. Они отправились по этому следу. Тогда Йисугэй сказал своему брату: «У этой женщины должен родиться хороший сын». Продолжая двигаться по следу, они настигли тайджиутского Чилэду, который возвращался домой вместе с молодой женой Оэлун-эхэ, взятой им у олхонутов. Когда братья настигли их, Йисугэй сказал: «Давайте ее отнимем!»

Оэлун-эхэ сказала мужу: «Неужели ты не понял, что эти трое молодых задумали против тебя плохое? Ты лучше возвращайся». Сняв с себя верхнюю рубашку, она отдала ее ему. В это время трое братьев на них напали. Они погнались Чилэду, и он скрылся за три речки и три перевала. Они не смогли догнать его. Захватив Оэлун-эхэ, Йисугэй взял ее себе. По дороге домой ханша Оэлун плакала. Даритай и Отчигин сказали так: «Твой суженый уже перешел три реки, миновал три перевала. Даже будешь искать его, не придет. Даже будешь рыдать, не услышит». Услышав такие слова, Оэлун-эхэ перестала плакать. Так Оэлун-эхэ была доставлена в дом к Йисугэю. У нее родился первенец, сын Тэмуджин. Следующие за ним родились трое: Хасар, Хачигу и Отчигин. Всего [у нее] родились четыре сына.

Однажды Йисугэй, взяв своего сына Тэмуджина, поехал к олхонутам подыскать у них для себя невестку. Когда он ехал, по дороге встретился с Дай-сэцэном, который у него спросил: «Куда это держите путь, сват с сынком, происходящие из рода борджигин, кости кият?» На этот вопрос Йисугэй с почтением ответил: «Моего первенца, сына Тэмуджина, хочу оставить у олхонутов»¹². Дай-сэцэн ответил: «Этой ночью я видел во сне белого кречета, севшего мне на руку. Это во сне мне явился дух вашей кости кият рода борджигин. Прошу тебя, зайди в мой дом. У меня есть дочь девяти лет по имени Бортэ. Я отдам ее за твоего сына. Издавна у нас есть такой обычай: сажать своих красавиц-дочерей в телегу, запрягать черного верблюда и делать их ханшами, владелицами окружающих. Впрягать верблюда с отметиной на лбу, сажать на высокий престол, и делать правительницами народов». Йисугэй-багатур оставил у Дай-сэцэна своего любимого сына, пару коней и сказал: «Позаботься о моем сыне. Он боится собак». И поехал домой. На обратной дороге ему встретились татары. Они пировали. Йисугэй подумал: «Опасный народ. Надо бы избежать встречи». Но он не смог уехать. Ему подали угощение, подмешав в него яд. Йисугэй приехал домой больным. Немедленно позвал к себе Мунлика и сказал: «По пути к дому я встретил опасных людей. Они подмешали мне в пищу яд. Я оставил любимого сына Тэмуджина у хонгиратского Дай-сэцэна. Поезжай туда и скорее приведи его».

Мунлик немедленно поехал. Взяв Тэмуджина, он поспешил домой, но Йисугэй уже скончался.

[III. Юность Тэмуджина]

Родившаяся мудрой матушка Уджин¹³ рожденного мудрым своего сына кормила луком-мангиром и сделала из него властелина народов. Кормила его рыбкой-малаявкой и возвела его на предназначенный ему судьбой ханский престол.

Прошло какое-то время. Тэмуджин и Хасар сказали матери: «Бэгтэр¹⁴ отнял у нас прикормленную и пойманную рыбу. Еще он отнял у Хасара подстреленного им жаворонка. Мы убьем за это Бэгтэра и Бэлгэтэя!» Оэлун-эхэ им ответила: «Ах, дети мои, сейчас вы сказали мне точно такие же слова, как уже ранее говорили пятеро сыновей тайджиутской Урбэй-Гоа. У вас же нет хлыста, кроме хвоста, нет друзей, кроме теней!» Но Тэмуджин и Хасар откинули дверь [юрты] и вышли вон. Когда они вышли из юрты, то [увидели], что Бэгтэр сидит и сторожит восемь их соловых коней. Тэмуджин зашел спереди, а Хасар сзади, чтобы задушить и убить [Бэгтэра]. Когда они приблизились, Бэгтэр сказал: «Задумали меня прикончить, кончайте, но не убивайте брата моего Бэлгэтэя. Вам еще пригодится его сила». Они тут же убили Бэгтэра.

Тэмуджин и Хасар вернулись к матери. Оэлун-эхэ сказала: «Дети мои, вы подобны птице соколу, который бросается на скальный отрог; вы подобны черной собаке, которая кусает своего детеныша; вы подобны серому волку, охотящемуся в ненастный день; вы подобны верблюдице, которая сосет костный мозг своего верблюжонка; вы подобны тигру, который нападает в темноте; вы подобны барсу, которого невозможно остановить. Дети мои, зачем вы так поступили?»

Внезапно напали тайджиуты. Они сказали: «Вы, матушка и пятеро ваших детей, нам не нужны. Пошлите к нам лишь Тэмуджина». Как только Тэмуджин услышал эти слова, он быстро скрылся в темном лесу на Ононе. Тайджиуты узнали об этом и стали стеречь его на выходе. [Тэмуджин] провел в лесу трое суток и решил уже выходить, но вдруг упало седло с его лошади, хотя подпруга была натянута, и ремни закреплены. Он подумал: «Это божества подают мне знак». И вернулся обратно [в лес], где провел еще трое суток. Когда стал выходить, то увидел, что дорогу загородил огромный белый валун. «Это мой отец небесный опять подает мне знак», — подумал он и возвратился назад [в лес], где провел еще трое суток. Таким образом, без пищи и питья он провел девять суток. «Если мне суждено умереть, то пусть об этом знает отец мой небесный», — так он подумал [и стал выходить]. Тайджиуты, которые по-прежнему стерегли [выход], тут его и схватили. Тэмуджину надели колодку и посадили его под охрану. Сыновья Торган-Ширы Чилагун и Чимбай увидели, как это происходило, и пожалели [пленника].

Тайджиуты летним днем 15-го числа устроили пиршество. Они поручили Тэмуджина стеречь одному слабосильному человеку. Тэмуджин ударил того человека цепью и отбросил его. Человек встал и стал звать на помощь. Его крик услышали тайджиуты и спешно прибежали. В это время Тэмуджин успел убежать и спрятаться в реке. Его увидел Торган-Ширы и сказал: «Молчи и лежи». [Обращаясь к тайджиутам,] он сказал: «Я поищу его. Говорят же — молодые заботьтесь о чубах, мужи — поглаживайте бороду»¹⁵. И он увел тайджиутов. Когда совсем стемнело, [Тэмуджин] пришел в дом к Торган-Ширы. Торган-Ширы сказал: «Ай, Тэмуджин, беги к своей матери. Зачем ты сюда пришел?» Тогда Чимбай и Чилагун сказали: «Что пользы стрелять в жаворонка, прилетевшего к нам? Что пользы оставлять без помощи человека, напрямую пришедшего к нам?» Они сбили топором колодку, вывели Тэмуджина и спрятали его в телеге с шерстью вместе с дочерью Торган-Ширы Хатаганой.

Рано утром тайджиуты проснулись и подумали: «Куда мог уйти тот юноша с колодкой?» Они стали искать по юртам. Пришли в дом к Торган-Ширы. Стали искать и в телеге с шерстью. Тогда брат Торган-Ширы Хушигун сказал: «Можно ли в такую летнюю жару человека прятать в телеге с шерстью?» Тайджиуты прекратили поиск и ушли. После этого Торган-Ширы сказал: «Ай, Тэмуджин, ты чуть не лишил меня жизни». Потом он подарил Тэмуджину свою белую кобылу и одну стрелу. На дорогу зарезал ягненка, сварил его мясо и сказал: «Ступай быстрее к своей матушке». Тэмуджин поспешил. Он добрался до дома и встретился со своей матерью. И зажили они спокойно.

Но в это время следовавшие за [Тэмуджином] по пятам тайджиуты захватили и угнали его восемь соловых коней. Тэмуджин оседлал [коня] Дархи-Хонгора, на котором Бэлгэтэй недавно [вернулся] с охоты на тарбаганов, и погнался за ними по следу, оставленному на траве. Тэмуджин встретил Хулук-Богорчи, сына Лаху-Баяна, который шел с ведрами доить кобыл. Богорчи спросил: «Куда так торопишься?» Тэмуджин ответил: «У меня угнали восемь коней, и я преследую [угонщиков]». Тотчас же Хулук-Богорчи оседлал для Тэмуджина своего пестрого коня, а для себя поймал в табуне другого рыжего коня и вместе с владыкой Тэмуджином погнался

за тайджиутами. Прибыв на место, они увидели восемь пасшихся рыжих коней, окруженных множеством других коней. Тэмуджин обратился к Богорчи с такими словами: «Ты держи коней, а я проникну [к тайджиутам]». Богорчи ответил: «Если в дни радости мы были вместе, то могу ли я бросить тебя в дни невзгод?» Эти слова Тэмуджин одобрил. Вместе они напали и угнали восемь коней. В это время Лаху-Баян ждал их на дороге. Увидев их обоих, он сказал, плача и смеясь: «Сынок, поступай так всегда». Потом заколол ягненка и его мясо отдал [Тэмуджину]. Так Тэмуджин доставил [домой] своих рыжих коней и встретился со своей матушкой Оэлун-эхэ. Он увидел, что Оэлун-эхэ, Хасар и другие его братья очень ждали его, и обрадовался.

[IV. ВСТУПЛЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНА НА ПРЕСТОЛ]

После этого Тэмуджин и Бэлгэтэй отправились к Дай-сэцэну проведать его дочь Бортэ, которую Тэмуджин впервые увидел, когда ей было девять лет, и с тех пор с ней не встречался. «Поеду-ка сейчас», — решил [Тэмуджин], и они отправились вверх по течению Керулена. Дай-сэцэн и все хонгираты жили между местностями Чигэчир и Цохорху. Увидев Тэмуджина, Дай-сэцэн обрадовался и сказал: «Узнав, что вы, младшие и старшие братья с тайджиутами, поссорились, я [испугался], что меня найдут и побьют. Теперь наступил день, и взошло солнце». Сказав так, он соединил его со своей дочерью Бортэгэлджин. Он оседлал для них лошадь, и сам поехал проводить. Добравшись до кочевья Дзол-Ногон на Керулене, он повернул назад, так как почувствовал жар, и ему стало плохо. Мать Бортэгэлджин, которую звали Дзутай, проводила свою дочь до речки Сэнгур и вернулась.

После того, как Дзутай возвратилась, Тэмуджин послал Бэлгэтэя за Богорчи, чтобы установить с ним дружеские отношения. Когда Бэлгэтэй приехал к Богорчи, то Богорчи даже отцу и матери ничего не сказал, а быстро оседлал свою буланую лошадь, взял серую накидку и вместе с Бэлгэтэем явился. Такой он был верный друг. После этого они поднялись выше речки Сэнгур и стали жить в верховьях реки Керулен, в местности Бурхэ-Эрэг. Черную доху, поднесенную матушкой Дзутай, [Тэмуджин] отправил к побратиму Йисугэя керейтскому Онг-хану¹⁶ и подарил ее. Вернувшись домой, [Тэмуджин] воссел на ханский престол. Рожденный по воле Неба, Тэмуджин стал Чингис-ханом.

С того времени, как Будда погрузился в нирвану, прошло более трех тысяч двухсот пятидесяти лет. На земле родились двенадцать скверных ханов, и все живые существа претерпевали жестокие муки. Говорят, для того чтобы подавить их, Будда дал повеление-пророчество родиться Чингис-хану. Тот стал управлять пятью цветными и четырьмя чужими народами, получая дань с трехсот девяносто одного народа, [населявшего] Джамудвиб¹⁷, и с семисот двадцати других разноязычных народов. Умиrotворяя всех, он утвердил свои стопы на земле. Так он прославился, подобно чакравартин-хану. Святой Чингис-хан родился в год черной змеи¹⁸ и сорока пяти лет в год бин-барса¹⁹ воссел на престол в верховьях реки Онон, подняв свое белое девятибунчужное знамя.

Спустя какое-то время, Хасар сбежал, объятый страхом. Владыка народа издал приказ. Высылая в погоню рано утром Субэгэтэй-багатура, [Чингис-хан] соизволил сказать следующее: «Вы, словно выступающие впереди ретивые кони, вы, подобные ваджре²⁰, сверкающей на желтой шапке, надетой на лоб, вы, похожие на груды камней, вы, сильные и мужественные друзья, ставшие моей тенью, вы, подобные камышевой ограде, окружающей город, вы, воины и подданные — все слушайте меня! Будьте в дни мирной жизни такими, как телята, но если наступит время сражаться, бейтесь [с врагами], подобно соколам. Объединившись, рубитесь и нападайте [на врага], подобно орлам. В дни счастливой, мирной жизни ведите себя как глупые телята, но если придет время сражений, нападайте, словно соколы. Если будете смеяться, то делайте это так, как годовалый теленок. В сражениях с врагами бросайтесь [на них], подобно соколам, бейтесь с ними, как голодные барсы или злобные беркуты. Будьте, как волки в ясный день или как вороны черной ночью». Такое он произнес поучение.

После этого Субэгэтэй-багатур ответил следующим образом: «Приложив все свои усилия, отправимся в погоню. Пойдем так, как силы позволят. А успех пусть зависит от удачи владыки!» И он отправился в путь. Вскоре он настиг Хасара и сказал ему: «Тот, кто отделяется от своих родственников, становится добычей чужака. Тот, кто уходит от своей семьи, становится добычей [последнего] сироты. Если большой народ разделяется, то он оказывается в подчинении у малого. Можно найти подданных, но родных обрести трудно. Можно завладеть народом, но родственников обрести нельзя». Хасар согласился с этими словами.

Однажды тайджиутский Чилгир-Бухэ замыслил злое [дело против монголов]. В своей юрте он вырыл яму и сверху закрыл ее войлочным ковром. Он пригласил владыку, говоря: «Мы все родственники. Давайте не будем ссориться». Тогда Оэлун-эхэ сказала: «Не думайте про врагов, что их мало. Не думайте про ядовитую змею, что она тонка. Будьте осторожны с теми, кому нет доверия». Владыка Богдо²¹ соизволил приказать: «Хабуту-Хасар, тебе поручаю держать наготове колчан со стрелами. Ты, Буха-Бэлгэтэй, смотри за порядком. Хачигу, а ты стереги коней. Ойту-Отчигин, ты будь рядом со мной. Неизвестно, что может произойти!» Так он распорядился, и они отправились.

Когда государь вошел в юрту к тайджиутам и хотел сесть на середину ковра, то Отчигин потянул государя к краю подстилки и посадил там. В это время какая-то хромая женщина отрезала у [их] коня стремя. Бэлгэтэй увидел это, схватил ее и переломил ей левую ногу. Тогда Бури ему рассек плечо. Началась драка. Хасар беспрестанно пускал стрелы, а Бэлгэтэй отбиваясь чашкой с айраком, левой рукой посадил государя на кобылу, которая принадлежала хорчинскому Тогтаху. За это Тогтаху был пожалован дарханством²², и он стал основателем рода. Хачигу понес наказание за то, что позволил отрезать стремя. Бэлгэтэй был схвачен и впряжен в телегу. Домой он прибыл поздно ночью, таща на себе телегу. Государь тогда сказал, что в тайджиутском деле Бэлгэтэй нарочно подсадил его на лошадь левой рукой, выказав неуважение.

Хасар и Бэлгэтэй посчитали это обвинение государя несправедливым. [Они сказали]: «Только благодаря меткой стрельбе Хасара и огромной силе Бэлгэтэя были

покорены пять цветных и четыре чужих народа». Государь, узнав об этом, решил: «Я подавлю вашу гордыню!» Приняв образ бедного старика с длинным луком, он стал везде ходить и интересоваться — не купит ли кто-нибудь его лук. Встретившись с ним Хасар и Бэлгэтэй сказали: «Мы такого никогда раньше не встречали. Что ты за человек?» На это он ответил: «Я — бедный человек. Пришел, чтобы продать свой лук». Только он это произнес, Хасар и Бэлгэтэй стали потешаться над ним: «Ты нам предлагаешь купить этот лук?» Тогда старик сказал: «Плохой или нет, выяснится, когда натянете его тетиву!» Бэлгэтэй взял, но натянуть лук не смог. Тогда старик натянул лук и отдал его Хасару. Хасар взял, но [лук] и ему не покорился. После этого старик обернулся седым человеком на пятномордом муле, взял лук, вложил стрелу под названием Алтан-тохон²³ и выстрелил так, что пробил скалу. При этом он сказал: «Уж это не вы ли младшие братья владыки Богдо Хасар и Буха-Бэлгэтэй? Прежде чем гордиться, нужно подумать, о том, что говоришь». Осудив их так, он исчез. После этого братья догадались, что говорил с ними дух государя, испугались и уверовали в него. Такие слова они перестали говорить.

После этого поступило известие, что энгудский Уран-Чингуй захватил тридцать одно кочевье и откочевал в сторону, где заходит солнце. Государь и Хасар стали его преследовать. Тогда Хасар оседлал для себя государева коня Сайн-Самучина, а сыну своему Тогтога-багатуру приказал выступить с ними. Он так несея, что конь Сайн-Самучин был весь в крови. Убедивших привел. Хасар в награду получил пленницу по имени Шан. Позже Уран-Чингуй преподнес Хубилган-Сэцэн-хану²⁴ хрустальный субурган²⁵. За это ему была пожалована в жены дочь [хана] Алтан.

Из страны бурят, с великого Байкала, [прибыл] бурятский Оро-Шигуши. Он поднес в дар государю сокола и получил за это в управление бурят.

[V. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ В КОРЕЮ, СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ И ТУРКЕСТАН. ЗАВОЕВАНИЕ ТАНГУТСКОГО ГОСУДАРСТВА]

Спустя какое-то время, когда государь со своей птицей охотился в местности между реками Олху и Улай, джурчидский Ванчун-хан увидел его и сбежал. Государь вернулся домой, взял воинов и пошел его задержать. Но брода через реку Улай не оказалось. Тогда племянник Хасара Хаду-Шира и бешеный Чин-гайджи соединили десять тысяч коней уздечками и с криками переправились. Осадив [вражеский] город, они потребовали выкуп из десяти тысяч ласточек и тысячи кошек. Потом к хвостам этих ласточек привязали подожженные тряпки, а к хвостам кошек — горящую вату. Ласточки полетели в свои гнезда, а кошки разбежались по своим домам. От кошек и ласточек начался пожар, и город был взят. Говорят, что Ванчун-хан спрашивал: «Это черти или кошки?»

Владыка Богдо взял себе в жены дочь Ванчун-хана Джалахай-хатун, но она по дороге скончалась. Потом владыка Богдо ходил походом на Солонгоское государство²⁶, находящееся на востоке. В ту пору река Унэгэн была в разливе, и государь

остановился со своим великим войском. На ту сторону реки были посланы послы с требованием, чтобы была предоставлена дань. Солонгоский Буха-Цаган-хан сам лично доставил [Чингис-хану] свою дочь по имени Хулан и юрту из барсовых шкур. В качестве приданого невесты были даны две солонгоских семьи. Все это было доставлено на лодке. Владыка Богдо солонгоскому Буха-Цагану и всем его князьям и министрам приказал со своего берега: «Когда вы будете приносить мне дань, сами перебирайтесь с берега на берег». Приказ его был выполнен. После этого владыка Богдо пожелал немедленно соединиться с Хулан-хатун. Министры его сказали, что это не соответствует обычаям, и советовали отложить [свадьбу] до приезда домой. [Государь] не согласился и женился. После этого он прожил в Солонгоском государстве три года. А управлять делами дома оставил Аргасун-хурчи.

Желая узнать причину задержки государя, Аргасун-хурчи направил [к владыке] посла. Потом он оседлал своего [коня] Гурбалун-Джигэртэ и путь в три месяца преодолел за трое суток. «Здоров ли ты, государь?» — спросил он. «Государь здоров. А здоровы ли мои чиновники, ханши и дети и весь народ?» Аргасун-хурчи ответил так: «Ханша и дети твои здоровы, но мне неизвестно, как живет весь твой народ. Супруга твоя и сыновья здоровы, но я не знаю, как живет твой великий народ. В растресканный рот свой клал рыбью кожу, но что думает весь твой народ, не знаю. В изнемогающий от жажды рот лил воду и [растаявший] снег, а что думает твой монгольский народ, не знаю». Владыка не понял, что хотел сказать [Аргасун-хурчи]. «Говори еще», — приказал государь. Аргасун-хурчи сказал: «Говорят, птица салбар²⁷ свила гнездо на дереве сал²⁸ и вывела птенцов. Пока она жила так на дереве сал, скверная птица мышелов разрушила ее гнездо, разбила яйца и съела ее птенцов. Говорят, птица лебедь свила гнездо на озере в камышах. Пока она жила так в камышах, скверная птица лунь разбила ее яйца и съела птенцов. Святой государь мой, прислушайся к тому, что я сказал». Государь спросил [у чиновников]: «Вы поняли, что сказал Аргасун-хурчи?» Чиновники ответили, что не поняли. Тогда государь дал такое разъяснение: «Под деревом сал нужно понимать моих друзей. Птица салбар — это я. Птица мышелов — это солонгоский народ. Яйца и птенцы — это жены и дети мои. Гнездо — это великая держава моя. Камыши на озере — это весь великий мой народ. Птица лебедь — это я сам. Птица лунь — это народ солонгосов. Яйца и птенцы — это мои жены и дети. Гнездо — это великая держава моя». Сказав так, он взял [в руки] поводья и отправился домой.

Владыка Богдо сказал: «Я встретился с моей ханшей Бортэгэлджин еще в детском возрасте. Сейчас мне совестно взглянуть ей в лицо. Когда я вернусь домой, боюсь, дома будет трудно. До того как сговорюсь с женой, если она будет сердиться при чужих людях, мне будет очень неловко. Поэтому пусть впереди меня отправится один из девяти моих орлёков²⁹ и поговорит с женой. Это было бы лучше, так я думаю».

По повелению владыки отправился [в Монголию] джалаирский Гоа-Мухули. Прибыв [на место], он вошел к ханше Бортэгэлджин и, низко ей поклонившись, сел. Тогда хатун изволила спросить: «Здоров ли мой господин? А ты зачем пришел?» На это [Мухули] ответил следующее: «Государь послал меня передать его повеление. [Оно таково]. Поступил против своей державы. Поступил согласно сво-

им желаниям. Послушался слов советчиков-сановников. Позарился на красоту барсовой юрты. Владыка Богдо проводит время там с Хулан-хатун». На это Бортэгэлджин ответила так: «На то воля хана-государя! Разве [важно] желание подданного народа? На то воля владыки Богдо! Разве [важно] желание всех людей? Говорят, что на берегах реки много лебедей. Государь сам знает, в которого из них нужно пустить стрелу! В других странах много девиц и женщин. Господин сам знает, какую из них выбрать. На озере в камышах много гусей. Государь сам знает, в которого нужно выпустить стрелу! В разных странах много девиц и женщин. Господин сам знает, какую из них выбрать. Говорят, меткий стрелок одновременно попадает и в утку и в берег [на котором она сидит]. Говорят, мужчина может любить двух сестер вместе. Разве попросит положить себе на спину седло дикая лошадь? Разве замужня женщина попросит, чтобы ее муж взял себе еще одну жену? Когда очень много, разве плохо? Когда мало, разве хорошо? Говорят, если надеть две шубы, то холодно не будет. Говорят, если скрутить три веревки в одну, не порвется». Вот так она соизволила сказать.

Владыка Богдо взял свою Хулан-хатун и приехал домой. Ему доложили, что Аргасун-хурчи, напившись допьяна, взял золотой хур³⁰ и ночевал в другом месте. Владыка Богдо позвал Богорчи и Мухули и сказал им: «Разыщите Аргасун-хурчи и убейте его так, чтобы он не издал ни звука». Богорчи и Мухули пошли и сказали: «Аргасун-хурчи, за то, что ты напился пьян, взял хур и ночевал с ним в другом месте, нас послали убить тебя, да так, чтобы ты не успел издать ни звука». Аргасун-хурчи им ответил: «Говорят, осужденного на смерть полагается выслушать. Говорят, умирающему дают сказать слово». Когда он это сказал, то двое сановников не стали его убивать. Они привели его, держа подмышками чашу для великого, держа у ребер чашу для могущественного³¹. Владыка Богдо почивал. Богорчи и Мухули стали [государю] докладывать, [стоя] за задней стенкой его [юрты]. Они сказали: «В светлом дворце твоём уже рассвело. Буди уже дворцовых девушек и юношей. Все, кто навлек [на себя] твой гнев, уже пришли и находятся здесь. Отдай светлый свой указ и прости их. В яшмовом дворце твоём уже давно светло. Прикажи поднять войлок у дверей юрты. Страдающие все уже собрались. Соизволь отдать свой яшмовый указ и освободи их».

Когда [они] так доложили, государь соизволил согласиться. Они вошли, впереди был Аргасун-хурчи. Государь не произнес ни слова. Богорчи и Мухули тоже не проронили ни слова. Тогда Аргасун-хурчи сам стал докладывать: «Говорят, когда на щебечущую птицу, [поющую] на семидесяти языках, бросится ястреб с раскинутыми крыльями, она не сможет даже крикнуть „джан“». Когда мой владыка, посланный судьбой, строго допрашивает меня, я не могу вымолвить своё „джан“». С десятилетнего возраста я был хранителем твоего золотого хура. Я изучал твои мудрые изречения. Но я не был замечен в плохих помыслах. Да, я напился водки. Напившись водки, в пьяном виде взял твой золотой хур, но ничего дурного я не замышлял. С двадцати лет я являюсь хранителем твоего святого хура и изучаю твои мудрые шутки. Но я не был замечен ни в каком дурном поступке. Да, я напился водки. Выпив водки, взял твой святой хур, но никаких дурных намерений у меня не было». Когда он все это сказал, государь выслушал и соизволил повелеть: «Ты хорошо

сказал, мой Аргасун-хурчи! Ты хорошо пошутил, мой Аргасун-хурчи!» Он не стал казнить его и обнарудовал свой указ.

О том, что владыка Богдо покорил Китайское государство и захватил государство Алтан-хана³², услышал тангутский Шидургу-хан³³. Он испугался и направил к Чингис-хану посла Тортонга, сына Баян-Сартагара с [известием]: «Согласен быть твоим правым крылом и платить дань». Когда посол после доклада государю возвращался [домой], он невзначай сказал: «Истинная правда, что владыка Богдо — сын божества, но наша ханша красивей их ханши! Она так хороша, что при свете ее красоты не нужно зажигать ночную лампаду». А владыка Богдо взял тогда с собой [в поход] в качестве ханши Мунгэлун-Гоа, жену тайджиутского Ябуга. Ябуга услышал слова Тортонга и сказал владыке: «Чем моя жена Мунгэлун-Гоа, есть более красивая женщина. Это дочь китайского Джанджан-Сэцэн-Умидая, жена тангутского Шидургу-хана Гурбэлджин-Гоа-хатун. Она так красива, что ночью затмевает свет лампы. Вот бы вам ее взять!» Владыка послал к Шидургу-хану посла [с такими словами]: «Я [сейчас] воюю с Сартагульским государством³⁴. Ты выезжай тоже». Тому послу Шидургу-хан ответил так: «Что это за хан, который еще не завоевал всех, а уже назвался ханом? Зачем мне такой союзник?» И он не пошел. Узнав об этих словах, владыка поклялся своей золотой жизнью не выпустить [Шидургу-хана] из рук. Он прикончил сартагульского Султун-хана и подчинил его народ своей власти. В тот военный поход он брал с собой Хулан-хатун.

После этого по повелению верховного Хормуста-тэнгри³⁵, согласно прежним добродетельным поступкам, государю Богдо была пожалована драгоценная яшмовая чаша с питьем рашияной³⁶. Когда устрашающий владыка Богдо принял чашу и стал пить, то его четверо младших братьев сказали: «Разве не полагается старшему десять, а младшим — четыре? После того как выпьешь много, то малую часть соизволь пожаловать нам. Уразумел своим светлым умом?». Владыка Богдо соизволил ответить младшим братьям так: «Ранее по воле могущественного Будды мне была пожалована яшмовая печать из страны драконов, которую я держал в правой руке, когда родился. Вот теперь снова верховный Хормуста-тэнгри мне пожаловал яшмовую чашу, наполненную напитком рашияной. Согласно этому, я — владыка, посланный судьбой. Но если вы хотите пить, то пейте. Берите». С этими словами он отдал им [чашу]. Четверо его братьев взяли чашу и стали пить. В рот питье попадало, а в горло не проходило. После этого четверо братьев сказали государю: «Ты — государь по воле судьбы. Мы не имеем такой судьбы. Мы спорили неправильно. Сблаговоли назначить нас нойонами по сбору дани с поселений. А ты, владыка, пей». Почтительно преклонив колени, они отдали государю чашу. Государь взял ее и, немного опьянев от рашияны, изволил сказать: «Раньше, когда я родился по воле Будды, [мне] была пожалована яшмовая печать хана драконов. Теперь же мне ниспослана могущественным Хормуста-тэнгри яшмовая чаша с водкой-рашияной. Я являюсь государем, посланным Небом. Теперь же отправляемся в поход на Тангутское государство». Вот так он соизволил сказать.

У Шидургу-хана давно была желтая с черной мордой собака-вестник по имени Хубэлэн. Государь трижды выставлял свое белое знамя с девятью бунчуками и три года собирался в поход [на тангутов], но [каждый раз] останавливался. Эта

собака в мирное время, когда не было вокруг врагов, лаяла спокойно, но как только появлялся враг, она лаяла, завывая. Она знала о намерении владыки выступить в поход и потому выла уже три года подряд. «Состарилась моя собака, потеряла умение предсказывать», — думал [Шидургу] и не обращал внимания [на ее вой].

Спустя какое-то время, в год собаки [1226] в поход было отправлено войско, а, затем, в год свиньи [1227] государь Богдо, взяв с собой жену Йисуй, лично выступил, предводительствуя войсками. [По пути следования войск] государь Богдо увидел выступающий мыс горы Муна и соизволил сказать: «Когда держава в расстройстве, здесь хорошее убежище. Когда держава в покое, здесь прекрасное место для жизни. А сейчас оно [пригодно] для пастбища оленей».

Увидев на дереве сидящую дурноголосую сову, приказал Хасару ее застрелить. Хасар выстрелил. Сова улетела, и вместо нее у пролетающей мимо сороки, оказалось отстреленным крыло. Государь со словами: «Погоди же!» — выхватил меч, но в это время Улуг-нойон сказал: «Говорят же: замышляешь сделать доброе дело, а получается плохое. Государь, рассудите это сами!» Государь одобрил эти слова и согласился.

После этого слуга Мэчин сказал государю: «Напившись водки, твой младший брат Хутэчи-Хасар взял за руку Хулан-хатун». Когда он так доложил, то [государь] послал слугу Мэчина к Хасару с приказанием добыть орлиные перья. Хутэчи-Хасар сказал: «Хотя он и является государем над всеми, но как понадобились орлиные перья, то и я сгодился», и отдал орлиные перья. [Мэчин] их не взял, сказав: «Все запачканы в копоты», — и вернулся. После этого слуга Мэчин был снова послан за птицей Хара-халчин, которую приказано было убить. Когда птица Хара-халчин пролетала, [Хасар] спросил у раба Мэчина: «В какое место стрелять?» Мэчин ответил: «Стреляй в промежуток между желтым и черным [пятнами]». Когда же последовал выстрел, то у птицы оказался отбитым клюв. «Для человека ханского достоинства нужны перья орла. Это не то, это перья птицы Хара-халчин. Да еще в крови». И он не взял их. Из-за этого государь разгневался и сказал: «Раньше он соединился с семьей хонхотанцами. Потом убил сладкоголосую сороку, когда было приказано убить дурноголосую сову. Теперь не дал мне перья орла». Государь приказал четырем слугам сторожить [Хасара], привязать к ограде у колодца и кормить мясом диких зверей.

Во время приготовлений к большой облавной охоте в горах Хангай-Хана был издан такой указ: «Если в облаву попадут бурый волк и красавица маралуха³⁷, то их не убивать! Если же попадется кудрявый человек на сизо-серой лошади, то схватить его живым!» Когда в облавный круг попали серый волк и красавица маралуха, то их не убили и отпустили. Черного же человека на сизо-серой лошади захватили. Его спросили: «Ты какого рода-племени?» — но он молчал. Его доставили к государю. Когда его стал спрашивать сам государь, то он ответил: «Говорили, что [государь] монголов владыка Богдо выступил с войсками в военный поход, вот Шидургу-хан и послал меня караульным. [Мой конь] прозывался серо-сизым Хусболодом которого не мог догнать ни один конь, имеющий ноги. Однако догнали — стерлись его копыта. Я прозывался Хара-Бодоном³⁸, рассекающим клыками, которого не мог поймать ни один человек с черной головой. Однако схватили меня люди с черными

головами — погибла моя черная головушка». Когда он так сказал, то государь его спросил: «Говорят, что твой хан перерождение? Правда ли это?» На это Бодон ответил: «Рано поутру он становится желто-пестрым ядовитым змеем и тогда его схватить нельзя. В полдень он перевоплощается в корчиново-пестрого барса и тогда его тоже схватить нельзя. В вечерние часы он принимает образ красивого светловолового юноши и сидит, наслаждаясь, со своей ханшей. Вот в это время его схватить можно!» Этого человека казнили.

Затем стали приближаться к границам тангутского народа. По дороге им встретила черная старуха-ведьма, принадлежавшая Шидургу-хану, которая вышла на встречу монгольским войскам и многих мужчин и коней умертвила своими заклинаниями. Субэргэтэй-багатур доложил государю: «Эта старуха плохая, она уничтожила много людей и коней. Соизволь освободить Хасара от твоего великого наказания». Когда он так сказал, то государь согласился. Он приказал [Хасару] явиться на коне Джигурту-Хула и застрелить старуху. Так как Хасар был сильно измучен в неволе, он попал той старухе в коленку. Старуха упала и, умирая, сказала: «Пусть потомки твои мужчины, Хасар, будут умирать от ран! Пусть потомки твои женщины будут оставляемы своими мужьями!» С этими словами проклятия она и умерла.

Затем, когда Шидургу-хан превратился в змея, в тот же час государь обернулся птицей Гаруди³⁹. Когда превратился в барса, государь обернулся львом. Когда стал молодым человеком, государь сделался старцем и поймал его. После того как Шидургу-хан был пойман, он сказал государю следующее: «Не убивай меня. Я достану звезду Венеры и сделаю так, что у тебя больше не будет врагов. Достану для тебя звезду из созвездия Плеяды, и у тебя не будет больше бескормицы и падежа скота. Если ты меня убьешь, то тебе самому будет плохо. Если не убьешь, то твоим потомкам будет плохо». [Государь] не послушался его. Стал стрелять и рубить [его], но прикончить никак не мог. Тогда Шидургу-хан сказал: «Меня застрелить и зарубить нельзя. В подошве моего сапога есть пестрый, втрое скрученный шнур. Задуши им». Когда нашли тот шнур и стали его душить, то Шидургу-хан сказал: «Если меня сейчас удушишь, пусть твои потомки в будущем будут задушены подобно мне. Мою ханшу Гурбэлджин-Гоа обыщи вплоть до ее черных ногтей»⁴⁰. Сказал так и умер.

Государь Богдо Гурбэлджин-Гоа-хатун взял себе. Ее красота удивила самого государя и весь его великий народ. Ханша Гурбэлджин-Гоа сказала: «Моя красота померкла под пылью от ваших войск. Прежде я была красивей. Если теперь я вымоюсь, то стану еще прекрасней». [Поверив] этим словам, государь Богдо послал ее вымыться в реке. Когда ханша пришла к берегу реки, она изловила жаворонка и к его хвосту прикрепила письмо такого содержания: «Я в этой реке утоплюсь. Тело мое не ищите по течению реки, а ищите против течения», — и послала его своему отцу. Ее отец стал искать ее против течения, как она написала. Найдя труп, он снял шапку и засыпал его землей. Кургану дали название Тэмур-Олху. Название реки стало Хатун-гол⁴¹.

[VI. КОНЧИНА ЧИНГИС-ХАНА]

Покорив тангутский народ, убив Шидургу-хана, разрушив столицу его государства город Турмэгэй-балгасун и женившись на Гурбэлджин-Гоа-хатун, [государь]

отдыхал в [местечке] Лубан-хан⁴². Поблизости от города Турмэгэй-балгасун он заболел. Начался сильный жар. В час окончания драгоценной жизни он соизволил отдать свое распоряжение: «Подобные быстроходным скакунам, четыре брата мои. Подобные стремительным жеребцам, четыре сына мои. Пять цветных и четыре чужих народа мои, слушайте меня! Когда я собирал свой великий народ так, что натягивался стремянный ремень и стирались железные стремена, я не испытывал таких мучений, какие испытываю теперь. Когда седлал свою белую кобылу Эр-мэг, подкладывал под себя войлочную подстилку и собирал свой великий народ, таких мук я не ведал. Уж не совершил ли я какого греха в своих прошлых перерождениях?»

Затем государь Богдо сделал такое повеление: «Вы, мои министры, умрите вместе со мной!»⁴³ Тогда сунитский Хилугэтэй-багатур промолвил: «Подобная яшме держава твоя ослабнет. Любимая тобой ханша мудрая Бортэгэлджин скончается. Твои братья Хасар и Бэлгэтэй останутся в одиночестве. В трудах собранный тобою народ рассеется. Высокой созданная держава твоя разрушится. Давними крепкими узами связанная [с тобой] ханша твоя мудрая Бортэгэлджин умрет. Угэдэй и Тулуй — твои сыновья станут сиротами. Народы твои, которые ты так поспешно собирал, разбредутся и попадут под [управление] других людей. Словно гора, образованная тобой, твоя держава разрушится. Обретенная тобой верная ханша мудрая Бортэгэлджин умрет. Отчигин и Хачигу твои останутся в одиночестве. Многочисленный покорный народ твой разбредется по лесам и горам. Перекочует с гор Хангай-Хана. Жена и дети твои идут с рыданиями. Не соизволишь ли дать им свои наставления? Идут они с гор Ункуя, рыдая и тоскуя. Дочери и сыновья твои идут, скорбя и плача. Не соизволишь ли ты дать им свои добрые наставления? Трудно расколоть рожденное тело. В случае же, если расколется, встретимся ли в нирване? Здоровое тело трудно разрушить. Но если оно разрушится, произойдет ли наша встреча в стране блаженства? Не соизволишь ли указать источник воды в пустынной земле вдове твоей Бортэгэлджин-хатун и твоим сыновьям Угэдэю и Тулюю? Не укажешь ли им путь через горный проход?»

Тогда Чингис дал такое наставление: «Сейчас не умирайте! Укажите остающейся в одиночестве мудрой ханше Бортэгэлджин и оставляемым сиротами моим сыновьям Угэдэю и Тулюю место для кочевья, воды и долины, проходы и дороги. И еще. На яшмовом камне нет кожи, на твердом железе нет коры. Рожденное любимое тело не вечно. Живите, не проявляя сомнений. Пусть будут крепкими ваши помыслы. Если начнете сто дел и выполните, вот вершина деяний. Твердыми являются помыслы того человека, который держит свое слово. Не идите за своими желаниями. Будьте в согласии с людьми. Всем нам придется умереть. Думайте о последующих хороших рождениях. Слова мальчика Хубилая особые. Слушайте его приказаний». После того, как было произнесено это наставление, он скончался в год бин-свиньи [1227], в седьмом месяце 12 числа в возрасте шестидесяти семи лет.

В повозку запрягли лошадей, на нее уложили золотые останки хана-государя и повезли [на родину]. По дороге сунитский Хилугэтэй-багатур в честь повелителя произнес такое восхваление: «Мой государь, неужели ты улетел на крыльях ястреба? Мой государь, неужели ты стал грузом скрипящей телеги? Мой государь, не-

ужели ты улетел на крыльях бросающегося ястреба? Мой государь, неужели ты стал грузом скрипучей телеги? Мой государь, неужели ты улетел на крыльях щебе-чущей птицы? Мой государь, неужели ты стал грузом колыхающейся телеги?» Вот такое восхваление было произнесено, пока они ехали. Когда они добрались до топи у горы Муна, колеса телеги завязли по самые спицы так, что дальше двигаться стало невозможно. Запрягли лошадей пяти цветов, но сдвинуть телегу не смогли. Весь народ пришел в беспокойство. Тогда сунитский Хилугэтэй-багатур поклонился [останкам] и сказал: «Мой государь, рожденный по воле Вечного синего Неба, подобный скакуну, ты покинул свой великий народ. Твое государство, которое ты создал в своем прошлом рождении, твой народ, который ты собрал в заботах, твоя ханша и дети, рожденные тобой, твои земли и реки, где ты родился, все там! Твое правление, созданное с чистыми помыслами, твой народ, который ты собрал упорством, твоя любезная супруга и дети твои, твой золотой дворец — тоже там! Твоя держава, созданная умело, любимая супруга твоя и дети твои, многочисленный народ, собранный тобой давно, род и племя твое — все это там! Размножившийся народ твой, снега и воды, в которых ты купался, многочисленный твой монгольский народ, родина твоя Дэлиун-Болдог на Ононе — все это находится там! Твое знамя с бунчуками, сделанными из челки жеребца, барабаны и трубы твои, народ твой, который можно перечислить, место, где ты был возведен на ханский престол — Худэгэ-Арал на Керулене — все находится там! Ханша Бортэгэлджин, встретившаяся еще в детстве, кочевья твои и воды в Бурхату-Хане, любимые твои товарищи Богорчи и Мухули, великая твоя законная держава — все это находится там! Хулан-хатун твоя, встреченная чудесным образом, твои хуры и трубы, весь-весь великий народ твой, все твои владения в Хутугту-Хане — все находится там! Ты забыл свой монгольский народ? Решил, что Хуругун-Хан теплый, Гурбэлджин-Гоа красивая, а тангутский народ велик? О, мой государь, хотя и ушла твоя золотая душа, вернемся домой с твоими останками, подобными драгоценности из яшмы. Покажем их твоей ханше Бортэгэлджин, отвезем их твоему народу!» Хан-государь соизволил внять этим словам, и тяжелая колесница тронулась со скрипом. Весь народ возрадовался, и проводил ее до его великих владений. Там возникла великая вечная основа, опора всех великих ханов и дзайсангов⁴⁴, святыня для всего народа, всеми почитаемые Восемь белых юрт⁴⁵.

Когда-то государь Богдо, находясь [в тех местах] любовался ими и об этом соизволил сказать. Видимо, поэтому теперь и завязла здесь повозка [с его прахом] по самые ступицы. Его великому народу объявили, что здесь оставили его одежду, чулки и юрту. На самом деле некоторые говорят, что его останки похоронили на горе Бурхан-Халдун, другие, что на северных склонах Алтай-Хана, или на южных склонах Хэнтэй-Хана в местности Ихэ-Утуг.

[VII. ПРАВЛЕНИЕ МОНГОЛОВ В КИТАЕ]

После того прошло три года. В год быка [1229] Угэдэй-хан в возрасте сорока трех лет в [урочище] Худэгэ-Арал на Керулене воссел на ханский престол. Спустя

*Угэдэй-хан. Из кн.: Монгол улсын туух.
Дэд боть. 2003. Улаанбаатар*

тринадцать лет в год быка [1241] в возрасте пятидесяти⁴⁶ лет скончался в местности Утэгу-Хулан. Хан родился в год овцы [1187].

Спустя шесть лет, в год коня [1246], в возрасте сорока двух лет на престол вступил Хулук-хан⁴⁷ в урочище Урмугту. На следующий год, в год овцы [1247], в возрасте сорока трех лет в местности Самшиг он скончался. Хан родился в год быка [1205].

Прошло пять лет. В год свиньи [1251] в возрасте сорока пяти лет в местности Худугэ-Арал на Керулене в четвертый месяц, 3-го числа вступил на престол Мункэ-хан. Спустя девять лет он скончался в возрасте пятидесяти четырех лет в год овцы [1259] в городе Чин-Джангбу. Хан родился в год зайца [1207].

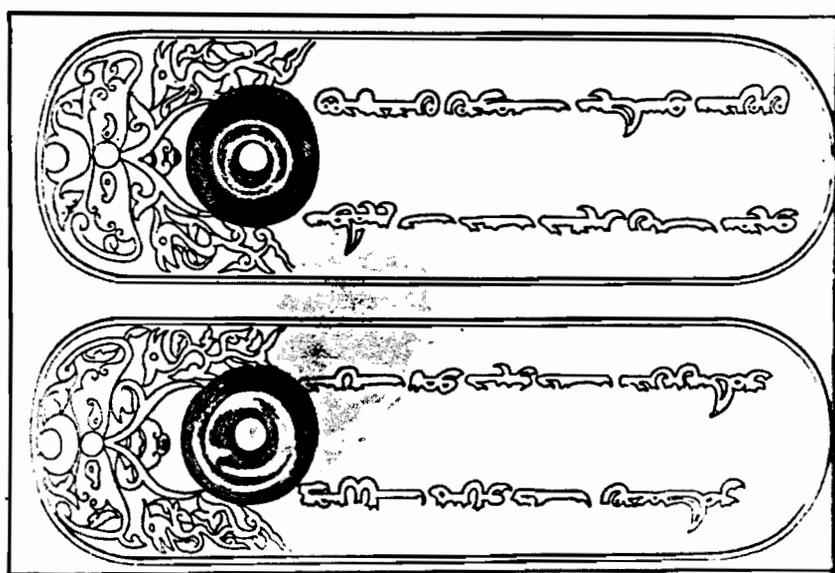
Спустя шесть лет Шигу-Сэцэн-хан⁴⁸ в год обезьяны [1260] в возрасте сорока⁴⁹ лет в тенистой местности Шаньду воссел на ханский престол. Прошло тридцать пять лет, и в год коня [1294] в возрасте восьмидесяти одного года он скончался в Дайду⁵⁰ в месяце Хуби, 22-го числа. Хан родился в год змеи [1215].

После этого в тот же год коня [1294] Улдзэйту-хан воссел на великий ханский престол в возрасте тридцати лет в четвертый месяц 10-го дня у озера Шихир. Прошло четырнадцать лет, и в возрасте сорока четырех лет в год овцы [1307], в месяце Хуби, 9-го дня он скончался в Дайду. Хан родился в год быка [1265].

После этого в тот же год овцы [1307] на великий престол взшел Хайсан-Хулук-хан в возрасте двадцати семи лет. Прошло пять лет, и он скончался в год свиньи [1311] в Дайду. Хан родился в год змеи [1281].

После этого в тот же год свиньи [1311] на великий престол вступил Аюрбал-бад-Буянту-хан. Ему исполнилось тридцать семь лет. Прошло десять лет, и в год обезьяны [1320] в возрасте сорока семи лет он скончался в Дайду. Хан родился в год свиньи [1275].

После этого в тот же год обезьяны [1320] в возрасте восемнадцати лет на великий престол в городе Дайду взшел Шидибала-Гэгэн-хан. Прошло четыре года. В

Монгольские пайцзы XIII в. Из архива Г.С. Гороховой

возрасте двадцати одного года в год свиньи [1323] он скончался в урочище Морину-Эбчигун к югу от Шаньду. Хан родился в год мыши [1300].

После этого в тот же год свиньи [1323] воссел Йисун-Тэмур в тридцать лет в Худугэ-Арале. Через шесть лет в год дракона [1328] на тридцатом году жизни⁵¹ 6-го числа 8-го месяца скончался в Шаньду. Хан родился в год змеи [1293].

После этого в тот же год дракона [1328] на великий престол был возведен Дзаягату-хан. Ему исполнилось тридцать пять лет. Это было в 8-й месяц, 12-го дня.

В следующем году змеи [1329] Хутухту-хан съездил на запад, возвратился, преисполненный славы, и воссел на престол в тридцать лет, 19-го числа месяца Хуби. Он потерял яшмовую печать, дал убить чинсана⁵², послал встретить врагов и бежал. Хутухту-хан в местности у озера Чичигту, в 4-й месяц, 3-го числа был возведен на великий ханский престол. В этот же год, в 9-й месяц, 6-го числа [хан] скончался.

После этого, на престол взошел Туг-Тэмур-Дзаягату-хан. Это было в 8-й месяц, 10-го дня. Прошло пять лет. В год черной обезьяны [1332] в возрасте тридцати пяти лет [Дзаягату-хан] скончался в Дайду.

В тот же год черной обезьяны [1332], в 5-й месяц, 5-го дня, на великий престол был возведен Ринчибал-Ирджамал-хан. Вскоре, 25-го числа, того же месяца, он скончался в Дайду.

После этого в год черной обезьяны [1332] в тот же месяц 5-го числа в Дайду на великий державный престол вступил Ухагату-хан⁵³. В то время у джурчидского старца родился сын по имени Джу. Когда это произошло, от его юрты протянулась радуга. Об этом знамени узнали Лаха и Ибаху и доложили хану так: «Этот ребенок,

возможно, будет хану полезным. А возможно, причинит зло. Пока он не вышел из детского возраста, его следует уничтожить». Хан отверг их предложение и не убил его. Лаха и Ибаху тогда сказали: «Эх, не убил! В будущем только не пожалей!» После того как тот ребенок вырос, ему дали в управление владение на западе. Восточными владениями правили Тогтога и Харачин.

После этого братья Джугэ и Буха оговорили перед ханом Тогтогу⁵⁴ и Харачина. Мол, они укрывают налоги, только малую часть доходов отдают хану, а большую их часть присваивают себе. Когда они так доложили, то хан направил за Тогтогом и Харачином Джугэ. Джугэ, до них не доехав, с половины дороги возвратился и доложил: «Они отказались приехать!» После этого [хан] послал за ними еще раз, но [Джугэ] повторил прежние слова. Хан разгневался на Тогтогу и Харачина и лишил их должности. Он поручил ведать всем народом братьям Джугэ и Буху. После того, как Джугэ и Буха отправились за сбором дани, они не возвращались три года. Тогда хан издал такой указ: «У Джугэ ноги отяжелели! Когда настанет час его возвращения, то двери ему не открывайте». Так приказал он своим привратникам.

Тогда же хану приснился сон, будто к городу подступило многочисленное неприятельское войско и окружило его город. Испугавшись тех врагов, он бегал по городу, но не мог найти выхода. Вдруг на северо-западе, куда он прибежал, увидел дыру. В эту дыру хан и убежал, бросив всю страну. [Проснувшись], он рассказал свой сон мудрому китайскому толкователю и спросил: «Что это означает? Хороший знак или плохой?» Тот толкователь объяснил этот сон так: «Твой сон означает потерю ханского престола». Говорят, после этого монгольский Тогтога-чинсан истолковал этот сон с хорошей стороны. Но когда хан увидел дыру в северо-западной части [города], как это было во сне, то он убедился в правильности сна и испугался.

После этого Джугэ и Буха прибыли с тумэном [10000] телег, нагруженных разными товарами. А в трех тысячах телег спрятались воины в полном вооружении. Привратники не хотели открывать ворота, но когда им дали много разных товаров и драгоценностей, они их открыли. Воины вышли [из телег] и окружили ханский золотой дворец. Когда хан об этом узнал, он бросил тридцать тумэнов [300000] своих монголов и вместе с женой, сыном и десятью тумэнами [100000] монголов убежал через дыру, которую видел во сне.

Когда выходили через этот узкий проход, потомок Хабуту-Хасара, сын Тогубагатура Томолаху-багатур вывел своего сына Хачи-Хулука и вместе с шестьюдесятью товарищами, которыми он предводительствовал, сказал: «Лучше сломать кости, чем сломать имя!» Он пустился навстречу китайским войскам и погиб. Поэтому говорят, что это один случай, когда потомки Хасара помогли потомкам хана. После этого [хан], выйдя через проход Мултагчин, построил город Барс и там стал жить. А китайские войска построили город Хирса. Тогда Билигту, сын Ухагату-хана, колдовским путем вызвал сильную бурю и дождь, и поэтому многие из китайских воинов и коней в ту бурю погибли. Когда оставшиеся [в живых] воины вышли, то по дороге их стали преследовать монгольские войска, гнали до Китайской стены и многих порубили. Говорят, что пришедшие в беспорядок китайские войска стали жечь свои стрелы и ложиться на них, а потом все погибли. Из-за этого стали говорить: китайцы вошли в границы, а хвост корсака стал кисточкой⁵⁵.

[VIII. ИЗГНАНИЕ МОНГОЛОВ ИЗ КИТАЯ]

Плач Тогон-Тэмура

О, мой Дайду, исполненный из разных сортов драгоценностей!

О, моя давняя летняя резиденция, прекрасный Шаньду-Шира-Тала!

О, мой прекрасный [дворец] Кибунг-Шаньду, о котором можно только мечтать!

О, мой теплый Дайду, который в утренние часы, если посмотреть с вершины, пребывает в дымке!

При мне, Ухагату-хане, постоянно находились Лаха и Ибаху, которых я послал служить.

Они с ханом, родившимся неразумным, в прекрасном Дайду правили нойонами и народом. Плачь, не плачь, остался я один!

Я стал подобным одинокому теленку, брошенному при перекочевке.

О, мой восьмигранный субурган, исполненный из разных драгоценностей!

О, мой город Дайду, исполненный из девяти драгоценностей, где я правил моей великой державой и народом!

О, мой четырехугольный великий Дайду, обладающий четырьмя воротами, где я правил сорока четырьмя тумэнами монголов, находившихся на севере!

Пока я распространял учение и религию, я забыл свой Шаньду и утратил Дайду!

О, мой Дайду, служивший опорой всему монгольскому народу!

Мой город, где я зимовал! Мои Кибунг-Шаньду, Шира-Тала, где я проводил лето!

Я тогда не внял советам Лаху и Ибаху. Мой дворец, построенный Хугухту, тростниковый дворец, в котором провел лето хубилган Сэцэн-хан [Хубилай], Кибунг-Шаньду — все отобрали китайцы! А мне, Ухагату-хану, осталось только мое скверное имя — заигрывавшего с китайцами.

Всем народом построенный яшмовый Дайду, где я жил в зимнее время, прекрасный мой Дайду отобрали. Оставили мне, Ухагату-хану, только скверное мое имя — враждовавшего с китайцами.

Мой прекрасный Дайду, построенный из разных драгоценностей, где я проводил лето, Кибунг-Шаньду — все утратил по глупости. Мне, Ухагату-хану, оставили только мое скверное имя — любезничавшего с китайцами.

Великую державу, собранную владыкой ханом [Чингис-ханом], любимый Дайду, построенным удивительным Сэцэн-ханом, драгоценный город, ставший опорой для всего народа, — все потерял!

Прекрасный Дайду, сооруженный потомком золотого рода Чингис-хана, сыном божественного хана, воплощением всех святых Сэцэн-ханом, я, Ухагату-хан, воплощение всех бодхисаттв, утратил по воле судьбы!

Когда я [бежал] из прекрасного города Дайду, я унес яшмовую печать ханасударя в рукаве, выведенный Буха-Тэмур-чинсаном.

Пусть держава золотого рода владыки [Чингис-хана] пребывает десять тысяч лет!

Когда оставил из-за оплошности любимый Дайду, оставил там и драгоценную религию.

Пусть в будущем светлые и мудрые бодхисаттвы рассудят сами! Пусть придут и утвердят [религию] в золотом роде Чингис-хана!

После этого прошло четыре года. В возрасте двадцати девяти лет, в год собаки [1370], в городе Инчанфу [хан] скончался. От Хубилай-Сэцэн-хана, воссевшего на ханский престол в Дайду, до Ухагату-хана, утратившего его, прошло сто пять лет и шесть месяцев.

[IX. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ ДАЯН-ХАНА]

Когда держава была утрачена, жена Ухагату-хана из хонгиратского рода была на третьем месяце беременности. Эта ханша спряталась в бочке и осталась [в Китае]. Бочка по-китайски называется «ган», а по-монгольски — «будунг». Эту ханшу взял в жены Джу-Хун-у⁵⁶, ставший ханом. Ханша подумала: «Если рожу через семь месяцев, то [хан] узнает, что это ребенок врага и прикончит его, а если рожу через десять месяцев, то подумает, что это его ребенок и ничего плохого ему не будет». Она молилась и просила: «Небесный отец, добавь мне еще три месяца. Пусть [родится ребенок] через десять месяцев». Ее услышало Небо, и спустя тринадцать месяцев у нее родился мальчик.

Одновременно родился ребенок и у китайской ханши. Тогда хану Хун-у приснился сон, что сражались два дракона, и дракон левого крыла победил дракона правого крыла. Он спросил у прорицателя: «Этот сон хороший или плохой?» Тот прорицатель ответил: «Это не драконы. Это — два твоих сына. Правый дракон — это сын от китайской жены, а левый — это сын монгольской ханши, который воссядет на твой ханский престол». После этих слов толкователя хан Хун-у подумал: «Он — мой сын. Но его мать — ханша из вражеского стана. Если престол займет мой сын, рожденный от нее, будет плохо». Он вывел их из дворца за [пределы] Китайской стены, построил город Хухэ-Хото и поселил их там. После этого хан Хун-у, просидев на великом престоле тридцать один год, скончался. Хун-у-хан был первым из династии китайских ханов. Его сыном [был] Джагун-хан⁵⁷, который наследовал престол. Спустя четыре года, сын хонгиратской ханши Юнло⁵⁸ прибыл со своими личными друзьями, с шестью тысячами ульгийских учиедских народов, тремя тумэнами [30000] усунских джурчидов, и китайцами из-за Черной стены. Он захватил сына китайского Хун-у-хана Джагуна, оставил у него на шее отпечаток серебряной печати и выгнал вон. Так, сын Ухагату-хана Юнло-хан стал государем. Говорят, ему дали имя Юнло Дай-Мин⁵⁹, так как он был сыном истинного хана. Шести тысячам учиедов, отдавшим свои силы, он пожаловал триста дайду⁶⁰. Джурчидам — тысячу шестьсот дайду. Спустя тридцать два года Юнло-хан скончался.

[После него] один год правил Хонгши-хан⁶¹. Потом: десять лет сидел на престоле Санда-хан; четырнадцать лет — Джинтунг-хан; пятнадцать лет — Джиндай-хан; Тайсун-хан правил восемь лет; Чинхуа-хан правил тридцать два года; Хувангчи сидел на престоле восемнадцать лет; Джиндэ правил шестнадцать лет; Джиндан-хан сидел на престоле сорок шесть лет; Лунгчин-хан правил шесть лет; Ванли-

хан правил сорок шесть лет; Дайсун-хан сидел на престоле один месяц; Дай-Мин-Джу-Тинг-Тинци-хан сидел на престоле двадцать шесть лет. От Хун-у-хана до Тинци-хана прошло двести пятьдесят семь лет.

[X. ПРАВЛЕНИЕ В МОНГОЛИИ НАСЛЕДНИКОВ ТОГОН-ТЭМУРА]

Сын Тогон-Тэмур-хана, Билигту-хан⁶² в тот же год собаки [1370] в городе Инчане был возведен на великий престол. Прошло девять лет, и он скончался.

В этот же год на престол вступил Усхал-хан⁶³. Прошло одиннадцать лет, и в год дракона [1388] он скончался.

В этот же год на великий престол вступил Дзорикту-хан. Прошло четыре года, и в год овцы [1391] он скончался.

В год собаки [1394]⁶⁴ на великий престол был возведен Элбэг-Нигулэсэгчи-хан.

Однажды, во время облавной охоты Элбэг-хан увидел на снегу пролившуюся кровь убитого зайца. Он сказал: «Есть ли где красавица с таким же белым лицом и такими же алыми щеками?» Ойратский Хухай-Таю ответил: «Такая красавица есть». — «Кто же она?», — спросил у него хан. [Хухай] ответил: «Хоть и нельзя говорить, скажу. Это жена твоего сына Хагурцаг-Дэгурэн-Тэмур-хунтайджи Улдзйту-Гоа-бигичи⁶⁵. Элбэг-Нигулэсэгчи-хан возжелал красавицу невестку. Он отдал ойратскому Хухай-Таю такой приказ: «Показывающий невидимое, приближающий далекое, исполняющий желания, мой Таю, приведи ее ко мне!» Получив приказ, Таю отправился и сказал бигичи так: «Меня послал к тебе хан, который желает увидеть твою красоту!» Как только он это сказал, бигичи рассердилась и ответила: «Разве могут соединиться Земля и Небо? Разве видят великие ханы своих невесток? Разве уже умер его сын Дэгурэн-Тэмур-хунтайджи? Разве хан хочет уподобиться черной собаке?» Хан оставил эти слова без внимания, отравил своего сына и женился на невестке.

После этого он вернулся к себе домой. Через какое-то время Хухай-Таю отправился к хану просить себе дарханство, но хана не оказалось, и он стал его ожидать. Бигичи послала за ним слугу, которому велела сказать: «Ожидая хана, приходи ко мне на угощенье». После того как Таю вошел в юрту, бигичи подала ему чашу и сказала: «Низкую мою особу ты сделал благородной. Малую мою особу ты сделал высокой. Имя бигичи ты возвысил до тайху⁶⁶». Она наполнила сосуд, состоящий из двух отдельных половин, но имевший одно горлышко, водкой и водой. Из одной половины, где была вода, она пила сама, а Таю подносила водку. Она напоила его так, что он упал. Она взлохматила волосы Таю, откинула занавеску и уложила на расстеленный войлок. Сама расчесала себе лицо, вырвала волосы и послала за ханом. До того, как хан об этом услышал, Таю очнулся и скрылся. Хан бросился в погоню. [Таю] выпустил стрелу и ранил хана в мизинец. Хан убил Таю, приказал сунидскому Джансин-тайбу вырезать лоскут кожи со спины и отдать его бигичи. Бигичи, смешав кровь хана с жиром Таю и слизывая их, сказала: «Кровь хана, который, прельстившись красотой, убил своего сына, стала мне подарком. Жир Таю,

причинившего вред своему хозяину, стал мне удовольствием. Это моя женская месть. Теперь если я и умру, то жалеть не о чем». Хан, хотя и узнал об обмане бигичи, но, понимая, что виноват, наказывать ее не стал. Сыновьям Таю — Батуле-чинсану и Угэчи-Хашагу он передал во владение четыре тумэна [40000] ойратов.

Прошло шесть лет с того времени, как хан вступил на престол, и в год змеи [1401]⁶⁷ Батула-чинсан и Угэчи-Хашиг убили Элбэг-хана. Батула-чинсан и Угэчи-Хашиг взяли своих подведомственных четыре тумэна ойратов и стали врагами. Так, говорят, ойраты один раз уничтожили монгольское правление.

После этого в том же году Тогоган-хан⁶⁸ воссел на великий престол. Прошло четыре года, и в год лошади [1402]⁶⁹ он скончался.

Спустя какое-то время, на великий престол вступил Олой-Тэмур-хан, и скончался через тринадцать лет в год барса [1410]⁷⁰.

Миновал год, и в год зайца [1411] на великий престол вступил Дэлбэг-хан. Через пять лет в год овцы [1415] он скончался. В тот же год овцы на престол взошел Ойрадай-хан⁷¹. Спустя одиннадцать лет в год змеи [1425] скончался.

В тот же год змеи на великий престол был возведен Атай-хан. Хан, чтобы отомстить за прежние злодеяния, собрал своих монголов и выступил в поход на ойратов. Когда войска сошлись, то приказали Эсэху из онгнигудского Цаган-тумэна выйти на поединок. На это хан соизволил ответить так: «Хотя молодой конь и лучше скачет, но старый конь надежнее. Пусть первым выйдет на поединок Шигустэй-багатур-онг!» От ойратов вышел Гуйлинчи-багатур. Они были в прошлом побратимами и говорили, что, если монголы будут воевать с ойратами, то они выйдут на поединок [первыми]. Гуйлинчи-багатур сказал: «Под моими выстрелами и без панциря не страшно!» Шигустэй-багатур ответил: «Под моим мечом и без шлема не страшно!» Когда они начали поединок, Шигустэй-багатур надел на себя тройной панцирь, сбоку прикрепил железный нож, оседлал своего бурого коня с отметиной и выступил.

Гуйлинчи-багатур надел двойной шлем и оседлал своего сизого коня с отметиной. Сражение произошло в местности Боро-Нохай. Гуйлинчи-багатур выстрелил так, что стрела прострелила переднюю луку седла, в котором сидел Шигустэй-багатур, пробила двойной панцирь и нож и застряла в задней луке, так, что богатырь едва усидел на коне. Кривой Олху-мэргэн выстрелил и ранил в ключицу коня Гуйлинчи-багатура.

Шигустэй-багатур сказал: «Пусть решает морда моего коня! Пусть решает острие моего меча! Говорят, что в государственных делах нельзя оглядываться на родство!» Сказав это, он разрубил восьмигранный двойной шлем и отрубил голову [Гуйлинчи-багатуру]. В этом сражении с ойратами был убит Батула-чинсан, сын Таю, а его жена была взята ханом. Его сын Тогоган был отдан Аруктай-тайши в овечьи пастухи. Когда говорят, что монголы отняли державу у ойратов, имеют в виду эти обстоятельства.

Как-то спустя некоторое время, Атай-хан собрал съезд. Тогда Тогоган-тайши пас овец поблизости. После окончания съезда, он спросил у шедших оттуда двух людей: «Что же решили на собрании?» Те ответили, шутя: «Тебя там не было, вот ничего и не решили». Когда они ушли, Тогоган-тайши сказал: «Это не ваши слова, это повеление Неба!» Он снял шапку и поклонился Небу.

Однажды Аруктай-тайши сказал своей жене: «Этот Тогоган-тайши — сын знатного человека. Большой грех при нем расчесывать волосы и чесать тело». Оной-ага сказала: «Разве нельзя в будущем увидеть того, кого сейчас не видят?» Тогон-тайши услышал эти разговоры и вышел вон. Он подумал: «Это не ваши слова, это воля Неба!» Преклонив колени, он стал молиться. А Оной-ага⁷² сказала: «Этот Тогоган-тайши из знатного рода. Чем расчесывать ему волосы, лучше его прогнать!» Услышав это, Оной-ага не разрешила и рассердилась. Младший брат сказал: «Если сейчас не согласишься с тем, что тебе сказали, то впоследствии будешь об этом сожалеть».

Прошло какое-то время, и вдруг монгольские дети стали рыдать, собирать с криком табуны, завыли их сторожевые собаки. Тогоган-тайши понял, что это предвещает [монголам] недоброе, и стал молиться. После этого мать Тогоган-тайши сказала Атай-хану: «Мое имя ты возвеличил до хатун, а моего сына Тогогана отдаешь в услуженье людям. Если не убиваешь его, то отпусти!» Хан согласился с ее словами. Он поручил своим двум людям по имени Сахиламучин и Сахимучин проводить Тогоган-тайши на его родину.

Как только Тогоган-тайши приехал домой, ойраты, олэты и дурбэн-тумэны собрались на собрание. У Тогоган-тайши [они] спросили: «Каковы обычаи монгольского хана, его тайши и великого китайского государства?» Тогоган-тайши ответил: «Монгольский Аруктай-тайши состарился. Во всех делах стал осторожен. Его колчан запылится, хотя намерения не изменились. Сановников, вершащих правление, он держит снаружи, на коне в латах ездит поблизости. Правление государством поручает ничтожным людишкам. Быстрого скакуна держит без дела. Использует в делах правления беглых. Кожаный сосуд заливает водкой. Поэтому [государство] его — как верблюдицы без верблюда, как коровы без быка, как табун без жеребца, как овцы без барана. Если мне не верите, то спросите у Угэчи-Хашига».

Обманув монгольских послов Сахиламучина и Сахимучина, Тогоган-тайши отправился к Атай-хану. Он взял с собой лучших коней и отборные товары. Как только приблизился к границе [монгольского] государства, то Атай-хан, увидев подарки, сказал: «А вот и благодарность за то, что мы вернули Тогоган-тайши на родину». Сахимучин и Сахиламучин подтвердили: «Ойраты не имеют плохих намерений. Тогоган-тайши сильно утомился, пока вез тебе подарки, позволь ему на день остаться у нас». Хан дал согласие и сказал: «Уважим гостя». Вскоре вслед за Тогоган-тайши прибыло четыре тумэна ойратского войска, которые разгромили монголов. Атай-хана захватил Тогоган-тайши. Атай-хан сказал: «Мать твою я возвысил до положения ханской жены, а тебе самому сохранил жизнь». Тогоган-тайши ответил: «Мать мою ты лишил мужа, а меня отца». Он приказал казнить хана. Тогда хан сказал: «Я во всем полагался на Сахиламучина и Сахимучина, верил их словам. Умираю, не выпустив ни одной стрелы».

Атай-хан взошел на великий ханский престол и через четырнадцать лет в год коня [1438] погиб от руки ойратского Тогоган-тайши. Монгольская держава была захвачена ойратами.

В том же году коня⁷³ на великий престол вступил Гайсун-хан⁷⁴. После того, как хан был возведен на престол, он вместе с Агбарчин-джиноном договорились о встрече с ойратами в Мингани-Хара. Ойраты в Мингани-Хара прибыли раньше. Пока

хан и джинон сидели у себя, ойратский Эсэн-тайши, Набдара-сэцэн, Садула-Эхэтэй, Баятала, Алаг-Тэмур, Хатан-Тэмур, Абабурги, Тайтун, Тогоган-Хумчи и Лубчи во главе тысячи человек прибыли. Они навели такой ветер и холод, что монгольские воины и кони сильно замерзли. Хан и джинон собрали съезд, где решили договориться с ойратским тумэном о примирении. Когда хан закрыл съезд, прибыл опоздавший Садагчин-сэцэн. Он спросил: «Кто здесь есть из прибывших ойратских тайши?» После того, как их назвали, Садагчин-сэцэн сказал: «Это же дар самого Неба! Перебьем их и нападём на их войско!» Хан и джинон, рассердившись, стали его увещевать: «Разве на тех, кто собрался мириться, нападают?» Садагчин-сэцэн разгневался. Он ударил по голове своего белого коня и сказал: «Если хотим прикончить, давайте кончать. Если хотим собрать, давайте собирать!» Хагурцаг-тайджи одобрил слова Садагчин-сэцэна. Тайсун-хан возразил: «Если умирать, так умирать всем! Если жить, то жить всем!»

После того, как вернулись со съезда с ойратами, Тайсун-хан потребовал от Агбарчин-джинона, чтобы тот вернул ему человека по имени Инаг-Цаган из алагчигудов, который перебежал к Агбарчин-джинону, захватив с собой коня по имени Харга и панцирь. Джинон отказался. Инаг-Цаган, подстрекая, стал говорить: «Когда козел бесится? Когда у него ломаются рога? Джинон, спроси об этом у хана». Хан очень рассердился и сказал: «Козел дурак, и спрашивающий об этом Агбарчин-джинон тоже дурак». Джинон, услышав эти слова, сердито сказал: «Как будто ты не знал, глуп я или нет!» В конце концов, Инаг-Цагана захватили и вернули [домой]. Агбарчин-джинон поклялся: «Ты мне больше не старший брат!» После этого он ушел к ойратам. Тогда Хагурцаг-тайджи сказал: «Сказывают, что тот, кто хранит род жены, не возвышается. Тот же, кто хранит свой род, возвышается. Тот, кто хранит чужое, не возвышается. Тот, кто хранит свое, возвышается. Трудно хану стать низким, трудно голове стать хвостом!» Агбарчин-джинон отверг сказанное и направил к ойратам послов — ордоского Хатан-Тэмур и юншэбуского Нэгэй-Тэмур со словами: «Я стал чужим старшему брату Тайсуну. Я стал близким четверем тумэнам ойратов. У Хагурцаг-тайджи всего одна морда. Давайте прикончим его и Садагчин-сэцэна». На это ойраты не дали своего согласия. Набдара-сэцэн, сложив ладони, сказал: «Что понимает этот младенец?» Ойратские тайши и нойоны ответили: «Джинон, ты сказал, что объединишься с нами. Тогда ты стань ханом, а свой титул джинона отдай нам. Если ты сделаешь то, что мы просим, мы с тобой объединимся». Когда те послы вернулись обратно, они передали все это джинону. Джинон согласился, отделился от своего старшего брата Тайсун-хана и стал кочевать [один]. После этого джинон вместе с ойратами выступил в поход против своего старшего брата. Когда зажгли походные костры, джинон сказал: «Мой старший брат — трус. Пусть воины зажгут каждый по десять костров». После этого сторожевые Тайсун-хана, увидевшие войска джинона и ойратов, доложили хану об этом. Когда хан узнал, то сказал, что сам хочет посмотреть. Увидев [огни], он сказал: «Столько огней, словно звезды с неба попадали. Как же можно их победить!» Тайсун-хан, захватив с собой небольшое количество близких людей, а также дочерей и сыновей, бежал на Керулен.

Когда открылась любовная связь ханши Алтай, дочери Цэбдэна, с тарачинским Халцагаем, то Халцагая убили. Тогда же на носу и ушах у ханши сделали над-

резы и отправили назад к ее отцу — горлоскому Цэбдэну. Тогда же человек из сартагульского кочевья по имени Кучун украл серебряные украшения. Хан сказал: «Какого бы верного человека послать разузнать все это?» Кучун сказал: «Я поеду». Хан отдал ему своего коня, на котором ехал. Кучун взял серебряные украшения и перебежал к джинону.

Однажды хан поехал к Цэбдэну, чтобы встретиться со своей женой, вернувшейся домой. Цэбдэн сказал: «Прежде северные склоны Хараганы были теплыми, почему же теперь стали прохладными? Прежде объятая ханши были холодными, почему же теперь потептели? Прежде южные склоны Алтай-Хана были теплыми. Почему же теперь стали прохладными? Прежде объятая моей дочери Алтай были холодными. Почему же теперь потептели? В покинутое кочевье, о котором говорят, что травы нет, разве возвращаются? Покинутую жену, о которой говорят, что некрасива, разве берут обратно?» У Тайсун-хана было три сына. Старший его сын Мунгули-тайджи скончался ранее. Тогда [Цэбдэн] схватил хана, двух его сыновей Или и Дули, двух товарищей — горлосских Агаболода и Багаболода и всех впятером в урочище Урчин-Чигэр в год обезьяны [1452] убил. Хан сидел на престоле пятнадцать лет.

Мэнду-урлук, старший брат Агаболода и Багаболода, ночевал в гостях. Два его коня — Хулаган и Хараган, предчувствуя несчастье, в течение всей ночи били землю копытами и вздыхали. Мэнду-урлук, узнав об этом, сказал: «Они [обычно] подают такой знак, когда нападают враги». Встав рано утром, Мэнду-урлук быстро направился к хану, но прежде чем он добрался, хан и двое братьев [Мэнду-урлука] были казнены. Мэнду-урлук положил под голову хану одного из братьев, а под ноги — другого брата и так их захоронил. Потом Мэнду-урлук с несколькими своими товарищами напал на Цэбдэна и отомстил ему.

После этого ойраты собрались на съезд. Там они говорили: «Человек, не думающий о своем роде, разве станет думать о нас? Человек, не думающий о своем государстве, разве станет думать о нашем? Человек, не думающий о своем имени, разве станет думать о нашем? Наливая воду в свой очаг, в наш очаг он налил масла. Это кому же он будет хорошим джиноном? Нужно найти средство убить джинона». После этого ойратские нойоны сказали джинону: «Джинон! Ты тогда сказал, что станешь ханом, а нашему Эсэн-тайши пожалуешь свой титул джинона. Ведь, кажется, мы так договаривались? Мы тебя поставим ханом, а ты свой титул джинона отдай нашему Эсэн-тайши». Приготовили пир и пригласили джинона. В юрте выкопали большую яму, а поверх ее покрыли войлочным ковром. Джинона и его свиту — тридцать три человека с перьями на шапках, сорок четыре человека с длинными перьями на шапках и шестьдесят одного человека с лентами на шапках⁷⁵ вводили в одну дверь, а выводили во вторую. Так их всех по одному прикончили. Это убийство множества нойонов произошло в год собаки [1454], и поэтому говорят: в год собаки — смерть нойонов.

Хагурцаг-тайджи послал своего товарища Нагачу узнать, что делают малые и большие нойоны во главе с джиноном в юрте, в которую вошли. Нагачу посмотрел и сказал, вернувшись: «Джинона и всех остальных я не видел. Но с восточной стороны из юрты течет кровь». На это Хагурцаг-тайджи сказал: «Пришли лечь, вот и легли. Пришли умереть, вот и умерли». Взяв своего единственного товарища Нагачу, он

скрылся в скалах. По дороге в скалах их стали преследовать двое, одетые в двойные панцири. Нагачу выстрелил и пробил двойной панцирь у одного человека. Тот упал и скатился вместе с идущим сзади товарищем. После этого пришли люди в тройных панцирях с пиками. Нагачу сказал: «Я больше не могу! Ты стреляй!» Хагурцаг-тайджи выстрелил свистун-стрелой. От прикосновения стрелы к тройному панцирю раздался звук. Преследователь упал на следовавшего за ним товарища и скатился вниз. Нагачу сказал: «Если будем двигаться дальше пешими, то пользы не будет. Я пойду и украду лошадей у этих ойратов». В это время Эсэн-тайши вышел на воздух. Сидя у огня, он прикрывал его от ветра своим плащом. [Нагачу] перешагивая через спящих, вошел в лагерь. Когда он стал отвязывать рядом с Эсэн-тайши находившихся двух коней [по кличке] Эрмэг-Ширгучи и Хурдун-Хула, раздался звук «туг-туг». Осмотревшись, он увидел, что рядом никого нет. Оседлав одного коня и ведя другого на поводу, он снова услышал звук «туг-туг». Снова осмотрелся, но никого из людей не было. Тогда он догадался, что это его собственное сердце так стучит от страха. Затем, когда воин на карауле, спросил у него: «Ты кто такой?», — он ответил: «Какой же ты дотошный! Мы — монгольские Хагурцаг-тайджи и Нагачу, вот кто! Держите же!» С этими словами он выскочил из лагеря и поскакал к месту, где остался Хагурцаг-тайджи. Он позвал его, но ответа не было. «Наверное, скрылся», — пордумал он и позвал второй раз. [Хагурцаг] пришел. «Зачем же ты ушел?» — спросил у него [Нагачу]. [Хагурцаг] ответил: «Я боялся, что ойраты тебя схватили, и ты скажешь, где я. Вот я и скрылся». Взяв приведенного коня, он сел верхом, и они поехали.

Когда приехали в местность Хутухтын-Хулусун, они, расседлав, отпустили пастись своих коней. Вдруг они увидели оставшийся след от человека, который только недавно прошел здесь по траве. Они сели на коней и поскакали без седел. Хагурцаг-тайджи убил из лука лося. Из его ребер сделал себе седло, а мясо служило им пищей. Так они добрались до [дома] одного богатого тогмакского⁷⁶ человека. Брат этого богача сказал: «В глазах этого человека горит огонь, с ним нельзя дружить. Убить надо». Однако [богач] сказал: «Не всякий со всяким дружит», — и не убил. Спустя некоторое время Нагачу сказал Хагурцаг-тайджи: «Как можно жить одному? Я поеду к ойратам и попробую привести твою жену. До моего возвращения пусть никто не знает, что ты за человек. Не останавливайся там, где много людей. Не убивай много зверей на охоте. Когда приеду к Эсэн-тайши, то скажу ему, что убил Хагурцага». В подтверждение он взял косу, которую срезал [у Хагурцага].

Через какое-то время тот богатый человек отдал в жены Хагурцаг-тайджи свою дочь. Во время облавной охоты из попавшихся двадцати антилоп, Хагурцаг-тайджи упустил двух, а остальных убил. В этой охоте участвовал младший брат того богача. Он позавидовал и убил [Хагурцага], якобы по ошибке.

Между тем, Нагачу приехал к Эсэн-тайши. Мать спросила у Эсэна: «Если придет Нагачу, ты убьешь его?» Эсэн-тайши ответил: «Как только увижу его, то съем его мясо, выпью его кровь». — «А если он прикончил Хагурцага, то ты убьешь его?» [Эсэн] ответил: «В таком случае не стану убивать!» Тогда матушка позвала Нагачу к Эсэн-тайши. Так ему повезло, и он остался жить.

Спустя какое-то время Эсэн-тайши пошел с войском походом на Тогмак. Взял с собой Нагачу. Нагачу оседлав двух коней и поехал в стороне от войска. Тогда

ойраты напали на Тогмак. Идя следом за ойратским проводником, [Нагачу] захватил табун коней и поднес его Эсэн-тайши, а его матери подарил серебряную чашу и беличьё доху. Эсэн-тайши рассердился за то, что серебряную чашу подарили не ему. [Тогда] мать сказала: «Матери своей завидуешь? Он убил Хагурцага, захватил коня Эрмэг-Ширгучина, привел и тебе отдал». Увидев табун, Эсэн-тайши сказал: «Нагачу не человек, а коршун». С той поры Нагачу получил прозвище Элиэ⁷⁷. Элиэ-Нагачу стали его называть. Дочь Эсэн-тайши Алтан-бигичи, бывшая жена Хагурцага, была беременной. Ее взял в жены ойратский Обой-Худжигир.

После того, как монгольскую державу захватили ойраты, Эсэн-тайши вызвал Шигустэй-нойона. Шигустэй-нойон прибыл к нему с тридцатью товарищами. С десятью товарищами он вошел в ставку [Эсэна]. Эсэн-тайши послал к Шигустэю человека, чтобы он отобрал у него меч, которым тот зарубил Гуйлинчи. Шигустэй догадался, что против него задумано недоброе, стал тому человеку мечом рубить голову, но Олхуй-мэргэн удержал его за руку. После этого Шигустэй отдал свой меч. Взяв меч, тот человек спросил: «Что, Гуйлинчи именно этим мечом был зарублен?» Шигустэй сказал: «Вещь та, хозяин [теперь] не тот». После этого стали говорить, что Шигустэй-багатур-онг тогда был убит вместе с Олхуй-мэргэном и другими десятью товарищами по глупости.

Один ойрат поймал птицу. Когда спросил, что это за птица, то один мальчик сказал: «Рот у нее большой, лапы огромные, плечи широкие и плоский хвост. Обычно таких птиц загоняют в берлогу к медведю и оставляют. Это птенец большого грифа». Тогда тот человек доложил Эсэн-тайши следующее: «Мы такой птицы не знаем, а маленький монгольский мальчик узнал». Эсэн-тайши сказал: «Скверный мальчик, схватите и приведите его». Это был сын Шигустэй-багатура. Как ни искали этого ребенка, не нашли. [Эсэн] послал тогда людей и сказал: «Если это девочка, то причешите ей волосы, если это мальчик, причешите ему внутренности!»⁷⁸

Когда прибыли посланцы, жена солонгутского Сангулдари Харачин-Дайбучин накрыла Болоная котлом, который сверху забросала аргалом, а ему приказала: «Не шевелись!» Вместо него она отдала [пришедшим] своего сына. Один из них раздел ребенка, надел на него петлю и сказал: «Прикончим!» Тогда его товарищ ответил: «У того прежнего ребенка зад был заячий, а в глазах огонь. Это не тот. Его убивать не будем». После того, как те послы ушли, Харачин-Дайбучин сказала мальчику такое поучение: «Надо тебя отправить. Буду я тебя много бить или мало бить, все равно ты скажешь — ойратка. Ты в младенчестве лишился родины, поэтому еще ничего не понимаешь».

После этого мальчика отдали ойратскому Иладжу-баяну. Он сказал: «Ты не знаешь своих родителей. Ты — наш ойратский ребенок». Пожалел его, взял и поехал к себе. Харачин-Дайбучин сказала своему мужу: «Он потомок нашего нойона. Давай отвезем в монгольские земли». Сангулдари не согласился, сказав, что это далеко. [Харачин-Дайбучин сказала]: «Ты оставайся, а я возьму мальчика и поеду сама». Она послала своего старшего сына Магаши, чтобы он выкрал и привез Болуная. После этого она отвезла его к своему младшему брату нойону Бологад-онгу. Нойон Бологад-онг сказал: «Брат мой, пока тебя не было, я правил незаконно. Теперь правь ты, истинный правитель. Прими наше черное знамя»⁷⁹.

После того [ойраты] отняли правление великой державой у монголов, и Тогоган-тайши стал властителем. Он поехал на поклонение к Восьми юртам⁸⁰ и сказал: «Я хочу взять престол хана», — и стал ханом. После этого Тогоган-тайши, опьянев от такой милости владыки, стал громко кричать: «Ты великий Богдо, а я потомок ханши Сутай⁸¹». Он кричал и насакивал на юрту владыки, а пототом повернулся и ушел. Вдруг из носа и рта у Тогоган-тайши полилась кровь. Она капала на гриву коня. «Что это?» — подумал он и посмотрел. Оказалось, что в колчане государя [Чингис-хана] дрожит стрела с орлиными перьями на конце, и с нее капает кровь. Все, кто там были, это видели. Тогоган-тайши сказал: «Мужественный Богдо показал свою силу. Я, потомок ханши Сутай, Тогоган, умираю. Мою сердечную занозу — монголджинского Мунхэ убейте!» Так он сказал своему сыну и умер. Согласно завету своего отца, сын [Тогогана] убил монголджинского Мунхэ. Так ойраты еще раз отняли правление у монголов.

Спустя какое-то время на престол взошел Эсэн-тайши. Собрав войска из монголов и ойратов, он выступил в поход и разгромил три тумэна [30000] усунских джурчидов, подчинил их своей власти. Эсэн-тайши тогда сказал: «Я не стал брать приступом один город джурчидов потому, что этот город стоит на мысу, похожем на грудь коня. Его нельзя было брать». В другом городе все население было перерезано, а их трупы брошены в озеро. От крови оно стало красным, и поэтому ему дали название Красное озеро.

Когда ходили походом на джурчидов, то юншэбускому Эсэн-Самайю приснился сон, что он захватил в плен Дай-Мин-хана. Доложил об этом Эсэн-тайши. Тот сказал: «Ну, лови! Если поймаешь, отдам его тебе». Когда, захватив государство джурчидов, возвращались домой, Джинтай-хан взял войско и пошел на монголов. Встретились на дороге. Китайцы выкопали ров и не подпускали. Эсэн-тайши сделал вид, что повернул, оставив только караулы. Когда китайцы это увидели, они вышли изова. Тогда Эсэн-тайши внезапно повернул назад. Три сотни китайских воинов не сдвинулись с места и были зарублены. Одного человека захватили живым. «Почему вы не сдвинулись с места?» — спросили его. Тот человек ответил: «Мы — сновники Дай-Мин-хана. Как мы могли сдвинуться с места, оставив хана?» — «А где же ваш хан?» — спросили у него. Тот человек указал место, где укрылся его хан. Когда хана извлекли из его убежища и хотели зарубить, то не смогли, меч разлетелся на части. Пытались утопить и бросили в воду, но он не тонул. Как ни пытались, убить его так и не смогли. Согласно сновидению, которое видел Эсэн-Самай, отдали хана ему.

Эсэн-тайши запретил [своим воинам] рассказывать о захвате Дай-Мин-хана после возвращения домой. «Если кто ослушается, будет казнен!» После того, как Эсэн-тайши возвратился домой, то его мать спросила его: «Какова твоя добыча?» — «Большой добычи нет. Здоровы, и ладно», — ответил он. Мать сказала: «Ты почему скрываешь добычу? Говорят, что ты захватил большую добычу — Дай-Мин-хана». — «Кто сказал тебе об этом?» — [спросил Эсэн]. Его мать ответила: «Сурсун из монгольских юншэбу сказывал». Эсэн-тайши спросил у Сурсуна: «Ведь мы же договорились ничего об этом не рассказывать. Почему ты ослушался?» Сурсуна тут же прикончили, а грдину его и зад повесили на кривом дереве.

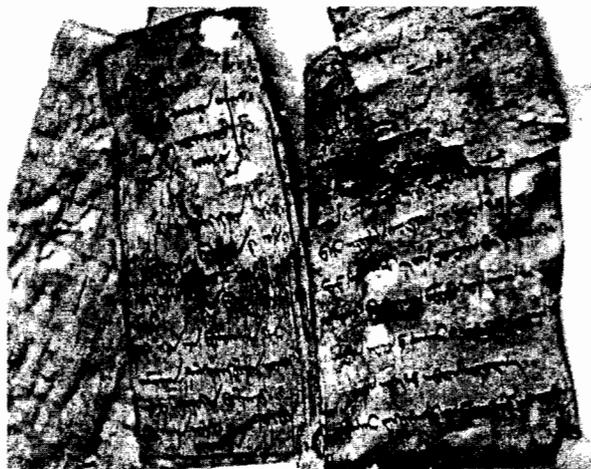
Спустя какое-то время Алаг-Тэмур-чинсан, [правитель] ойратского правого крыла, и Хатан-Тэмур, [правитель] левого крыла, сказали: «Эсэн-тайши, ты стал ханом. Отдай титул тайши нам!» Эсэн не согласился. «Свой титул тайши я отдам своему сыну», — сказал он, и не отдал. Те двое сказали: «Ты стал ханом благодаря геройству Алаг-Тэмуре, благодаря силе и твердости Хатан-Тэмуре и благодаря мудрости Набдар-сэцэна. Благодаря этому ты покорил ойратов и монголов и стал ханом. Разве ты один смог бы все это сделать?» Они собрали войско и напали на Эсэн-тайши. Эсэн-тайши удалось скрыться, а его жена Арай, семья, имущество и скот — все было захвачено.

После этого Эсэн-тайши, скитаясь в одиночестве, пришел в юрту жены Сурсуна. Когда он выходил, попив кумыса, жена Сурсуна сказала: «Этот человек по походе напоминает вредного Эсэна. Он так же переваливается с боку на бок». Ее сын спросил: «А он так ходит?» Мать ответила: «Говорят, Эсэн рассорился со своими. Это точно он! Присмотрись к нему получше». После этого, когда Эсэн пришел вторично, его узнали. Сурсунов сын Бугун с братьями девятером схватили его и убили.

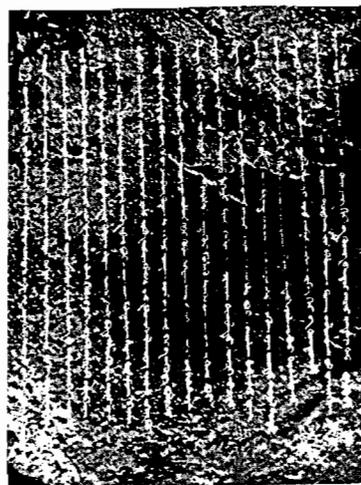
Джинтай-хану дали жену по имени Мулу-Дзагату, а ему самому дали прозвище Мухур-Шигуши и отдали в слуги юншэбускому Эсэн-Самаю. Пока он там жил, у того народа не было бескормицы, болезней и падежа скота. Это было потому, что Джинтай-хан там жил в услужении. Когда он спал, от его тела исходил свет. Однажды он написал письмо: «Я нахожусь здесь», и отправил его тайно в повозке с шерстью, которую везли на продажу. Это письмо нашли китайцы. Они сказали: «Вы держите Джинтай-хана в услужении. Ему не положено находиться у вас. Отдайте его нам». Шесть тысяч ульгийских учиедов отвезли его и получили дайду. За то, что они верно сослужили службу хану Юн-ло, они получили триста дайду. За то, что послужили Джинтай-хану, они также получили триста дайду. Поэтому и говорят — шестьсот ульгийских дайду. Некоторые говорят, что когда монголы вернули Джинтай-хана на родину, то он послал им триста дайду. Но так как монголы уже поссорились между собой, то они не успели их взять. Шесть тысяч ульгийских учиедов потребовали себе и эти триста дайду, которые и получили. Еще говорят, что у Джинтай-хана в Монголии от взятой им жены Мулу-Дзагату родился сын, которого оставили в Монголии. Его потомок, говорят, был насудский Талби-табунан.

После этого на престол был возведен Махагургис-хан. Скончался в год курицы [1453]. У Махагургис-хана потомства не было. Когда убили Тайсун-хана, Молон-тайджи не убили, так как он был [ойратским] племянником. После этого хэмджиутский Дагадай-тайбу и хурлатский Хучир-Молондай взяли у Цэбдэна Молон-хана и доставили его на границу великого государства и отдали одному человеку. Тот привез его к Мухулихай-вану. Онгнигудский Мухулихай-ван правил великим народом. Ему сказали: «Ты будешь ханом!» Мухулихай-ван ответил: «Разве нет у хана потомства? Это не пристало ни мне, ни моему потомству», — и он отказался. Мухулихай-ван посадил Молон-хана на своего коня Цаган-Гуйсуту-Гоа, прикрепил свою золотую ваджру, и в год курицы [1453], в возрасте семи лет возвел его на великий ханский престол.

Через некоторое время ордосские Мунхэ и Хатан-Буга стали говорить [Молон-хану] подстрекательские речи: «Мухулихай-ван думает дурно про тебя и свою

*Средневековые монгольские книги на бересте.
Из архива Г.С. Гороховой*

*Средневековая монгольская
надпись на камне. Из архива
Г.С. Гороховой*

ханшу Самадай. Выступим походом первыми». Они выступили. Люди увидели войско Молон-хана и доложили об этом Мухулихай-вану. Мухулихай-ван не поверил, но потом, увидев пыль, поднятую на дороге воинами, поверил. Собрав свои войска, он совершил поклонение божеству и сказал: «Решай ты, великое вечно синее Небо. Если ниже, решай ты, великий Богдо! Я был добр к твоему потомку, но потомок твой замыслил против меня злодеяние». Сказав так, он стал молиться. Мухулихай-ван оставил при себе три сотни воинов, а другие, которыми командовал его младший брат Монгол-Дзаргучи с двумя братьями, напали на Молон-хана и захватили его. В год собаки [1454] хан погиб от рук Мухулихай-вана. Борбогского Баян-Урмэгэра взяли живым. Все сановники сказали: «Убьем его». Мухулихай-ван ответил: «Он был передовым в войсках Молон-хана. Если он шел впереди своего хана, значит, он благородный человек. Разве впереди меня он не может идти?» Сказав так, он не стал его убивать.

Оставленный в живых, [Баян-Урмэгэр] ножом с желтой рукояткой очертил круг около трупa хана и похоронил его. Жена Молон-хана Мунгултай-хатун горько плакала и причитала: «Мою великую державу разрушили Мунхэ и Хатан-Буга. Разлучили меня с всеобщим государем-господином Мунхэ и Хатан-Буга». У Молон-хана потомства не было.

Когда ойраты и Цэбдэн отняли власть у Тайсун-хана и Агбарчин-джинона, в это время у другой ханской жены родился ребенок, который хану приходился младшим братом. Ему дали имя Мандугули. Он кочевал тогда в местности Йисутайн-Дзун. Через некоторое время этот Мандугули-хан в год овцы [1475] в местности Хашигарид-Дзун был возведен на великий ханский престол. Мандугули-хан имел двух жен. Одна из них была Мандухай. Другая была длинноносая Джунхэн. Отцом

Мандухай-хатун был владетель тумэдских и энгудских земель Чоросбай-Тэмур-чинсан. Отцом днинноносой Джунхэн был ойратский Бигэрсэн-тайши. С длинноносой Джунхэн хан из-за болезни, говорят, так и не соединил подушки⁸². Мандугули-хан умер в год свињи [1479]. Останки Мандугули-хана, говорят, погребены на возвышенности Магу.

Когда монгольскую державу захватили ойраты, сын хорчинского богатыря Шигустэя Нойонболод-ван откочевал на Онон. Прошло какое-то время и, чтобы отомстить за Молон-хана, он оседлал своего солового коня и выступил походом против Мухулихай-вана. Как только войска Нойонболод-вана выступили, Мухулихай-ван узнал об этом и бежал. После этого Нойонболод-ван сказал: «Моим предком был Йисугэй-багатур. У моей прародительницы Оэлун-эхэ родились: Тэмуджин, Хасар, Хачигун, Отчигин. Все мы из одной утробы. У Сулчигин-эхэ были Бэгтэр и Бэлгэтэй. Моего предка Бэгтэра прикончил владыка Богдо — во главе, и Хасар — позади. За это зло нынче и прикончили Молон-хана. У хана нет потомства, но я, потомок Хасара, отомщу!» Выехав из степи Олхуй, он достиг и прикончил сыновей и братьев Мухулихай-вана — семь человек. Он взял стальной шлем с золотым окладом, ранее отнятый у Молон-хана при его убийстве. То место, где были отсечены семь голов воинам, во главе с монгольским дзаргучи⁸³, стали называть Дологан-Толгой [Семь голов]. Мухулихай-ван сел на своего красавца-коня, надел доху из меха тарбагана и бежал. Он укрылся в Гунгуй-Дзабхане, где из травы соорудил шалаш, питался сырыми шкурами, голодал и вскоре умер. Так, сказывают, потомок Хасара оказал услугу потомку хана.

Бигичи, супруга Хагурцаг-гайджи, захваченная ойратами, была на сносях. Тогда Эсэн-тайши сказал: «Если будет дочь, причешите ей волосы, если будет сын, причешите ему внутренности!» Он послал к ханше своих людей — Абубурги, Тайтунга и других. Бигичи об этом узнала и заставила своего сына помочиться как девочку, оттянув его орган назад. Посланец увидел это и решил, что это девочка. Об этом он и доложил Эсэн-тайши. После того, как тот человек вернулся, бигичи успела своего ребенка спрятать, а в люльку положила дочь своей служанки матушки Удай, приехавшей из чахарских земель. Тот человек снова пришел, посмотрел в люльку и убедился, что там девочка. «Это девочка!» — доложил он вновь Эсэн-тайши.

Прошло какое-то время, и ойратский Угэдэй-багатур, рассердившись на своего нойона, сказал: «Я уже тринадцать лет хожу в походах передовым, отдаю всю свою силу, но ни разу не был награжден никакими наградами». Его побратим Элиэ-Нагачу сказал: «Если ты хочешь получить почет, переправь сына бигичи — жены Харурцаг-гайджи к монголам, и за это тебя станут почитать шесть тумэнов монголов». Старшая сестра Угэдэй-багатура была замужем за татарским Тохи-багатуром. Под этим предлогом Тохи-багатур взял ребенка. Ойратский юноша из лесных мест Угэдэй-гайбу, хонгиратский Асалай-гайбу, харачинский Болой-гайши, сартагульский Баяндай-Аглаху вчетвером взяли ребенка и уехали.

Их преследовали ойраты, но не догнали. Абубурги сошел со своего гнедого коня и отдал его Элиэ-Нагачу. Ойратские нойоны сказали: «Догони этого ребенка и отними. За это получишь людей и табун коней». После этого Элиэ-Нагачу пустился в погоню и нагнал [беглецов]. Те бросили ребенка и сбежали. Элиэ-Нагачу концом

своего лука зацепил за ремень, привязанный к люльке с младенцем, и сказал: «Если вы ребенка бросили, то зачем тогда было пускаться в путь?» Сказав это, он отдал им ребенка. Затем они пустили в разные стороны стрелы и оставили их так. Когда подъехали товарищи, Элиз-Нагачу рассказал им о том, что было [сражение]. Они увидели поломанные стрелы, поверили ему и вернулись назад. А те четверо взяли ребенка и добрались к урянхайскому Хутухту-Шигуши, где и оставили. Когда Болху-джинон вырос, Хутухту-Шигуши отдал ему в жены свою дочь по имени Шихир.

После этого в год свиньи [1467] Баянмунхэ Болху-джинон вступил на ханский престол⁸⁴. В это время Мандугули-хан и Болху-джинон вместе правили шестью тумэнами монголов. Однажды злоречивый Хонхули сказал: «Твой младший брат Болху-джинон имеет намерение отнять у тебя длинноносую Джунхэн». Тем словам Мандугули-хан сначала не поверил. Чтобы точно развеять сказанное Хонхули о его младшем брате, он приказал отправить к нему гонца. В то время, когда Хонхули клеветал хану, он одновременно сказал Болху-джинону следующее: «Твой старший брат хан в отношении тебя замыслил злое дело. Если считаешь, что я сказал неправду, то знай, что к тебе придет гонец, чтобы тебя испытать. Вот тогда пове-ришь».

Для того, чтобы договориться, Мандугули-хан направил к джинону двух послов. Как только джинон увидел послов, он подумал, что [Хонхули] говорил ему правду. «Видно, правда, что [хан] задумал плохое», — подумал он. Посланным ханом людям джинон не сказал слов примирения. Когда те вернулись к хану, то доложили: «Твой младший брат джинон не передал тебе слов согласия». Хан тогда подумал: «Из этого следует, что [джинон] действительно замыслил против меня злое. Я нездоров, и нет у меня детей. Когда я умру, то мои жены-ханши и все государство будут принадлежать ему. А он уже теперь ставит себя высоко. Это дурно!» Разгневанный хан стал немедленно собираться в поход. Джинон узнал об этом и укрылся у своей сестры Богорул-гунджи⁸⁵. Гунджи скрыла это от своего мужа Бэгрисэна. Она сказала своим сыновьям Нэмэху-Чуну и Багабаю: «Я обману Бэгрисэна и возьму с него слово». Она спросила Бэгрисэн-тайши: «Если от наших придет сюда один мальчик, можно надеяться на тайши?» Бэгрисэн-тайши ответил: «Если сюда придет мальчик из ваших, я съем его мясо и выпью его кровь!» Сказав это, он растрепал свои волосы, раздул ноздри и так сидел с угрожающим видом.

Потом Бэгрисэн-тайши отправился на облавную охоту. Нэмэху-Чун и Багагай с ним не поехали. Они вывели и отпустили джинона. Бэгрисэн-тайши уже во время охоты узнал об этом и направил к гунджи человека, чтобы тот у нее спросил: «Где мой соловый конь в путах?» Гунджи сказала: «Разве у тебя в печени злоба? Разве ты имеешь злой умысел против родственников? Твой соловый конь в путах ушел в свои земли». Когда Бэгрисэн вернулся с охоты, гунджи сказала своим сыновьям: «Я прежде сама умру, чем это увижу. Лишь бы мне не увидеть, как человек сажает в цепи своих детей!»

Тогда Болху-джинон поселился в местности Худаган-Дэрсутэй. В это время у Шихир-тайху родился ребенок — [будущий] Даян-хан⁸⁶. Даян-хана отдали человеку по имени Балагчин-Багай. Спустя какое-то время ойратский Исмал-тайши напал на их кочевье и захватил Шихир-тайху. Исмал-тайши стал воспитывать [Даян-хана].

Болху-джинон вместе с Болотаем, скрываясь в борбугских землях, добрались до границы юншэбу. Джинон остался в степи, а Болотая послал разведать обстановку. Старшая сестра Болотая встретила своего брата и задержала его у себя. Джинон, измученный жаждой, отправился в какую-то юрту, чтобы там попить кумыса. Его увидела одна женщина. Ей показались подозрительными его верховой белосоловый конь, богатая одежда, подбитая беличьим мехом, широкий пояс. После того, как джинон ускакал, она увидела, что у реки собралось много народу, пошла туда и сказала: «Там прибыл один подозрительный человек». Тогда Хэриэ, Цаган, Тэмур-Мунхэ, Хара-Бадай из пяти кочевий юншэбу догнали его и спросили: «Ты кто такой?» Джинон ответил: «Я путник». Они сказали: «Отдай нам свой золотой пояс». Но джинон его не отдал, и тогда юншэбуские жестокие люди ухватились за поводья коня джинона и убили его в год барса [1482]. Это было одно из преступлений юншэбу — так говорят.

Так как о Даян-хане плохо заботились, седьмой сын тангутского Тулэнгри Тэмур-Хадак приехал к Бохаю и сказал: «Отдай этого ребенка человеку из знатного рода, а если не хочешь, то отдай его мне». Но [Бохай] ему не отдал. После этого Тэмур-Хадак вместе со своими братьями всемером оседлали хороших скаковых коней и силой отняли [мальчика]. Даян-хан страдал нарывами. Его стала лечить жена Тэмур-Хадака. Она растирала Даян-хана молоком девяти белых верблюдиц тремя серебряными чашами, пока они не истерлись. После этого его болезнь вышла семью палками, похожими на водоросли, и он поправился. Это было одно из страданий Даян-хана.

[XI. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ ДАЯН-ХАНА]

После этого тангутский Тэмур-Хадак препроводил Даян-хана к Сайн-хатун. Мандухай-Сайн-хатун⁸⁷, намереваясь отомстить [ойратам] за ранее причиненное зло, выступила в поход. Она отправила пеших воинов в год быка [1469]. Сама выступила в поход с конными войсками через трое суток. Сайн-Мандухай-хатун прикрепила колчан, подобрала волосы, взяла Сайн-Даян-хана и выступила в поход. Кэшиктэна Алайдунга взяла проводником. Когда она напала на четыре тумэна ойратов, то у Сайн-хатун упала шапка и повисла на шнурке на шее. Один ойрат это увидел и сказал: «У ханши нет шапки. Где она?» — и отдал ханше свою шапку. Ханша взяла ее, напала на четыре тумэна ойратов и захватила их.

Сражалась она на возвышенности Тас-Бурду, билась в местности Тэгдун, без препятствий захватила Тас и усмирила [ойратов]. Так шесть тумэнов [монголов] отняли власть у ойратов.

Затем хорчинский Нойонболод-ван сказал Сайн-хатун: «Я хочу зажигать огонь в твоём очаге и управлять твоим кочевьем!» На это Сайн-хатун сказала: «Ты, потомок Хасара, хочешь съест удел моего хана, или я хочу съест твой удел, потомок Хасара, [это не важно]. Есть занавески на двери, которые нельзя поднять. Есть порог дома, который нельзя перешагнуть. Пока существует потомок моего хана, я не пойду к тебе!» После этого она обратилась к алагчигудскому хромому Сатаю с та-

ким вопросом: «Правильны ли эти слова вана?» Хромой Сатай ответил: «Правильны. Иди!» После этого она о том же спросила горлосского Мэнду-урлука и своего старшего брата Джига. Старший брат Джига ответил: «Если она выйдет замуж за потомка Хасара, то пойдет по темному пути, лишится своего народа и потеряет славное имя “хатун”. Если станет женой потомка хана, то получит защиту от Небесного владыки, станет правительницей всего своего народа и имя свое “хатун” прославит. Если станет женой того человека, то пойдет по белой дороге, будет править тумэном чахаров и свое имя прославит бесконечно!» Слова старшего брата Джига Сайн-хатун одобрила, а слова хромого Сатая осудила и вылила ему на голову горячий чай.

Мундухай-хатун сказала: «Говоря, что потомок моего хана еще ребенок, говоря, что народ его не имеет владыки, говоря, что я — вдова, потомок Хасара принуждает меня!» Мандухай-хатун надела на Даян-хана сапоги на тройной подошве, взяла у алагчигудского Унэгэ кувшин с вином, приказала нойонам юрты совершить окропление влагой в честь Великой ханши⁸⁸ и стала молиться ей: «Хотят меня забрать в невестки в земли, где не различить масти коня. Потомок хана мал, а потомок Хасара позвал меня в жены. Вот я и прибыла к ханскому дворцу. Хотят меня забрать в невестки в земли, где невозможно различить масть пегого коня. Потомок твой еще ребенок, а далекий господин позвал меня в жены. Вот я оставила страх и пришла к золотому дворцу. Моя смелость ослабла, моё лицо в стыду. Если я пойду к Нойонболод-вану, сказав, что твои широкие двери легки, а высокий порог твой узок — твой укрюк ведь длинен, а петля широка — удержи меня своим укрюком. Если возьму твоего потомка, хоть он и мал, удержи укрюком Нойонболод-вана! Один-единственный родился наследник у хана. Если я сама буду решать [судьбу] и пойду туда, говоря, что умер твой наследник, пусть раскрошатся мои берцовые кости! Давно родился у владыки Богдо наследник. Если я сама буду решать [судьбу] и пойду туда, говоря, что потеряла твоего наследника, пусть я здесь перед тобой, о, Великая ханша, умру!» Такими правдивыми словами молила она милости у Великой ханши. Перед Великой ханшей она продолжала молиться и произносить такие слова: «Матушка Великая ханша, если одобряешь мои слова, пожалуй мне на внутреннюю полу семь сыновей, а на внешнюю полу одну дочь! Если, согласно моей просьбе, пошлешь мне семь сыновей, то я всех их назову Болодами». Совершив это моление, она вернулась домой. Нойонболод-ван, узнав об этой молитве, оставил свои прежние намерения.

Говорят, что Даян-хан в возрасте семи лет упал в реку Хулугур, но его спас тангутский Айн-Тэмур, бросившись в воду.

Затем Батумунхэ-Даян-хан в семилетнем возрасте женился на Мандухай-Сайн-хатун⁸⁹ и в тот же год свиньи [1479] взошел на ханский престол.

Силой молитвы о счастье у Мандухай-Сайн-хатун родились семеро сыновей и одна единственная дочь. Туруболод, Улусболод были двойней. Арсболод и Барсболод — двойня. После этого Сайн-хатун, находясь на девятом месяце беременности Учирболодом и Алчуболодом, напала на ойратов. Во время этого [похода] Сайн-хатун упала с коня. Сайн-Сайхан из кочевья барагунов на хорошем соловом коне прикрыл ее. Балагачинский Баян-Бухэ и асудский Батуболод-Бухэ подняли ханшу,

Даян-хан. Из кн.: Монгол улсын туух. Гутгаар боть. 2003. Улаанбаатар

посадили на коня и вывели из сражения. Спустя месяц родились близнецы Учирболод и Алчуболод. После них родился Албогура. Всем семерым и дали имя Болод.

У урянхайской супруги [Даян-хана], племянницы Хутухту-Шигуши, Самуртайху родились сыновья Гэрэсэндзэ и Гэрэболод. От ханши Унугэ-Гуши родились Гаруди и Чин. Всего у хана было одиннадцать сыновей.

[XII. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ДАЯН-ХАНА. БОРЬБА ЗА ВОССОЗДАНИЕ ЕДИНОГО МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА]

Спустя некоторое время [однажды] кочевали в местности Цаган-Гаруди. Выставили караульных из эрхэутов. Те увидели китайские войска. Когда хану об этом сообщили, то он послал караульными эрхэудских Гудэна и Бобуса. Те увидели, что [китайские] войска вышли из Хухэ-хото. Гудэн и Бобус поспешили к хану. Один из них, стоя позади юрты, разбудил хана, а другой поймал коней и привел. На них посадили хана и ханшу, и они уехали в Мачин-Талбар. Тогда и [их невестка] Цагагчин-хатун убежала в короткой беличьей шубе. Говорят, Цагагчин-бигичи называют «Столетней тайху». После этого перекочевали на Керулен. Оттуда Даян-хан пошел военным походом на монголджинов⁹⁰. Когда заночевали на берегу реки Тургэн, монголджины узнали [о нападении], собрали войска и вышли навстречу. На берегу

реки Тургэн они встретились. Далатский богатырь из монголджинов Угургэй подошел с правой и левой сторон, громко трубя в трубы. Ханские войска растерялись. Из-за смятения на реке Тургэн конь с белой лысинкой, на котором сидел хан, споткнулся и упал в грязь. При этом кончик шлема [на голове у хана] воткнулся в землю, и не давал ему подняться. Бэсудский Тогон-Сайн из-за того, что конь с белой лысинкой упал в грязь, остановил тоже бэсудского Цаган-Магу-Царая и приказал ему: «Сойди с коня!» Вдвоем они сошли с коней, выдернули верхушку шлема из земли и посадили хана на коня. Так хану оказали помощь бэсудские Тогон с Магу-Цараем и горлосский Хара-Туру.

Даян-хан пошел походом и разбил монголджинов. Даян-хан остановился в верховьях реки Тургэн и стал ждать там свое войско. Он варил мясо в котле вместе с кэшиктэнским нойоном Эчигэ. Тот выбросил мясо на землю и забрал котел. Потом [хан] нашел котел у воинов.

Спустя некоторое время пошел походом на ойратского Исмала из уйгудов. [Хан] назначил военачальниками горлосского Тогучи-Шигуши, хагучидских Эсэн-Тугэла, Цаган-Ама, Цобун-багатура, Мингату-Арлуд-Молана, кэшиктэнских Бэрчи и Сара-Батулада, хэмчигудского Хори-Баясху, горлосского Бабахай-урлуга, тарачинских Багасухая, Хори-Хабтгая, борбогских Мунхэ, Бэлгу-Тучигэна, Бэхи-Угэдэя, ахатэмурских Шигуши, Мингату и сархудского Эсэндэя. Приближение войск первая услышала служанка в юрте Исмала по имени Алаг. Она сказала Исмалу: «Земля дрожит! Чтобы это значило?» Она отвязала гнедого коня и дала его Исмалу. Исмал-тайши сел на коня и поехал посмотреть, что там за шум. Когда он встретился с горлосским Тогучи-Шигуши, Тогучи-Шигуши сразу узнал его, выстрелил и убил. Тогучи-Шигуши в качестве награды взял себе жену Исмал-тайши по имени Голатай. Его панцирь взял себе хагучидский Мингату. После этого Шихир-тайху усадили на коня, но она сильно рыдала и отказывалась. Тогучи-Шигуши рассердился и сказал: «Муж твой джигдон разве плох? Сын твой хан разве плох? Твой народ чахары разве плох? Почему же ты так скорбишь о чужом человеке?» Пригрозив ей мечом, посадил ее на лошадь и так доставил. Рожденных Шихир-тайху сыновей Бабудая и Бурхая также взяли и привезли вместе с нею. Когда произошла встреча Даян-хана с матерью Шихир-тайху, то Тогучи-Шигуши сказал: «Я убил врага твоего. Погубил твоего кровного врага!» Говорят, что Шихир-тайху умерла в степи Сэрэмэгэр на реке Шира.

Однажды ойратский правитель Бэгирсэн-тайши из уйгудов, пока готовилась пища для пира, сидел и пил жирный бульон. В это время сын монголджинского Тубшина Сайн-Тулугэн проголодался и попросил бульона у Бэгирсэна. Бэгирсэн налил остывший бульон в другую чашку, а тому подал [чашку с горячим бульоном]. Тот не знал, что бульон горячий, стал его пить и обжег себе рот. Тулугэн подумал: «Выпил этот горячий бульон, и сердце мое горит и выпрыгивает». Устыдившись, он задержал бульон во рту, пока тот не остыл. Из-за этого у него сошла кожа с нёба. Тулугэн сказал: «Это злодеяние я не забуду до самой смерти. Придет время, и я припомню его!» Он уехал, помышляя о предстоящем мщении.

Затем хан собрал своих чахаров и тумэдов и отправился в военный поход на Бэгирсэна. Монголджину Дзанги-Тэмур-Аглаху было приказано разведать обстановку. Дзанги-Тэмур-Аглаху вошел в юрту к Бэгирсэну, прищутив один глаз. Тот

спросил: «Что случилось с тобой?» Он ответил: «Ох, жил я спокойно, но дурное тело стало мне врагом. Был здоров, но заболел». Бэгирсэн-тайши налил в серебряную чашу водку и поднес ему. Тэмур-Аглаху выпил водку, посидел и сказал: «Это мне напоминание о том, что я здесь пил». С этими словами он спрятал серебряную чашу за пазуху и вышел вон.

После того, как Дзанги-Тэмур ушел, Бэгирсэн-тайши сказал: «Что за чепуху сказал Дзанги-Тэмур?» Он разложил гадание. Вышел ему, говорят, рог черной коровы. «Гадание мое предвещает плохое», — подумал он и стал собирать своих воинов. Увидев пыль от воинов, он спросил об этом у своих сыновей Нэмэху и Чуяна. Нэмэху и Чуян ответили: «Это, наверное, пыль, поднятая твоим табуном коней». Но тут Даян-хан напал на Бэгирсэна. Тот бежал. Его увидели и стали наступать. Он снял свой шлем, надел на своего слугу и обманул преследователей. Сын тумэдского Тубшина Сайн-Тулугэн и сын китайца Унугучи-Чжахой-Хургагчи вдвоем наступили и схватили этого человека, думая, что это Бэгирсэн. А это был не Бэгирсэн, а слуга. «Где твой хозяин?» — спросили у него. «Вон он!» — сказал [слуга] и показал. За Бэгирсэном погнались и схватили. Его убили в Хулчир-Тухуме. Говорят, что на месте, где его убили, выступила соль. Оба сына Бэгирсэна — Нэмэху и Чуян опечалились и сказали: «Что породил, то погубил. Что выросло, то закопал. Что вышло, то задавил. Вот и сложил свою черную голову!»

Затем младший брат Ибарая украл у урянхайца Баян-Тогто табун кобылиц и саврасого жеребца, но не был наказан. За это [Баян-Тогто] угнал у него табун. За ним погнался младший брат Ибарая, который напал и был убит. Так было совершенно еще одно преступление. К Даян-хану прибыли послы от трех западных тумэнов⁹¹: сын монголджинского Улдзэя Онгорхай, ордосские Халигучин и Удагачишаби и попросили: «Накажи за преступления!» Они совершили жертвоприношение перед Восемью белыми юртами и попросили защитить их: «Верши над нами правление!» Даян-хан сам не поехал, а отправил своего сына Улусбайху-абахая и назначил горлосского Бабахай-урлука ему в помощники. Одного из послов — Онгорхая задержал, а другого — Удагачишаби отправил назад. Абахай добрался до Белых юрт. Вместе с ним был его товарищ, который, как оказалось, задолжал одному уйгуду коня. Тот человек стал требовать долг, и они подрались. Абахай сказал: «За что ты наказал моего товарища?» Он рассердился и зарубил того человека. Это увидели подошедшие уйгудский Ибарай-тайши и ордосские Лэгүши и Аглаху. Они очень рассердились и стали ругаться: «Говорил, что пришел, чтобы управлять нами, а оказывается, пришел, чтобы срубить наши головы! Мы получили того, кто с самого начала убивает?» Они пришли с войском и стали сражаться. Багатур Хурисун отдал своего скакуна Абахая и сказал: «Бежим!» Но ближайшие нойоны сказали: «Мы умрем за тебя!» — и не пустили. Абахая спрятали в Белых юртах, а сами стали сражаться. Нойонов подавили, а [Абахая] отбили и убили. Об этом услышала жена монголджинского Хошой-табуна Догунанг-гунджи и приехала [на место событий], но [Абахая] уже убили. Гунджи заставила всех поклониться юртам и соблюдать траур.

Хан, узнав, что Абахай убит, собрал войско и прибыл. Все сановники собрались и сказали: «Давай уьем Онгорхая!» Но хан, посадив его позади себя, сказал: «Мо-

его сына Абахая убили, а у вас-то кто убит?» Сказав так, он стал молиться Небу: «О, Высшее Небо, знай о льющейся крови и лежащих костях! А под ним, ты владыка Богдо, знай об этом!»

Барсболод-джинон находился у своей старшей сестры Догуланг-гунджи. Они со страхом следили за этими событиями. Западные тумэны узнали, что Даян-хан выступил походом. Ойрадский Ибарай-тайши, ордосские Лэгуши и Аглаху, тумэдский Сайн-Хошой и Бабахай-Шигуши — все они стали совещаться: «Если птицу сокола держать в руках, то она может напасть на своего хозяина. От этого кому же будет хорошо? Нужно монголджинам навредить!»

Догуланг-гунджи, старшая сестра Барсболод-джинона, приказала сопровождать его домой семерым людям: ордосскому Тэмур-тайши, борбогским Элджигурлуку и Далантайн-Алагчи, шинхорским Тогто-Байху и Тобог-Дучияну, балагачинскому Эсэн-урлуку, горлосскому Тобуху. Когда они его везли, то в пути запасы еды кончились, и ребенка кормили диким луком. Позже ему дали прозвище Хумэл (Дикий лук). Его также называли Мэргэн-Хара-джинон.

[XIII. СМЕРТЬ ДАЯН-ХАНА]

Так как убили его сына Абахая, Даян-хан решил выступить в поход. Западные тумэны услышали об этом и тоже выступили с войском. Войска встретились в Далан-Тэригуне. Алагчиудский Цаган-дзагарин и удзумчинский Элдунгэ-бакши раскинули гадание и доложили хану: «На жизни Ибарая — огонь. Огонь можно залить водой, и будет все хорошо». Они разожгли огонь и залили его водой из серебряной чаши. Онгнигудский гадатель Тулугэтэй сказал: «Из рода борджигин выйдут квадратные красные люди. Если от них отделится черный человек, родившийся в год барса, и придет, тогда их подавишь». Затем приехал хорчинский Ордагудай-нойон со своим сыном Бурхаем, который ехал на коне с белой отметиной. Прибыли также табунский астролог Цахица, управитель народа мумингатский Улум, злоязычный татагалчинский Багасугай, многоречивый кереитский Улду, доброречивый алдагчинский Саймган. Они сказали: «Назначим [бой] на полдень!» Борбогский Баян-Урмэгэр, чтобы обмануть [врага], спрятал знамя Даян-хана, а на его месте укрепил знамя урянхайцев. Сын Ордагудай-нойона Бурхай, табунский Цахица и сын Саймагая Бартан — все [в этом сражении] погибли. Говорят, что Бурхай-ван, Багасунтабуна и Цахица погибли потому, что так было предсказано.

Западные тумэны прибыли и построились боевым строем «лук-ключ». Тогда Даян-хан спросил у предводителя черных войск алагчинского ойрата Шигуши: «Ты знаешь такое построение?» Шигуши ответил: «Против этого “лука-ключа” хорошо направить “бычий край”», и он выстроил шестьдесят одного быка в одну линию. Западные тумэны увидели ханское знамя и напали на знамя урянхайцев. Ордагудай-ван вместе со своим сыном Бурхаем, урянхайский Баяхай-багатур, хорчинтабунский Сайн-Цахица-багатур и Багасунтабуна из рода нойонов пяти кочевий Халхи — впятером руководили сражением. Урянхайцы бежали. Тумэды пустились в погоню. Тогда вытащили черное ханское знамя, напали на тумэдов и подавили их. Большинство воинов западных тумэнов приняли черное знамя хана за свое, прим-

чались и были порублены. Ибарай-тайши бежал. Даян-хан захватил правление у западных тумэнов и стал ими управлять.

Цахица-багатур, сказав, что еще хочет войти в сражение, снял с головы шлем и бросился на неприятеля. При этом Цахица сказал: «Такое правление не каждый день встречается!» — и стал рубиться. В этом сражении Цахице разрубили голову, и он упал с коня. Лежа на земле, он еще успел отрубить у своего противника ногу с железным стремяем. Говорят, что он спросил у конюха: «Чей стяг поднят?» Тот ответил: «Наш!» — «Цахица, ты умер вовремя!» — сказав так, он умер.

После этого Даян-хан наградил дарханством всех, кто помог ему в войне с западными тремя тумэнами. [Он повелел]: «Пусть никогда не будет господ над потомками Цахицы. Пусть потомки ойратских Шигуши и Аглаху в течение семи поколений не платят налогов». Багасун-табуану он пожаловал в жены свою единственную дочь, рожденную ханшей Сайн-Мандухай.

Затем у западных трех тумэнов началась междоусобная война, в которой были убиты ордосские Лэгуши, Аглаху и Ибарай. Лэгуши был схвачен и убит эрхэгудским Хэлэгэм. Хэлэгэй доложил тогда Даян-хану: «Я отомстил за зло, причиненное тебе. Я убил твоего ненавистного врага». После этого Даян-хан наградил Хэлэгэя.

Спустя время монголджинские Хошучи-табуан и Тэмургэн прибыли и подчинились. Хорчинский Ордагудай-ван сказал: «Давайте поделим западные три тумэна. Мы покорили строптивцев. Людей, затаивших зло, следует сделать слугами. Если злобных врагов оставим без наказания, нашим потомкам будет плохо. Соедини семь кочевий харачинов и юншэбу с нашими семью кочевьями хорчинов. Восемь кочевий ордосцев — это центр, присоедини их к восьми кочевьям чахаров. Двенадцать кочевий тумэдов присоедини к двенадцати кочевьям халхасцев». Даян-хан не согласился со словами вана. Он назначил своего сына Барсболод-джинона управителем к западным трем тумэнам.

Ордагудай-ван сказал: «Потом из-за этого пострадают наши потомки!» — и в гневе ударил по голове своего коня. Тогда ордосец Тахилдар отказал хорчинскому Ордагудай-вану в ночлеге. За это, говорят, тот убил его. Говорят, что он убил и Хонхули за то, что тот донес на него.

Даян-хан скончался в возрасте сорока четырех лет⁹². Старший сын Даян-хана Туруболод, не взойдя на ханский престол, скончался бездетным. После него Улусболод погиб от руки Ибарай-тайши, тоже бездетным. Тогда на великий ханский престол вступил Барсболод, так как сын Улусболода Боди-Алаг⁹³ был еще маленьким.

[XIV. ПРАВЛЕНИЕ БОДИ-АЛАГА]

Боди-Алаг взял под свое управление восточные три тумэна. Он поклонился Восьми белым юртам и сказал Барсболод-джинону: «Ты стал ханом незаконно, потому что я был еще ребенком. Если ты сейчас передо мной преклонишь колени, я тебя прощу». Так он осудил своего дядю суровыми словами. Барсболод-джинон решил, что хан прав, и преклонил колени. Он сказал: «Я преклоняю перед тобой колени». [Боди-Алаг] сказал: «Твои слова правильны». Он помолился перед Восемью белыми юртами и вступил на великий ханский престол.

После этого, когда он вернулся домой, прибыл из хорчинского тумэна багатур Молочи на саврасой кобыле и сказал: «Давайте нападём на границы западных тумэнов». Хан не согласился. Молон-багатур рассердился и сказал: «Как я вернусь с пустыми руками, с одной саврасой кобылой?»

Сын Шигустэя Болонэй-ван, желая отомстить за зло, причиненное Тайсунхану, прибыл и стал преследовать троих — сына Богорулту-Цэбдэна Молочи, а также Алчугудая и Алури. Но он не смог их захватить, так как они укрылись в укреплении. Через некоторое время они снова укрепились в ставке. Он пытался их взять, но опять не смог и возвратился назад. Через некоторое время, они больше не могли найти деревьев для починки [укрепления] и решили перекочевать к Ургэнэ⁹⁴, чтобы там нарубить деревья. Они пришли к Онону и встретились [с Болонэем] в местности Их-Арал. На большом мысу Бидари они заняли позиции. Тогда сын Асабури Эбуцай сказал: «Пусть сдвинется земля, а я, униженный Эбуцай, никуда не сдвинусь!» Он сошел с коня и сразу упал, сраженный стрелой в глаз. Один человек уже хотел ему вспороть живот, но конь, привязанный к поясу, потащил его. Эбуцай вскочил и убил из лука того человека вместе с его конем. Сын Тулугэна Мэнду-дархан напал на него, но его серому коню подстрелили ногу. Конь на трех ногах перескочил через деревянные [укрепления] и убежал. Сын Ордагудая Уянху-багатур отдал своего солового коня Мэнду-дархану, и тот ускакал. Хорчинский и татагалчинский Байди и керейтский Болай были старшим и младшим зятьями. Барангудские Тугэли и Хугули были двоюродными братьями. Все они четверо командовали [войсками] и были убиты. Поэтому избежали плена.

Через некоторое время воины во главе с Мэнду-дарханом отправились и построили в каменистой степи на реке Хара укрепление. Потомок солонгудского Харагчин-Дайбучина, сын Сагада, Сайн-Тамагату и алдагчинский Сайн-Хогудай вдвоем встали во главе войск. Дзугутэй-багатур сказал своему старшему брату Хугултэй-багатуру: «Давай выйдем вдвоем». [Тот ответил:] «Двадцать человек меня могут победить, но двое разве меня победят? Ты оставайся, я выйду». Он выпустил в Тамагату стрелу. Тогда Сайн-Хогудай напал. Тамагату поднялся и рассек Хугултэю левое плечо и убил его. А затем угнал у него табун из девятисот коней.

Начилась бескормица, и Мэнду-дархан отправился вверх по реке Ургэнэ. Там убил Алури-багатура и сына Бурхая, Арсаху-Буйма-вана. Алчугудая привязали к коню и потащили. Алчугудай сказал: «Вред от того, что Алчугудай состарился, привел к вреду, что алагчигудов подавили!» Алчугудая ударили топором и прикончили. Молочи привезли на лошади связанного. Мэнду-ван доставил его к хану в степи Сархинам-Тукум. Там его и убили. Мэнду-вана наградили дарханством. Это, говорят, еще одна услуга потомка Хасара, оказанная потомку хана.

Спустя некоторое время, Боди-Алаг-хан в год овцы [1547], в седьмом месяце 10-го дня в Дзудалан-Ундур скончался.

В год свиньи [1551]⁹⁵ на великий ханский престол вступил Дарайсун-Гудэнхан. В годы правления этого хана в его державе было спокойно, все жили дружно. Шесть тумэнов народа благоденствовали. Он скончался в возрасте тридцати восьми лет в год змеи [1557].

[XV. ГОСУДАРСТВО АЛТАН-ХАНА]

Во времена этого хана⁹⁶ сын Барсболод-джинона Гэгэн-Алтан-хан по воле судьбы лишился пяти цветных и четырех чужих народов, которые наш отец владыка Богдо собрал и соединил в великих мучениях, лишился основ религии, утвержденных Угэдэй-ханом, Гуюк-ханом и Мункэ-ханом, лишился державы и драгоценного учения, крепких дворцов, селений и городов, возведенных Хубилганом Сэцэн-ханом⁹⁷. Чтобы отомстить за Элбэг-хана, Атай-хана и Тайсун-хана, за то, что хитростью погубили Агбарчин-джинона, вспомнив все обиды, он стал воевать с китайцами и ойратами. Сайн-Алтан-хан ходил походом, преодолевая трудности, и подчинил своей власти народ амдова и шира-уйгуров⁹⁸, живущих на границах Тибета и Тангута. Он захватил трех богатырей Ариг-Сэнгэргин-хиба, Лобум-цорджи и Ишдэгэрэн-Сэрэнтэра и взял с них дань. Напал на ойратов, убил Джаламан-Туру, и подчинил себе часть народа, во главе которого стоял Дзэгэгэн-Аха. Он напал на китайское государство и разрушил города и укрепления. Тогда китайский Дай-Минхан очень испугался и откупился данью. Он поднес Алтан-хану титул суй-вана.

Спустя некоторое время, на великий ханский престол взошел Дзасаку-Тумэнхан. Он способствовал распространению драгоценного учения, воевал с китайским государством, своим заклятым врагом. После похода на китайское государство он наградил Нэнэнхэя титулом дархана за то, что тот в этом деле хорошо послужил.

В этот период хан и Алтан-хан для того, чтобы возродить державу и религию, утерянные во времена Тогон-Тэмур-хана, пригласил через Даян-хиа⁹⁹ многих мудрецов и послушников. В самом начале это были трое — перерождение Хоншимбодхисаттвы — Тамчин-чэмба¹⁰⁰ святой Далай-лама Содномджамцо, Манджушрихутухта и перерожденее Ваджрапани Чамдо-Ирчайчон-хутухта. Они установили статую могущественного Дзу-Шакьямуни, сделанную из золота и серебра. Прерванная вера была восстановлена. Разрушенное правление укрепились. Среди пяти цветных и четырех чужих народов он (Алтан-хан) прославился, как Сэцэн-хан древности.

Дзасаку-хан родился в год свиньи [1539].

После него на великий престол воссел Буян-Сэцэн-хан¹⁰¹. Он распространил драгоценное учение, вернул золотую печать, утерянную Тайсун-ханом, укрепил мирную державу, дал спокойную жизнь всему народу. При Сэцэн-хане жил Сэнгэ-Тэмур-Дэгурэн-хан, сын Гэгэн-Алтан-хана. Его сын — Сумэр-Мэргэн-тайджи. У него родился сын — перерожденее Далай-ламы Содномджамцо. Его называли Йондонджамцо. Он родился в золотом роду Даян-хана. Он распространил религию Цзонхавы в Монголии.

Буян-Сэцэн-хан сорока девяти лет в год зайца [1603] скончался. Его сын Мангуг-мэргэн-тайджи, так и не став великим ханом, скончался. После него на престол взошел его сын Лигдэн-Хутухту-хан в возрасте тринадцати лет, в год дракона [1604]¹⁰².

После того, как Далай-лама отправился в Вечную страну¹⁰³, по повелению Далай-ламы в Монголию прибыл Майдари-хутухту-номун-хан и был им там посажен на место Далай-ламы. Он стал распространять религию среди шести великих народов¹⁰⁴.

Потом в Монголию прибыл Манджушри-хутухта, и снова учение воссияло, как солнце.

На этом заканчивается «Краткое Золотое сказание», повествующее о происхождении и деяниях монгольских ханов.

Джамбадорджи. Хрустальное зеркало*¹⁰⁵

[I. БУДДИЙСКАЯ КОСМОГОНИЯ И ГЕОГРАФИЯ]¹⁰⁶

В третьей книге мы расскажем о государственном устройстве монгольских племен.

Отсюда прямо на восток, по ту сторону видимого мира, утвердившегося из песчинок тридцати двух рек Ганга, находится некая дивная, чистая страна, именуемая Сумбур-Дувадза¹⁰⁷. О той стране и об ее государственных установлениях рассказывают, что это — страна обладающего усниром** владыки тысячи миров Эсруа***, жизнь которого подобна нищему без посоха. О государственном устройстве страны того величавого, обладающего усниром Эсруа говорят, что это — страна небожителей, творящих чудотворной силой нашу видимую страну и прочие страны. О государственном устройстве страны небожителей, которые творят чудотворной силою других, рассказывают, что это — страна Хормусты¹⁰⁸. О государственном устройстве страны хана небожителей Хормусты рассказывают, что в настоящее время, кроме хана Шамбалы, есть великое множество других ханов на Джамбудвипе****, но все они подобны друг другу.

Маньчжурский император не так богат драгоценными камнями, товарами и тканями, как ханы других стран, но, тем не менее, если мы обратим внимание на то, сколь преисполнен он драгоценностями религиозного учения, то поймем, что он по истинной своей сущности превосходит даже Хормуста-тэнгри.

Если спросить, почему это так, то вот пример: если некий человек, утвердив в себе начало истинного благоговения и веры и помышляя о премудрости Будды, будет говорить: «Поклоняюсь тебе!» — он сможет стяжать добродетель числом, равным количеству песчинок под ним, в силу которой обретет перерождение ханом-чакравартином*****. Точно так же среди подданных нашего императора есть великое множество людей, которые стремятся обрести всю совокупность добродетелей. А так как ханом может воцариться лишь тот, кто равен всему этому множеству добродетелей, то он по природе своей превзойдет самого хана небожителей Хормусту. Вот почему так можно говорить.

Во второй книге я обстоятельно описал политическое состояние государства нашего маньчжурского императора, состояние Китайской и Тангутской¹⁰⁹ стран, а также их политическое устройство.

Теперь перейду и, сколько смогу, сделаю описание быта других стран и народов, других земель и ханов, государственного установления у племен внешнемонгольских и хотонских (туркестанских).

* Перевод Б.И. Короля, А.Д. Цендиной.

** Уснир — прическа особого вида (Здесь и далее постраничные примечания, отмеченные звездочками, принадлежат Б.И. Королю).

*** Эсруа — буддийское божество.

**** В буддийской космологии, название одного из четырех материков, составляющих землю; Индия; мир материальный.

***** Мифический император, повелитель мира.

Торгуты. Из кн.: Пясецкий П.Я. 1880. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Т. 2. СПб: тун. М. Стасюлевича.

На северной стороне от Китая и Амдоской¹¹⁰ страны находятся монгольские аймаки. Они состоят из восьми чахарских¹¹¹ хошунов¹¹², происходящих от Чингисхана, затем из сорока девяти внутренних хошунов или шести сеймов — джиримского и других. Один сейм ордосских семи хошунов; три хана североалхаских аймаков, а вместе с аймаком Сайн-нойона образуют четыре халхаских аймака. От них на запад пойдут следующие четыре племени ойратов¹¹³: дурбэты, хойты, хошуты и чоросы. Вот эти четыре племени обычно называют Четырьмя ойратами. Кукунорские олэты, а также алашаньские олэты равным образом принадлежат к одному племени с этими Четырьмя ойратами.

К востоку от левого крыла ойратов по течению рек Или и Иртыша, к западу от китайской стены, называемой Дзаягуин, идут кочевья народа, которого монголы называют джунгары¹¹⁴. На северо-запад от них, если брать от великой воды Торогай по течению великой реки, называемой Иджил-дачян*, будет находиться аймак, который монголы называют торгутским. Вот что мы скажем об этих торгутских кочевьях: с востока на запад он имеет протяжение приблизительно в шесть месяцев пути, и с севера на юг примерно столько же. На северной стороне от реки Иртыша, джунгарских кочевий, живут шара-китады и русские. Их земли — в промежутке между землями русского хана и нашими землями, отделенными пограничными столбами, начиная с солонов на востоке и заканчивая торгутскими кочевьями Куджур на западе. На север от местности Ару-Курлуг на Кукуноре, если миновать большую пустыню — Элджил-Гоби¹¹⁵, находится мусульманский город Хами.

Затем там имеются города Баркуль и Кашгар, жители которых занимаются земледелием и разводят овец. На восток от Кашгара живет народ тасиги Нам-Гоа¹¹⁶. В той стране кораллы и жемчуг находятся в изобилии, а также имеются ковры, тканые золотом и серебром. В недрах земли повсеместно находится золото и серебро.

* Волга.

Там есть еще бухэры, самахары и эгэлики¹¹⁷ белошапочников (мусульман). Их зовут красно-верблюжьими. От них на восток живут хасаки и буруты*, западнее находится великая область Кунгур¹¹⁸. Все эти туркестанские народы являются народами нечистой веры.

Между теми торгутами и русскими на берегу великого озера, называемого Танкиригсан**, стоит русский город Ала-Дархан***. Отсюда, минуя многие города, приблизительно в полутора месяцах пути, находится столица русского белого царя. Царь этот девушка-царь****, по происхождению из рода Чингисова. Столица этого царя прозывается Мавшока*****. Она имеет девять рядов внешних дворцов. Колонны среднего дворца и коньки разукрашены драгоценностями и золотом. По звукам колокола дворца угадывают, будет ли плохое или хорошее время. Эти русские богаты, их население велико. У них имеются медные и серебряные деньги и всякие меховые и шерстяные изделия. Они продают мясо и кровь морских чудовищ, конские кожи и прочие товары. Питаются же рыбой, птичьим мясом и хлебом. Этот народ имеет город, выстроенный из магнитных камней.

К северу от тех русских на берегу моря живет отдельными группами племя народа, называемое Ши-ян¹¹⁹. Народ этот производит часы и различные интересные механизмы. Они весьма искусны в разных ремеслах. У этого народа в особенно большом изобилии имеются черные и красные лисицы, конские кожи, соболя и железное оружие. Питаются же они рыбой, птичьим мясом, древесным соком, хлебом и тому подобным. В местности этой страны, называемой Кимца и местности Янгад, недалеко от торгутских кочевий, в летнее равноденствие, когда солнце заходит и красивый отблеск еще не рассеялся, с востока уже белеет заря. Пока луна 15-го числа находится наверху в правой половине, 16-го восходит солнце, а когда 20-го солнце заходит, одновременно с этим луна восходит. Так обычно бывает в этой стране. От торгутских кочевий и до страны Шамбала этих племен и народов очень много. Каждый из этих народов состоит под малым ханом. В той стране золото и серебро не особенно ценят. Заработки и доходы там очень большие. Говорят это такая страна, где даже понятия не имеют о грабежах и нищенстве.

На запад от русских на расстоянии двух суток пути находится город Касалбаши*****. Еще имеется один город в девяти сутках пути, называемый Лабтуа. Северо-западнее Лабтуа стоит большой Бронзовый город. Там водятся большие слоны и львы без когтей, которые пасутся на лугах и носят название Шибарин-Арсалан*****, и имеются птицы Шан-Шин-Диу. В той стране дорогой, по которой ездят ханы, проезжает много телег, разбрасывая золотые и серебряные монеты. На северной окраине России, на северном берегу Белого моря имеется озеро, которое невозможно увидеть, на берегу которого живет одно большое племя, называемое

* Казахи и киргизы.

** Каспийское море.

*** Астрахань.

**** Екатерина II.

***** Москва.

***** Персия.

***** Глиняные львы.

немши*. В той стране водятся белые медведи, всякого вида хищные и травоядные дикие животные. Также имеются там ящерицы величиной с собаку¹²⁰. Домашние лошади в той стране очень крупные. Один кусок шелка имеет в длину свыше ста маховых саженей. А целой конской кожи хватает на выделку тридцати шуб. Название города того хана — Немшин. Войска, охраняющие эту местность, подразделяются так: на каждые десять латников — один начальник, на каждые десять начальников — 1 нойон. Осуществляя военное руководство посредством этих начальников, хан имеет войска в количестве одного джева (10000000). Нойон, командующий войсками, называется Рамзан. Когда те войска сражаются на земле, то они надевают легкие панцири и имеют при себе стрелы из дерева Най. Они берут большие и малые ружья, петли, копья, багры, трезубцы, всякого рода мечи и отправляются на место сражения. Войска, идущие в бой, зажигают множество восковых свечей. Некоторые из них орудиями, похожими на лопаты и мотыги, прокладывают дорогу и таким образом проникают в нужные места. Ведя бой, применяют подковы и взрывы. Войска же, движущиеся по воде, одеты в панцири из шкур водных птиц. В воде они движутся, как им угодно, и сражаются, как говорят, с помощью пружинных орудий. Это признак того, что страна и племя их поистине великое.

На расстоянии десяти суток пути к западу от реки Иджил находится город Кунгур-хана. Название того племени Туруг. Вокруг той страны имеется каменная крепость с тремястами шестьюдесятью воротами. От одних ворот до других — триста шестьдесят мер расстояния по их измерению. По китайской обычной системе измерения — семьсот двадцать мер. В ханском городе двадцать четыре ворот. Зубцы внутреннего дворца сделаны из золота. Дворцы четырех сторон сделаны из четырехцветного фарфорового кирпича. Одежду тот народ носит очень богатую. Хан их усвоил себе такую мысль: «Я — хан всего населенного мира». Кроме того, в городе этого хана стоят троны для тридцати трех ханов всего мира. В той стране через каждые один-два года происходят бедствия от ветра, и даже стало обыкновенным явлением, что ветром разрушаются дома и города. Еще двенадцать племен народов имеются, не похожих по языку на его народ. Каждый приветствующий того хана бросает золотые и серебряные деньги. Народ той страны оправляет золотом, серебром и разными драгоценностями сосуды для воды и края колодцев.

От того Кунгура на северо-запад в большом озере Тэн-Тэнгис живут люди с конскими головами и водяные чудовища с рогами. По водам того озера ездят в хрустальных повозках и добывают из озера всевозможные драгоценности. К югу от кунгурского племени расположено святилище неверных, называемое Мекка. Там имеется синий камень величиной около дэлима**. Он находится на воздухе, ничем не поддерживаемый на расстоянии четырех или пяти пядей от земли так, что конный может почти достать его рукой. Там же неподалеку от него стоит храм неверных. Величина этого храма равна пяти выстрелам из лука. Ни одной-то у этого храма колонны, ни одного-то у него конька нет. И называется он храм Ранзун. Довольно далеко от этого храма поставлен священный знак тех неверных — «Белый камень» с отверстием наподобие человеческого полового органа. Называется он

* Немцы.

** Монгольская единица длины, примерно 1 метр.

Макишувари. Он также ни к чему не прикасается и держится в воздухе силой магнитного камня.

Отсюда на запад живут одноногие люди с лошадиными и собачьими головами. Есть также люди, имеющие у себя на подошвах ног мужские и женские половые органы. Есть такие люди, которые одно ухо под себя подкладывают, а другим накрываются. И такие есть люди: безголовые, с глазами на плечах и ртом на шее. Там на северо-западе и на севере живут разноязычные народы. Водятся хищные и травоядные животные, птицы и всех видов черви и насекомые. Произрастают всевозможные травы и плоды. В тех странах бывают самые удивительные вещи. От нашей страны в сторону восхода солнца находится маленький материк с золотой горой, и на нем живут: небольшой народ Гулин, народ Джибан и Личиу¹²¹.

Там же находится страна, по названию Берилловый материк, и на нем живут чернозубые Кичун и Хуаба. На востоке находится страна людей с собачьими головами, там есть родник с нектаром, продлевающим жизнь. Там же, на северном склоне Белой горы, живут восемь групп дикарей. В древние времена они в знак сыновней почтительности совершали торжественные празднества и пиры, на которых, наполнив салом рты своих родителей, этим способом доводили их до смерти. В настоящее время туда от нас мало помалу начинает проникать вероучение. От них недалеко живут шестнадцать видов племен солонов и чимчи. От нашей страны на юго-запад живут монголы, именуемые великие Ху и Хун, и находится народ, называемые Нан-Ринг-Тин.

Что касается населения великой страны Шамбалы, то оно, по сравнению с вышеописанными многочисленными народами, более всех имеет различных духовных и материальных благ. Отсюда расположенная прямо на север страна эта имеет круглую форму наподобие восьмилепесткового лотоса. Третья часть составляет центр цветка, а две трети имеют форму лепестков лотоса. Размеры центральной части цветка равны примерно пятьсот бэрэ¹²². А из пространств, похожих на восемь лепестков, каждое будет по тысячи бэрэ. Центральная часть лотоса снаружи опоясана цепью снежных гор. Там, среди одного миллиона городов, находится столица хана страны Шамбала, под названием Галдан*. И стоит там несравненный дворец в двенадцать бэрэ, построенный из драгоценностей пяти видов. А другие дворцы раскинулись вокруг этого богдохановского дворца. Они построены из изумруда, горного хрусталя, алмаза и других драгоценностей. В полнолуние ярким сиянием этих дворцов затмевается лунный свет, а сама луна чуть виднеется. В постоянном блистании тех драгоценностей, которыми украшены внешние стены дворцов, невозможно отличить день от ночи. На пятьдесят бэрэ в окружности в море видны всякие рыбы, в сиянии лучей ясно различаются достопримечательности на стенах дворцов. На каждом окне изображено колесо учения из драгоценностей Мани**. И чудится, будто на том колесе с полной ясностью изображены палаты и дворцы солнца, месяца и звезд, сады и цветники страны небожителей, а также ясно начертаны пути движения всех небесных светил: солнца, луны и звезд. Ханский

* Галдан по-тибетски означает Радостная.

** Мифическая драгоценность.

престол воздвигнут из золота, [добытого] в реке Джамбу¹²³, и все вокруг благоухает ароматами Хари-Зандан*.

На этом престоле подушки шелковые, а цена каждой из них достигает тысячи миллионов лан¹²⁴. Вот какие на том троне подушки. Вид хана таков: с усниром из львиных волос, в шапке Баругшиу из золота реки Джамбу, с драгоценными браслетами на руках и ногах, из которых каждый в отдельности стоит один миллион лан золотом. Цвет тела у него беловатый. Он наполняет все вокруг устойчивым красновато-прозрачным светом, излучаемым им. Блеска его и величия никто выдержать не может. Его ханши, чиновники, военачальники — все необычайно прекрасны. Там в полном изобилии обитают: дикие животные, крылатые слоны, колесницы, запряженные лошадьми и тому подобные совершенные средства передвижения. Подданные его — асуры**, драконы, чудовища и кинари***, подносят ему всевозможные дары. Пища у них такова, что даже пища Хормусты ее не лучше. У хана множество жен и детей. И кто бы в семье не родился, семь дней идет дождь из цветов. Когда же рождается сын, то по истечении семи ночей тело его становится подобным драгоценности Мани, которую нельзя увидеть глазами. Из того мальчика, ставшего подобием этой драгоценности, семь суток исходит свет, поэтому признаку и узнают, что этот мальчик должен взойти на ханский престол.

Хотя у хана много жен, но только одна из них является главной и почтенной ханшей, от которой должен родиться перерождение-император. Говорят, узнать ее можно так: среди девяносто девяти малых ханов, находящихся вне страны Шамбалы, родится царевна, и если в это время пойдет дождь из цветов лотоса, то эта самая царевна и будет ханшей, от которой родится перерождение-император. К югу от того великого города Галдана на обширной местности в двенадцать бэрэ, покрытой садами и рощами из деревьев Милия**** стоит мандала Дуйнхора Давасамбухана¹²⁵, исполненная из драгоценностей. Длина ее в одну сторону составляет четырехста двенадцать локтей. Также имеются и другие многочисленные драгоценные мандалы, построенные более поздними поколениями ханов. На востоке и на западе от [города] находится по одному большому озеру. Вытекая из этих озер и разделяясь на два потока, вода заполняет промежутки между странами, имеющими форму трехлепесткового лотоса. Отделяя эти страны друг от друга, она образует восемь отдельных полуостровов. На каждом таком полуострове находится двенадцать миллионов городов. Каждый малый хан владеет одним миллионом городов, а всего девяносто шесть малых ханов владеют девяносто шестью миллионами городов. У каждого малого хана имеется посох, называемый «Обладающий силою Мани». Если хан отправляет посланца с этим посохом, тот попадет в желаемую местность в один миг.

Люди, рожденные в этой стране, очень красивы; пищей, одеждой, драгоценностями и прочим очень богаты. У любого из них, даже малоимущего, казнокранилиц имеется около сотни. Законы у них мягкие. Совсем не бывает убийств, драк, болезней, голода и бескормицы. Они честны, склонны к добродетелям, и разум у

* Сандаловое дерево.

** Вид небожителей, воинственные существа.

*** Вид небожителей.

**** Южная порода деревьев.

них острый. Все они изучают глубокое учение сутр¹²⁶ и тарни¹²⁷. После смерти они нигде, кроме как в раю не перерождаются. Никто из них не обретает дурное перерождение. Ежегодно 15-го числа 8-го месяца главный хан соизволяет устраивать ритуал посвящения всех достойных божеству Дуйнхор и проповедует им тантру Дуйнхора. Все ханы Шамбалы достигли предела мистического созерцания. Они обладают непревзойденным умом и не знают колебаний. Духовная сила их, разум и сверхъестественное дарование преисполнены совершенств и достоинств Будды. Таковы эти дивные ханы.

Обстоятельства восшествия на престол хана Шамбалы таковы. Прежде, когда еще Будда Шакьямуни пребывал в Индии, в это время первый хан Давасамбу, взяв своих девяносто шесть малых ханов, принял у самого Будды посвящение и, прослушав его проповедь, вернулся к себе в Шамбалу. Там он возвысил драгоценную веру, словно восходящее солнце. После этого великих ханов религии было шесть. А потом воссел на престол Ригдан-Махабала-хан. Он воссел на престол Шамбалы в седьмом году правления Туру-Гэрэлту¹²⁸ в год красноватой свиньи 15-го числа последнего весеннего месяца.

На значительном расстоянии от великого города Шамбалы на севере находится большая скала похожая на хрусталь. Если на нее посмотреть издали, то на ней ясно видны изображения десяти бодхисаттв во главе с Манджушри¹²⁹ и кажется, что каждый бодхисаттва окружен десятью тысячами спутников. А если вблизи посмотреть, то ничего не выделяется.

На севере и западе этой страны, на берегу реки Шида, живет великий мусульманский народ. Происхождение их учителей таково: в год восшествия на престол Шамбалы десятого Ригдан-хана появилось восемь мусульманских учителей. Седьмой из них, по имени Мадумати составил и ввел в употребление астрологию. Что касается астрологической системы, составленной тем мусульманским учителем, то пунктов в ней мало, и гадание по ней легко. Вследствие того, что она безошибочно определяет солнечные и лунные затмения, то все прочие астрологи оставили свои астрологические волшебства, и тогда одиннадцатый Ригдан-хан в силу этих обстоятельств ввел ее в свою астрологическую систему.

Та страна называется меккской страной вплоть до самого берега реки Шида вот почему. Слово «Мекка» означает «Монголия», а те лало (мусульмане) все суть монголы. Начиная с того времени, неверные мусульманские взгляды стали очень популярны, и большинство людей этого мира становится сторонниками мусульман. Воззрения этих мусульман таковы: они не едят мяса павших животных, читают тарни, которое заключается в слове Бисмили*. Они говорят, что если животному перерезывать ножом горло, то оно обретет спасение. Из-за своих неверных взглядов, они стараются забивать скот и лошадей именно таким способом.

Что касается столетия ныне царствующего на престоле Шамбалы Махабала-хана, то оно заканчивается с нынешним пятнадцатым шестидесятилетием¹³⁰. В год красного зайца первого года шестнадцатого шестидесятилетия на престол воссядет двадцать первый Ригдан-хан Анируд. Столетие этого хана заканчивается в году крас-

* Бисмила — во имя Господа.

ного коня семнадцатого шестидесятилетия, и в году красной овцы воссядет на престол двадцать второй хан по имени Ригдан-Наршинга. Столетие этого хана заканчивается в году красной собаки девятнадцатого шестидесятилетия, и в году красноватой свиньи воссядет на престол двадцать третий хан Ригдан-Махэшвара. Столетие этого хана заканчивается вместе с двадцатым шестидесятилетием, в начале двадцать первого шестидесятилетия в году красноватого зайца воссядет на престол двадцать четвертый хан Ригдан-Ананда-Бидзья. Столетие этого хана заканчивается в году красноватой лошади двадцать второго шестидесятилетия, и в год красноватой овцы воссядет на престол двадцать пятый Ригдан-хан. Это и будет владыка Панчен-эрдэни¹³¹.

Во время царствования этих Ригдан-ханов в Шамбале спускается с неба само собою возникшее оружие. Когда на престол взойдет двадцать пятый хан, то с неба спустится железное колесо, вследствие чего этот хан и называется «Обладающий грозным колесом». По прошествии примерно пятидесяти лет царствования хана «Обладающего грозным колесом», проповедующего религию, в году красноватой курицы двадцать третьего шестидесятилетия великий мусульманский царь Дзайболодой, перерождение асуры, из меккского города Багида¹³², находящегося на берегу реки Шиди, объединившись с подданными ему малыми ханами, заколов большое количество верблюдов, овец, быков, лошадей и прочих животных и подчинив своей власти находящуюся на юге страну Тибет и прочие, и завоевав почти половину населенного мира, попытается напасть на Шамбалу. В это время «Обладающий грозным колесом», поймет, что наступило время укротить мусульман, и погрузится в созерцание. Войск у него всех видов девять миллионов. Великих бешеных слонов — четыреста тысяч и двадцать одна тысяча триста семьдесят разных видов оружия; многие сотни тысяч войск на золотых колесницах, запряженных крылатыми каменными конями, которые появились из Индийского моря; войска, сидящие верхом на объезженных конях, подобных молнии, а также и пешие войска в бесконечно большом количестве. Все они вступят в бой. Когда враг войдет в свой город, запрет ворота и там укрепится, тогда с неба спустятся треноги, колеса с каменными механизмами, колеса с механизмами из железных стрел и колеса с огненными механизмами — малые, большие и средние, и тогда, вооруженные всеми видами оружия и подкрепленные добродетельными тэнгри, все перейдут на сторону хана «Обладающего грозным колесом», а войска асуров и злые тэнгри перейдут на сторону мусульман. Когда начнется сражение, войска Шамбалы отправятся в сторону реки Шиди, достигнут страны того мусульманского учителя, и хан «Обладающим грозным колесом» убьет мусульманского учителя Дзайболодая, кони — его коней, чиновники — его чиновников. А его великое войско своим страшным и свирепым видом повергнет в прах многочисленных мусульман.

В этом населенном мире и других мирах будут ходить воины и истреблять нечестивых. Тогда воссияет буддийская религия подобно солнцу. В ту пору индийский вероучитель Нагарджуна¹³³ воплотится в свои мощи, которые он некогда оставил в виде камня и благословил. Равным образом воплотится в свои мощи, находящиеся в Галдане, и наш святитель Богдо-Цзонхава, похитив их у индийского вероучителя Ринчин-Чойджона. Войдет с видом великой справедливости и также воп-

лотится в свои останки Чингис-хан. И войдут также в свои останки и придут со своими войсками многие из наших ханов и лам. И свершат они великое благо ради веры и одушевленных существ.

Причина же такой великой войны и гибели столь великого числа живых существ заключается в том, что мусульмане не признают религию, укрощающую мягкими средствами, которую распространил Будда Шакьямуни. [«Обладающий грозным колесом»] проявит сострадание к весьма свирепым живым существам этого смутного времени, не нашедшим своего пути и, так как нет иного способа привести их в смиренное состояние, то и приемлет он святую мысль о спасении и укрощении их в свирепом виде. Исполнив благое пожелание, создаст такие чудеса, что все, начиная с червей, вкусят великого покоя — не только убитые великой военной силой в этой кровопролитной войне, но и те, кто лишь пострадал от этой войны. Вследствие этого каждое разумное существо, произнося благие пожелания по мере своего разумения, должно знать об этом замечательном деле. Религия того хана «Обладающего грозным колесом» будет существовать двадцать одну тысячу шестьсот лет. Так было проповедано. Если разделить эти года на двенадцать, то получится тысяча восемьсот лет. Значит, религия будет процветать во всем совершенстве на каждой материке тысячу восемьсот лет. Время ее совершенства будет соответствовать времени трех Будд, а время двух Будд¹³⁴ будет временем борьбы. Если разделить на четыре, то на каждый период приходится четыреста пятьдесят лет. Таким образом, буддийская религия распространится, а мусульманство будет искоренено. Старший сын хана «Обладающего грозным колесом» будет восседать на престоле Шамбалы, а младший сын будет великим ханом Джамбудвипа, который находится во власти Хормусты.

В прежние времена хотонцы и монголы имели у себя великих и малых ханов. Тогда как-то однажды монгольский Тайцзу¹³⁵ Чингис-хан переродился в Ваджрапани¹³⁶ и стал распространять религию Будды. Так как при множестве племен и стран было у него и много врагов, он прежде всего подчинил своей власти великие пространства, а потом уже, чтобы утвердить веру, с любовью стал господствовать над всеми и учредил свою державу.

Происхождение Богдо-Чингис-хана таково: он происходит от индийского рода Шакья. Происхождение рода Шакья. В первой кальпе¹³⁷ в обитаемом мире царствовал хан Махасаммата¹³⁸, и это его род. Затем Будда Шакьямуни переродился в индийской стране в роду Шакья и принес живым существам и религии великую пользу. От Будды же нисходят три родословных ветви: Манджушри, умиротворивший китайский народ, святой Арьябало¹³⁹, который произошел из этого рода Шакья и умиротворил тибетцев, перевоплотившись в хана Срондзангамбо¹⁴⁰, и Ваджрапани¹⁴¹, умиротворивший монгольский народ и действительно являющийся перерождением из рода Шакья. Именно о таковой доле этих трех ханов и говорил Будда. Кроме того, надо знать, что первый хан Шамбалы Давасамбу — царь религии, перерождение Ваджрапани — тоже происходит из рода Шакья. А двадцать пятый Ригдан «Обладающий грозным колесом» действительно является перерождением Манджушри из рода Шакья. Всматриваясь в эти перерождения, следует также заключить, что все они избрали этот род в подражание владыке веры Шакьямуни.

[III. ГЕНЕАЛОГИЯ МОНГОЛОВ]

Каким же образом наш монгольский Чингис-хан является, как оказывается, перерождением из рода Шакья? Расскажу об этом. В древние времена в Индии в местности Магадха после того, как со времени правления «Многими возведенного»¹⁴² хана Махасамматы прошло сто двенадцать десятков тысяч, да еще пять тысяч ханских поколений, у индийского царя Шудходаны из рода Шакья родился сын Будда Шакьямуни.

В первой книге я подробно написал о том, как при помощи двенадцати великих творений он принес благо одушевленным существам¹⁴³. Когда же после принятия Буддой Шакьямуни образа нирваны прошло тысяча восемьдесят семь лет, в это время в роду Шакья родился мальчик с особыми приметами. Так как родители его не могли знать, будет ли он хорош или плох, и возымели сомнение, они положили его в медный ящик и спустили в реку Ганг. Тот мальчик долго плыл по течению и пристал к какой-то пашне. Один крестьянин нашел его, вырастил и воспитал. Впоследствии, став взрослым, мальчик услышал об обстоятельствах своего прибытия. Однажды, когда он, продвигаясь вперед, кружил около горы Лха-Самбу, находящейся в тангутской земле, в ту пору пришли в эту местность тангутские люди, чтобы совершить жертвоприношение духу этой горы.

Увидев того мальчика, они изумились и спросили его: «Ты откуда пришел?» Но так как мальчик тибетского языка не понимал, он в ответ указал пальцем в сторону неба. Тогда тангутские люди стали говорить: «Наверное, этот мальчик послан нам Небом. Давайте-ка, возведем его в нойоны!» Все это одобрили. Потом, по очереди неся его на шее, принесли и возвели в нойоны. Он известен под именем тибетского хана Худзун-Сандалиту¹⁴⁴.

Преемником его в десятом поколении был хан по имени Рагум-Цамбо. Один злой чиновник по имени Лонан убил своего хана, и сам сделался ханом. Взял себе в жены ханскую дочь, а трех сыновей изгнал в чужие края. Вследствие этого младший сын по имени Нитиба прибыл в страну Гонпо, но так как этот народ ему не понравился, он отправился дальше и, когда прибыл в землю монголов Вэда¹⁴⁵, то здесь остановился и стал жить на горе Бурхан-Халдун около реки Байкал*. Когда Марал, вдова давно скончавшегося нойона из рода Таян, увидела того сына и услышала о его происхождении, она стала почитать его, как потомка хана, которому покровительствует Небо, и сделала его хозяином своего дома. Вэдский народ, одобрив это, возвел его в ханы. Впоследствии он стал известен под именем Бортэ-Чино¹⁴⁶.

Ханша Марал от первого мужа имела сына по имени Батаса, который стал называться родоначальником тайчудов. Что касается Бортэ-Чино, то, как будто, он жил в период правления Танской династии в Китае. Сын Бортэ-Чино назывался Батайцаган-ханом. У Батайцаган-хана был сын по имени Тамцуг-хан. Тамцуг-хан жил, как будто бы, в эпоху тибетского хана Ландармы**.

* Озеро Байкал.

** Конец IX в. н.э.

Сын Тамцуга назывался Хурца-Мэргэн. А его сыном был Уджим-Бурал. А его сын Йэхэ-Нидун. А его сын Самсучи. А его сын Борджигидай-Мэргэн. Борджигидай-Мэргэн имел двух сыновей Дун-Сохора и Добу-Мэргэна. Что касается обстоятельств, почему старший брат назывался Дун-Сохор, то суть их такова: в некоторых историях говорится, что у него во лбу был всего один глаз¹⁴⁷. Хотя он и был с одним глазом, но этот единственный глаз его был чрезвычайно острым, и он мог отчетливо видеть на расстоянии тридцати кочевков. Утверждение о том, что он совершенно слепой, было чрезмерным преувеличением. У Добу-Мэргэн-хана от первой жены Булган было два сына Буху и Бухучар. После смерти Булган Добу-Мэргэн взял вторую жену по имени Алун-Гоа. Алун-Гоа была удивительной красавицей и обладала особыми приметами.

Вскоре после того, как она забеременела, муж ее Добу-Мэргэн, будучи еще молодым, скончался. В сновидениях в тело Алун-хатун входили лучи солнца и луны, а также для охраны ее приходил злато-панцирный небожитель. И тому подобное бывало во сне. После того, как это было с нею, у Алун-Гоа родился мальчик, которого назвали Бодончар.

Этот мальчик имел особые, отличные от всех людей, приметы. Был кроток и молчалив. Оба его брата Буху и Бухучар отличались грозным и исключительно мужественным характером. Они называли своего брата Бодончара дурнем и угнетали. В то время когда они так поступали, Алун-хатун сказала: «Этот мальчик не глупый. Впоследствии он непременно будет всеми уважаем». Выслушав эти слова, Буху и Бухучар сразу их одобрили. Однажды Алун-хатун собрала трех сыновей своих и говорит им: «А ну, сломайте», — и с этими словами дала каждому по одной хворостинке. Они сразу же сломали каждый свою хворостинку. Тогда Алун-хатун сказала: «Поломайте-ка хворостинки, сложенные по три вместе». И так как они не смогли поломать их, то Алун-хатун так им сказала: «По пословице, трудно разорвать бечевку, сплетенную втрое, а трех людей, когда они единокорны, победить трудно. Если вы, трое братьев, будете действовать порознь, подобно отдельным прутьям, то вас легко одолеют. Если вы будете действовать и поступать согласно и единокорно, то получится сила, подобная трем сложенным вместе прутьям». Выслушали эти слова Буху и Бухучар и, хотя сразу же на словах согласились, но про себя затаили злые мысли.

В дальнейшем Алун-хатун, видя мир и согласие, распределила свои земли и подданных между сыновьями. Буху дала хатагинский аймак; Бухучару — салджиутский аймак; Бодончару — борджигидский аймак. После этого Буху и Бухучар сильно завяжились, и характер их изменился. Тем временем Алун-хатун заболела, и когда ей стало совсем плохо, то она сказала своим сыновьям: «Вы стали мудрыми и достойными. Но от излишней гордости происходят недостатки людей, нерадивость и злость. Человек должен помнить, что его ближний такой же человек, как и он сам. Вы должны думать об оказании добра своим ближним. Вы должны оставить требовательность, жадность и гордость и придерживаться справедливости, почтения и милосердия. Я нахожусь при смерти. Прекрасная мелодия улетает на восток. Следуйте по этому пути, мои милые. Дружите с достойными. Если будете изучать и следовать хорошему примеру, то скоро возвыситесь. Если будете встре-

чаться с враждой и смутой, то старайтесь устроить мир и справедливость. Будьте светло-разумными. Оправдывайте честное имя высших. Старший брат, находящийся рядом, удерживай младшего. Своим подданным оказывайте милосердие. Покоем радуйте мир. Если впадете в зловредные намерения и будете с беспредельной гордостью учинять склоки и неурядицы, то вы не люди и не мои сыновья. Кто проявляет милость и справедливость, тому будет дано счастье. Крепко-накрепко уповайте на Небо. Не забывайте и стремитесь это исполнить. С этими словами она скончалась.

Затем, когда Бодончар сидел, скорбя и убиваясь по своей матери, два его старших брата захватили все имущество. Бодончару дали только одну соловую лошадь по прозванию Уруг-Дзусук и прогнали его. Тогда подданные борджигидского аймака и говорят Бодончару: «Оба твоих старших брата тебя безмерно угнетают, и мы все недовольны их незаконными поступками». На их слова Бодончар говорит: «Все на свете полностью предопределено: богатство, бедность, почет и унижение. И что пользы от никчемной алчности?» С этими словами Бодончар оседлал свою соловую лошадь и ушел один-одинешенек. Прибыл он в местность Арал на реке Онон. Население в этой местности было очень малочисленным, и Бодончару стало неоставать питья и пищи. Когда Бодончар так мучился, один кречет поймал степную уточку. И когда он ее терзал, Бодончар подстроил западню и поймал кречета. Затем он кречета приручил и обучил охотиться. Напускал на уток, куропаток, фазанов и тому подобных птиц. Свое существование он поддерживал птичьим мясом.

По прошествии одного месяца из местности, называемой Тэнгри-гол, в местность, где в это время в шалаше, сделанном из травы, жил Бодончар, перекочевали тридцать—сорок дворов вместе со своим скотом. Бодончар стал жить вместе с тем народом. Один домохозяин, желая сделать доброе дело, выдал вдову из своего дома замуж за Бодончара и выделил им хозяйство. Имя той женщины было Баритай. Баритай забеременела и родила сына, которого назвали Джаджиртай. Впоследствии она родила еще одного мальчика по имени Хабичи.

В это время, когда Буху и Бухучар скончались, не оставив потомства, один молодой человек, подданный Бодончара из борджигидского рода, по имени Манлай-багатур вспомнил про Бодончара: «Ведь наш нойон Бодончар отправился один-одинешенек. Пойду и отыщу его мертвого или живого». И с этими мыслями отправился его разыскивать. Повстречавшись с Бодончаром в местности на берегу реки Онон, он убедил его вернуться со всем имуществом и семьей в свое родное кочевье. Все его подданные обрадовались и возвели Бодончара в ханы. Таким образом, Бодончар стал управлять своим ханством. Народ, живущий на Тэнгри-голе, не имел у себя нойона. Поэтому, когда наши войска выступили туда, они поневоле сказали: «Мы вам покоримся». Манлай-багатур отправился во главе войска, и вернулся, полностью подчинив тэнгригольский народ. Тогда у Бодончара стало много подданных людей. Он помогал и заботился о том аймаке своем, который был составлен из тех людей. Он установил закон и порядок, вследствие этого богатырская сила и великая власть его отменно прославились.

Сын Хабичи-хана Махагаруда-хан имел семерых сыновей. Махагаруда был единоклубен в мыслях со своей Моварул-ханшей¹⁴⁸. Когда Махагаруда сделался под конец ханом и держал свое правление, в ту пору имелось племя Джалайр, которое

не было подчинено этой ханше. Однажды дети из этого аймака собрались и выкапывали из земли корни растения гоёхай. В это время Моварул-ханша ехала на повозке и увидела, как те ребята ковыряют землю. Она рассердилась и сказала: «Эта земля есть земля, по которой должны скакать на лошадях наши дети. Эти же дети наверняка копают ее со злым умыслом». И с этими словами она наехала на них на повозке и задавила. И тогда ребята — кто был зацеплен, кто ранен, а кто даже убит. Услыхал про это дело владелец джалайрского племени, рассердился и угнал у Моварул-ханши табун. Когда шесть взрослых сыновей Моварул отправились за своим табунном, мать их Моварул, услышала об этом, и спрашивает у близких людей: «Сыновья мои отправились в панцирях?» А те отвечают: «Поехали вовсе без панцирей». Когда они так сказали, ханша Моварул вслед за сыновьями послала человека с панцирями, предназначенными для них. Но, прежде чем посланный человек доехал, шесть сыновей ее были убиты джалайрами. Те джалайры не только убили сыновей Махагаруды, но вскоре явились, убили ханшу Моварул и перебили всех, в том числе внуков ханши Моварул, являвшихся детьми шести ее сыновей.

В ту пору седьмой сын Моварулы по имени Начин отправился с целью добыть себе жену из племени Баргу, взяв с собой Хайраба¹⁴⁹, сына своего старшего брата Бигэр-багатура. Они оба спаслись, так как уехали. Затем, так как Байшинкору, сыну этого Хайраба было шесть лет от роду, мать его при появлении джалайрского племени спрятала своего сына в деревянной бочке. Вследствие этого Байшинкор остался в живых. Тот Хайруб и его младший брат, находясь в Барге, услышали о том, что приключилась такая беда для их дома, и поспешили вернуться к себе. Когда они прибыли, оказалось, что все убиты. Осталось раненных женщин немногим больше десяти да один хайрубов сын Байшинкор. Начин, поручив их Хайрабу, из страха перед джалайрами отослал их в баргутскую землю.

Начин-багатур остался один, изменил свою внешность и стал выдавать себя за табунщика. Он пошел дорогой, по которой обычно ездили джалайры, и увидел, что к нему приближаются двое людей. Когда он с первым человеком повстречался, тот шел с соколом на руках. Эти двое были из джалайрского аймака. Начин-багатур внимательно посмотрел [на птицу], и оказалось, что это кречет Бигэр-багатура. Начин догадался про того человека, что он враг, который приходил в их дом из джалайрского аймака. Он стал его притворно спрашивать: «Не видели ли вы табун с одним меченым рыжим жеребенком?» Когда он так сказал, тот человек ответил: «Не видели». Затем тот в свою очередь спросил у Начина: «Много ли тебе попадалось по дороге уток и гусей?» На этот вопрос Начин ответил: «Много». Тогда тот человек снова сказал: «Пойдем, ты мне покажи, я своего кречета напущу». Начин же, притворяясь, что шутит с этим человеком, поехал вскачь. Начин, огибая излучину реки, оглянулся назад и увидел, что едущий позади человек отстал. Тогда Начин ударом ножа свалил первого человека, привязал его лошадь и птицу, а сам пошел навстречу второму. Подошел к нему и по-прежнему, прикидываясь простаком, стал спрашивать, про табун. А тот человек, в свою очередь, спросил у Начина: «Почему мой сын, тот, что впереди скакал, слез с лошади и лег?» Начин ответил: «У него из носа кровь пошла». Когда он так сказал, отец того человека догадался, что Начин убил его сына. Начин же, движимый гневом, заскочил вперед, опередив того человека, и ударом ножа убил его.

Затем Начин пошел дальше и подошел к какой-то горе. А на той горе паслось несколько сот лошадей. Среди тех лошадей были все лошади начиновых старших братьев. Несколько ребят, пасших тех коней, играли в бабки. Тогда Начин, назвавшись табунщиком, взобрался на ту гору и стал внимательно оглядываться по сторонам. Никого не увидел вокруг. Тогда Начин тех ребятшек полностью перебил, угнал свой табун и забрал вместе с лошадьё и птицей, которых привязал ранее. Ехал он быстро и приехал в баргутскую землю. Он сдружился с двумя аймаками — Баргу и Чичу, собрал свое рассеянное войско и сделал Хайруба ханом. Начин сделался джанджином¹⁵⁰, построил на берегу реки курень, а через реку поставил мост, и ходили они и на север и на юг. Привез он к себе четыре аймака своей родни, и все они, соединившись, снарядили войско и выступили в поход. Когда они пошли войной на джалайрский аймак, народ джалайрского аймака испугался и на своем сходе убил собственного владельца, а голову его выдал. Когда они походным порядком вернулись, Хайруб-хан и Начин-багатур под титулом джанджина сильно прославились после этого.

Говорят, что у Начин-багатура был один аймак называвшийся Солон. Старший сын Байшинкора назывался Томбахай¹⁵¹-Сэцэн-хан. Его же старшим сыном был Хабул-хан. Вскоре после смерти Хабул-хана прежде у таяновцев нойоном был Табуди, а [по сути] он был тайчиудским владельцем. Этот нойон пришел с войной, захватил дворец Хабул-хана. Из пяти сыновей Хабул-хана только один старший сын — Бартам пешком, семикратно раненный, скрылся к солонам. Затем, Бартам-багатур сговорившись с аймаками Солон и Баргу и собрав войско, выступил против тайчиудского Табуди, разбил его и покорил большую часть тайчиудов. Младший из четырех сыновей Бартам-багатура скончался у тайчиудов. На обратном пути Бартам-багатур отыскал своих троих сыновей и забрал их. Из тех трех сыновей старший — Есугэй-багатур; средний — Накун-тайши; младший — Манату-Сэцэн.

Потомки Есугэй-багатурова младшего брата Накун-тайши вошли [в состав] хаориутов. Манату-Сэцэнново потомство вошло в состав тайчиудов там и прекратилось.

[III. МИРОВАЯ ДЕРЖАВА МОНГОЛОВ]

В ту пору один человек по имени Аршилту¹⁵² из тайчиудского аймака взял себе в жены девушку Оэлун из олханутского племени. Впоследствии однажды Аршилту вместе со своей женой погостив у олханутов, возвращался домой, а в это время Есугэй-багатур охотился и повстречался с Аршилту. Помня о мести со времен тайчиудского Табуди, он вступил с Аршилту в смертный бой. Аршилту смертного боя не выдержал и, потеряв жену и все свое имущество, бежал в одиночку, но, не добравшись до своей родины, скончался в пути. Оэлун-ханшу взял себе в жены Есугэй-багатур. Так как он овладел многочисленными аймаками, начиная с тайчиудского, то могущество его и слава были великими.

От этой Оэлун-ханши у Есугэй-багатура в третьем шестидесятилетии в году черного коня (1162) в первую зимнюю луну первого числа первой десятидневки как раз на рассвете родился мальчик, исполненный удивительных знаков. С небес протянулась радуга, явились прочие добрые знамения и приметы во множестве. На третий день после рождения того мальчика отец его Есугэй-багатур, который вое-

вал с народом татарского аймака и, захватив в плен владельца татарского народа Тэмуджин-Угчи, возвратился домой, устроил радостный пир. Поэтому-то и нарекли того мальчика именем Тэмуджин. После этого, в следующем году у Есугэй-багатура от старшей жены Манкала родилась дочь и ее назвали Тэмулун-Гоа. В следующем году после этого от Оэлун-ханши родился мальчик, который держал в ладони своей кровавый сгусток. Его назвали Хасаром. Таким образом, у Чингис-хана всего было [вместе с ним] пятеро братьев: Тэмуджин, Бухэ-Бэлгэтэй, Хасар, Ойту-Отчигин и Бухэ-Бэгтэр. Тэмуджинова младшая сестра называется Тэмулун-Гоа. В некоторых историях имеются расхождения не только с этим положением, но и со многими другими.

Впоследствии, когда Хасар достиг семилетнего возраста, то отец его Есугэй-багатур и мать Оэлун — оба один за другим умерли, а так как и Тэмуджин и Хасар остались малолетними, то подвластный Есугэю начальник, по имени Тодонулай, захватил их и стал владеть их подданными и имуществом. В то время сын вышеупомянутого Аршилту, по имени Бухэ-Чилгир, пользуясь тем, что Оэлун-ханши не было уже в живых, прибыл и увез к себе потихоньку от всех под видом младших братьев Хасара и Тэмуджина. Затем Бухэ-Чилгир, чтобы отомстить за отца, надел колодки на обоих мальчиков. Однажды Бухэ-Чилгиру довелось устроить большой пир. Мальчики улучили момент, когда все опьянели, бежали и залегли под кручей реки Харги, держа на весу свои колодки. В ту ночь один человек по имени Торгон-Шира из сулдаского племени увидел во сне, будто взошли из колодца два соединенных солнца, стали приближаться к нему и опустились в воду реки Харги. На другой день тот человек отправился к реке Харги и под высоким берегом реки нашел двух мальчиков. И подивился смыслу знамения и привез тех мальчиков в свою юрту и запрятал их за онгонами¹⁵³. Наутро он разбил колодки, посадил мальчиков на коней и отпустил домой. Вследствие этого они стали почитать Торган-Ширу как своего благодетеля. А сыновей его Чилуна и Чимбая звали своими братьями.

Впоследствии один знаменитый разбойник из джарчиудского племени угнал у Тэмуджина восемь соловых коней. Тэмуджин с Хасаром вдвоем стали догонять своих лошадей и по пути повстречались с сыном архайского Лаху-Баяна Борчи, который в это время охотился, и они погнались, соединившись втроем. Когда они настигли разбойников, те, сопротивляясь, вступили в смертный бой. В ту пору Хасару было пятнадцать лет, а Борчи тринадцать, и оба они были меткими стрелками из лука и, когда они убили семерых, разбойники не выдержали, бросили коней и бежали. Начиная с этого времени, Борчи сделался другом Тэмуджина. Затем, когда Тэмуджин вошел в лета, острый ум его и способности стали необыкновенными. У Хасара же, в отличие от него, лицо было красное, сложение богатырское, росту он был восьми чи*, борода у него была длинная, он был ловок сражаться копьем, из лука стрелял очень искусно: хотя бы он стрелял сто раз, он сто раз и попадал — такой хороший был стрелок. Их сила и способности все больше умножались, а слава о милосердии и справедливости все шире распространялась во всех странах. Поэтому многочисленные аймаки и народы, [жившие] на далеком и близком расстоянии от них, подчинялись им добровольно — то по причине желания, то по причине страха.

* Чи — китайская мера длины, равная 1 футу (ок. 30,5 см).

Тэмуджину дали в жены Бортэ-джуши, дочь Дайни-Сэцэна из хонгиратского аймака. В ту пору девушку Тэмулун-Гоа отдали в супруги человеку, по имени Багу, и этого эфу Багу сделали табунаном¹⁵⁴. Потомками его потомков в настоящее время являются харачинские табунануты.

В то время, когда один монгольский человек по имени Соди-багатур кочевал в местности, называемой Шира-мурэн, другой богатырь, по имени Тодошар, из самагунского аймака во время охоты угнал из этой местности табун Соди-багура. Соди-багатур вчетвером с другими пустился в погоню, стал настигать свой скрывшийся в пыли табун, пустил одну стрелу в Тодошара и свалил его. Прочие разбойники с испугу бросили табун и пустились бежать. После этого народ самагунского аймака возмутился и стал говорить: «Это — четверо чертей Йисугэя. Трудно будет впоследствии, если мы теперь же не уничтожим их». Из самагунского аймака выступило тридцатитысячное войско. Хасар услышал об этой вести от Соди и призвал все свое монгольское войско. Пока он составлял тринадцать отрядов, стало подходить войско самагунского аймака. Тогда Хасар, самолично командуя, вступил в схватку с вражеским богатырем-джанджином и повалил его ударом копья. После этого войско самагунского аймака убежало в страхе. Тогда тринадцать отрядов монгольского войска, зная местность, взяли в плен половину их войска, а другая половина спаслась бегством.

После этого услышали, что три богатыря, по имени Чилдур-Чачиртай, Цацун и Дуцин собрали разбойников из многих аймаков и выступили с войском в девяносто тысяч человек. Тогда монголы выступили против них, собрав многотысячное войско, и образовав три отряда. Тэмуджина поставили главнокомандующим, а Бэлгэтэй, Бэгтэр и Хасар сделались джанджунами и выступили в поход. Когда два войска сблизились, от неприятельского войска отделился и выступил с проклятиями, потрясая копьем, Чачиртай-багатур, и как только он приблизился, навстречу ему вышел джанджун Бэгтэр. Они сразились, и Бэгтэр ударом копья свалил Чачиртая. Самого же джанджуна Бэгтэра сильно поранили. Тогда выступил Цацун, и на него напал Бэлгэтэй, сгреб его, ударил о землю и захватил живьем. Одновременно с тем Хасар выступил сразиться с Дуцин-багатуром, но последний в страхе со всех ног бросился бежать. Хасар остановился, засмеялся и выпустил одну стрелу, и Дуцин-багатур сразу свалился. Тотчас монгольские три джанджуна, став во главе войска, бросились в сечу, и тут многочисленное войско было разбито, причем большая половина войска сдалась. После них осталось много имущества и скота. Захваченного Цацун-багура поставили на колени и стали снимать допрос. Он показаний не давал и сопротивлялся, тогда государь Тэмуджин в гневе убил Цацуна.

Когда устроили праздничное торжество по случаю победы над врагом, государь Тэмуджин сказал:

Бэгтэровой крепостью,
Бэлгэтэевой мощью,
Хасаровым искусством
Уничтожили мы ненавистного врага.

Так, говорят, произнес он это в стихах. Тэмуджин и его братья, впятером, сделались предводителями. В то время как они были во всем одинаковы, разные сплет-

ники стали наговаривать, чтобы их разъединить. Когда удалось посеять рознь между братьями, Субэгэтэй-багатур в стихах сказал:

Если отойдешь, отделясь от родственника,
То, сказывают, сделаешься добычей противника.
Если отойдешь, отделясь от многолюдной родни,
То, сказывают, сделаешься добычей человека-бобыля.
Все желанное легко может быть обретено,
Только кровное родство не может быть обретено.
Любое желание может быть исполнено,
А братья не могут быть обретены.

Все братья соблаговолили одобрить то, что увещательно говорил Субэгэтэй-багатур, и сделали его своим наставником. После этого они перестали говорить напраслину и укрепили почтительность.

У Бухэ-Бэгтэра не заживала рана. Она болела все больше, и он скончался бездетным. Тогда Бухэ-Бэлгэтэй сказал: «Младший брат скончался бездетным. Не поставит ли нам государем в улусе нашего младшего брата, сына Тэмулун?» На это Субэгэтэй-багатур сказал: «Это вполне справедливо». Тэмуджин и Хасар одобрили это и поручили управление, сделав государем в Бухэ-Бэгтэровом улусе, Багатур-Табунана.

Затем сын Есугэй-багатура Ойту-Отчигин сказал своим старшим братьям: «Трудно приобретается мысль о мире. Если мы, старшие и младшие братья, будем едины, и если помыслы наших подданных будут направлены в одну сторону, и если они, в конце концов, будут следовать единому постановлению, то тогда мы сможем помышлять о великих делах. Поэтому первое, самое важное дело — это братское единодушие!» После этого Ойту-Отчигин с намерением укрепить дружбу между родственниками пригласил Тэмуджина, Бэлгэтэя и Хасара, позвал также Сэцэн-Бухэ, Сэцэн-Тайши и прочих родственников, и они заключили мир на берегу реки Онон. Каждый из них, захватил свои знамена, привез на телегах кумыс, и они устроили празднество на берегу реки Онон. В ту пору родная мать Сэцэн-Бухэ Хуванца-хатун и мать Ойту-Отчигина Абаши-хатун жили, оказывается, вдвоем, в одной юрте. Когда Тэмуджин раздавал чаши, он указал своему старшему прислужнику Шикуру, чтобы он в начале поднес ханше Абаши. Мать Сэцэн-Бухэ обозлилась и, приказав старику Шикуру стать на колени, дала ему пощечину. Прислужник Сэцэн-Бухэ по имени Боллой взял тайком уздечку у Ойту-Отчигина и спрятал ее за пазуху. Это увидел Бэлгэтэй, догнал его и, ударив один раз кулаком, отобрал уздечку. Боллой от стыда и гнева выхватил меч и разрубил Бэлгэтэю плечо. Хасар точно так же рассердился на Боллоя и стал, было, обнажать свой меч, как вдруг Ойту-Отчигин схватил Хасара и говорит: «Бэлгэтэева единственная рана хотя и велика, но ведь она не смертельна. Зачем мир нарушать?» Только он с этими словами отнял у него меч, как Хасар схватил пест [для сбивания кумыса]. Тогда все бывшие там, словно взбесившиеся бараны, разбежались кто куда.

Во время своей погони Хасар остановил мать Сэцэн-Бухэ Хуванца-хатун и его супругу Хуланцу и, угрожая им, сказал: «Доставьте своего Боллоя, а если не приведете, я немедленно вас порублю!» Когда он так сказал, обе ханши упали на колени

и стали кричать. Ойту-Отчигин с великой поспешностью и растерянностью подбежал к Хасару и сказал: «Мы сейчас укрепили спокойствие, совершая великое мирное дело. А ты из-за пустячной ссоры, проявляешь свой дурной нрав. Зачем?». Когда он так увещевал, Сэцэн-Бухэ, очень испугавшись, привел своего Болоя, и тот на коленях стал молить простить его вину. Хасар побранил Сэцэн-Бухэ, а Болоя велел разложить и дал ему пятнадцать ударов палкой. Сэцэн-Бухэ и его близкие были унижены и воспылали мезтью. А Бэлгэтэй так и остался с рубцом от раны на плече. Так как Хасар не убил Болоя, то тайчиудский народ стал говорить про Хасара, что он милосердный человек, и из-за этого большая часть его покорилась Хасару.

После этого найманские разбойники начали беспокоить монгольскую границу. Тэмуджин отправил шесть человек к Сэцэн-Бухэ и [Сэцэн-]Тайши с наказом: «Давайте повоюем найманов, выступайте со своим войском». Когда послы доложили эти слова, то из тех шести человек, одного до смерти замучили, а пятерых прогнали. По дороге пятеро посллов встретили людей, которые ограбили их, отняв шубы и всю одежду. Когда пять посллов прибыли и рассказали о своих делах, Тэмуджин разгневался и сказал: «Подданный народ этого Сэцэн-Бухэ прежде надавал пощечин нашему старику Шикиру, затем разрубил нашему брату плечо, а теперь вот посланных наших посллов — одних убил, а у других отнял лошадей и шубы. Если судить по этому, то их притеснения зашли слишком далеко. Поэтому я лично выступлю и буду воевать с Сэцэн-Бухэ, а ты, Хасар, повоюй найманов сам». И с этими словами Тэмуджин выступил и уничтожил Сэцэн-Бухэ.

А Хасар взял войско и выступил против найманов и встретился с найманским войском у горы Хора. Войска и богатыри с обеих сторон тотчас же выступили друг другу навстречу на смертный бой. Хасар сразу ударом копья свалил трех богатырей. После этого Хасар, предводительствуя своим войском, стал колоть ударами копья, ворвавшись внутрь расположения главных сил найманского войска. В это время он был подобен подлинному небесному воителю. И вот найманское войско испугалось, пришло в расстройство и побежало, словно потеряв всякое мужество. И при этом чрезвычайно много было у них убитых, остатки же их, преклонив колени, покорились.

В то время часть хуванчильского аймака пришла к ним с целью покориться Тэмуджину. Хасар, не зная об этом обстоятельстве, повстречал тот народ хуванчильского аймака и повоевал его, вследствие чего тот народ бросился бежать и подчинился самагунскому аймаку. Тэмуджин, услышав об этом, разгневался на Хасара, отобрал двоих его сыновей и подданных, а Хасара одного изгнал и выслал на Харуна*. Когда же Субэгэтэй-багатур стал упрекать Тэмуджина за то, что он усрал Хасара, Тэмуджину это не понравилось, и он отрешил Субэгэтэй-багатура от должности наставника.

В ту пору у Ван-хана керейтского аймака был титул «Тори-алтан-улус-ван»¹⁵⁵. В прежнее время он был побратимом с Есугэй-багатуром. А потому Тэмуджин с Хасаром почитали его, как отца. Между тем, Ван-хан, поддавшись клеветническим наветам, изменил свое отношение. В то время как Хасар проживал на Харуне, нео-

* Харагуна — гора на юге Монголии.

жиданно явилось войско Ван-хана и разгромило дом, где жил Хасар. Хасар в одиночку, пеший, прижимая к груди своего сына Тогтоа, спасся бегством. В дороге он испытывал недостаток в пище и, питаясь птичьими яйцами, добрался до реки Билджухай. В то время Тэмуджин тоже, будучи преследуем войском Ван-хана, подходил к реке Билджухай. Хасар, узнав об этом, отправился навстречу Тэмуджину. Братья сели и стали беседовать о своем положении и о напавшем на них войске Ван-хана. В том месте на реке был пережат. И у того и у другого брата кончилось съестное. А они были в совершенно безлюдной местности. Мучимые голодом они дошли до крайности из-за невозможности хоть что-нибудь найти. В это время с северной стороны выскочил дикий осел, тогда Хасар выстрелил и свалил его. А так как у них не было котла, то они содрали шкуру дикого осла мешком, а мясо его, изрезав, сложили в этот самый мешок, и тем наелись¹⁵⁶. Тэмуджин, испив воды из реки и земно поклонившись Небу, произнес: «Если я исполню великое предназначение и взойду на ханский престол, я буду делить с тобой и радость и горе. Если же я нарушу свое слово, пусть я прерву течение своей жизни, наподобие пережата этой реки. И пусть во веки веков люди, дающие клятву, пьют воду из этой реки». Хасар был глубоко тронут и, роняя слезы, испил воды и поклонился.

После этого Тэмуджин собрал свое рассеянное войско и произвел ему смотр. Они расположились лагерем на берегу реки Онон. Хасар, применив военную хитрость, послал к Ван-хану двух человек. Вот с какими словами он их послал: «Я не знаю, где в настоящее время находится мой старший брат Тэмуджин. Мой дом и семья находятся в ваших руках, Ван-хан, не так ли? Если бы вы, будучи великодушным ко мне, не убавили свою прежнюю милость, то я бы покорился вам и служил бы честно». Ван-хан поверил этим словам и, взяв свое войско, по указанию послов Хасара ночью поднялся на гору Цанцохту. Тэмуджин с войском, построенным растянутой цепью, последовал за Хасаром. Хасар произвел нападение, вступил в решительный бой с войском Ван-хана и разбил это войско наголову. Точно также он покорил и весь подданный его народ. Ван-хан и его сын вдвоем отступили с маленьким отрядом с боем, но один военачальник Тэмуджинова войска догнал их, напал и убил Ван-хана. Сын его бежал в государство Хаши¹⁵⁷, а там тангутский государь схватил и убил его.

Объединившись после уничтожения Ван-хана с Хасаром, и произведя облавную охоту на горе Тамахи, установив закон и прославив победоносную силу Хасара, они расположились кочевьем в своей родной местности. Затем они воздвигли прекрасный золотой дворец, исполненный всевозможных сокровищ неба и земли, в местности, называемой Дэлэхэйн-Дэлгэр-Хан, на обширной степной равнине у великой реки Керулен. Тогда Тэмуджиновы братья и подданные по взаимному согласию возвели его в великие ханы.

Начиная с того самого дня, как он воссел ханом, стала прилетать особенная, ранее того невиданная птица и садилась она на валун-камень к востоку от дворца. У этой птицы глаза и крылья были пестрые, словно радуга, а голос сладкозвучный, и красота замечательная. Она была словно жаворонок. Три зори все щебетала: «Чингис, Чингис». Это приняли за особую приметку и исключительно счастливый признак и нарекли его именем Суту-Богдо-Чингис-хан¹⁵⁸.

Затем, однажды валун-камень сам по себе рассыпался, и изнутри его выпала печать, сделанная из драгоценного нефритового камня. Эта самая печать была правильной четырехугольной формы, задняя сторона у нее была похожа на спину черепахи, на лицевой стороне сплелись два дракона, и было на ней восемь знаков: «шиу чжу тин ки суй чжуан тан». В переводе эти знаки означали: «Им руководит Небо, продолжительность жизни его вечна». По временам от печати исходил свет. Чингис-хан сделал один оттиск с нее, пронзил насквозь пачку в тысячу листов бумаги, когда приложил к ним печать, и исполнил с этого оттиска государственную печать.

Тотчас после этого с небес спустилась, не пролив содержимого, яшмовая чаша, полная сладчайшего нектара, и прямо попала в руки Чингис-хана. Отведав нектара, Чингис-хан сказал так: «Небом мне милостиво пожалован нектар, а драконами нижнего мира пожалована яшмовая печать». Поэтому он есть истинный, великий хан, ниспосланный Небом, преисполненный величия, вращающий колесо веры великою силой Земли. Он водрузил свое восьмибунчужное белое знамя и свою четырехбунчужную черную хоругвь. Создал совершенные мудрые законы и в полной мере распространил блеск и величие, добродетель и счастье всего монгольского народа.

Затем Чингис-хан сделал своими женами двух сестер Йису и Йисугэн, дочерей Йэхэ-Чороя из татарского аймака. После того выгнал китайского Алтан-хана¹⁵⁹ и, сделавшись китайским императором, соизволил направить стопы в южную страну. С острова в море, называемом Ши-ян, он добыл и привез замечательный закон китайского учения, творение так называемого небесного владыки Дай-яну.

В разное время он овладел следующими многочисленными народами, перебив множество ханов и подчинив себе их подданных, как-то: маньчжу-джурчидского Ван-Сун-хана, солонгоского¹⁶⁰ Цаган-хана, сартагульского¹⁶¹ хана по имени Желиледун-султан; томогского Манулан-султан-хана, керейтского Ван-хана и прочих. После того найман-бандский Даян-хан прослышал о том, что Чингис-хан покорил множество племен и народов, и сказал человеку, по имени Джирухайчи из племен Вэда: «Я слышал, что у вас в восточной земле появился человек, которого прозвали великим ханом, но ведь истина в том, что на небе двух солнц не бывает, а на земле двух ханов не бывает. Ты подружись со мной и помогай мне, а я отниму у того Тэмуджина луки и копьа».

Когда Джирухайчи передал те слова Чингис-хану, Чингис-хан вместе с джанджунами всех аймаков созвал сейм на реке Тамахи и предложил напасть на найманского Даян-хана. На это его предложение некоторые джанджуны сказали: «Сейчас по весне кони тощи, а потому выступим-ка в поход, дождавшись осени». На эти слова Бэлгэтэй возразил: «Во всяком деле нужно быть первым. Хотя лошади и истощены, но чем скорее начнем войну, тем лучше». А Хасар сказал: «Слова найманов о том, что они отнимут у нас луки и копьа, поистине оскорбительны для нас. Они говорят это из зазнайства, полагаясь на свое могущество и величину своего государства. Раз так, то я сражусь с ними, не жалея своей жизни. Пока они не подготовили войска, следует решительно выступить». На это Чингис-хан сказал: «Раз мои благородные братья проявляют такое усердие, то как может дело не удалиться?»

После этого Бэлгэтэй приказал Бату-Табунану приготовить войско и выступить в поход. Тотчас отобрав и приготовив свое войско, Хасар сам стал во главе его

и выступил в поход. На пути монгольское войско расположилось лагерем у горы Джадаши. Войско найманского Даян-хана, двинувшись с Алтая, расположилось лагерем у Хангая. Что касается войска найманского Даян-хана, то у него оказалось собственное войско в надлежащей мере, да дополнительное войско, [в которые вошли войска] мэркинского аймака Тогтога, керейтского Нарана, тайсарского Хутуг-Банджи, дурбэтского аймака, татарского аймака и хатагинского аймака. Так как все эти войска соединились, то количество и сила их оказались поистине великими.

В эту пору Даян-хан увидел одну лошадь, которую упустило монгольское войско, и которую привели в найманский военный лагерь. Даян-хан сказал: «Однако у этих монголов кони, оказывается, изнурены. Давайте тайно двинемся, окружим их и перебьем». Тогда найманский джанджун по имени Хоро-Субэчи сказал: «Прежде у нас хан первым нападал, а во время боя выказывал богатырскую мощь. Бывало, и в обычае не было отступать, прятаться. Он не показывал врагу ни конского хвоста, ни человеческой спины. Подобная нерешительность его ничто иное, как трусость. Уж не стоит ли, раз ты боишься, доставить сюда ханш и велеть им командовать войском?» Даян-хан вспылал, крикнул: «В бой», — и поскакал.

Когда войска обеих сторон встретились и построились, Даян-хан выступил во главе войска с копьем наперевес. А из монгольского войска с копьем в руках выступил Хабуту-Хасар. Когда они сблизились и двадцать — тридцать раз на скаку разминулись, один джанджун войска Даян-хана, по имени Самагур, сказал так: «В старину мы несколько раз воевали монголов. Тогда мы могли их запросто проглотить вместе с кожей и внутренностями, подобно барашку. А теперь, как посмотрю, этот человек подобен небесному богатырю, а его управление войском, его могучая сила отличны от предыдущих. Мы проиграем, чтобы мы ни делали. Поэтому мне следует отступить и крепче оборонять свою родину». И с этими словами он ушел. Точно так же, и государь мэркинского аймака, поняв, что неизбежно поражение, забрал свое войско и отступил.

Хасар некоторое время бился, но конь его изнемог. Тогда он отдохнул и сказал: «Я еще раз сшибусь». Поворотил он свою лошадь и только хотел вернуться, как Даян-хан, расхрабравшись, отпустил поводья, завопил и понесся на него. Тогда Хасар, бесстрашно наступая, подскакал к нему, быстро наложил на тетиву стрелу и с одного выстрела, пронзив насквозь лицо Даян-хана, свалил его. Затем Хасар вновь вернулся в бой, и Бату-Табунан вместе со своим отрядом с криком вступил в бой. Под великим напором того монгольского войска найманские войска пришли в полное расстройство и бежали. Тут наступила ночь. В поспешном бегстве они наезжали на скалы, и погибших у них было великое множество. Войска Хасара и Бату-Табунана до конца ночи их войскам учинили жестокую резню. Затем на рассвете уцелевшие войска полностью преклонили колени и покорились Хасару.

Когда же Хасар и Бату-Табунан устроили смотр начальников перешедшего к ним войска, один человек из них обратился в бегство. Хасар велел схватить его живьем. Бату-Табунан догнал, схватил того человека и привел. У того за пазухой оказалась печать. Хасар спросил у того человека: «Все отряды вашего войска сдались нам полностью, куда же это ты, припрятав печать, хотел убежать в одиночку?» Тот человек ответил: «Я убежал с намерением блюсти до смертного часа свой слу-

жебный долг, доставив и передав эту печать старому своему государю, но к несчастью теперь я пойман». На эти его слова Хасар снова задал вопрос: «Ты какого же рода и в какой был должности?» Тот ответил: «По происхождению я человек из уйгурской земли, имя мое Тататунга. Мой государь, вручая мне эту печать, поручил все заграничные дела — по засылке от нас и по ввозу к нам [официальных бумаг]». Когда он так доложил, то Хасар еще спросил: «В каких случаях употребляется эта печать?» Тататунга ответил: «Ее употребляют при посылке приказов, избрав для того лучших людей. Ею пользуются вообще при всяких казенных делах». Когда он так сказал, Хасар похвалил того Тататунгу и, как человека честного и преданного, представил Чингис-хану. Тататунгу определили в должность и приказали пользоваться той самой печатью при посылке всякого рода официальных документов. Так как человек тот по имени Тататунга был очень сведущ в писаниях, Хасар взял его в учителя и сейчас же начал у него учиться письменности, законам, военной стратегии и тому подобному. И вскоре хорошо выучился.

После этого они снова подготовили войско и выступили в поход на Горлос. Убили Нарин-хана, владельца горлосского народа, и подчинили своей власти двадцать тумэнов (200000) его людей.

Затем напал некто из рода Бардан, получивший большое вспомогательное войско карлукского хана Арсалана. Государь Чингис вместе со всем войском самолично выступил в поход, собственноручно предал лютой смерти Арсалан-хана, и точно так же подчинил своей власти весь карлукский народ.

После того Чингис-хан выступил походом в тибетскую страну. Нойон тибетского войска Чока, а также Цалба-Гундорджи и прочие тибетские вельможи со страху вышли навстречу и поднесли ему замечательные подарки, а также устроили великое пиршество. Все — три аймака верхнего Нгари, четыре племени центральных провинций Уй и Цзана, три долины нижнего Кхама¹⁶² вошли в подданству к Чингис-хану.

Тогда государь Чингис-хан, очень радуясь, отправил посла к Сакья-Гунганинбо-ламе¹⁶³ вместе с подарками и письмом следующего содержания: «Лама, ныне я жалую тебя приглашением. Между тем, я не приглашал тебя вследствие того, что мои государственные начинания нуждались прежде во многих других мирных и военных делах. Однако я намерен отсюда уповать на тебя, а ты думай обо мне, находясь там. К тому времени, как я закончу свои дела, ты сам, лама, вместе со своими послушниками непременно должны пожаловать в монгольскую страну и поспособствовать распространению там драгоценной веры», — так он повелел. Сакья-Гунганинбо-лама был чрезвычайно рад [словам] Чингиса. Он доставил и с великими почестями поднес ему три религиозных изображения вместе с прочими благословенными дарами. Хотя Чингис-хан лично и не встретился с тем ламою по имени Сакья-Гунганинбо, но, почитая изображения Будды и его вероучение, он освободил от податей тибетских людей и оказывал почет как уйским и цзанским святыням, так и ламам и хуваракам¹⁶⁴. После этого государь Чингис водворил к себе все изображения, пожалованные ламой, и расположился в своем кочевье. Хотя монгольский народ раньше вовсе не знал о так называемой буддийской вере, прослышав о прибытии тех изображений, стал говорить, что вера Бурхана¹⁶⁵, а также ламы

и хуvaraки есть нечто благословенное и благоденственное. Так народ обрел веру и благоговение. Поэтому и говорят, что в монгольской стране вера получила свое начало по причине прибытия тех изображений в чингисову пору.

Хотя в некоторых историях говорится о почитании учения [Будды] Дамцуг-ханом и Хурца-Мэргэном¹⁶⁶, которые являлись потомками Борто-Чино, жившими еще раньше Бодончара, эти сказания не согласуются совершенно с многочисленными биографиями и чойджунами¹⁶⁷.

Чингис-хан убил Амбай-хана сартагулчинского, подчинил своей власти и взял в свое подданство весь подданный ему народ. В ту пору Хасар самолично возглавил войско и выступил в поход, а когда живьем захватили найманского Болой-хана, найманский народ полностью ему покорился.

Затем точно также убив мэркинского хана Тогтоа, захватил мэркинский аймак. Хасар-Богдо соизволил равным образом пройти по морскому берегу. Он поразил своим величием и покорил себе земли Си-Джоу, Джун-Пан-Джоу, Ляо-Си¹⁶⁸ и прочие и полностью захватил народ внутренних и внешних провинций.

Таким образом, в то время как сорок тумэнов¹⁶⁹ монголов, двадцать тумэнов горлосов, тринадцать тумэнов тибетцев и тринадцать провинций Китая вошли полностью к нему в подчинение, только лишь одна часть Тибета под названием Миньяг¹⁷⁰ в лице девятого хана по имени Туби-Шидургу ему не подчинилась. Этот хан был на самом деле существом с превеликой силой, совершенной добродетелью и самыми возвышенными мыслями. Он обладал способностью чудесных воплощений, и был для меча и оружия недосыгаем.

Из страны того миньягского хана явился на гору Муна какой-то заклинатель-тангут и стал насыпать проклятья [на войско монголов]. Чингис и Хасар с войском выступили в поход на миньягского Туби-Шидургу-хана. Когда они, достигнув железных ворот, встали лагерем, воины рассказали, что увидели чудо. Вот что они в один голос говорили: «Это было существо с туловищем оленя, с конским хвостом, с телом зеленого цвета. Увидев воинов, оно заговорило по-монгольски, мол, поскорей возвращайтесь в ставку хана». Вот так они говорили. Тогда человек, по имени Алауд-Цуши¹⁷¹, важный чиновник по письменной части, следовавший за Чингис-ханом, доложил об этом хану: «Это был дивный зверь, говорящий на человеческом языке. Этот зверь называется Шиу-Тува¹⁷², а слова его ниспосланы с Неба. Добро будет хану в согласии с волею Неба возвратить войска вспять». Услыхав это, Хасар сказал: «Ты — чиновник по письменной части, если ты не одобряешь войну, то сам можешь себе вернуться. К чему же так говорить, высказывать пустые слова, тревожить у хана душу и создавать препятствия державному делу? Я уже почти шестьдесят лет прожил, и за время путешествия по разным землям не видел ничего невиданного и неслыханного. Откуда же в качестве небесного посланника явился ныне этот так называемый Шиу-Тува? За чем нам слушать небылицы?» В таких выражениях он сильно накричал на него.

Так как Чингис-хан считал Алауд-Цуши большим мудрецом и доверял ему, то он не одобрил поведение Хасара и разбил его. А великое войско повернул обратно и расположился станом у горы Муна. Когда он расположился лагерем, какая-то сова заухла в дневное время. Государь испугался и приказал [Хасару] ее застрелить. Когда Хасар стал стрелять, взлетела и попала под его стрелу сова. Сову он

не убил. Тогда Чингис разгневался, велел схватить Хасара, надеть на него кандалы и колодку и стеречь его все время отрядом в восемнадцать человек, посадив в колодец с каменной оградой.

После того Чингис-Богдо, возвратясь в свой дворец, зазимовал там, а на следующую весну опять выступил в поход и расположился станом в местности Хухэбури на северном склоне мыса Муна. Начиная с той ночи, сделался туман и холод. Поднялась буря. Ни днем ни ночью не прекращаясь, мело. От этого погибло великое множество людей и коней. В ту пору некий местный человек пришел и рассказал: «Недавно какой-то тангут, пришедший сюда к нам, остановился в юрте одной здешней вдовы. Эта пурга, как люди говорят, — от его сглаза». Когда он так сказал, самые смелые из войска пошли поглядеть, а как поглядели, то и увидели, как из метели появляются всевозможные черти. Как показались эти черти, не в силах идти дальше, они вернулись и доложили хану: «Эти скопища чертей никто, кроме Хасара, победить не сможет». Когда они так сказали, хан приказал: «Выведите из колодца и доставьте сюда Хасара». Хотя Хасар от роду был болен ревматизмом, а в заключении болезнь усилилась, и Хасар очень мучился, все-таки, преодолевая боль, он составил едкое зелье, губительное для сонмов чертей, взял лук и стрелы и пошел. Под начальством Хасара люди перевалили через гору, и чуть только показались из метели черти, как Хасар начал читать сильные заклинания и подавлять чертей зельем. Так он победил чертей. Затем он разыскал этого вредного оборотня-тангута и с одного выстрела его свалил. После этого снежная метель тотчас прекратилась. Он разрезал труп заклинателя, вынул у него сердце и принес в жертву горе. А воины поймали бабу, которая приютила заклинателя, разрезали на куски и сожгли. Хан, очень сожалея о том, что он подверг Хасара наказанию, помирился с ним, и они вместе выступили в поход на племя Миньяг.

По возвращении домой Хасар стал лечиться у китайского лекаря из рода Ли. Болезнь ног немного прошла, но не излечилась, он становился все слабее и слабее и вот сделался тэнгри (умер). Люди говорят, что хасаровские останки были погребены на большой горе.

После этого Чингис-хан выступил в поход и подошел с войсками к местности, называемой Дурбаши-Улаган-балгас, и вступил в смертный бой с Дорджибал-Туби-Шидургу-ханом. Они не могли одолеть друг друга и долгое время бились в кровавой сече. Тот Дорджибал-хан показывал всякие чудеса. Тогда и Чингис-хан стал тоже показывать чудеса. Как только у того хана тело принимало свойство огня, тело Чингис-хана тотчас же принимало свойство воды, а потому Чингис-хан никак не поддавался. И вот под конец Дорджибал-хан сделался тэнгри, открыв Чингис-хану, как его можно убить¹⁷³. Так Чингис-хан подчинил своей власти и миньягский народ. После этого Чингис-хан женился на Гурбэлджин-Гоа, жене Шидургу-хана. Потом, когда он расположился лагерем в местности, называемой Дурбаши, Гурбэлджин-Гоа задумала отомстить Чингис-хану. Она попыталась повредить ему ножницами, но не сумела и бежала. Она утопилась в Хара-мурэне. От этого-то впоследствии Хара-мурэн и прозвали Хатун-гол.

Точно так же он [Чингис-хан] по милости Хормуста-тэнгри подчинил своей власти всех, находившихся в пространной вселенной Китая и Монголии. Вот какие

были у него в управлении сановники: Хулуг-Борчи-нойон, с которым он сдружился с юности; джалайрский Гоа-Мухулай-нойон; горлосский Джэбэ-нойон; ойратский Хара-Хирагу-нойон; ушинский Булур-нойон; татарский Шагва-нойон; урянхайский Алма-нойон; сулдаский Торган-Шира-нойон; джурчиудский Чу-Мэргэн-нойон¹⁷⁴ — всего девять орлёков¹⁷⁵. Кроме того, он всемилостивейше пожаловал по своей воле великие титулы и почетные звания и другим служившим ему. Распространил повсюду власть Юаньской династии. И в этой державе он всем дал покой и благоденствие.

Благополучно дожив до шестидесяти шести лет, он заболел и через семь-восемь суток в году красной свиньи (1227) в седьмой луне 27-го числа на южном берегу Хара-мурэна, на правой стороне Боро-тохай, в земле, называемой Барс-Цаган-балгасун, между Сариулом и Джуйхуром у Нанджина, города китайского императора Чинсуя, перешел в нирвану (скончался).

В ту пору монголы передавали из уст в уста, что [Чингис умер из-за того, что] черная колдунья, держа свою поварешку, наговорила и напричитала всякие слова, что она с прыжками и ужимками в безумии твердила слова: «дам, дам». Многие говорили, что Чингиса убила жена Шидургу-хана. Такая молва пошла вот по какой причине. Прежде, когда Чингис убил хотонского Сартагул-Султан-хана и когда подчинил своей власти его подданных, Хабуту-Хасар взял себе в жены прибывшую вместе с новорожденным ребенком некую женщину по имени Унэгэн, жену того Султана-хана. Этот-то мальчишка, сын Унэгэн, и распустил такую скверную молву вследствие вражды к Чингису, которого он ненавидел по двум причинам: за то, что тот убил его отца Султан-хана, и за то, что сажал в яму его приемного отца — Хасара.

В ту пору, когда Чингис сделался тэнгри, когда стали рассматривать его останки, то, как будто, сверкнула радуга, и все увидели, как она превратилась в Гаруди¹⁷⁶ величиною с локоть. Увидев это, все поразились. И тогда сановники, ханши и дети, посоветовавшись между собою, положили останки в золотой ящик и, водворив во дворец, называемый «Купол, подобный дворцу небожителей», стали приносить ему жертвы.

Когда они после этого собирались вечно почитать останки жертвоприношениями и стали советоваться о выборе рачительного сановника, то Хулуг-Борчи-нойон сказал: «Я, как известно, являлся близким другом Богдо-эдэна¹⁷⁷ с раннего возраста и до сего дня и помогал ему в трудных и легких делах. Хотя светлое сердце императора ушло, я хочу приносить жертвы его драгоценному праху». Когда он так сказал, все одобрили его слова и возложили на Борчи-нойона обязанности по жертвоприношениям. Его потомки в настоящее время стоят во главе дархатов¹⁷⁸ хошуна Ордос и носят звания тайши и дзайсанов.

В различных исторических источниках имена и число братьев и сыновей Чингис-хана [показано] не одинаково. Если писать, принимая в отношении этого за основу шастру Сумба-гэгэна под заглавием «История религии под названием древо Кальпаврикша»¹⁷⁹, то у Чингис-хана было семь сыновей, как то: от старшей ханши по имени Буртэгэлджин четыре старших сына — Чагатай, Джучи, Угэдэй, Тулуй; от следующей по старшинству жены по имени Хулан — Хулуган-тайджи; от третьей ханши по имени Йису — Джурчи-тайджи; от четвертой ханши по имени Йисугэн — Йисутай-тайджи. Итак, было семь сыновей. Из них старшему сыну сво-

ему Чагатаю он дал титул чинвана¹⁸⁰, послал его ханом в Сартагул, где и сидел тот ханом в городе, называемом Яркенд. Второго сына Джучи он посадил ханом в Токмаке; третьего сына Угэдэй-тайджи сделал он над всеми ханом на чингисовом престоле, а главным сановником поставил джурчидского Чу-Мэргэна и поручил ему управлять делами.

Чинван Чагатай из пяти своих сыновей, старшего Абдула посадил ханом на свой престол, а других четырех сыновей поставил ханами в землях, именуемых Хачи, Индия, Рум и Оронга.

Между тем, сын Чингиса Угэдэй, процарствовав пять лет, скончался. У того Угэдэй-хана было два сына — Гуюк и Годан. Из этих двух сыновей старший пробыл ханом один год. После него Годан-хан во время нахождения в городе Лянчжоу¹⁸¹ заболел. Его лечили, но лекарства не помогали. Тем временем он услышал, что в западной земле¹⁸² живет некий добрый лама по имени Гунгаджалцан¹⁸³, ученый из рода Сакья-Гунганинбо-ламы, которого почитал в старину Чингис-хан. Услыхав про это, он оправил за ним посла. Тому пандита¹⁸⁴-ламе Гунгаджалцану его учитель Джамцо-лама некогда в старину сделал такое предсказание: «Когда в будущем тебя пригласит человек, пришедший с окраины, где шапки похожи на ястреба, а сапоги похожи на свиное рыло, тогда свершится великое благо для веры и живых существ». Так он изрек. Так как посол Годан-хана оказался в полном соответствии с предсказанием того учителя Содномджамцо-ламы, то пандита решил отправиться в монгольскую страну и обещал приехать. Затем пандита Гунгаджалцан-лама прибыл вместе со своим племянником Пагба-ламой¹⁸⁵ и ламой по имени Чагна в город Лянчжоу. После того лама повидался с ханом, определил его болезнь — что она земной и водяной природы. Лама через посредство могучего Хоншим-бодхисаттвы¹⁸⁶, постигнув средство исцеления, вылечил его.

Затем Годан-хан [от ламы] принял посвящение божеству Хэ-ваджре¹⁸⁷. Лама при этом явил различного рода чудеса: мановением своей руки пролагал следы в каменных скалах и так далее. Тогда все, начиная с хана, уверовали в него. После этого пандита Гунгаджалцан-лама решил создать монгольскую письменность. Он полагал создать наиболее легкое письмо. Во время своего размышления он увидел, что какая-то женщина держит в руках кожемялку и в соответствии с тем, что увидел, он по образцу кожемялки составил монгольские буквы и создал азбуку. Хан отдал в подданство пандите провинции Уй и Цзан. Прожив таким образом около семи лет, пандита принял образ нирваны. Мощи этого святого в настоящее время являются одним из великих мест поклонения под именем Тэбши в окрестностях города Лянчжоу.

Годан-хан прожил тринадцать лет и скончался бездетным. А потому ханом воссел Мункэ, старший из четырех сыновей царевича Толуя, который охранял Чингисов очаг¹⁸⁸. Мункэ с войсками взял город в стране Мон, под названием Гумубудун. Мункэ-хан пригласил учителя Кармапа¹⁸⁹, и оба они отныне стали: первый — милостынедателем, а второй — его ламой.

Затем, по смерти Мункэ, который процарствовал восемь лет, воссел ханом его младший брат Хубилай-Сэцэн-хан. Хубилай-Сэцэн-хан обладал истинно великой мощью и силой. Он подчинил своей власти все народы до границы индийской и

государство Качи¹⁹⁰. Хубилай-Сэцэн-хан еще во времена Будды, говорят, был индийским царем по имени Шилчил. Такое имеется указание у Панчен-эрдэни. Этот хан пригласил впоследствии Пагба-ламу, кроме учителя Кармапа, которого прежде почитал Годан-хан, и стал его почитать в качестве учителя. Вот как произошло появление Пагба-ламы.

Содномджамцо, младший брат Сакья-пандиты Гунгаджалцан-ламы, был йогачаром¹⁹¹ черного вида; в то время, когда он пребывал в медитации, являя образ божества Ганапати, Ганапати явился ему в красном свете и со злым лицом. Своим клювом он схватил [созерцателя], возвел его на самую вершину горы Сумэру и так ему сказал: «Ну вот, все, что ты видишь отсюда, будет в твоей власти». Так он сказал. После того йогачар сильно испугался и только раз взглянул на краешек земли, который представляли тибетские провинции Уй и Цзан. Тогда Ганапати сказал: «Так как ты не смог обозреть всего, то [в будущем] явится некий отрок, который сможет подчинить своей власти все тибетские страны твоему сыну или внуку». С этими словами он доставил йогачара обратно на место.

Затем у того Содномджамцо вообще перестали получаться чудесные явления. Тогда он поспешно стал снова являть [образ] Ганапати и совершать сильные ритуальные действия призывания божества. После этого Ганапати отправился в страну, именуемую Гунда, к одному ламе по имени Садунранбо, который видел лицо Хоншим-бодхисаттвы, и сказал так: «Содномджамцо требует от меня подчинить его власти тринадцать тумэнов тибетцев и настойчиво напоминает мне об этом. Между тем ему это не суждено. Если бы вы переродились в сына Содномджамцо, то были бы в состоянии подчинить своей власти эти страны. Поэтому вы должны вознести сильное благопожелание, чтобы родиться его сыном». Когда он так сказал, лама одобрил это. Когда лама скончался, у Содномджамцо родился сын, и был он отмеченным исключительными знаками. С малого возраста он мог изучать священное писание и, так как он был исполнен мудрости святых хутухт и дара прорицаний мудрости и чудесных превращений и прочего, то он и прославился под именем хутухты. В десятилетнем возрасте, будучи приглашенным к Годан-хану, он и прибыл туда вместе с Гунгаджалцан-ламой. Впоследствии, когда ему было семнадцать лет, он прибыл по приглашению Хубилай-Сэцэн-хана.

После этого, когда Пагба-лама Лодойджамцо повстречался с ханом, ханшами и царевичами и сидели они за беседой, хан задал ему такой вопрос: «Какие великие люди были у вас в Тибете?» Тогда хутухта-лама ответил: «У нас в Тибете было трое: Номун-хан* и его племянник с дядей». А хан и говорит: «Какова же причина, по которой тех троих называют великими?» — «Они называются великими людьми потому, что являются хубилганами¹⁹², а именно: Срондзангамбо является хубилганом Хоншим-бодхисаттвы; Тэсрундэцан является хубилганом Манджушри; Ралпачан является хубилганом Ваджрапани». Так он сказал. Хан спросил: «Кто в вашей земле родился добрым мужем?» Он ответил: «В нашей земле родился знаменитый человек, по имени Мила¹⁹³. Тогда хан спросил его: «Кто он такой, этот муж?» Тот ответил: «В начале жизненного пути он побеждал врагов, а под конец жизни

* Царь веры.

предался священному учению и постиг таинства волшебства». И еще спросил хан: «Кто в вашей стране считается великим ученым?» Тот отвечал: «Наш учитель пандита» — «Как велики достоинства этого лама? И насколько ты сам учен?» Лама ответил: «Знания нашего учителя подобны великому морю, я же столькому обучился, сколько можно из моря почерпнуть воды».

Впоследствии однажды хан сказал, обращаясь к хутухте: «Я послал приказ о том, чтобы взять с тибетского народа панцири для войска, а также, чтобы собрать подати и повинности с народа». На это лама сказал так: «Народу в нашей тибетской земле мало, земель мало, мало и товаров, не в состоянии тибетцы отбывать воинскую службу, не могут делать подати и подобное тому, а потому не соблаговолите ли вы освободить от этого [тибетскую землю]?». Когда он так сказал, то хан отклонил эту просьбу, говоря: «Это совершенно недопустимое дело». Тогда хутухта сказал: «В таком случае я, тибетский чернец-банди¹⁹⁴, не должен здесь жить, а потому не лучше ли будет возвратиться мне на родину?» Когда он так доложил, хан сказал: «Ну что же, можешь возвращаться».

Тогда ханша Цамбуй пришла к хану и сказала так: «Ты говоришь, что этот пандита может возвратиться на родину. Между тем, как я подумаю, с ним и в малой степени не сравнится по редкостной мудрости даже старец учитель, в которого мы прежде верили. Лучше было бы, если бы ты не возвращал его на родину, а жили бы вы между собой как лама и милостынедатель». Когда она так сказала, хан согласился. Так и сделали. Этот лама всегда имел очень гордый вид, поэтому как-то хан сказал ему так: «Почему у тебя такой надменный вид? Что у тебя такое есть?» Тогда лама ответил: «Я привык поступать величественно, будучи почитаемым и уважаемым в прежние времена и в Индии, и в Тибете, и в Китае, да и в прочих странах». При этих его словах хан спросил: «В какую же пору прежде ты был почитаемым и уважаемым в Тибете? Это явная ложь, которая вовсе не подобает чернецу-банди». Когда он так сказал, хутухта ответил: «Давным-давно я во время царствования своего в Тибете сражался с китайским войском. Тибетцы тогда победили, и я подчинил своей власти две трети видимого мира. После того я заключил мир с Китаем и водворил к себе китайскую царевну и изображение Шакьямуни». Когда он так сказал, хан приказал рассмотреть исторические документы, и тут оказалось, что слова [ламы] совпали с деяниями Срондзангамбо и китайского императора Тайцзуна Танской династии, а потому хан намного повеселел. Лама же сообщил хану следующее: «Раз в ваших исторических документах содержатся сведения о том, что бывало в древнейшие времена, то вот в древности за десять миллионов лет до сего времени на всем Джамбудвипе семь суток шел кровавый дождь. Сказано ли там об этом?» Когда он так сказал, то хан повелел внимательно рассмотреть китайские исторические документы и, вследствие того, что там оказалось точно такое повествование, хан окончательно уверовал в ламу.

В дальнейшем ханша Цамбуй докладывала императору: «Хорошо, что мы не возвратили в Тибет Богдо-ламу, этот лама владеет весьма замечательным учением, какого нет у других, а также посвящениями в тантрические таинства. Поэтому хорошо было бы нам попросить и принять их у него». Хан ответил: «Возьми уж ты сначала, а я подожду и потом приму». Ханша же, сподобившись посвящения Хэ-

ваджре, очень сильно возблаговела [к учителю] и так доложила ему: «Что вы хотели бы получить в качестве обрядового подношения?» Когда она так сказала, то лама соизволил ответить: «Надобно подносить именно то, что есть самого ценного и дорогого, в особенности же нужно подносить всякие самые любимые свои вещи». Когда он так сказал, ханша ответила: «Когда меня выдавали замуж за хана, то у меня были вещи, подаренные моим дедушкой. У меня нет ничего любимее этих вещей». И с этими словами она в великом избытке поднесла, начиная с надетых на ней во множестве, золота и жемчугов, поднесла также много другого золота, серебра и шелковых тканей. Впоследствии у хутухты некий монгол купил тот жемчуг за ведро золота и тысячу ведер серебра и на эти деньги покрыл крышу Шацбайского монастыря золотом.

После этого ханша Цамбуй как-то сказала императору: «То, что я удостоилась особенного поучения от Богдо-ламы, делает меня особенно счастливой». Тогда хан доложил ламе: «Нельзя ли и мне сподобиться того же наставления, которое пожаловано ханше?» Лама ответил: «Вы как великий хан не в состоянии сохранить духовную клятву, а так как у вас в настоящее время нет глубокой книжной мудрости, то вам можно будет принять посвящение попозже». На те слова хан ответил: «Какую же клятву должно хранить?» Лама сказал: «Вот что подобает вам, когда примете посвящение: сидеть на самом краю трона, телом преклоняться, языком воздерживаться до моего повеления, мыслью худого по отношению к своему ламе не думать». — «В таком случае, — отвечал хан, — я этого не смогу». На эти его слова ханша Цамбуй сказала так: «Есть одно средство. В то время, когда ты будешь удаиваться наставления, лама должен начальствовать и сидеть выше. В ту же пору, когда будет большое собрание ханов, гэгэнов¹⁹⁵ и чиновников, то тогда хан должен начальствовать и сидеть выше. В делах веры поступай по слову ламы, а в делах правительственных не обязательно поступать по указанию ламы. Не так ли?» Когда она так сказала, оба — и лама и хан одобрили ее слова и согласились: «Это годится». После этого хан послал за мудрым переводчиком, а лама погрузился в созерцание. Затем он прекратил медитацию и, приготовив все необходимое для совершения обряда, пожаловал троекратно посвящение двадцати пяти людям, начиная с хана. Хан очень обрадовался и в качестве обрядового подношения поднес тоже золото, серебро, разные вещи, скот и тому подобное, а также отдал в подданство святителя тринадцать тумэнов тибетцев. Кроме того, он пожаловал ему титул царя учения дай-шири¹⁹⁶ в трех странах.

Когда они так почитали хутухта-ламу, Карма-багши явил чудеса: шествование по небесам, прохождение насквозь через великую крепостную стену и прочее. Хан в великом изумлении сказал: «Хотя хутухта-лама превосходит мудростью наставлений, но этот чумазый лама сильнее его в мудрости познания». Когда он так сказал, то услышала это Цамбуй-хатун. Душа у нее разволновалась, и она доложила Пагбаламе: «Этот хан говорит вот такие и такие слова. Какие вы ни являли чудеса, а ханская душа все недовольна. Даже нет сомнения — у него понижается благоговение. Потому во что бы то ни стало надо явить ему какое-нибудь чудо».

Когда она так просила, Пагба-лама и говорит: «Ведь у меня было уже чудо в духе чудесных превращений Карма-багши. Нехорошо, что у благоговейного хана

душа недовольна. В тайном учении „Алмазной колесницы“¹⁹⁷ сказано, что если человек, обладающий даром чудес, не являет свои чудеса, то это очень плохо. Поэтому я немедленно покажу чудо».

Ханша созвала всех сановников и вельмож, начиная с императора, и тут лама велел ханше Цамбуй принести острый меч. Ханша подала ламе меч. Лама взял его в руки и сказал: «Я пять своих органов превращу в пять различных бурханов. А вы, хан и все сановники, хорошенько помолитесь и произносите благопожелания тому или другому бурхану, смотря по тому, к какому кто питает благоговение. Произнеся эти слова, он отсек свою голову, и вот его голова превратилась в бурхана Вайрочану. А прочие четыре органа его совершенно явственно обозначились в виде бурханов Акшобхья, Амитабха, Ратнасамбхава, Амогхасиддхи. Так явились пять различного вида бурханов¹⁹⁸.

Тогда все и вся, начиная с хана, стали благоговейно молиться, земно кланяясь во все стороны. Затем они отправились к хутухте в юрту, чтобы ему поклониться. Когда они преклонили колена перед ложем, на котором он почивал, [хутухта] на своем ложе лежал, как усопший, будто немножечко помазанный красной краской. Это чудо никак не прекращалось. Все испугались и начали горестно голосить. А ханша Цамбуй стала молиться, взывая так: «Увы, увы, если вы, упование всей земли, не остановите своих чар, у хана разорвется сердце, и он умрет, а потому смилостивьтесь, соберите свои чары и примите прежний вид». Когда она так сказала, то лама принял свой прежний вид, и все обрели великую радость. После этого, какие бы ламы ни показывали ему чудеса, хан, подумав, говорил им так: «А с моим хутухта-ламой не сравняетесь». После того хан поднес Пагба-ламе из драгоценного камня златотканое духовное одеяние; в золоте и жемчугах шубу и шапку; сапоги и ковер; золотой трон, чайник из лучшего фарфора, золотую конскую сбрую; пятьдесят шесть ведер серебра; двести плиток чая; восемьдесят кип шелку; тысячу кип материи лин-панса* и прочее. При этом он соизволил сказать: «Всеми делами монахов, находящихся под солнцем, ведайте вы, Сакьяпа¹⁹⁹. С этого времени законом устанавливаю, чтобы вы распространяли в Тибете одно сакьяское учение, и никакого другого». Когда он так сказал, то лама отвечал: «Увы, это невозможно, правильно будет соблюдать тот закон, какой у кого есть».

Хутухта-лама, кроме монгольских букв, которые были составлены пандитой Гунгаджалцаном, сочинил несколько особых составных букв²⁰⁰.

Затем Хубилай-Сэцэн-хан выступил на войну в область Цзинь. В этот промежуток времени хутухта, пригласив лам из западной земли, получил посвящение в гэлунны* и съездил на поклонение в страну Утай²⁰¹. По возвращении он прибыл в столицу, и император так сказал ламе: «Так как в этой нашей китайской стране распространено учение Дао, именуемое Шин-шин, существующее издревле, то было бы очень хорошо подавить это учение». Хутухта изъявил согласие. Прибыли семнадцать человек последователей Лао-Цзы, хорошо обученных в своем вероучении. Они устроили религиозный диспут, и [Пагба-лама] своим острым разумом ниспроверг законы их вероучения и обратил их в буддийскую веру. Все они стали монахами и хувараками.

* Сорт шелка.

** Гэлун — монах, имеющий полную степень посвящения.

После этого, возвратясь на родину, Пагба-лама широко творил дела буддийской веры, церковных служб и церковных сочинений и, когда он сделался государем тринадцати тумэнов тибетцев, то некий лама монастыря Нартан²⁰², по имени Мэргэн-Ранцал, оказывая неуважение к Пагба-ламе, сочинил такие стихи:

Солнце драгоценной веры

Покрылось облаками сакьяпа.

Счастье и покой живых существ

Он отдал в руки ханов и нойонов.

Монах смутного времени

Принял вид благородного послушника и нойона.

Так как ты не понял этих трех [обстоятельств],

Я понял, что ты не хутухта!

Когда он произнес эти стихи, то вот какими стихами ему ответил хутухта:

Будда сам ведает о том — возвыситься вере

Или ей придти в упадок.

Радость и покой живых существ

Зависит от их собственных дел.

Если будды и бодхисаттвы умирляют всех с чьей-то помощью,

Он и должен выглядеть соответственно.

А так как ты этих трех [обстоятельств] не понял,

То и я могу сказать, что ты не Мэргэн²⁰³.

После этого император Хубилай-Сэцэн-хан снова пригласил к себе Пагба-ламу. Хан был удостоен посвящения Хэ-ваджре, а в качестве подношения император пожаловал ламе шестигранную хрустальную печать и всячески его чествовал. Он поднес ему звание, которое гласило: «пандита, хутухта, дай-шири-лама, перерождение и бурхан, учитель созерцания, главный в Индийской стране, находящейся под небом и на земле, ведающий пятью науками, умиротворяющий государственное управление» И он опять поднес ему обширные подношения: тысячу мер серебра, пятьдесят девять кип шелку и прочее. Лама утверждал императорское правление и указывал средства к тому, чтобы мысли подданных не клонились к измене. В году белой овцы пятого шестидесятилетия (1271) он велел воздвигнуть вокруг Пекина крепость, а в кочевьях монголов белую стену в три этажа. Точно так же он построил затем три великих города: Цаган-хот, Хурэ-хот и Дулдян-хот²⁰⁴. Лама воздвиг много храмов и религиозных статуй, широко распространил вероучение и вернулся на родину.

Вот какие народы были подчинены [императору], начиная со времен Чингисхана и до времени Сэцэн-хана: синие монголы в числе свыше сорока тумэнов; красные китайцы; черные тангуты; желтые сартагулы и белые солонгосы. Таким образом, народы пяти цветов. Еще народы четырех сторон: с собачьими головами, с глазами на груди, обросшие шерстью и поворачивающиеся налево. Вот такие народы четырех сторон. Обычай, происхождение, вид, одежда и прочие у них не сходны; всего их, как говорят, было семьдесят два вида.

Хубилай-Сэцэн-хан тридцать четыре года просидел на престоле. Из четырех бывших у него сыновей, третьего сына Чингим-тайджи приказал в будущем возве-

сти на престол. Однако же, так как тот скончался еще при жизни своего отца, то [Хубилай] возвел на свой царский престол Улдзэйту — младшего сына того Чингима. Затем, по истечении двух лет, останки скончавшегося Сэцэн-хана были помещены в пекинском белом субургане вместе с останками его супруги Цамбуй. Так говорят.

В эпоху того Улдзэйту-хана монгольский народ читал священные книги на уйгурском языке. Впоследствии сакьяский лама по имени Номун-Гэрэл²⁰⁵ сверх литер, сочиненных прежде него пандитой Гунгаджалцан-ламой прибавил еще ко- нечные литеры и смог таким образом переводить священные книги.

Когда скончался тот Улдзэйту, просидев четырнадцать лет на ханском престо- ле, то на ханство сел Хулуг-хан, сын Дармабалы, старшего брата Улдзэйту-хана. В эпоху того Хайсан-Хулуг-хана перевели на монгольский язык несколько отделов священного писания²⁰⁶, в том числе «Панчаракшу»²⁰⁷ и другие.

Тот Хайсан-Хулуг-хан процарствовал четыре года, и на престол вступил его младший брат Буянту-хан. Во времена Буянту-хана почитали верховным ламой Джамьяна — ученика ламы Мэргэн-Ранцала из монастыря Нартан.

У Буянту-хана было два сына по имени Гэгэн и Дзаягату. Старший из них Гэ- гэн-хан, процарствовал три года, скончался.

Тогда на ханский престол воссел Йисун-Тэмур, сын Гамалы, племянника Сэ- цэн-хана [Хубилая]. Он был ханом пять лет.

Затем после него на ханский престол воссел старший сын Хулуг-хана Ринчин- бал и, процарствовал около сорока суток, скончался.

Сейчас же после него, в том же году, просидев на престоле пятьдесят дней, скончался Кушала, младший сын того же Хулуг-хана.

Тогда сел на престол в том же самом году Дзаягату, младший сын Буянту-хана, который скончался, процарствовал три года.

После него на престоле в течение одного месяца сидел Ранчибал, сын Кушалы и также скончался.

Далее Тогон-Тэмур-хан*, сын Дзаягату-хана, вступил на ханский престол ше- стнадцати лет от роду. Он благополучно царствовал, уповая на лам, именуемых Сакья-Гунгалодой и Карма-Ринчиндорджи. Как вдруг стало слышно, что у китай- ского старца по имени Джу родился мальчик Джугэ, и при этом из его дома потяну- лась пятицветная радуга. Тогда чиновник по имени Илаху-чинсан доложил хану так: «Когда у старика простолюдина родился ребенок, явились разные приметы. Луч- ше его прикончить сразу». А хан вовсе не обратил внимания на эти слова. Впо- следствии этот мальчик вырос и стал так же разумен, как и сведуш. Хан его очень полюбил и сделал начальником восточных провинций в своем государстве. Тогда его чиновник, по имени Тогтага-тайши, считая, что не должно бы возвышать ки- тайца Джугэ, многократно и открыто докладывал хану о причинах своего мнения. Однако же у хана помрачилась душа, и он его слов не принимал в расчет. После того, тот Джугэ-нойон, узнав, что Тогтага-тайши злоумышляет против него, скло- нил хана убить Тогтага-тайши, наговорив на него клевету. Ламы, которым хан ве- рил, сказали ему: «Хан, на пути укрепления твоего правления лежат большие пре-

* Тогон-Тэмур (кит. Шунь-ди) (1333–1368), последний император Юаньской династии.

Цзонхава. Из кн.: Waddell L.A. 1985. *Buddhism and Lamaism of Tibet*. Darjeeling: Oxford Book & Stationery Co.

пятствия». Но и их словам хан не поверил. Ламы эти тогда сказали: «Эге, пока у нашего хана время спокойное, лучше уйти». И с такими словами они ушли.

Император же все более и более благоволил к Джугэ-нойону и поставил его во главе всего правления — как внешнего, так и внутреннего. Затем однажды Джугэ-нойон обманул государя, сказав: «Я намерен поехать для сбора податей с внутренних и внешних земель и подданных, после чего возвращусь». С этими словами он отправился и, приехав в город Нанкин, в 5-м месяце 5-го числа первой декады собрал войско, поклялся вместе с восьмьюдесятью восемью тумэнами китайцев свергнуть монгольское иго, приготовил во множестве повозки и оружие, латников и прочее и подошел для встречи с императором к городу Дайду (Пекину). Джугэ-нойон известил императора так: «Я доставил различные товары в качестве подати с китайцев и докладываю о сдаче таковых в императорскую казну».

Хан этот доклад одобрил и дал такое распоряжение: «Пусть выедут мои чиновники и освидетельствуют весь обоз в головной, задней и средней частях и пусть пустят обоз внутрь города». Тот Джугэ-нойон знал, что будет такое ханское распоряжение, и в передней, задней и средней частях обоза погрузил товары. Чиновники, осмотрев их и не заметив присутствия войск ни по каким признакам, ввели обоз внутрь города. Затем, когда войска внезапно появились, то монголы, и даже сам хан, не были в состоянии сопротивляться при всеобщей панике. Хан, поспешно захватив свою государственную нефритовую печать, покинув некоторых из своих жен, а некоторых взяв с собой, в сопровождении обоих детей едва-едва смог с боя-

ми отступить и спастись бегством. В той битве пало великое множество монголов. Таким образом, Тогон-Тэмур-Ухагату-хан утратил китайскую державу в пользу Джугэ-нойона 23-го числа 8-й луны года желтой обезьяны шестого шестидесятилетия (1368).

Спасаясь бегством и достигнув берега реки Керулен, он собрал воедино свой монгольский народ в числе шести тумэнов, в разное время рассеявшийся во все стороны, построил город под названием Барс-хото и сделался ханом только лишь одних монголов. В китайском государстве на престол взошел Джугэ-нойон под титулом императора Хун-у Дай-Минской династии²⁰⁸.

В ту пору Богдо-Цзонхаве²⁰⁹ было двенадцать лет.

Тогон-Тэмур-хан, сделавшись монгольским ханом, по прошествии трех лет скончался. Тогон-Тэмур-хан, сделавшись Даян-ханом, сев на китайский престол, процарствовал тридцать шесть лет. Если об этом говорить, то после того, как Чингис-хан сделался великим ханом, овладев Китаем, с года синего тигра третьего шестидесятилетия (1194) и до года желтой обезьяны шестого шестидесятилетия (1368), в который Тогон-Тэмур-хан потерял власть, монгольские ханы владели Китаем в течение ста семидесяти пяти лет.

[IV. МАЛЫЕ ХАНЫ]

После Тогон-Тэмюра монгольским ханом стал его сын Билигту, который, процарствовав восемь лет, скончался.

Затем на престол вступил и, процарствовав десять лет, умер сын Билигту Усхал-хан. Этот Усхал-хан имел трех сыновей Энхэ-Дзорикту, Элбэг-Нигулэсху и Хагурцаг-Дугурэн-хунтайджи. Из трех сыновей ханом стал старший сын Энхэ-Дзорикту, который, процарствовав четыре года, скончался.

После того ханом стал Элбэг-Нигулэсху. По прошествии семи лет царствования Элбэг-Нигулэсху, однажды, когда он был на охоте и увидел на снегу капли крови, то спросил ойратского Хухай-Тайху: «Есть ли на земле женщина с лицом белым, как этот снег, и щеками алыми, как эта кровь?» Когда он так сказал, то ойратский Хухай-Тайху ответил: «Красота Улдзэйту, жены Хагурцаг-Дугурэн-хунтайджи, превосходит твое описание». Сильно обрадованный Элбэг-хан сказал: «Ах, Хухай-Тайху, если я своими глазами ее увижу, то я сделаю тебя чинсаном²¹⁰ и назначу управлять Четырьмя ойратами»²¹¹.

Тогда Хухай-Тайху немедленно отправился и прибыл в юрту Хагурцаг-Дугурэн-хунтайджи, который в это время был на охоте. Когда Хухай-Тайху увидел ханшу Улдзэйту и сообщил ей о цели своего приезда, то ханша Улдзэйту очень разгневалась и сказала ему: «И зачем это понадобилось твоему хану меня видеть? Если он, великий человек, стыда не имеет и подобен скоту, то тебе бы не следовало вмешиваться между двумя сторонами, подобно ослу». С этими словами она плюнула Хухай-Тайху прямо в лицо. Сильно пристыженный и озлобленный, Хухай-Тайху уехал.

Когда он все доложил своему хану, у Элбэг-хана забушевала вода страсти, распалился огонь гнева. Элбэг-хан устроил засаду на пути следования Хагурцаг-Дугурэн-хунтайджи и убил его, а жену его, бывшую беременной на третьем месяце, взял

себе. Затем Элбэг-хан спросил у ханши Улдзэйту: «Ты забеременела от моего младшего брата хунтайджи, или от другого человека?» Ханша из мести, обманывая его, ответила так: «Это от Хухай-Тайху. Мы с ним уже давно живем. Поэтому-то, не смотря на то, что я издавна стремилась видеть вас, он меня не пустил, а тебе зря наврал, будто я сильно рассердилась». Когда она так рассказала, хан ей полностью поверил и распорядился без всякого допроса убить Хухай-Тайху.

Вскоре после казни Хухай-Тайху, Элбэг-хан так подумал: «Ведь я необдуманно расправился с Хухай-Тайху. Если бы он так ревновал ко мне эту Улдзэйту, то зачем бы он мне говорил, что моя невестка такая красавица». При этих мыслях он стал раскаиваться и, памятуя о заслугах Хухай-Тайху, выдал царевну Сумэру за его сына Бодолона, а его сделал чинсаном и поставил владельцем над Четырьмя ойратами. Владевший до этого времени Четырьмя ойратами нойон Угэчи-Хашага обиделся и оказал: «Наш Элбэг-хан управляет подданными против закона. Младшего своего брата убил и без всякого стыда взял невестку в жены. По наговору той невестки убил Хухай-Тайху. Кроме того, узнав, что она его обманула, раскаялся и снял меня без всякого основания с должности, а сына Хухай-Тайху Бодолона сделал владельцем Четырех ойратов. Разве может существовать такой глупый порядок?» С этими злыми словами он послал человека. Хан, выслушав его, изменился в лице и задумал убить Угэчи-Хашагу. Посланный к хану человек вернулся обратно и доложил нойону из племени Четырех ойратов Угэчи-Хашаге следующее: «Ваши слова я в точности передал Элбэг-хану, и по его лицу было видно, что он собирается вас убить». Хан же рассуждал: «Так как Угэчи-Хашага сильно оскорбил меня, то его надо бы убить». Пока он так рассуждал, Угэчи-Хашага немедленно приехал и убил Элбэг-хана. А Улдзэйту, которая была на седьмом месяце беременности, взял себе.

У той Улзэйту родился мальчик, сын Хагурцага, известный под именем Аджая. Хотя Угэчи-Хашага и убил хана, но так как Элбэг-хан сам действовал не по закону, то и никто за это его не осуждал.

После Элбэг-хана сделался ханом и в течение трех лет царствовал его старший сын по имени Гун-Тэмур. Затем второй сын Элбэг-хана по имени Улдзэй-Тэмур, процарствовав восемь лет, умер.

После чего сын Улдзэй-Тэмура, известный под именем Дэлбэг-хана, четыре года процарствовав, умер. Тогда, вследствие того, что род Дэлбэг-хана прервался, ханом сделался Атай-тайджи, сын ойратского Угэчи-Хашаги.

В то время рожденный Улдзэйту сын Хагурцага Аджай женился. Когда у Аджая родились два сына по имени Тайсун и Мандагул, он бежал от ойратов, забрав двух своих маленьких ребят. Когда хагурцаговский Аджай прибыл к Атай-хану, тот отнесся к нему милостиво и пожаловал ему титул Аджай-хан-тайджи.

В то время ойраты совершали набеги на окраинные монгольские земли и грабили их. Для того, чтобы разбить ойратов, Атай-хан снарядил войско и выступил в поход. Когда он достиг местности Боро-Нохайн-Джуа, то навстречу ему вышли ойратские войска, и две армии выстроились. Затем из рядов монгольской армии выдвинулись вперед хасаровские Болху-багатур Шиустэй и Олхой-Мэргэн, два брата. Первым поскакал Шиустэй. А из ойратского войска выехал вперед богатырь Гулинца. Им было по двадцать восемь лет каждому. Шиустэй-багатур, вызывая, крик-

нул Гулинце: «Вся надежда у тебя только на быстроту ног твоего коня». Гулинца-багатур сильно обозлился, понукал своего коня и наложил стрелу на лук. Когда он выстрелил, то пробил панцирь Шиустэя и самого слегка ранил. Тогда и Шиустэй обозлился и сказал так: «В великих государственных делах родственные чувства в расчет не берутся. Пусть знают это бег каурого коня да острый меч!» С этими словами он, размахивая мечом, пустил своего коня вскачь и понесся, подобно вихрю. Гулинца-багатур не успел даже оглянуться, как Шиустэй налетел на него и рубанул по голове. Голова его, как тыква, разрубленная надвое, покатила по земле.

Вслед за этим младший брат Шиустэя Олхой-Мэргэн с криком ринулся в бой. Когда два брата во главе своих войск бросились в сечу, то ойратские, так называемые «богатыри-удальцы», подобно мышам, в страхе, прикрывая головы свои руками, разбежались во все стороны. И когда Шиустэй и Олхой-Мэргэн, громя ойратские войска, врезались в их ряды, у многих ойратских воинов от страха легкие как будто бы в горло повылезали. Ойраты в панике бросили панцири и оружие, попадали на колени, моля о пощаде, и сдались в плен.

В это смутное время племянник давешнего Хухай-Тайху захватил и привез Тогона, сына сестры Элбэг-хана, а мать его, ханша Сумэру, пришла вслед за ним. Атай-хан из сожаления к ханше Сумэру не убил Тогона. Кроме того, Атай-хан воспитывал двух сыновей Аджай-тайджи, которых звали Тайсун и Мандагул. После этого Атай-хан, процарствовав одиннадцать лет, умер. После его смерти ханша Сумэру, забрав Тогона, вернулась обратно.

Затем ханом сделался Аджай-тайджи, сын Хагурцаг-хунтайджи. На двенадцатом году царствования Аджай-хана пришел с войском Тогон-тайши и убил Аджай-хана. Однако созрели плоды деяний²¹² Тогон-тайши, и вскоре он умер. После этого ханом сделался Эсэн, сын Тогон-тайши. Эсэн-хан успел процарствовать только один год, как сыновья Аджай-хана — Тайсун и Мандагул, оспаривая у него трон, подослали человека, по имени Саймудза, который и убил Эсэн-хана.

Тогда ханом сделался Тайсун, а Мандагул стал его джиноном²¹³. Шиустэй-багатур же схватил того Саймудзу и предал его смертной казни. Затем Шиустэй стал всякими плохими словами поносить Тайсун-хана и его соправителя. Он плевал в их сторону, засучивал рукава, топал ногами, а затем откочевал от них на восток. Тайсун, сделавшись ханом, на протяжении тринадцати лет своего царствования все время до самой смерти враждовал с ойратом по имени Эсэн, пока оба не умерли.

Затем из двух сыновей Тайсун-хана, Мэргуса и Молон-тайджи, ханом сделался старший сын Мэргус. Процарствовав один год, Мэргус-хан был убит тумэдским Доголан-тайджи.

После этого ханом сделался его младший брат Молон-тайджи, который, процарствовав десять лет, умер.

В ту пору младший сын Аджай-хана, Мандагул и сын Шиустэя Нойонболод объединились и выступили в поход против Доголан-тайджи, после чего Мандагул сделался ханом. Когда, процарствовав пять лет, Мандагул скончался, ханом сделался Баянмунхэ, сын Хагурцаг-хунтайджи. Баянмунхэ, пробыв ханом два года, умер.

Сын этого Баянмунхэ, Багумунхэ, сделавшись Даян-ханом, все время принося своему народу счастье и благополучно управляя им, процарствовал семьдесят че-

тыре года. Этот Батумунхэ-Даян-хан был поистине благодетельным правителем. Царствование, длившееся семьдесят четыре года, подобно этому было только один раз за время прежних двадцати императоров Танской династии Китая, когда император Хан-Цзун процарствовал семьдесят три года²¹⁴. Кроме этого царствование Батумунхэ-хана было единственным среди императорских фамилий таких государств как Китай, Тибет и Монголия. Батумунхэ-хан примечателен не только своим редким долголетием, но и тем, что после него осталось многочисленное потомство. Он имел двенадцать детей, в том числе одиннадцать сыновей и одну дочь. Большинство теперешних монгольских нойонов являются потомками этих одиннадцати сыновей Батумунхэ.

Вследствие того, что старший сын Даян-хана, по имени Турболод, и второй его сын Улусболод скончались еще при жизни своего отца, то ханом сделался сын Турболода, по имени Боди-Алаг. Боди-Алаг, процарствовав четыре года, скончался.

Затем, из трех сыновей Боди-Алага ханом сделался старший сын его Тэрсэгүтэн²¹⁵. Тэрсэгүтэн, процарствовав одиннадцать лет, скончался. Из четырех сыновей того Боди-Алаг-хана, ханом сделался старший сын по имени Тумэн. Он мирно и спокойно правил своим народом и прославился под именем Тумэн-Дзасакту-хана. Он повстречался с кармапским ламой по имени Илд-Дзангидагч²¹⁶, принял буддизм и еще более счастливо зажил, давая народу благополучие. На двадцать первом году правления Тумэн-Дзасакту-хана тумэдский Гэгэн-Алтан-хан, являвшийся ему родственником и близким другом, послал в западную землю чиновника Нанджибу с золотой грамотой с тем, чтобы он пригласил Далай-ламу Содномджамцо. Это было в году желтого тигра десятого шестидесятилетия (1578).

Говорят, что Гэгэн-Алтан-хан является перерождением Хубилай-Сэцэн-хана. Прежде, когда Хубилай-Сэцэн-хан совершал большие подношения Пагба-ламе и когда поднес ему семь черных шуб и одну белую шубу, тогда Пагба-лама сказал: «В будущем, через семь поколений я буду ламой, в имени которого будет упоминаться вода, а ты будешь ханом, в имени которого будет упоминаться золото²¹⁷, и тогда мы с тобой встретимся». Вот такое, оказывается, было предсказание. Хотя этот Гэгэн-Алтан-хан не являлся общемонгольским ханом, а владел только чахарским, тумэдским и некоторыми другими монгольскими племенами, он был удивительно добродетельным и счастливым ханом. В ту пору в нашей монгольской стране много было нойонов, называвшихся ханами.

Что касается обстоятельств, при которых возникла мысль пригласить Далай-ламу, то они были следующие. Из местности Дзорки в Амдо приехал сюда в Хухэ-Хото и жил здесь некий человек по имени Ашин-лама. Алтан-хан часто с ним встречался и подолгу беседовал о перерождениях Третьего далай-ламы, о его мудрости и о свойствах учения, проповедуемого им. Вот у Алтан-хана и пробудились прежние чувства, и он проникся беспредельно глубокой верой. Когда Далай-ламе доложили о приглашении приехать в Монголию, то он изъявил свое согласие.

До отъезда Далай-ламы из страны Дзу²¹⁸ в году красной коровы (1577) для укрепления стоп²¹⁹ Алтан-хана был воздвигнут монастырь под названием Намджил-дацан. Накануне отъезда из числа знатных людей, собравшихся проводить ламу, выступил один нойон по имени Даба-Даширабдан и, обращаясь к Далай-ламе, ска-

зал: «Лотосовые стопы моего ламы, властителя религии, прочны и исключительно крепки. Те, кто почитают вероучение, рассеяны по всему земному шару». Растроганный, он прослезился, и стих свой закончить не смог. Тогда этот стих закончил гэгэн: «Пусть у тех, кто веру возвышает, богатство и приобретения увеличатся, пусть у распространяющих религию будет счастье и святость».

Затем гэгэн отбыл. Однажды в пути, когда [путники] расположились на отдых, вследствие дьявольского наваждения появился один страшный, злой бык и понесся прямо на гэгэна. В это время с мечом в руках снизошел Гомбо²²⁰ и покарал того быка. Гэгэн это ясно видел.

Выступив в год желтого тигра, они в дороге встретили Новый год. Тогда реки и озера стали вдруг полноводными, и переправляться через них было трудно. Гэгэн с гневным видом взмахнул рукой в сторону вод, и они пошли вспять. Тогда гэгэн вместе со своей свитой спокойно переправились. После этого, на всем дальнейшем их пути ни холода, ни жары не было, а стояла ровная хорошая погода.

Когда доехали до Хатун-гол и расположились там, то местное население сообщило, что Хатун-гол в это время очень бурлит, и переправа через нее в этой местности очень трудна. Когда они так сказали, то гэгэн решил заночевать на этом берегу реки. А когда посмотрели назавтра, воды в Хатун-гол было только по колено. Все были сильно поражены и не могли ничего сказать.

Они проследовали дальше по большой дороге. К ним подъехали странного вида четыре всадника и без ведома дониров и сойбунов* доложили гэгэну: «Наш нойон желает приехать и представиться вам». Гэгэн изъявил согласие. Те люди уехали. А шабинары²²¹ стали говорить между собой: «Нам не докладывая, представились прямо гэгэну. Это слишком своевольно». Так осуждая, они остались недовольны. Когда гэгэн продолжил свой путь, навстречу ему с двумястами всадниками выехал какой-то важный нойон в белой плоской шапке. Он приблизился к гэгэну, сошел со своего коня и, почтительно поклонившись, сказал: «Я хочу выразить вам знаки своего глубокого почитания». Когда проехали еще немного, оказывается, что на пути их следования были заготовлены всякого рода угощения. Гэгэн остановился, чтобы испить чаю, и тот нойон поднес ему два сундука, запертых на замок и наполненных белыми шелками. Затем тот человек получил от гэгэна посвящение Хоншим-бодхисаттве. Так как тех людей никто вообще не знал, то некоторые, говорили: «Что это за люди?» Они стали даже несколько подозревать. Другие же вообще ничего не думали. А это был [святой] Марчинбумар, который под видом человека пришел повидаться. После этого на вторые сутки выпал крупный град, и кроме палатки гэгэна все — и палатки, и имущество у всех шабинаров сильно вымокло. Когда же спросили у гэгэна о причинах этого, он сказал так: «Вчера, когда приезжал Марчинбумар, вы не оказали ему должного уважения, вот он и рассердился».

Затем на берег реки Улаган-Хара приехал один нойон по имени Харчи и представился гэгэну. Когда же прибыли в равнину под названием Агца, то находившиеся здесь со своими навьюченными верблюдами многочисленные монголы встретили их и снабдили средствами передвижения. Спустя несколько суток однажды но-

* Высшее духовенство из свиты гэгэна.

чью гэгэну представился Цобан-хан под видом человека с лошадиной головой и оказал ему большие почести. Вот так говорят. По каким причинам это произошло, в биографии не говорится. После этого еще через несколько дней пути Джамсаран²²² привел на поклон гэгэну монгольских чертей и многих других тварей с головами верблюдов, лошадей и мышей и заставил их поклясться в том, что они не будут причинять никакого вреда людям, которые следуют законам вероучения.

На следующий день при первой встрече от имени Алтан-хана прибыли и представились гэгэну из Юншебу²²³ Баргу-тайджи Хатун-багатур и тумэдский Машинбагши во главе группы всадников в восемьсот человек и, оказывая великие почести, поднесли ему ценные дары. Но гэгэну доложили, что в числе приехавших от имени Алтан-хана, кроме верующих нойонов, есть и такие, которые вероучения не почитают. Гэгэн же для того, чтобы укрепить в них веру, при переправе через одну небольшую речку мановением руки повернул вспять течение реки в этом месте. Тогда те нойоны искренне уверовали. После этого на равнине под названием Цаган-Арги были поднесены в дар гэгэну тысяча лошадей и тумэн овец.

Затем, при второй встрече, ордосский Сэцэн-хунтайджи и тумэдский Даян-нойон, возглавляя отряд всадников в три тысячи человек, преподнесли гэгэну большие подношения. Этот ордосский хунтайджи ясно увидел гэгэна в образе четырехрукого Хоншим-бодхисаттвы.

В последнем весеннем месяце гэгэн остановился в ставке Айбал-нойона и произнес там большую проповедь. Гэгэну же преподнесли: большую юрту [цвета] облаков с шестью колоннами, имущество, серебро и много других интересных вещей. Затем преподнесли тысячу лошадей с полной сбруей и тумэн черных овец.

При третьей встрече, длившейся три дня, Дзорикту-тайджи и Чин-багатур с тремястами знатными людьми одаривали его ежедневно всякого рода подношениями.

Затем от имени китайского императора прибыл Шин-гуши во главе сотни людей и, согласно китайским обычаям, были устроены игры и другие развлечения, а также поднесены ценные подарки. В этой местности образовалось прекрасное озеро, которого никогда прежде не существовало.

После этого из личной свиты Алтан-хана прибыли двое лам по имени Йондонсамбу-цорджи и Гуши-багши во главе с пятьюстами всадников, и встретили гэгэна неподалеку от [ставки] хана.

Наконец, 15-го числа 5-го месяца [караван] прибыл. Вдалеке от ставки хана были выстроены несколько тысяч человек, расставлены жертвенники, различные зонты, жезлы, знамена, а также имелись барабаны, флейты, литавры, трубы и прочие музыкальные инструменты. И, наконец, гэгэну навстречу вышел и представился одетый в белые одежды Алтан-хан, помышлявший о просвещении темного мира солнцем религии, вместе с женой и детьми в сопровождении почти тумэна человек. Гэгэн пожаловал во дворец Алтан-хана и там расположился.

В нашей монгольской стране никогда прежде такое солнце не всходило, а поэтому теперь все ликовали. По случаю первой радостной встречи ламы-учителя и хана-милостынедателя гэгэну преподнесли серебряную мандалу, изготовленную из пятиста лан, с большой золотой чашей и коробом, наполненным драгоценностями; четыреста кусков пятицветного шелка; сто лошадей, возглавляемых десятью белы-

ми, вместе с драгоценной сбруей; пятицветную парчу и десять тысяч лан серебром. Затем было устроено большое торжество, после которого гэгэн и все его ученики, каждый в отдельности, расположились в своих палатках.

После этого, когда собрали в одно место всех больших и малых людей, оказалось, что народу прибыло свыше ста тысяч. Затем лама и хан-милостынедатель, подобно солнцу и луне, вышли к людям и сели. После этого хунтайджи встал и громким голосом, обращаясь ко всему народу, возвестил: «После древнего периода Чингис-хана монгольские ханы, наследуя власть в порядке преемственности, подчинили себе Китай, Тибет и Монголию. Тогда между сакьяскими ламами и [монгольскими] ханами установились взаимоотношения ханов-милостынедателей и лам-учителей, и религия вознеслась высоко. В последующие поколения эта религия пришла в состояние упадка, люди погрязли в грехах, стали есть мясо и кровь, и все вокруг будто заполнилось темным морем крови. Вот такими мы сделались.

Теперь же по милости добродетельного хана и милостивого ламы распространяются высшие законы религии, море крови превращается в море молока, и вследствие этого весь народ этого края будет жить по десяти законам добродетели. В особенности, начиная с этого дня чахарским восьми хошунам, тумэдским двенадцати хошунам и всему народу, подданному хана, объявляется закон: „Раньше, когда умирал монгол, его лошадь вместе с седлом и уздой обычно привязывали возле трупа или убивали. Впредь следует оставить этот обычай, и должно преподносить дары ламам и хуваракам и получать у них молитвенные благопожелания. А если же по-прежнему будете убивать скот, то подвергнетесь уголовному наказанию и лишитесь всего имущества и скота. Кто ударит или вообще наложит руку на человека, имеющего сан духовной особы, тот подлежит суровому наказанию. Прежде под названием онгонов изображали предков и 8, 15 и 30-го числа каждого месяца — в эти три дня убивали животных, делали жертвоприношения мясом и кровью. Сейчас это надо прекратить, а онгонов сжечь. Если кто-то будет убивать скот при жертвоприношениях онгонам, тот подлежит десятикратному штрафу в соответствии с числом скота. Вместо жертвоприношений онгонам, следует соблюдать пост в три соответствующие дня каждого месяца и уповать на духовного хранителя религии Гомбо. Твердо помните, что такие законы утверждены и следуйте им. Теперь с верою примите это посвящение шести слогам [формулы] «Мани»*, которое вам соизволит преподавать Далай-дама».

После этого лама пожаловал посвящение «Мани» и повелел усердно читать его. Указ гэгэна с тибетского языка перевели на монгольский язык и объявили его повсеместно. В ту пору на небе появилась радуга, и пошел дождь из цветов.

Затем, когда один раз Алтан-хан сидел возле гэгэна, он внезапно потерял сознание и некоторое время находился, словно в забытии. Когда к нему вернулось сознание, он сказал так: «В прежнее время, когда был воздвигнут храм под названием Шингун, вы явились тогда в образе Пагба-ламы и совершили освящение храма, а я в то время был Сэцэн-ханом. Где же я с того времени находился?» Когда он так спросил, то гэгэн соизволил ему ответить и поднести Алтан-хану шелковую ленту пяти цветов и драгоценную чашу с различными плодами.

* Ом-ма-ни-пад-мэ-хум. Одна из мистических формул, очень употребительная среди буддистов.

После этого на том месте, где повстречались лама и хан-милостынедатель, было воздвигнуто много больших и малых монастырей и храмов. А гэгэн повсюду совершал освящение храмов и производил освящение монастырей. Алтан-хан преподнес в дар гэгэну в большом количестве скот, имущество и разного рода драгоценности. После этого по совершению молебствия Гомбо, был наложен запрет на собственных ханских онгонов. В ту пору было такое множество всякого рода счастливых предзнаменований, что все смотрели и дивились. После этого, когда хан немного прихворнул, то гэгэн отслужил молебствие божеству Лхамо²²⁴, и хан поправился. Однажды ночью хану приснилось, будто к нему явился Аюши-бурхан²²⁵ с сосудом, который он поставил на голову хану, и дал ему посвящение, сказав, что на протяжении всей жизни никакого несчастья с ним не приключится.

Хан преподнес гэгэну удивительно богатые дары: печать, сделанную из ста лан золота с надписью на монгольском языке: «Печать Ваджрадара-Далай-ламы», на которой сверху был изображен дракон с лапами о пяти когтях; одежду с отделкой из золота и драгоценных камней; шубу из соболей; подушку из пуха долговечных птиц и другие тому подобные вещи, драгоценности и скот.

Гэгэн же пожаловал хану титул «Великого небесного хана, Царя религии». После этого хан вместе с тремя именитыми сановниками во главе ста человек стали послушниками и хувараками, старательно изучая вероучение. В заключение хан преподнес гэгэну сто лан золотом, десять тысяч лан серебром, предметы своего личного обихода, шелка, полное облачение и тому подобное в большом количестве. Затем, чтобы послушать гэгэна, когда он совершал богослужения в течение трех, четырех и шести суток, открыто явились духи-хозяева этой местности. В ту же зиму, чтобы удостоиться посвящения и принять обеты, прибыло бесчисленное множество желающих, и гэгэн исполнил все их пожелания.

Гэгэн после того получил приглашение от Бинту-тайджи, сына ордосского хана. В то же время прибыл посол китайского императора Хуанди²²⁶ и преподнес гэгэну удивительно богатые дары: сосуд, наполненный рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями больших и малых размеров; барабаны из сплава золота в тысячу лан, различного рода трубы, колокольчики и тому подобные музыкальные инструменты, а также шелка и золототканую парчу с различными узорчатыми надписями на ней.

Затем до сведения гэгэна было доведено, что его приглашает Тиду из Канджу, большой сановник, владевший тринадцатью тумэнами тибетцев. Гэгэн соизволил отправиться к нему. Когда двигались одной обширной равниной и поравнялись с большим четырехугольным камнем размером в девять джан²²⁷, в это время поднялся сильный вихрь, и из него вышел человек в синей одежде, и поднес гэгэну до верха наполненную золотом чашу. Все это ясно видели. Когда спросили у гэгэна о причинах такого явления, гэгэн соизволил дать такое разъяснение: «Это был один отшельник, познавший тайну долголетия».

Когда после этого проехали еще дальше, нойон Тиду из Канджу во главе своих тринадцати тумэнов войска встретил гэгэна и представился ему. И когда пригласили гэгэна пожаловать во дворец того нойона, великие нойоны той местности совершенно ясно увидели, что он выехал к ним верхом на льве. Затем гэгэн преподал

этим многочисленным счастливым божественный напиток религии и освободил из тюрьмы всех виновных из числа подданных этого нойона.

В ту пору около тумэна войска из чингисовых основных аймаков, обычно кочевавших за белой китайской стеной, приблизились к этой стене. Китайцы были сильно встревожены этим обстоятельством. Поэтому гэгэн повелел тем войскам возвратиться обратно в свои кочевья, и когда они отбыли, то тогда у всех живущих в этой местности китайцев и тангутов сердца и мысли успокоились.

Затем гэгэн проследовал в паланкине, который несли сорок человек, в страну Литан²²⁸. В ту пору, когда гэгэн находился в этой стране, туда от китайского императора прибыл посол Ван-И в сопровождении трех важных чиновников и с золотой грамотой. Он преподнес гэгэну, начиная с титула цэн-шири и печати, множество других даров. Затем послы доложили слова императора: «Вы очень хорошо удовлетворили помыслы и желания подданного мне народа сорока великих монгольских аймаков, а также помыслы и желания нойона Тиду из Канджу и других. Я же со своей стороны приглашаю вас пожаловать в мой большой дворец». Вот такие послы передал слова.

После этого гэгэн пожаловал в район Чамдо²²⁹, а на обратном пути посетил районы и монастыри Гумбум, Шачун, Шамбабумлин²³⁰ и другие. В то время как гэгэн изволил шествовать по этим местам, прошло от пяти до шести лет. Когда в году синей курицы (1585) он, возвращаясь обратно, изволил шествовать по нашей монгольской стране, то в это время его встретил тот самый Даян-нойон во главе тысячи своих людей. Гэгэн остановился в ставке Сэцэн-дайчина²³¹. После этого Джинон-хан²³², владелец сорока великих монгольских аймаков и белых юрт, представился гэгэну и пригласил его к себе.

Когда в году [красной] собаки (1586) гэгэн снова вернулся в Хухэ-Хото, Алтан-хан к этому времени уже умер. В то время, когда гэгэн совершал молебен и сжигал останки Алтан-хана, то все наполнилось ярким светом, пошел дождь из цветов, а на пепле отчетливо появились слова Хум, Хри* и другие, и мощи были погребены.

В год [красной] свиньи (1587) гэгэн пожаловал к западным тумэдам и приобрел к вероучению Дугурин-хана. В ту пору туда прибыл халхаский Тушэту-хан²³³ и оказал гэгэну большие почести и преподнес различные дары. Гэгэн же соизволил благословить его и пожаловал титул «Вачир-Бату-Тушэту-хана». Этот нойон, по видимому, является основателем монастыря Эрдэни-дзу²³⁴. Он преподнес гэгэну юрту, крытую соболями. После этого однажды гэгэн шествовал по скалистой лесной местности. Неожиданно из лесу вышел некий гэлун в рваной одежде и поклонился гэгэну. Гэгэн также приветствовал его поклоном. Они побеседовали некоторое время, а затем гэлун снова ушел в лес. Когда же гэгэн вернулся обратно, и ученики его спросили о том, что бы это значило, гэгэн соизволил сказать следующее: «Это был Дубчин-Дарбиджамцо²³⁵. В виду того, что он меня торопит, я здесь дольше оставаться не могу».

После этого гэгэн слегка занемог и соизволил погрузиться в молитвенное созерцание. Затем он сказал: «В этом письме²³⁶ сказано, чтобы я явился в страну Ту-

* Мистические слова, употребляющиеся в буддизме.

шита²³⁷». После этого гэгэн изволил все время читать молитву «Гомбо-Нигсугэмун-Буа»²³⁸. В ту пору из Тибета прибыл человек с приглашением вернуться. Кроме того, харачинский хан прислал посла с таким обращением: «Вы полностью удовлетворили помыслы и стремления счастливых обитателей окраин. Теперь непременно пожалуйста к нам и удовлетворите наши пожелания». Гэгэн изъявил согласие. Затем гэгэн пожаловал к тому харачинскому хану в местность Шаньдун. Он дал ему посвящения и выполнил другие пожелания. В числе подарков, полученных гэгэном от того хана, был один маленький серебряный домик, внутри которого на подушках помещалось сделанное из серебра изображение гэгэна. Гэгэн подумал: «Это знак того, что я должен находиться в серебряном субургане». Он сказал: «Ах, можно было бы и немного попозже. Но пусть будет как угодно!» Затем наступил год [желтой] мыши (1588), и 30-го числа нового месяца гэгэн слегка прихворнул.

В ту пору от имени китайского императора прибыл в паланкине, который несли восемь человек, важный сановник с целью приглашения гэгэна. Он преподнес ему титул «Гуаньдин дай-гушири»²³⁹ и золотую грамоту. В ответ на приглашение китайского императора гэгэн соизволил сказать следующее: «О, это великое дело. Будет иметь хороший знак. Я приеду».

Когда наступило 30-е число 3-го месяца, и болезнь гэгэна усилилась, он составил и написал в двух строфах духовное завещание. 26-го утром гэгэн отошел в чистую страну (скончался). На другой день после смерти гэгэна один тибетский нойон, по имени Даширабдан, встав утром рано и читая молитвы, увидел, как гэгэн ехал в колеснице, запряженной львом. Он долго смотрел ему вслед.

После этого в народе возникли большие споры. Одни говорили, что нужно прах его полностью оставить в Монголии, а другие говорили, что нужно целиком доставить в Тибет. А так как в завещании было сказано, что для пользы и в интересах всех живущих необходимо доставить его к верующим страны Уй, то и решили останки гэгэна направить в Тибет.

25-го числа 10-го месяца, когда, совершив молебствие, сжигали останки его, то появилось много знаков и изображения Дэмчока²⁴⁰ и Хоншим-бодхисатгвы. Голова осталась целиком, а появилось множество мощей, которые стали предметом религиозного поклонения и были разосланы по всем странам. Большая же часть из них помещена в субурганы и находится в Тибете и в монастыре Гумбум.

Благодаря тому, что он творил такие дивные дела, наши монголы с трепетом в сердце, благоговейно обрели желтую религию²⁴¹ Богдо-Цзонхавы. Богдо и хан были добродетельны и милосердны. Особенно, Даян-нойон в прежнее время был греховным и жестоким человеком — с мыслями и делами, как у мангуса²⁴². После же благословения его Далай-ламой он стал добродетельным человеком, всячески избегал грехов, ежедневно совершал молитвы и посты, и таких правил придерживался до самой смерти.

После этого в году желтой коровы (1589) от жены Суму-гайджи, младшего брата Алтан-хана, родился Четвертый далай-лама по имени Йондонджамцо.

Время, в которое Алтан-хан приглашал и чествовал Далай-ламу, было периодом царствования великого монгольского хана Тумэн-Дзасакту. Этот хан, процарствовал тридцать пять лет, скончался.

После этого из одиннадцати его сыновей на престол взошел старший сын, по имени Буянту. Он впоследствии всюду прославился под именем Буянту-Сэцэн-хана. Пролцарствовав одиннадцать лет, охраняя государство и религию, умер. У этого Буянту-Сэцэн-хана было три сына: Мэнгус, Рабгар и Мукидун. Старший сын Мэнгус еще при жизни своего отца скончался. У того Мэнгуса было два сына Лигдэн-багатур и Сэхэрджи. Старший из них, Лигдэн-багатур²⁴³ в году синего дракона десятого шестидесятилетия (1604) взошел на ханский престол. Став ханом, он приглашал к себе лам, принимал посвящения, воздвиг три святыни, перевел драгоценный Ганджур и проявлял тому подобную добродетель. Построил великий дворец, под названием Вачирту-Цаган-хот²⁴⁴, пребывал в спокойствии и благополучии. За время своего царствования чахарский Лигдэн-Хутухта-хан повсюду прославился. Он находился тридцать один год на ханском престоле. На этом Лигдэн-хане прекращается род монгольских ханов. Так как о деятельности Лигдэн-хана будет еще написано в конце, то здесь мы упоминаем о нем лишь вкратце.

Таким образом, начиная от Чингис-хана, ниспосланного волею неба, и до Тогон-Тэмура-хана было всего шестнадцать великих монгольских ханов, которые полностью владели Китаем, а также всеми пограничными с Китаем землями. После этого вместе с двумя ойратскими ханами было всего двадцать один малый хан, царствовавший и управлявший в разное время только внешними монголами. Всего же монгольских ханов, вместе с этим двадцатью одним малым ханом, было тридцать семь. Из тех двух ойратских ханов, один был Атай-хан, а другой Эсэн-хан. Они являлись потомками четырех сыновей Добу-Сохора, которых звали Тухай, Догшин, Нэмигэ и Эршигэ. Что касается остальных тридцати четырех²⁴⁵ великих и малых монгольских ханов, то все они полностью являлись потомками Чингис-хана. Среди монгольских [великих] ханов, являвшихся потомками владетельного Чингис-хана, Хубилай-Сэцэн-хан охранял в равной мере и религию и государство. Затем из числа малых ханов Батумунхэ Даяан-хан был ханом, которому все благоприятствовало: и долголетие, и счастье, и дети, все у него было одинаково хорошо. Затем Элбэг-хан и Лигдэн-хан — оба они безуспешно пытались создать державу и тем ознаменовали свой жизненный путь.

[V. МОНГОЛЫ ПОД ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ ЦИН]

В период Буянту-Сэцэн-хана, предка Лигдэн-хана, в городе Мукдене жил один способный человек по прозвищу Нурхацци-багатур из джурчид-маньчжу, являющийся потомком китайского²⁴⁶ Алтан-хана, маньчжурское имя которого было Тайцзу-хан. И так как он был крайне справедливым человеком, сведущим и мудрым в законах, то под его власть стало стекаться много народу, и вот тогда-то маньчжуры возвели его в императоры, а годам его правления дали название Тэнгэрэс-Дзаягату²⁴⁷.

Причина, по которой называли Тэнгэрэс-Дзаягату, такова. На родине этого хана была одна высокая гора, под названием Ундур-Богдо²⁴⁸, на самой вершине которой находились сад и маленькое озеро. Вершину той горы время от времени окутывали

облака и туманы, представляя собой замечательно красивое зрелище. И когда тот джурчидский Тайцзу-хан стал доискиваться причин появления тумана, то оказалось, что в это озеро спускаются небесные девы и там купаются. Джурчидский Тайцзу-хан, узнав об этом и выбрав подходящее время, пробрался к озеру и спрятался в саду. Когда спустился туман, пришли небесные девы и стали в том озере купаться. В это время Тайцзу-хан схватил за руку одну девицу и совершил над нею насилие. Девушка эта забеременела и по истечении должного числа месяцев, пришла к озеру и спрятала в зарослях камыша своего новорожденного мальчика. Этого мальчика разыскал его отец Тайцзу и воспитал как сына, назвав его именем Ундур-Богдо. Вот по этой-то причине Ундур-Богдо возвели в императоры под титулом Тэнгэрэс-Дзаягату.

В период царствования императора Тэнгэрэс-Дзаягату жил один тайджи по имени Сабун, который происходил из рода джаруд-вайджинского нойона, потомка Чингис-хана. На четвертом году правления Тэнгэрэс-Дзаягату в ту пору, когда маньчжурские войска выступили в Китай для того, чтобы повоевать Дайлинский перевал, Сабун-тайджи вместе со своим двоюродным братом Бага-тайджи, следуя за халхаским Дзайши-тайджи, собрали тумэн войска для оказания помощи Китаю. Маньчжурские войска захватили в плен живыми Сабун-тайджи и Бага-тайджи. После этого племянник Сабун Нэйчи-тайджи и халхаский Дзорикту-хан-багатур послали послов и просили императора Тэнгэрэс-Дзаягату принять от них клятву верности. Император Тэнгэрэс-Дзаягату, чтобы принять от них присягу, послал чиновника и отпустил на следующий год Сабун-тайджи и Бага-тайджи обратно домой.

Тогда сильно растроганный Сабун-тайджи сказал: «Я, раб, был схвачен, как преступник, а император смилостивился надо мной и возвратил на родину, пожаловав лошадей и одеждой. Если я эту милость когда-нибудь забуду, то пусть тогда наказание обрушится на меня с большей силой!» Так сказал и уехал.

Те джарудские тайджи несколько раз совершали военные набеги и грабили послов императора Тэнгэрэс-Дзаягату. Маньчжурский император время от времени посылал войска, при этом несколько тайджи было убито, а четырнадцать захвачено и привезено в плен. Затем маньчжурский император и этих тайджи отпустил обратно домой.

Таким образом, из нашей монгольской знати первыми, принявшими подданство маньчжурского императора, были Сабун-тайджи и Нэйчи-тайджи из рода джарудских нойонов. Эти джаруды были в прежнее время подданными халхасцев. Во времена императора Тэнгэрэс-Дзаягату наш монгольский хорчинский аймак, будучи разгромлен ойратами, бежал и поселился в местности реки Анад²⁴⁹. Среди одного рода этих хорчинов имелись северные хорчины. Они назывались анад-хорчинами и выделялись в самостоятельную группу. Три аймака — Джалаид, Дурбэд и Горлос вместе с ними кочевали в одной местности и сделались подданными чахаров.

Во времена маньчжурского императора Тэнгэрэс-Дзаягату хорчинские тайджи Онгодай, Мэнгус и Минган объединились с одним тайджи из племени Эгэ по имени Буджай. И когда они, не будучи в силах повоевать город Гэджигэ, расположились военным станом на горе Хурэ, то в это время император Тэнгэрэс-Дзаягату выступил против них в поход и, подойдя к пригородной дороге, одному своему

чиновнику сказал так: «Эти монгольские войска пришли для сражения и как бы они многочисленны ни были, мы их вскоре разобьем. Коль скоро в сражении мы уьем одного-двух тайджи, то войско это обратится в бегство». И с этими словами он послал в бой Айту-багатура, дав ему сотню бойцов. Монгольские же войска уже оставили свое намерение воевать город Гэджигэ. А когда к ним вплотную подошел Айту-багатур со своими войсками, то конь Минган-нойона споткнулся, а сам он обратился в бегство. В это время войсками маньчжурского хана было захвачено в плен очень много монголов. После этого Онгодай-тайджи, Мэнгус и Минган в разное время посылали послов к императору Тэнгэрэс-Дзаягату с просьбой о мире и союзе.

Затем на девятом году правления императора Тэнгэрэс-Дзаягату сын Онгодая Одба-тайджи, забрав своих сородичей, доложил следующее о своем намерении вступить в подданство: «Хорчинские тайджи, живущие на берегу реки Анад, все добровольно войдут к вам в подданство. Но лишь только чахары и халха-монголы услышат о нашем вхождении в подданство к императору, как тотчас же начнут нас беспокоить. Окажете ли вы тогда нам милосердие и соблаговолите ли спасти нас?» Тогда император Тэнгэрэс-Дзаягату разрешил привести тех тайджи к присяге. А так как император не очень доверял им, то он отправил туда сановника эфу для приведения к присяге всех тех хорчинских тайджи. В подданство маньчжурского императора вместе с родом того хорчинского тайджи Одбы последовали нойоны джалаидские, дурбэтские, горлосские.

У нас в Монголии есть два рода дурбэтов — дурбэты чоросские и дурбэты борджигинские. Чоросских дурбэтов — четырнадцать хошунов. Они расположились кочевьем в районе Уланкома. Дурбэты борджигинские живут у белой стены вблизи Мукдена. Их род идет от Хабуту-Хасара: от Адачи — сына Аминая. Род джалаидских нойонов происходит от сына Аминая Монгола. Род горлосских нойонов происходит от Бумбы, сына Мэнригуя. Эти трое главенствующих тайджи вместе со своим народом, присоединившись к Одбе, доложили о своем вхождении в подданство к маньчжурскому императору Тэнгэрэс-Дзаягату.

После этого в десятом году чахарский Лигдэн-хан, объединившись с Халхой, выступил войной против хорчинцев. Когда же на помощь хорчинцам выступило войско маньчжурского императора, то войска Лигдэн-хана обратились в бегство. Хорчинский тайджи Одба остался невредимым, так как он крепко охранял свой город.

Затем в одиннадцатом году Одба-тайджи представился маньчжурскому императору. Император принял от него подношения и наградил его шапкой, поясом и конем. Затем отдал ему в жены внучку бэйлэ²⁵⁰ Сургагчи и дал титул хошой-эфу²⁵¹. Одба тогда так доложил маньчжурскому императору: «Когда явились чахары и халхасцы воевать нас, мы едва избежали гибели благодаря помощи и защите вашей великой армии. Этой милости мы не забудем вовеки веков. Напротив, ежели мы когда-нибудь нарушим принятую на себя присягу, то да постигнут нас великие бедствия».

Маньчжурский император похвалил его за искренность и, наградив титулом тушэту-хана²⁵², соизволил сказать так: «Небо осуждает злонравного человека и колеблет и разрушает его державу. Небо благословляет добродетельного человека и возвышает его державу. Как бы там ни было, такова воля Неба. Когда вторглись чахарские войска, и когда большинство хорчинского аймака обратилось в бегство,

ты, Одба, один оставался на посту и мужественно сражался. И посему я, с радостью похвалив тебя, наградил титулом и степенью». Вот по этой причине Тушэтухан Одба-тайджи из рода хорчинских нойонов и джалаидский Монгол были первыми, кто прежде всего из монгольской знати стяжал великие милости и приобрел чины и степени от маньчжурского императора.

Когда император Тэнгэрэс-Дзаягату после более чем десятилетнего царствования умер, то на престол вззошел его сын Ундур-Богдо²⁵³. Династическое имя этого императора было Тайцзун-гэгэн Суту-Хуанди²⁵⁴, а годы назывались «Правление императора Сэцэна». В первом году правления императора Сэцэна нойон из рода найманов по имени Батур-тайджи и его двоюродный брат [по отцовской линии] Дорджи-тайджи, хотя они и были в прежнее время подданными чахарского Лигдэн-хана, но вследствие несправедливостей Лигдэн-хана, вошли в подданство к маньчжурскому императору. На втором году правления двое из рода баринских нойонов по имени Шидар и Шабдан и еще трое из рода харачинских нойонов по имени Субуди, Вадан и Вандин вместе со своим народом вследствие несправедливостей Лигдэн-хана вошли в подданство. На третьем году правления, Тушэри из рода абаских нойонов, Самба, Омбо и Чукур из рода тумэдских нойонов, чахарский тайджи Тугурин также вследствие незаконных действий Лигдэн-хана вошли в подданство. На четвертом году правления четыре сына Ноянтая из рода дурбэн-кэукэдских нойонов, а также Далай-тайджи, внук Томой-Дзаягачи из рода ару-хорчинских нойонов, и его сын Мудзэг вследствие несправедливых действий Лигдэн-хана вошли в подданство. На шестом году правления Гарма и Дайчин из рода онниудских нойонов, также недовольные действиями Лигдэн-хана, вошли в подданство. На седьмом году Омбо, Хайсан, Ханитай, Туба, Шарин и Илдун из рода уратских нойонов, забрав своих подданных аратов, вошли в подданство. В том же седьмом году Гуймо и Багатур-тайджи из рода му-мингадских нойонов также из-за беззаконий, чинимых Лигдэн-ханом, вошли в подданство. На восьмом году правления тайджи Ринчин и табунан Бадма из рода хагучидских нойонов, а также Соном из рода кэшиктэнских нойонов, точно также вследствие несправедливых действий Лигдэн-хана, вошли в подданство. На девятом году правления Сэцэн и Джинон из рода удэмчинских нойонов также вследствие несправедливостей, чинимых Лигдэн-ханом, вошли в подданство. Мало-помалу, вследствие несправедливых и незаконных действий Лигдэн-хана, большая часть его народа перешла в подданство к маньчжурскому императору Сэцэну.

Впоследствии Лигдэн-хан задумал разрушить желтую веру. В ту пору в Тибете в местности Цзан жил некий хан, который не благоговел перед желтой верой и чинил ей всяческие препятствия. Лигдэн-хан вел переписку с этим ханом и договорился с ним относительно разрушения желтой веры. Когда же пришла великая армия маньчжурского императора Сэцэна для того, чтобы подавить чахарского Лигдэн-хана, тот бросил в страхе своих подданных аратов и тайно бежал на запад²⁵⁵. Когда Лигдэн-хан с армией и со своими женами и детьми двинулся для того, чтобы разрушить желтую веру, по пути он грабил окраинные хошуны тумэдов и ордосов. Кроме того, Лигдэн-хан отобрал жену у ордосского джинона Рачина, а самого лишил звания и титула. Затем перед гробницей Чингиса в Ордосе провозгласил мани-

фест о своем титуле, который гласил: «Лигдэн-багатур-хан». А останки Чингиса забрал и повез с собою дальше. Тогда сам Лигдэн-хан заболел, и появились другие скверные предзнаменования, поэтому он вернул обратно останки Чингиса и пожертвовал тысячу серебряных сосудов, а затем отправился на запад. После этого Лигдэн-хан, овладев кукунорскими олётами, там и поселился.

В ту пору жил один энергичный человек по имени халхаский Цохор-Цокто, который владел кукунорскими олётами и имел четыре тумэна войска. Лигдэн-хан с ним подружился. Кроме того, он вошел в соглашение с бэрским Донъёд-ханом, который также не почитал буддийского вероучения. Таким образом, когда Лигдэн-хан, цзанский хан, бэрский хан и Цохор-Цокто — эти четверо нойонов объединились с намерением разрушить желтое вероучение, то в это время, на восьмом году правления императора Сэцэна, в местности под названием Шира-Тала Лигдэн-хан скончался от гнева [божества] Дамцан-Чойджила.

Из этих четырех злых государей, желавших разрушить желтую веру, двое — Лигдэн-хан и цзанский хан — не питали никакого уважения к желтому вероучению, а благожелательно относились к красному вероучению²⁵⁶. Бэрский же хан не имел благоговения ко всему буддизму и исповедовал религию Бумба*. Цохор-Цокто тоже не имел благоговения к буддизму и хорошо относился к китайским учениям.

История того нойона Цохор-Цокто такова. Прежде, когда вследствие несправедливостей, творимых Лигдэн-ханом, народ подданного ему монгольского аймака, а равно и других его аймаков бежал в Халху, то там возникли междоусобицы и борьба, в результате которых Цохор-Цокто был изгнан из Халхи. И когда Цохор-Цокто прибыл на берег Кукунора, он покорил нойона по имени Хошучи и сам сел на его место. Затем под влиянием слов Шамар-равджамбы из местности Цзан он задумал разрушить желтую веру.

Вскоре посла смерти Лигдэн-хана жены его — хатун Нинин-тайху и хатун Суйтай-тайху со своими двумя сыновьями — Ачи-Хорголом и Абахаем и державной яшмовой печатью возвращались к себе обратно. Старшего сына Ачи-Хоргола они оставили с народом на дороге. Сами же с младшим сыном Абахаем и чингисовой печатью пришли с повинной к императору Сэцэну. Так как маньчжурский император Сэцэн овладел чингисовой печатью, то он и сделался, таким образом, монгольским ханом.

В девятом году правления императора Сэцэна для подавления лигдэн-хановского Ачи-Хоргола была послана великая армия маньчжурского императора. И когда эта армия находилась на правом берегу реки Хатун-гол в местности Тулай, то еще до прибытия войск ордосский Рачин сам принудил Ачи-Хоргола поклясться ему в верности и, забрав всех его подданных, отбыл. Когда армия императора Сэцэна приблизилась и стала брать захваченное им, то Рачин испугался и поднес в дар свыше тысячи чахарских семей. Затем Рачин вместе со своими аратами вошел в подданство к [маньчжурскому императору]. Император Сэцэн пожаловал Рачину титул джинона, а ордосский аймак включил в состав внутренних²⁵⁷ провинций и распространил на него свои законы. После этого император Сэцэн на радостях от-

* Древняя тибетская религия бон-по.

дал в жены сыну Лигдэн-хана Ачи-Хорголу свою дочь и пожаловал ему титул эфу. А этих двух ханш взял себе в жены.

В ту пору монголы и маньчжуры между собой сильно перемешались. В особенности же маньчжуры высоко ценили и проявляли особое благорасположение к чахарам.

На десятом году правления императора Сэцэна, после того как было умиротворено великое чахарское войско и получена чингисова печать, сын хорчинского Одбы по имени Тушэту-джинон и Бадари-гайджи во главе джалайдских, дурбэтских, горлосских, харачинских, тумэдских, адханских, найманских, баринских, арухорчинских, онниудских и других многочисленных правителей прибыли с торжественной церемонией на поклон к императору Сэцэну. Прибыли и доложили: «Так как заслуги императора, почет и уважение, которыми он пользуется, очень велики, то следует сплотиться вокруг его имени и трона». Они также послали письмо солонгоскому вану, склоняя его к тому же.

В первый летний месяц все они собрались и поднесли императору Сэцэну титул «Почитаемый». Названия годов правления были изменены и стали Дэгэду-Эрдэмту²⁵⁸. Таким образом, маньчжурский Ундур-Богдо был известен прежде под титулом императора Сэцэна, после приобретения им чингисовой печати, он приобрел титул Дэгэду-Эрдэмту. Хотя император и имел два равных наименования годов правления, но сам-то он был все тот же Ундур-Богдо.

На втором году Дэгэду-Эрдэмту (1637) сын Цорхона из рода сунидских нойнов по имени Сэуса, объединившись с халхаским Сэцэн-ханом Шолоем, послал посла с выражением желания вступить в подданство к [маньчжурскому императору]. На этом временно остановимся и расскажем подробнее об обстоятельствах подавления трех предыдущих зловредных ханов.

Когда эти трое — халхаский Цохор-Цокто, бэрский Доньёд-хан и Танджин-Ванбу-хан из местности Цзан тангутской страны во времена Дэгэду-Эрдэмту находились в заговоре, об этом узнал тибетский Дэба-Сономчойпил и тайно послал письмо нойонам джунгарского сейма²⁵⁹, сообщая обстоятельства этого заговора.

Тогда великие ойратские нойоны хошудского²⁶⁰ племени приняли свои меры. Глава [сейма], имеющий титул Гуши-хана, взял с собой десять человек и отправился в Тибет под видом паломника. Там он договорился и вернулся обратно. В это время халхаский Цохор-Цокто послал в Тибет своего сына Арслана с войском примерно в один тумэн людей с тем, чтобы он уничтожил Пятого далай-ламу. Этот Арслан, когда увидел Далай-ламу, то уверовал в него и никакого вреда ему не причинил. Когда Арслан возвратился обратно, в это время Шамар-равджамба из местности Цзан послал письмо Цохор-Цокто о том, что Арслан никакого вреда ни религии, ни Далай-ламе не причинил. Тогда отец написал сыну: «Ты лучше обратно не возвращайся, лучше тебе там и умереть». Когда он послал ему такое осуждение, то в результате этого Арслана довели до гибели, а войско его рассеялось в разные стороны.

Впоследствии Гуши-хан взял примерно один тумэн войска и в сопровождении джунгарского военачальника Эрдэни-Багатур-хунтайджи прибыл на Кукунор. Гуши-хан в местности под названием Улаган-Хошу с отрядом войск в тысячу человек в течение одного дня разгромил и уничтожил четыре тумэна войск Цохор-Цок-

то, и сам Цохор-Цокто тоже погиб. После этого Гуши-хан, следуя дальше, прибыл в страну Дзу. И когда он находился в Галданском монастыре²⁶¹, то 27-го числа поздно вечером появился большой белый свет. Это явилось знаменем укрепления буддийской религии.

Пятый далай-лама милостиво отнесся к Гуши-хану и пожаловал ему титул «Дайчин-Чойджил-хана»²⁶². После этого Гуши-хан выступил в поход в местность Кхам, схватил бэрского Донъед-хана и посадил его в тюрьму. Затем он того бэрского хана казнил, а находящихся в тюрьме кармапаских и сакьяпаских лам освободил. После этого он подчинил себе народ, подданный этому хану, достиг тибетской провинции Цзан, повоевал Шидугдзэ, Шамрубдзэ и тринадцать других больших городов и крепостей с населением, исповедовавшим веру красношапочников, и построил в том районе тринадцать монастырей желтой веры.

Впоследствии Гуши-хан поймал цзанского хана Ганджин-Ванбу. Когда Гуши-хан подумывал отпустить того цзанского хана, то в это время один местный человек сообщил Гуши-хану следующее: «Этот цзанский хан весьма враждебно относится в желтой вере, он построил храм позади монастыря Дашилхунпо²⁶³, желая подавить его величием, и дал тому монастырю название Дашисал». Когда он так сказал, то Гуши-хан сильно разгневался и предал того хана казни, зашив в сырые кожи. После этого Гуши-хан подчинил себе весь тибетский народ, сильно укрепил желтую веру и сделался тибетским ханом, а Сономчойпила назначил правителем.

Эти четыре хана, собиравшиеся разрушить наше вероучение, и на самом деле, имели дурные предсказания и были в силах причинить вред желтой вере. Лигдэн-хана подавил бесплотный Чойджил²⁶⁴, а остальных троих победило живое воплощение Чойджила, Гуши-хан. Поэтому Гуши-хана, как принесшего великую пользу желтой вере, высоко чтят во всех храмах. Как в Тибете, так и в Амдо имеются изображения Гуши-хана. Человек по имени Сономчойпил, который послал письмо джунгарским нойонам, был родственником тангутского Цанкин-нойона из Чонэ. За такие заслуги перед религией его трон до сих пор стоит перед Дзу.

Гуши-хан был сыном ойратского хана Хани-нойона Хонгора, являющегося потомком Хасара. На втором году [правления] Дэгэду-Эрдэмту, Гуши-хан послал внутрь [Китая] посланца с податью. Затем на седьмом году Далай-лама поднес доклад маньчжурскому императору и для принесения подати прислал старшего брата Гуши-хана Дурсэчи, нойона Сонома вместе с еще одним человеком для отправки податей. На восьмом году Гуши-хан опять послал посла с податью. И когда докладывали о покорении Гуши-ханом тангутского Цзанба-хана, то на это последовал такой указ: «В древние времена, когда правили священные ханы, они не оказывали помощи буддийской религии. Слыша о том, как ревностно и величественно ты правишь, я выражаю тебе великое благоговение». При этом указе он наградил его панцирем и шлемом.

Халхаские три хана и Сайн-нойон-хан по своему происхождению являются потомками Гэрэту-гайджи²⁶⁵ — младшего сына Батумунхэ-Даян-хана. Этот титул халхаскому хану был пожалован Далай-ламой. Во времена нойона Тумэнхэна из халхаского ханского рода Сайн-нойонского аймака, когда в Халхе были распространены две веры — желтая и красная, и когда последователи желтого вероучения

вели борьбу с приверженцами красной веры, он оказал защиту и покровительство желтому вероучению. Далай-лама одобрил его и пожаловал титул для нойона Тумэнхэна. А подданный народ почитал его наравне с тремя остальными ханами.

Сэцэн-хан Шолой еще во времена маньчжурского императора Сэцэна вошел к нему в подданство. После этого на втором году царствования Дэгэду-Эрдэмту (1637), Тушэту-хан Гомбо вместе с Сэцэн-ханом Шолоем почтительно доложили о своем желании войти в подданство.

В третьем году правления (1638) сын Тумэнхэна Сайн-нойон послал в качестве посла ламу Танджила и представил с ним подношения. В том же третьем году Дзасакту-хан Сувади собрал войско и возымел намерение напасть на Хухэ-Хото, а когда снаряженные императором Дэгэду-Эрдэмту войска выступили, чтобы разгромить его, то он, признавая свою вину, прислал посла. Тогда был издан следующий указ: «На виновных я посылаю войска, а невиновных принимаю в подданство. Так как я поступал исключительно справедливо, то Небо оказывало мне милосердие. Монголы и чахары полностью мне подчинились, а вы — подданные тех подчиненных мне народов, и посему вам всем следует войти ко мне в подданство. Если же кто вздумает сопротивляться мне, то по дальности расстояния все усилия его будут тщетны. Впредь же не доводите себя до такой тяжелой вины».

Итак, династийное имя его было: император Дэгэду-Эрдэмту, а титул — Дай-Цин-гэгэн Суту-Хуанди. Этот император, управляя маньчжурами, монголами, тангутами и другими народами, процарствовал около десяти лет.

Повествование об этом императоре временно прервем и вернемся к временам Тогон-Тэмур-хана и кратко напишем о том, каким образом Тогон-Тэмур-хан потерял свою власть в Китае, и как императорская власть попала в руки Дай-Мин Хун-у и как последний управлял Китаем. Тот император Дай-Мин Хун-у управлял Китаем тридцать один год²⁶⁶.

Четыре года спустя после восшествия на престол императора Хун-у, сын его умер, не оставив потомства. В ту пору в Пекине проживала одна из жен императора Тогон-Тэмюра. Она была беременна и впоследствии родила мальчика. После этого император Дай-Мин Хун-у, помня, что ребенок является потомком императора Тогон-Тэмюра, усыновил и воспитал этого мальчика. А так как у императора Хун-у не было наследника, то императором стал его приемный сын. Династийное имя его было император Дай-Мин Юнло²⁶⁷. Хотя он как будто бы и был из рода китайских императоров, но на самом деле он происходил из монгольского ханского рода.

Затем мать императора Юнло сказала ему так: «Ты, сын мой, не китайского происхождения, а настоящий монгол из рода Чингис-хана. Наши монгольские ханы свято чтит и уважали буддийскую веру и лам, поэтому в соответствии с обычаями древних предков, было бы самым лучшим делом пригласить какого-нибудь хорошего ламу». Император Юнло одобрил слова матери и, прослышав, что в тибетской земле живет один примечательный лама по имени Богдо-Цзонхава, четыре раза посылал послов с приглашением и золотой грамотой. И когда те послы представились и доложили Цзонхаве о приглашении, Цзонхава-лама сказал, что поехать не сможет. Когда же он не поехал, то император Юнло снова послал чиновников и поручил им сказать так: «Если, Цзонхава-лама, ты сам не можешь пожаловать к

нам, то соизволь прислать лучшего из своих учеников». Когда чиновники доложили так, то Цзонхава-лама послал Дзамчин-цорджи. Пожаловав в город Пекин, Дзамчин-цорджи внушил императору уважение к вере, и [хан и лама] стали милостынедателем и учителем.

Потомки императора Дай-Мин Юнло наследовали друг за другом императорскую власть в Китае. Всего же китайских императоров [династии Мин] было шестнадцать. Эти китайские императоры до третьего поколения хорошо управляли своим народом. Со времени четвертого императора Хунси²⁶⁸ и дальше государством управляли чиновники. В особенности десятый император по имени Уцзун²⁶⁹ жил весело: пил крепкое вино, устраивал пиршества и празднества и совершал другие подобные этому предосудительные дела. А одиннадцатый император Шицзун²⁷⁰ стал почитать религию бомбо*. Так как одиннадцатый император Шицзун был некрасив лицом, то он даже не принимал своих чиновников²⁷¹. Среди его народа было много смут и беспорядков.

В ту пору, когда шестнадцатый император Чунчжэнь²⁷² хорошо управлял своей державой, один нойон, по имени Ли Цзычэн, из местности Кхам, главарь бандитской шайки, вместе с шестью другими знатными людьми снарядил войско и достиг города Пекина. Он захватил престол Чунчжэня и сам сделался императором. Когда прошло примерно около полумесяца, прибыл маньчжурский Дай-Цингэгэн Суту-Хуанди с большим количеством маньчжуро-монгольских войск и прогнал императора Ли Цзычэна, а войско его уничтожил у прохода Шань-Хай-гуань. В году синей обезьяны одиннадцатого шестидесятилетия (1644) он возвел на императорский престол своего семилетнего сына и, поселив в Пекине, сделал государем Поднебесной. Династийное имя этого императора было Шицзу Гэйгулугчи-Хуанди, а годы правления назывались — Эер-Дзасагчи²⁷³.

За большое усердие, проявленное монгольскими нойонами во время разгрома лицзычэновских банд в проходе Шань-Хай-гуань, многие из них получили различные чины и звания. Император наградил монгольских нойонов титулами ван, бэйлэ, бэйсэ, гун, дзасак и другими, соответственно их заслугам. По монгольской табели о рангах существуют следующие нойонские степени: хан, джинон, чинсан, дайчин, бошогту, дайбун, тайсу, уйдзэн, дзайсан, тайджи, тусулагчи, дзахиругчи, мэирэн, дзалан, дзанги и хунду-бошохо. По маньчжурской табели имеются следующие степени: ван, бэйлэ, бэйсэ, гун, дзасак и амбань. По китайской же табели имеются такие нойонские звания: великие нойоны, управляющие провинциями, в большинстве своем являются цу-юаньями, а у некоторых из них имеются звания пу-даран; во-вторых, есть звание чин-ши-джи. У первых из этих двух нет военной власти, а им поручаются дела финансового управления, другие же обладают военной властью. Во главе большого войска стоит ти-ду. А во всей армии имеются такие чины: цин-ки, шан-бэй, шан-чан цу-ци, ду-ши, шэу-бэй, чин-цун и имеется, вероятно, много разных малых чинов.

Из находившихся прежде в Пекине сорока тумэнов монголов осталось там только тридцать тумэнов, а десять тумэнов монголов из Китая ушли и прибыли в

* Даосизм.

Монголию. Четыре тумэна монголов из числа прибывших из Китая образовали четыре ойратских племена.

В ту пору монголы состояли из двух частей: ойратов и монголов. Последние делились на восточных (левый фланг) и западных (правый фланг). Западные делились на три части: ордосов, тумэдов и юншебу с ару-хорчинами. Восточные тоже делились на три части: чахаров, халхасцев и урянхайцев. А затем стали различать южных монголов, халхасцев и ойратов.

В третьем году правлений Эер-Дзасагчи (1646) сунитский эфу-ван Тэнгэс, бэйлэ Тэнгэдэй и тайджи Обогтай и Дорджигаран объединились с халхаским Сэцэн-ханом Шолоем и задумали изменить императору. Тогда великий император выслал против них войско. И когда императорские войска, начиная от Керулена и вплоть до Толы, истребляя, преследовали и громили их, то те двое Тэнгэс и Тэнгэдэй бежали. Великая армия, преследуя их по реке Тола, достигла местности Бурхай, где Обогтай, Дорджигаран и сыновья Тэнгэдэя Дорджи и Бату-Сэцэн были убиты.

В ту пору Сэцэн-хан Шолой послал своего сына Бумба с тем, чтобы он испросил войско у халхаского Тушэту-хана Гомбо. Войска, прибывшие на помощь были встречены и разгромлены императорскими войсками в местности Джацай-Булаг. Тогда Сэцэн-хан Шолой и Тушэту-хан Гомбо несколько раз посылали послов и, признавая свою вину, изъявляли покорность. Тогда последовал императорский указ: «Поймайте Тэнгэса и Тэнгэдэя и доставьте их сюда». Тэнгэс и Тэнгэдэй впоследствии тоже раскаялись, и тогда их вину простили. Вскоре после этого Тэнгэс заболел и умер. Тэнгэдэя же сделали ваном, простив его вину.

Затем речь пойдет о потомках нойонов трех хошунов, [это] Эрхэ-тайджи Тоб, Тумэн-Дархан-тайджи Омба и Илдэн-хошучи Сэрэн. Все трое приходились друг другу родственниками. Все они вместе со своим народом вошли в подданство в седьмом году правления императора Сэцэна (1633). В восьмом же году (1634) в составе войск великой армии они выступили походом на Китай. Когда из Хара-Обо вошли в крепость Дэ-Сэн и стали приближаться к местности Дэндун, они сильно отличились при захвате трех крепостей и одного укрепленного лагеря. Вскоре после этого Омбо умер.

В первом году правления Дэгэду-Эрдэмту (1636) этот самый Эрхэ-тайджи Тоб, сын Тумэна Убэн и Илдэн-хошучи Сэрэн выступили походом в страну Солонгос, и в местности Химхай их войска потерпели поражение. В ту пору, когда Сэрэн-илдэн вез грамоту в Солонгосское государство, то его на пути перехватили китайские войска, и в неудачной битве он был ранен и отступил назад. Вскоре после этого и умер.

В третьем году правления (1638) сын этого Сэрэна Багбагай, Эрхэ-тайджи Тоб и тайджи Убэн объединились и отправились войной на Халху.

В четвертом году правления (1639) эти трое, снарядив войско, выступили в поход на китайские горы Сун-шань.

В седьмом году (1642) победой над китайским Кимурлэн-чжоу добыли себе славу. В том же году зимой, снарядив свое войско, выступили войной на китайский Ки-чжоу.

В третьем году правления Эер-Дзасагчи (1646) Эрхэ-тайджи Тоб и Убэн отправились повоевать сунитского Тэнгэса — вора и изменника. Они разбили вспомогательные войска двух халхаских ханов в местности Джацай-Булаг.

В пятом году правления Эер-Дзасагчи (1648) стали награждать титулами, отмечая заслуги. Хотя заслуги Омбо-тайджи и Сэрэн-илдэна были отмечены, но ни одного из них не было уже в живых. Тогда Эрхэ-тайджи Тоба возвели в степень «дзасак-улус-ун-тушэ-гуна»²⁷⁴ и поручили управлять восточными уратами. Тумэн-Дархан-тайджи Убэну точно также дали титул «дзасак-улус-тушэ-гуна» и поручили управлять западными уратами. А тайджи Багбагаю дали титул «дзасак-улус-туртусулагчи-гуна»²⁷⁵ и поручили управлять средними уратами. По словам стариков-уратов, которые прежде жили в местности Хулун-Буир, в шестом году правления Эер-Дзасагчи (1649) их поселили для охраны от трех проходов Халхи: Хундулэн, Хадамал и Мунын-Хошу. Хотя так и говорят, но точно установить не удалось.

В девятом году правления Эер-Дзасагчи (1652) лама Шарав, габджу Цаган-Дархан-цорджи, Тунсан-гуши, всего около двухсот человек, во главе с Дорджи-Дархан-нойоном отправились в Тибет с целью пригласить Пятого далай-ламу. Гэгэн изъявил согласие и на девятом году правления Эер-Дзасагчи в году черного дракона 15-го числа 3-го месяца пожаловал сюда.

Затем Пятый далай-лама со свитой проследовал через Кукунор, город Силин²⁷⁶, горы Укэр и земли ордосов и тумэдов. Когда он пожаловал в Эрэ-Куй, то туда для встречи его прибыл от имени императора в средний зимний месяц в новолуние Сэцэн-ван со свитой в две тысячи человек и множеством драгоценных даров. Слово посланец самого Хормусты — так торжественно пожаловал. И было преподнесено императорское письмо вместе со злато-жемчужным намджиром*.

Затем [Далай-лама] проследовал дальше и остановился в специально приготовленном по распоряжению императора монастыре на китайской границе. После этого, следуя дальше, миновал города: Кули, Чэнпичжоу, Шанькоуцзан и, когда он доехал до Чинкхского белого моста, навстречу к нему от имени императора вышел Уйдзэн-чинван с тремя тысячами людей и преподнес в большом количестве знамена, зонты, музыкальные инструменты и тому подобные дары.

Затем [Далай-лама] задержался на двое суток в местности, называемой Цинлу. И когда он 12-го месяца 16-го числа прибыл для встречи с императором, то император в это время пожаловал в город Ритан²⁷⁷. Процессия въехала в город. На расстоянии, откуда еще нельзя было видеть императора, все сходили с лошадей, но гэгэн продолжал ехать. Он сошел со своего коня, только когда приблизился к императору, а император тотчас же поднялся со своего престола, сделал навстречу гэгэну десять шагов и взял его за руку. Лодзава²⁷⁸ преклонил колена и осведомился о здоровье императора. Затем император изволил сесть на трон. Гэгэн же опустился на трон, который был несколько ниже, чем у императора. Тогда подали чай. Император и гэгэн держали чашки с чаем в руках и предлагали друг другу пить чай первым. И так как гэгэн не соглашался пить чай раньше императора, то выпили оба разом. Император богато одарил гэгэна. Затем они подробно обсудили обычаи и законы тибетской страны. Хотя великому императору было десять с небольшим лет, он не испытывал никакой робости и страха перед многочисленными и знатными людьми, и был подобен неприрученному льву.

* Намджир — одежда высшего буддийского духовенства.

Гэгэн провел эту ночь в Цин-лу, а на завтра пожаловал в Шара-сумэ, расположенный в окрестностях Пекина. На расходы, связанные с пребыванием Пятого далай-ламы в Шара-сумэ, из императорской казны было отпущено девяносто тысяч лан. В этой местности гэгэн удостоил религиозного нектара нойонов во главе с Сэцэн-ваном. Затем он написал указ о том, что во время лхасского Монлама²⁷⁹ церковным властям предоставляется право наказаний, вплоть до применения смертной казни.

После этого в Новый год гэгэн пожаловал в Пекин, а император подарил ему золотую печать, тринадцать золотых медальонов с надписями на китайском, монгольском и тибетском языках, гласившими: «Владей странами севера». Кроме того, император преподнес гэгэну золотую хэдэруа весом от пятидесяти лан; пятьсот лан золота; большие тэбэри²⁸⁰ из тысячи лан серебра; тысячу кусков шелка; десять золотых седел; шкуры тигров и леопардов, бобров и соболей и всевозможные другие изделия в несметном количестве.

Пятый далай-лама до 5-го месяца десятого года правления Эер-Дзасагчи (1653) соизволил давать наставления всем местным счастливым-нойонам. Ламы великие и ламы малые, внутренние и внешние нойоны сильно укрепились в вере и преподнесли ему различные дары в безмерном множестве. Затем, когда Пятый далай-лама возвращался к себе в верхние земли (Тибет), от имени императора его провожали до Цаган-Усу около ста человек во главе с нойоном Удага-бэйсэ-дарханом и Хя-ламой. После этого проехали Хухэ-Хото и, следуя по берегу Желтой реки, миновали город Юн-Лун и монастыри: Мэрчэн, Гонлун, Алтан-хийд и другие. Хотя биография Пятого далай-ламы состоит из четырех томов, но вследствие того, что в жизни его имелись всякие удивительные моменты, тайно скрытые и в ней не написанные, то поэтому ограничимся только этим.

Таким образом, Шицзу Гэйгулугчи-Хуанди много содействовал драгоценному вероучению и дал широкое процветание императорской державе. Он процарствовал восемнадцать лет, а его восемнадцатилетний сын взошел на престол в году черного тигра одиннадцатого шестидесятилетия (1662). Династиное имя его было Шэнцзу Урушиелту-Хуанди, а годы правления назывались Энхэ-Амугулан²⁸¹. В эпоху Шэнцзу Урушиелту-Хуанди были покорены многие страны, начиная с Нгари²⁸² — Тибет, Китай, Монголия и другие страны. Истово благоговей перед драгоценным вероучением, он отпечатал тибетский канон Ганджур и Данджур и даже отредактировал и издал монгольский Ганджур. Он возвеличил Галдан-ширэгэту Лодой-Джамцо-ламу²⁸³, Джансан-Агван-Лубсан-гэгэна, Туган-гэгэна²⁸⁴ и прочих лам из Тибета и поднес им звание и печати наставников «гуши». Он в полной мере умиротворил веру и державу и привел к полному благосостоянию многочисленные свои народы.

В четырнадцатом году правления Энхэ-Амугулана (1675) сын Абанай-чинвана, внук Лигдэн-хана, по имени Бурнэ-ван захотел стать ханом, так как имел у себя печать своих предков. Он изменнически соединился с наймановским Джамсан-ваном и тайным образом собрал войско. Услыхав об этом, послали чиновника Малу, чтобы он подавил Бурнэ-вана. Тот приказал [Бурнэ-вану] соединиться со всеми монгольскими аймаками, но [Бурнэ-ван] не послушался. Тогда великий джанджун Итэгэмджиту-ван Уца во главе великой армии вступил в бой с войсками Бурнэ в

местности Талу и разбил их, а Бурнэ бежал. Вот по этой-то причине у нойонов чахарских хошунов отняли великие императорские милости и лишили их высших степеней и превратили в простых подданных.

В шестнадцатом году (1677) пришло в движение войско У-Шан-гуя. В эпоху этого императора ойратский Галдан-Бошогу-хан²⁸⁵ явился тем человеком, который причинил больше всего хлопот. Вот какова родословная Галдан-Бошогу: он был ойрат джунгарского ханского рода. Над джунгарскими ойратами царствовал хотогойтский нойон Хара-Хула, приходившийся родней одному из четырех сыновей Дува-Сохора еще из дочингисовой поры. У того Хара-Хула-нойона было шесть сыновей: Мэргэн-дайчин, Цохор-убаши, Дарма-багатур Гуван-тайджи, Цэрэн и Шабду. У четвертого сына багатура Гуван-тайджи было десять сыновей: Сэцэн-тайджи, Дзорикту, Хошучи-багатур, Овзон, Сэнгэ, Галдан, Пунцаг-Даши, Урун, Эрдэни-Бум и Турджаб.

Этот шестой сын Галдан стал учеником Панчен-гэгэна Лувсан-Иши²⁸⁶ в монастыре Дашилхунпо, отправившись туда вместе с тибетцем, про которого говорили, что он является перерождением некоего ламы из тибетской провинции Цзан. Между тем, братья его между собою рассорились, и вот сговорились между собою два брата, старший брат Сэцэн-тайджи и третий брат Хошучи-багатур, схватили и убили Сэнгэ, который был с ними от одной матери. Тогда их мать послала письмо сыну Галдану, извещая его о таком обстоятельстве. Узнав об этом, Галдан не вытерпел и отказался от обучения в монастыре и принял прозвище Бошогу. Затем повез с собой благословенных бурханов, женские божества, священные сосуды из черепных костей, три изображения чойджонов²⁸⁷, нарисованных кровью из носа Панчен-эрдэни²⁸⁸, и прибыл в свои кочевья. Он подавил двух своих братьев и отомстил им. Затем он построил три монастыря под названиями Тарнийн-дацан, Ламрим-дацан и Шабдан-дацан и стал жить на родине.

Впоследствии однажды Бошогу послал спросить о будущей судьбе к одному прорицателю Западной страны. Тогда тот прорицатель прислал ему такой ответ: «Если не умрет человек, носящий имя трех бурханов долголетия, то он причинит вред красной вере».

Вот как было. У Сэнгэ, старшего брата Галдан-Бошогу, был сын Цэвэн-Рабдан, по званию хунтайджи. Бошогу-хан стал замышлять убийство своего собственного племянника Цэвэн-Рабдана. А между тем Цэвэн-Рабдан вместе со своими людьми был в подчинении у торгутского Аюши-хана. Бошогу женился на Анадуре, племяннице Очирту-хана, правителя кукунорских олётов. В ту пору Бошогу-хан имел сильное намерение стать во главе всех [западных монголов] — как над дурбэн-ойратами, так и над кукунорскими олётами. Однако же старшим сейма являлся кукунорский Очирту-хан. В ту пору Бошогу кочевал на Алтае и, воцарившись над всеми ойратами, принял титул Галдан-Бошогу-хана. Затем у Бошогу-хана пошли несогласия с Очирту-ханом. Когда они рассорились, то Бошогу-хан в шестнадцатом году правления Энхэ-Амугулана (1677) послал войско, убил кукунорского Очирту-хана и разгромил его аймак. Алашанские олёты как раз являются тем народом, который утратил свои кочевья, поспешно убегая от своих олётов же.

Когда в халхаской стране стало слышно о подобных смутах, Чимид-Дорджи²⁸⁹, халхаский Тушэту-хан, у которого бабушка приходилась старшей сестрой Очирту-

хановой супруги Дорджи-Рабдана, выступил в поход, чтобы оказать помощь Очирту-хану. Когда он подъезжал к цели, Дорджи-Рабдан уже отправился к торгутскому Аюши-хану, к своей родне по матери. А Бошогту послал с послами к императору Шэнцзу Урушиелту-Хуанди все оружие и добычу, которую он забрал в кукунорской земле. И когда посольство подносило эти дары императору, то последовал такой указ: «Как Очирту-хан, так затем и Галдан со всеми своими подданными подносили дань. Ныне Галдан, убив Очирту, подносит захваченное оружие и прочие вещи. Я не могу принять это и приказываю вернуть назад». Так гласил указ.

В том же самом году Тушэту-хан Чимид-Дорджи послал тайджи Сарагдаши с отрядом войск в триста человек. Тот напал на посольство Галдан-Бошогту, которое должно было поднести дань. Когда об этом доложили императору, то он приказал их примирить и привести к присяге.

Затем в двадцать пятом году правления (1686) родственник Чимид-Дорджи — Дзасакту-хан Цэнгун подал на высочайшее имя прошение о том, что Чимид-Дорджи присвоил его беглых людей. Послали сановника, а также со стороны Далай-ламы явились Галдан-ширэгэту-лама и кукунорский Гуши и позвали Чимид-Дорджи и Цэнгуна со своими людьми в местность называемую Хурэн-Бэлчир и стали приводить стороны к примирению. Равным образом и Джэбдзундамба-хутухта²⁹⁰ уговаривал и увещевал своего старшего брата Чимид-Дорджи и настойчиво требовал, советуя полностью возвратить Цэнгуну беглых людей.

В ту пору Джэбдзундамба-хутухта сидел рядом с Галдан-ширэгэту, причем Галдан-Бошогту, заметив его недружелюбное отношение, разгневался на то, что Джэбдзундамба-хутухта не величает Галдан-ширэгэту, как посланца самого Далай-ламы. Он затаил жгучую злобу также и на то, что Чимид-Дорджи выступил на помощь кукунорскому Очирту-хану, а еще на то, что он повоевал многих послов и на то также, что он выдал свою дочь замуж за Лубсан-Гомбо, племянника Очирту-хана. Вследствие этого Бошогту написал Тушэту-хану Чимид-Дорджи письмо, в котором угрожал придти воевать с ним. Тогда Чимид-Дорджи подал на высочайшее имя прошение, в котором говорил, что он с радостью готов сразиться с Галданом. В ответ на это он получил императорский указ: «Соблюдайте данную прежде клятву и не начинайте опять войны с Галданом».

В ту пору скончался халхаский Дзасакту-хан Цэнгун. Хотя его сын Шара унаследовал отцово ханское звание, однако же, Чимид-Дорджи не выдал сполна вышеупомянутых беглых людей, которых должен был вернуть Цэнгун-хану, а отдал Шару только половину. По этой причине, когда Дзасакту-хан Шара, а также тайджи Тэнтэгэй, Дзодба и другие отправились к Галдан-Бошогту с целью завязать с ним дружественные отношения, Тушэту-хан Чимид-Дорджи выступил вслед за ними, завязал бой и убил тайджи Тэнтэгэя. Дзодба же обратился в бегство.

Когда об этих обстоятельствах было доложено императору, он командировал чиновника с поручением удержать Чимид-Дорджи от возбуждения военных действий. Однако еще до прибытия того чиновника Чимид-Дорджи, соединившись со своим зятем Лубсан-Гомбо и умертвив Турджаба, младшего брата Галдана-Бошогту, продвинулся вперед до урочищ Хара-Эрхэг и Цаган-Эрхэг, где и расположился лагерем. [Те же], как земляки Галдан-Бошогту, находились с последним в наилучших отношениях, и не желали нарушать слова, данного Галдан-Бошогту.

Поэтому Бошогу, Рабдан, Омбо и их собственные чиновники подчиненных им аймаков в двадцать седьмом году (1688) весной выступили в поход с тремя тумэнами войска и расположились лагерем на Хангае. Когда они стали собираться в поход на Халху, то Чимид-Дорджи вместе со своим сыном Галдан-Дорджи выступил войной. Когда они намеревались вступить в бой с войсками Галдана-Бошогу в местности, называемой Тэмур, то из кукунорских олётов Данджилан, Рабдан, Данджин и Омбо разбили войско Чимид-Дорджи. Тогда Чимид-Дорджи, так и не вступив в бой, бежал в местность Унгши.

После того Галдан-Бошогу, осведомившись о том, что гэгэн-хутухта²⁹¹ находится в монастыре Эрдэни-дзу, разделил свое войско и послал Данджина и Омбо напасть на Эрдэни-дзу. А сам переправился через реку Толу и, двинувшись на восток по направлению к реке Керулен, громя Халху, разрушил монастырь Джэбдзундамба-хутухты и часовню, построенную на горе. После этого он расположился кочевьем на урочище Баян-Ху. Одновременно с тем Данджин и Омбо с войском подступили к Эрдэни-дзу, а гэгэн Джэбдзундамба в это время уже перебрался из Эрдэни-дзу в местность, называемую Угомор.

В ту же пору младший брат Галдан-Бошогу хунтайджи Цэвэн-Рабдан, продвинувшись с урочища Боротала, перекочевал в местность, называемую Цаган-обога, и, завладев подданными Бошогу, сделался ханом. В ту пору от императора последовал на имя Галдан-Бошогу такой указ: «Не начиная войны, ты должен лично явиться сюда и присягнуть мне. И если ты сам и не сможешь явиться, то ты должен послать сюда Данджилана, Данджина и Омбо». Получив этот приказ, Галдан-Бошогу не согласился его исполнить, отговорившись дальней дорогой и недостатком продовольствия. Затем Галдан-Бошогу вторгся в кочевья Сэцэн-хана по ту сторону Керулена и разгромил Халху. Тогда Сэцэн-хан Умбай, забрав три тумэна с лишним семейств своих подданных, откочевал на юг, где по высочайшему повелению их поселили на границе удзумучинского аймака. Около того же времени Чимид-Дорджи тронулся из местности, называемой Хул, по той причине, что подвластный ему народ разбежался. Перейдя гобийскую пустыню и присоединясь к Джэбдзундамба-хутухте, он подал просьбу о вступлении в маньчжурское подданство.

В ту пору император, отобрав войсковую группу, командировал сановника Арая, и тот, осведомившись о нахождении Галдана в районе реки Толы, двинулся ему навстречу. Кроме того, народ аймака Чимид-Дорджи прикочевал к границе сунитского аймака, так как лишился своих кочевий. Поэтому по высочайшему повелению выслали войско от аймака Абаганар, которое преградило им путь, стоя на страже.

Галдан-Бошогу, услышав о том, что Джэбдзундамба-хутухта и Чимид-Дорджи представили на высочайшее имя доклад о вступлении в подданство, послал императору уведомление, в котором докладывал следующее: «Ввиду того, что этот Чимид-Дорджи есть человек, который в нарушение заключенного договора начал войну и перебил множество ни в чем не повинных людей, не защищайте и не принимайте его». Однако император не одобрил этого представления, принял Чимид-Дорджи в подданство и поселил у сунитской границы. Вскоре по высочайшему повелению было приказано собрать объединенный согласительный съезд для примирения Чимид-Дорджи и Галдана, но Чимид-Дорджи подал всеподданнейшее заявление о том, что он отказывается от ведения мирных переговоров.

В тридцатом году правления (1691) император самолично изволил прибыть в Долоннор²⁹² для разбора дел халхасцев. Люди Чимид-Дорджи, представившись императору, доложили: «Мы, рабы твои, прибегаем к великодушной милости священного государя, так как мы уже близки к смерти. Мы желаем только одного — жить спокойно и благополучно». После этого доклада император соизволил пригласить их к столу, велел подать водки и сказал: «Да не бойтесь вы!» Когда же император их отпустил, Чимид-Дорджи, сильно расстроившись, стал плакать. Тогда император соизволил сказать: «Я бы взял вас с собой в город Пекин, да только расстояние далекое и пора жаркая, а вы к северным странам привыкли, поэтому не перенесете климата внутренних областей²⁹³. Так что, когда в будущем мне случится выезжать за великую китайскую стену, тогда с вами и повидаюсь».

В тридцать первом году правления (1692) после того, как император изволил выступить за великую китайскую стену и остановился в лагере при реке Шикур, Чимид-Дорджи явился к нему представиться. Галдан-Бошогу же неоднократно обращался к императору с просьбой: «Не соизволите ли прислать обратно Чимид-Дорджи». Император, почувствовав отвращение к поступкам Галдан-Бошогу, окончательно утвердился в намерении выступить против него войной.

В тридцать пятом году правления (1696) великая армия вступила в сражение с войсками Бошогу в местности, называемой Олан-Будан. Императорская армия одержала решительную победу, а Бошогу спасся бегством в Дзун-Модо. Рассказывают, будто бы среди того многочисленного войска трупы погибших воинов опять вставляли и под видом чудовищ Рахула²⁹⁴ трижды выходили в бой. Император самолично подступил к реке Керулену и послал войска, которые открыли из больших пушек огонь по самому центру войск Бошогу. Ханша Анудара погибла, а все войско рассеялось. Бошогу убежал в местность, называемую Джихуланту, и вскоре здесь скончался.

Вот такая большая разруха вышла, и вот какие бедствия понесли и халхасцы и олёты, рассеявшись по аймакам и утратив свои кочевья. Но, начиная с тридцать шестого года правления Энхэ-Амугулана (1697), наступило полное спокойствие, и люди вернулись снова в свои родные кочевья.

Галдан-Бошогу с самого шестнадцатого года Энхэ-Амугулана (1677), и вплоть до тридцать шестого года (1697) причинил множество беспокойств и смут. Принято говорить, что в отношении этого Галдана-Бошогу сбылось давнее предсказание хубилгана Тулчин-Дагба-Джамцо, ученика Хэй-ламы. Вот в чем дело.

Когда-то в старину ученики Хэй-ламы, получившие посвящение Дэмчогу, делали жертвоприношение. В это время Тулчин-Дагба-Джамцо следовал впереди Джамьян-цорджи, и когда он шел, то его духовное облачение волочилось по земле. Следовавший позади него Джамьян-цорджи соизволил сказать так: «Ах, дошел до того, что духовное облачение бросает на землю!» Когда он так сказал, то Тулчин-Дагба-Джамцо подумал: «Его слова о том, что я бросаю духовное облачение на землю, означают, что я буду жить в юрте». Он рассердился и сказал: «Если я бросаю свое духовное одеяние на землю, то только для того, чтобы разрушить твоё учение!» Что касается до этого худого слова, то, как оно было произнесено перед мандалой Ваджрадара и Дэмчога, то оно так точно и сбылось. Поэтому первый

монастырь, который построил Джэбдзундамба, перерождение Джамьян-цорджи, подвергся разрушению из-за военных действий, и впоследствии богослужения шли в монгольском кочевом храме-юрте.

Хунтайджи Цэвэн-Рабдан в тридцать седьмом году правления (1698) завладел престолом Бошогту и стал олётским ханом. В ту пору те три дацана Бошогту объединились, и в них стало пять тысяч монахов. Хунтайджи наименовал тот Шабдан-дацан — дацаном Винаи²⁹⁵. Он укрепил изучение Винаи, удалил три тысяч пятьсот человек из тех шабинаров, а оставил только тысячу пятьсот. Он очень содействовал распространению буддийской религии и, просидев на престоле около тридцати лет, строго организовал монашеские общины.

Так как в прежние времена Галдан-Бошогту причинял много обид хотонцам²⁹⁶ из Хами, то хамийские нойоны из мести захватили сына Бошогту, тайджи Сэдэн-Балджура, Дайчи-Хашига, Омогту-Хашига и других вместе с подданными. Заковали их в кандалы, доставили ко двору и доложили Его величеству: «Мы, твои рабы, доставили к тебе захваченных нами сына Галдан-Бошогту вместе с его аратами по той причине, что джунгарские олёты, нам, рабам твоим, кровные враги, они громили хамийские земли и причиняли нам всевозможные ужасные бедствия. Мы просим, не угодно ли будет издать указ и прекратить притеснения нас, рабов твоих». На таковой доклад император издал указ о том, чтобы хунтайджи Цэвэн-Рабдан, равно как и кукунорский Хошут-тайджи не притесняли хамийцев. Хотя хунтайджи Цэвэн-Рабдан раньше никогда не был в мире с Бошогту, однако он рассердился, что [хамийцы] схватили Сэдэн-Балджура, не послушался императорского указа и в злобе разорил хамийских купцов. О таком обстоятельстве хамийские нойоны опять доложили на высочайшее имя, и когда последовал выговор Цэвэн-Рабдан-хунтайджи, то угрозы джунгарцев по отношению хамийцев еще более усилились.

Затем в пятьдесят четвертом году правления (1715) хунтайджи послал двухтысячный отряд, напав на Хами, силою захватил пять северных крепостей и двинулся было на завоевание города, как две сотни императорских охранных войск, взяв с собой хамийских аратов, яростно вступили в бой, и тогда джунгарское войско отступило.

Много раньше этого, в двадцать пятом году правления [Канси] (1686) скончался Пятый далай-лама. Однако же это обстоятельство скрывали и не доложили императору. Об этой кончине не знали даже монахи трех главных лхасских монастырей²⁹⁷. Скрыл же и не доложил об этом обстоятельстве Дэсрид-Санджайджамцо из Поталы. Он стоял во главе управления внутренними делами у нашего Далай-ламы и, будучи очень образованным человеком, сочинил целый ряд трактатов, как, например: «Вайдурья-Гарпо», «Минган-Лхантаб»²⁹⁸ и другие. Пятый гэгэн далай-лама был весьма милостив к нему.

В то время много народу подозревало, что Далай-лама умер. Поэтому во время великого годового молебствия на вершине [горы] Потала устроили великий престол и посадили на него одного ламу как бы Далай-ламой, а все множество шабинаров творило поклоны издали, взирая на его виднеющийся облик. Тогда один ясно-видящий послушник вдруг изрек: «В прежние времена я не раз видел воочию гэгэна Далай-ламу в образе Хоншим-бодхисаттвы. А теперь я узрел его в образе гэлунга. По какой причине это происходит?»

Упомянутый Дэсрид-Санджайджамцо тайно завел с Галдан-Бошогту интриги и послал к нему Джирун-хутухту. Они установили день сражения при Улан-Будуне. Двоюродный племянник Галдан-Бошогту Цэвэн-Рабдан был во вражде с Галдан-Бошогту, он, намереваясь выступить против него и делая военные приготовления к этому, призвал многих кукунорских тайджи, но оказалось, что они приняли присягу не воевать с Галдан-Бошогту.

Затем, в двадцать девятом году правления [Канси] (1690) он написал поддельный доклад от имени Далай-ламы и вот что сообщил на высочайшее имя: «Тайджи тангутских олётов все совокупно просят о поднесении Далай-ламе почетного титула». На этот доклад последовал указ: «Услыхав, что между халхаскими братьями происходит несогласие, я послал к Далай-ламе посла, чтобы он способствовал к примирению ханов двух крыльев. Далай-лама же послал Галдан-ширэгэту и, хотя он содействовал восстановлению согласия между двумя ханами, однако же из сего возникла взаимная вражда между халхасцами и олётами. В дальнейшем, услыхав о поднявшихся войнах, я послал посла к Далай-ламе и просил прекратить Галданову смуту. Тогда Далай-лама послал Сэцэн-Далай-Гамбо и других, но сколько они не увещевали, однако же не могли привести враждующих к согласию. И они продолжали вести военные действия по своему произволу. Так как халхасцы были разбиты галдановским войском, то я снова посылал посла к Далай-ламе и просил привести их к присяге и прекратить войну. Тогда Далай-лама послал Джирун-хутухту, а я командировал Илагугсан-хутухту. Но сколько их ни заставляли стовориться, они вовсе не слушались и не переставали воевать. Мало того, они внесли вражду в пограничные караулы у великой китайской стены. Вместе с Далай-ламой, придерживаясь взгляда о долге моем воспитывать всех людей, я послал специально командированных чиновников, так как мой указ был дерзновенно нарушен. Я намеревался представить Далай-ламе новое высокое звание в том случае, если бы он смог привести олётов и халхасцев к полному примирению. Но дело в том, что, приложив все старания к этому делу, командированные люди не смогли удовлетворить ни моего человеколюбия, ни помыслов Далай-ламы. При таковых обстоятельствах халхасцы дошли до полного разгрома и разорения. Олётов необходимо осудить и подавить. Сердце мое сокрушается от великой жалости. И не до того теперь, чтобы награждать почетными званиями. Прошу довести эти слова до сведения послов, отправленных Далай-ламой, ханами и тайджи. Возвратить назад то, что они принесли в подношение!»

В тридцать втором году правления [Канси] (1693) посольство от Далай-ламы явилось к императору и представило доклад по вопросу о кочевьях алашаньского вана, о взаимном торговом обмене между Тангутом и Монголией и о прочих делах, причем император отнесся к этому отрицательно. Непосредственно вслед за этим императору был представлен доклад с просьбой, не соблаговолит ли он, в виду преклонного возраста Далай-ламы, возложить исполнение всех его обязанностей на Дэсрида и наградить его почетным титулом. Тогда по императорскому указу Дэсрид был награжден званием «князь тибетского народа». Но вскоре император стал подозревать, что эти речи Далай-ламы стали отличными от тех речей, которые он ранее высказывал в своих письмах из Тибета. И думая так, он послал посольство с

тем, чтобы выяснить обстоятельства, но посольство возвратилось, не усмотрев ничего подозрительного.

В тридцать четвертом году правления [Канси] (1695) святителю Панчен-эрдэни было высочайше повелено явиться на аудиенцию, и по этому поводу отправлено посольство, но Дэсрид-Санджайджамцо и окружающие Галдан-Бошогту тайно воспрепятствовали этому.

В следующем году на высочайшую аудиенцию явился посол святителя Панчен-эрдэни и доложил [от его имени]: «Мы не желаем [от вас] высоких чинов».

В ту пору племянник Гуши-Данджин-Чойрал-хана по имени Радна-Далай-хан²⁹⁹ силою захватил отеческий престол и сделался тангутским ханом. Так как он также ведал делами, то приказал Панчен-эрдэни: «Отправляйся в Пекин!» Но тот не послушался. Тогда Радна-Далай-хан представил императору следующее объяснение: «Когда было через посла получено приказание Панчен-ламе отправиться к вам, я велел ему ехать, но он решительно не послушался».

Вскоре затем император выступил на войну с Галданом-Бошогту и окончательно понял коварные козни Дэсрид-Санджайджамцо. Тогда император выказал одобрение Радна-Далай-хану и, наоборот, порицание Дэсрид-Санджайджамцо: «Ты внешне следовал религии Цзонхавы, а тайком соединился с Галданом. В то время как Далай-ламы нет уже в живых, ты обманом представил его живым и послал к Галдану Джирун-хутухту, которым был назначен день битвы в кочевьях Улан-Будун. Я послал человека, и когда он отправился с целью пригласить Панчен-ламу, ты опять по сговору с Галданом не пустил его из-за опасения, как бы его не убили. И, кроме того, не донёс о сношениях кукунорского Бошогту-джинона с Галданом. Если бы ты подлинно думал о грехах и если бы ты подлинно мог следовать вероучению Цзонхавы, то ты ясно доложил бы обо всех обстоятельствах кончины Далай-ламы. Из уважения к Панчен-ламе ты должен представить его моим людям, посланным за ним. Затем приказываю доставить ко мне Джирун-хутухту и Эбул, дочь Галдан-Бошогту, которую взял в жены сын Бошогту-джинона. Если это исполнишь, я окажу тебе большую милость, а в противном случае, пойду на тебя войной в наказание за твои мошенничества по делу Далай-ламы и за оказание помощи Галдан-Бошогту. Ты говорил моим посланцам про Четырех олётов, что они якобы являются у тебя защитниками веры и покровителями. Как я могу спокойно смотреть на то, что ты призываешь Четырех олётов и просишь их помогать тебе?» Таковой строгий указ издал император.

В тридцать шестом году правления [Канси] (1697) Дэсрид вновь представил ложный доклад о том, что якобы Далай-лама жив, но потом прислал хутухту Нимдана и доложил через него, что Далай-лама отошел в нирвану, а он [Дэсрид] скрывал это из-за опасения волнений, которые могут произойти в Тангуте. В настоящее же время шестому перерождению уже пятнадцать лет, и вот его [Дэсрида] просьба: «Помышляя о массах тангутского народа, не соблаговолите ли вы принять это обстоятельство без замедления». Так он доложил. В виду этого император дал повеление придворному сановнику командировать Буджу с товарищами и поручить им произвести подробное следствие об обстоятельствах кончины Далай-ламы.

Буджу с товарищами прибыли к хунтайджи Цэвэн-Рабдану* и по возвращении доложили императору следующее: «По словам всех олётов западной страны, они

давно уже знали о кончине Далай-ламы. Дэсрид-Санджайджамцо и Цэвэн-Рабдан-хунтайджи с одним тумэном войска и Аюши-хан с тысячным войском собирались выступить против Бошогу. Но Галдан-Бошогу остановил их, приказав не воевать, а затем принудительно собрал всех кукунорских тайджи и указом принудил их дать присягу в верности себе». Когда они об этом доложили, то император снова командировал того же Буджу с товарищами и они, повывав нового далай-ламу, передали осуждение и выговор Дэсриду.

В то время из управления Дэсрида был представлен следующий доклад: «Цэвэн-Рабдан-хунтайджи сам отозвал свои войска. Я — ваш раб и никому ничего не запрещал. Кукунорские тайджи из-за опасения нападения Галдан-Бошогу приносили присягу в том, что они выставят охранные войска. Шестой далай-лама в настоящее время воссел на великий престол созерцания. Благоволите же пощадить жизнь Джирун-хутухте. Я согласен прислать к вам Панчен-ламу. Не соблаговолите ли вы дать за Цаган-Данджина, сына того Бошогу-джинона, дочь Галдана-Бошогу». Когда об этом было доложено императору, он велел послать ему письменный выговор. Вслед за тем Джирун-хутухту доставили в столицу.

Из управления Панчен-эрдэни был представлен доклад, в котором говорилось: «Слышно, что слова [Панчен-ламы] бесстрашны, и он ехать не согласен». Кроме того, доложили: «Просим отнестись снисходительно к тому обстоятельству, что Цаган-Данджин увез во внутренние земли дочь Галдан-Бошогу». Когда было так доложено, то по высочайшему повелению тот был прощен.

После смерти Радна-Далай-хана управление тангутскими делами принял его сын Лицан-хан³⁰⁰. А между тем Дэсрид очень ненавидел Лицан-хана и при этом он в своей ненависти был одного мнения с Цэвэн-Рабдан-хунтайджи. После гибели Галдан-Бошогу и Дэсрид, и Цэвэн-Рабдан из страха перед императором, каждый по отдельности, в заискивающих выражениях обратились к нему с просьбой о помиловании. Однако, внешне почтительны, внутренне они вынашивали коварные замыслы.

Хунтайджи отправил посла в Кукунор и ложно распустил слух, будто намерен напасть на Дэсрида. А императору он доложил: «Дэсрид порушил веру Цзонхавы. Запрещает Панчен-эрдэни ехать в Китай. Он воровским образом возвел на кафедру далай-ламы человека по имени Цанъянджамцо³⁰¹, обманув, таким образом, всех монголов. От этого может подняться смута». Император догадался, что это уловка, и на имя сановников последовал такой указ: «Когда Цэвэн-Рабдан отправится в Тибет из Боро-тала и других районов, то он непременно должен будет проходить через местность Хара-усу. И когда он будет всех вокруг подстрекать, то при его приближении окружающие улусы и аймаки, как-то: Хасаг, Буруд и прочие, питая против него злобу, восстанут против него. Он не сможет пойти в поход, бросив жен и детей. А с малыми войсками и слабыми силами не сможет исполнить намеченного. Так что понаблюдаем, как он впустую разволнует Кукунор и что будет делать». Так гласил указ. После того Цэвэн-Рабдан на самом деле прекратил военные действия.

В эту пору Далай-лама Цанъянджамцо-гэгэн возвратил свои обеты Панчен-эрдэни, принял вид йогачара и стал вести себя неподобающим образом. Лицан-хан не мог с этим смириться и тайным образом доносил императору относительно перерождения. Дэсрид же при помощи хитростей дал яду нескольким чиновникам и

дзайсанам Лицан-хана. Тогда дзайсаны Лицан-хана заболели и пригласили гэгэна Джамьян-Шадпу³⁰². Он дал им посвящение, дал внутрь святой воды и сразу же всех исцелил.

После того однажды Дэсрид приказал гэгэну Джамьян-Шадпе явиться. Гэгэн изволил отправиться. И когда они повстречались, то Дэсрид лицемерно спросил у гэгэна: «Говорят, что некоторые из заболевших у Лицан-хана отравлены, а некоторые, говорят, теперь здоровей прежнего. Про некоторых говорят, что отравились, но, испив святой воды, которая была дана с посвящением тобой, Гоман-ламой³⁰³, сразу выздоровели. Что тут правда?»

На его вопрос гэгэн изволил ответить так: «Я ни о какой болезни не знаю. Вследствие прочтения нескольких молитв, говорят, кому-то стало лучше. Что бы там ни было, мы, простые обыватели, ничего не знаем. Мы только испытываем гнев и разочарование в вас — великих буддах и бодхисаттвах, и должны смирять эти чувства». Дэсрид ничего не сказал в ответ.

После этого на молебствии Монлам в Лхасе Лицан-хан и Дэсрид не поладили, и произошел конфликт. Когда собрались все ламы трех главных лхасских монастырей и стали совещаться, то Дэсрид сказал: «Не лучше ли схватить Лицан-хана?» Тогда Джамьян-Шадпа-гэгэн изволил сказать: «Если идет речь об аресте этого хана, то я в это дело не войду. У него есть братья и родственники, и они нам этого так не оставят». После того чойджон-лама³⁰⁴ сказал, что хорошо бы Лицан-хан жил в Ку-куноре. Согласившись с этим, Лицан-хан решил отправиться в Монголию.

Затем, когда Лицан-хан собрался ехать и, пригласив гэгэна Джамьян-Шадпу, сообщил ему, что уезжает, то гэгэн ответил так: «За тебя молясь Трем драгоценностям³⁰⁵, я останусь, ты же, куда бы не отправился, должен блюсти почтительные помыслы о вере Цзонхавы». Так он ему наказал и изволил пожаловать своего собственного прекрасного каурого скакуна.

Впоследствии однажды Дэсрид приказал Джамьян-Шадпе явиться, [но тот не пришел]. Тогда он послал к нему донира³⁰⁶ и спросил: «Гоман-лама, у тебя, говорят, когда-то был очень хороший каурый конь! Где он сейчас находится?» Гэгэн же ответил: «Своего хорошего каурого коня я подарил Лицан-хану в то время, когда ему надо было ехать в обратный путь». И Дэсрид обратился с просьбой: «В таком случае, если у тебя есть еще кони той же крови, то одного пожалуй мне».

В том же году в течение пяти месяцев Лицан-хан готовился к войне, и когда он стал приближаться к месту, где жил Дэсрид, то созвал совет из правительства и лам трех важнейших лхасских монастырей, а также лам из двух монастырей Джудпа³⁰⁷. Те просили повернуть войска. Хотя ламы и высказались за возвращение войска, Лицан-хан не согласился: «Как бы то ни было, а я с войском пройду до самого Лантана!» Так говоря, он не согласился с ними.

Когда об этом обстоятельстве сообщили Дэсриду, то он сказал: «Ну, раз он пришел с войском, и пусть приходит, наши тибетские войска только и желают, что сразиться». Затем, спустя несколько дней, Лицан-хан опять собрал тех же сановников правительства и лам. И когда они говорили: «Уведи войско», то, сколько ламы ни возражали, Лицан все-таки не согласился, а пошел в поход и перебил четыре сотни из тибетского войска. Тогда ламы завели переговоры между Дэсридом и ха-

ном и порешили на том, что-де пусть Дэсрид оставит свой сан и трон и пусть живет в Гонхар-дзоне, а Лицан-хан пусть заведует и управляет всеми делами правительства. И они, все ламы трех главнейших лхасских монастырей, развернули хадаки³⁰⁸, поднеся их Лицан-хану. Вскоре же Лицан-хан сделал следующее сообщение гэгэну Джамьян-Шадпе: «По той причине, что прежде монахи Мадба-дацана³⁰⁹ монастыря Сэра совершили по отношению ко мне дурные дела, я всех причастных к этому делу перебыю, а дацан их разгоню». Когда он так высказался, то гэгэн ответил ему так: «Называясь милостынедателем желтой веры, не подобает тебе говорить об уничтожении дацана желтой веры. Остановись!» После этого Лицан-хан под видом возвращения назад расположился лагерем в местности Джарбу-Шика.

В ту пору явилась с войском жена Лицан-хана Сэрэндаши, захватила Дэсрида и направилась в местность под названием Тодлун. Об этом прослышали ламы монастыря Брэбун. Они решили выпросить пощаду для Дэсрида и отправились в путь. Следуя вверх по течению реки Джур-Мулун, они стали расспрашивать, где находится [монгольское войско]. «Выше», — ответили им. Они поспешно двинулись по следу. Джамьян-Шадпа быстро поскакал вперед. Но еще до того, как он прибыл, не ища ни брода, ни моста, [монголы] заметили его по видневшейся издали золотой шапке и тотчас же убили Дэсрида. Гэгэн подъехал и стал спрашивать, где находится Дэсрид. Когда ханша стала говорить, что его нет, гэгэн сказал: «Не говори таких слов, сегодня мне во что бы то ни стало надо встретиться с Дэсридом». Когда он так сказал, ханша ответила: «Мы его уже убили. Гэгэну нечего сердиться. Примите угощение и поезжайте себе обратно». Гэгэн страшно разгневался и сказал: «Вы настоящие черти! Если уж решили убить Дэсрида, могли бы прежде сообщить об этом мне!» И проговорив так, он тотчас же поехал назад.

Лицан-хан сделал доклад на высочайшее имя об убийстве Дэсрида. По этому случаю император издал указ, в котором говорилось, что он, возведя Лицан-хана в звание «Добрый хан, пекущийся о вере», повелевает: «Доставить сюда Далай-ламу Цанъянджамцо, возведенного Дэсридом!» Узнав о таком указе, Лицан-хан, хотя внутренне и обрадовался, на словах стал говорить, что не пошлет ламу Цанъянджамцо в Китай, о чем и представил на высочайшее имя доклад. После этого от императора явился сановник по имени Бадма-бичэчи, чтобы пригласить Далай-ламу Цанъянджамцо. В ту пору собрались все тибетские старейшины и стали совещаться, причем некоторые высказывались за отправку, а другие против, и никак не могли придти ни к какому соглашению. Тогда гэгэн Джамьян-Шадпа высказался так: «Император является перерождением Манджушри, а гэгэн — Хоншим-бодхисаттвы. Так пусть же эти двое сами и ведают, как им быть. Мы их дел ведать не можем!» Когда он так высказался, то стали готовиться ехать.

17-го числа 5-й луны сорок пятого года правления Энхэ-Амугулана (1706) они вышли в направлении [Китая]. Все и вся в большом горе и ропоте стали волноваться, и вот вдруг перед глазами гэгэна пронесся по воздуху длинный белый хадак, он поднялся к небу и летел долгое время, как бы поднимаемый ветром. И вот как раз над самым желтым храмом он стал спускаться с неба на землю, а далее люди разное говорят. Одни говорят, что он упал над горой Потала, а другие сказывают, что упал он на лхасский Джилхорлин³¹⁰ — разное говорят. После этого, когда гэгэн

остановился в местности, именуемой Данбаг, где был устроен привал, к нему отправились решительно все монахи монастыря Брэбун и встали на его защиту, не щадя своей жизни. Тогда монгольские войска силою забрали гэгэна и поместили его во дворец Галдан-Побран монастыря Брэбуна.

Тогда явился брэбунский чойджон и, в присутствии гэгэна и многотысячных монахов, поклявшись, заявил так: «Если только сей лама не является перерождением Пятого далай-ламы, то пусть дьявол размозжит мне голову!» В это время с небес прямо над чойджином взошла пятицветная двухконечная радуга, и решительно все люди видели, как один ее конец потянулся над дворцом, где жил гэгэн, а другой ее конец уходил в Нэйчун-джанцан³¹. Тогда Наванбалгун-габджу, Рарик, Шабрун и другие сказали: «Мы пойдем воевать против войска этого Лицан-хана».

Тогда Далай-лама-гэгэн Цанъянджамцо сказал: «О, друзья мои! Умереть ли мне сейчас, быть ли живу — мне не будет вреда. Не надо из-за меня подымать борьбу. Мы, ламы и шабинеры, в скором времени встретимся». И, сказав так, он не дал своего согласия и отправился далее. По дороге же он занемог, и по мере того как болезнь все более и более усиливалась, гэгэн беспрестанно повторял: «Вот и пришли ко мне на встречу небесные девы». Так он изволил вещать. В дальнейшем, когда он остановился на ночлег, подъехав к Кукунору, его пришел встретить нойон Чин-багатур и спросил: «Соизволит гэгэн завтра по-прежнему шествовать далее?» Когда он так спросил, то гэгэн ответил «Ныне из этой местности вам придется уносить только мой прах, ибо я не могу больше идти. В моем будущем перерождении я не замедлю обрести рождение человека доброй судьбы, а посему, не расточая моих бранных останков, верните их назад!»

Затем он в течение нескольких суток совершал созерцание, после чего стал торопиться к отбытию в нирвану. Тогда его шабинеры сказали: «Не могли бы вы ради живых тварей помедлить с отшествием, если же приблизилось время отшествия, то не пожелаете ли вы удовлетворить желание всех одушевленных тварей и явиться, переродившись еще раз?» Когда они ему так сказали, то лама изволил ответить так: «В многословии при смерти мало нужды. Размышляйте о порядке пришествия, которое обычно совершается в соответствии с предыдущими случаями. Да будет так». И с этими словами он отошел в нирвану, все время каждого из присутствующих благословляя молитвой «Мани».

Затем его святые останки были доставлены в город Силин, и когда над ним совершали погребальный плач, то они сделались величиной с локоть и, видя это, все маньчжурские и монгольские нойоны удивились. Затем в различное время все решительно видели, как многократно появлялись, разноцветные радуги, и даже с востока взошло большое, длинное, белое облако и от Силина прошло на юго-запад.

После этого Лицан-хан, полагая, что Далай-лама Цанъянджамцо не являлся истинным перерождением, нарек далай-ламой одного хорошего ламу по имени Бадгар-джинба Ишиджамцо в возрасте двадцати двух лет, на три года младше Цанъянджамцо, и возвел его на кафедру в сорок шестом году правления императора Энгэ-Амугулана (1707).

Когда совершилось возведение на кафедру этого Далай-ламы, то многие кукурские тайджи стали оспаривать это, говоря, что тут нельзя отличить правду от лжи.

От императорского двора был командирован чиновник, которого отправили с целью расследовать дело. Вот что объяснил тому сановнику Лицан-хан: «Этого ламу возвели на великий престол созерцания, согласно указаниям святителя Панчен-эрдэни».

В сорок девятом году правления (1710) из управ Панчен-эрдэни и Лицан-хана был подан доклад: «Далай-лама Ишиджамцо утвержден в духовном звании. Все кукунорские тайджи выразили доверие. В виду этого просим о вручении ему печати при императорской грамоте». Согласно последовавшему указу, он был наречен Далай-ламой шестого перерождения по имени Агван-Ишиджамцо.

Затем, после того как отошел в нирвану Цаньянджамцо, ровно три года спустя, в местности Литан у одного человека, по имени Сономдорджи, который раньше был монахом в Брэбунском монастыре, а потом перешел в светское состояние, от жены по имени Чойджова родился мальчик. Вот он был каков: на правом плече у него было изображение лотоса, полость левого уха имела вид молитвенной раковины. На ладони правой руки он имел признаки священного колеса. На запястье рук были особые приметы. И седалищные части имели изображение, как будто бы отпечаток барсовой шкуры. Он совершенно превосходил вид всякого младенца. А в ту пору, когда он был во чреве матери, равно как и в ту пору когда он родился, матери его являлись всякие дивные знамения. И вот все предсказатели и мудрецы единогласно высказались за то, что это и есть настоящее перерождение Далай-ламы. И молва об этом разнеслась повсюду. Когда же он родился, то на седьмые сутки явился лама Энэгчи-Мэргэн и изволил сказать: «Теперь немедленно читайте молитву о благом времени, а мальчика назовите именем Галсанджамцо».

Об этой великой славе прослышали кукунорские тайджи Чинван-багатур, Галдан-джинон, Эрдэни-джинон, Мангал-Гомбо и прочие и возрадовались. Они один за другим отбыли на поклонение в литанскую землю. Старейшины их давали им такой наказ: «Смотрите вы, не рассеивайте славы этого хубилгана Далай-ламы, а любовно, сердечно и тщательно его оберегайте». И вот, когда в Тибете прослышали об этой великой славе, то Лицан-хан послал в литанскую землю Норбу-Ойдуба, нойона Уйдзэн-бичэчи, Дайчин-Даву и прочих с тем, чтобы им показали того мальчика. Они отправились и стали просить Сономдорджи показать им своего сына. Но тот из боязни и недоверия не показал. Тогда сойбун-лама³¹² литанского настоятеля сказал ему: «Ты, Сономдорджи, покажи своего сына послам Лицан-хана. Я советую». Тут вдруг маленький хубилган и говорит: «Я приму их!» Так произошла встреча.

Послы задали малютке-перерождению много вопросов, рассмотрели его и под конец спросили у отца с матерью: «Что говорят про этого мальчика — чье именно он перерождение?» Когда они так спросили, то отец его и говорит: «Все люди говорят, что именно он является перерождением Далай-ламы Цаньянджамцо, духовного покровителя Литанского скита». На эти слова Ойдуб-нойон сказал: «Так как Далай-ламу Цаньянджамцо считали не далай-ламой, то и от его перерождения не будет ни пользы, ни вреда, и время его будет ограничено. Потому мы намерены возвратиться домой». И с этими словами они уехали.

В дальнейшем, когда мальчику было семь лет, от Лицан-хана снова было отправлено посольство. Местные люди — и стар и мал перепугались и отправили гэгэна на юг, в местность Дэргэ³¹³. Когда гэгэн стал подъезжать к той местности, то

со всех сторон стали являться люди — и старые и малые — и со словами: «Далай-лама», — выражать чувства благоговения. Священные подношения были такими великими, словно озеро летом. Гэгэн же, повстречавшись со знакомыми людьми, изволил рассказывать относительно своего прежнего перерождения, своей прежней смерти и прочих обстоятельствах, вспоминал одно обстоятельство за другим с полной ясностью и довел сердца всех до благоговения³¹⁴.

Затем он остановился в доме Сойбуна амдоской страны и в доме кукунорского Чинван-багатур-тайджи и сказал: «На дороге народ болтает, что кукунорские тайджи хотят пригласить из страны Дэргэ Далай-ламу Галсанджамцо. Напротив того, в самом Кукуноре все тихо. Что это значит?» Когда он так сказал, Чинван-батур, услышав это, очень обрадовался и говорит: «Что за дивное и знаменательное слово», — и с этими словами он взмахнул хадаком. Заиграли белые трубы и стали совершать жертвоприношение сан³¹⁵.

Вслед затем кукунорские старейшины собрались на съезд, после чего выбранные ими люди отправились в местность Дэргэ и поклонились Далай-ламе. Когда эти старейшины представились и поклонились его святейшему Далай-ламе, и когда он во всех подробностях рассказал им о своих прежних перерождениях и своих милостивых деяниях, то те нойоны, безгранично обрадовались и с благоговейными чувствами вернулись домой. В дальнейшем все кукунорцы, и стар и мал, стали часто ездить в местность Дэргэ и приглашать к себе в Кукунор из дэргэской земли Далай-ламу Галсанджамцо. Как в монгольских, так и в амдоских, кукунорских монастырях все ламы иначе и не думали о гэгэне, как о подлинном перерождении Хоншим-бодхисаттвы. И они пребывали, проводя время в том, что всегда выказывали этому гэгэну чувства благоговения.

На пятьдесят пятом году правления императора Энхэ-Амугулана (1716) все кукунорские старейшины, сговорившись друг с другом, и представив соответствующий доклад на высочайшее имя, поселили Далай-ламу Галсанджамцо в монастыре Гумбум. В ту пору людей — и старых и малых — кто благоговейно чтит гэгэна и подносил ему дары, стало чрезвычайно много. И монастырь Гумбум засиял, словно далай-ламская Потала. В ту пору все кукунорские тайджи, а также джунгарский хунтайджи Цэвэн-Рабдан и другие, находясь в ссоре с Лицан-ханом, подали на имя императора доклад о том, что Лицан-хан обманным путем объявил далай-ламой Ишиджамцо и получил печать. Они стали ездить туда-сюда, и случились всякие волнения.

За несколько лет до этого хунтайджи Цэвэн-Рабдан, замыслив причинить зло Лицан-хану, сделал вот что: он поручил одному важному шаби гэгэна Джэбдзундамбы: «Ты переговори относительно сватовства моей дочери, я хочу ее выдать замуж за Галдандандзана, сына Лицан-хана». Тот лама стал ездить ко всем туда-сюда, и провел сватовство. Таким образом, сын Лицан-хана Галдандандзан женился на дочери хунтайджи. В скором времени после этого, забеременев, супруга Галдандандзана приехала в гости к своей родне. Тогда хунтайджи объявил о том, что он не отпустит обратно свою дочь. Галдандандзан прибыл в дом хунтайджи. А этот Галдандандзан был очень опытным человеком в делах заклинания и проклятий. Хунтайджи внезапно схватил своего зятя и сжег его между двух котлов.

Вслед затем хунтайджи снарядил шеститысячный отряд и послал в Тибет своих дзайсанов: большого Цэвэн-Дондуба, Тобчи и Дугара. Послав этот отряд, он ложно распространил сведения о том, будто он провожает обратно в Тибет своего зятя Галдандандзана вместе с женой. Лицан-хан пребывал в полном неведении и тогда только сообразил в чем дело, когда тот отряд стал приближаться к местности, называемой Дам. Но так как он был не в силах с ними вступить в бой, то, захватив с собою двух сыновей — Сурчина и Шабдана, отправился в Поталу и послал на высочайшее имя доклад с просьбой о присылке вспомогательного войска. А те джунгарские войска, обманув хитростью Габалуна, Шагдарджаба, Тангут-тайджи, Намджила и других, побудили их открыть ворота Поталы, ворвались туда, схватили Лицан-хана и убили его. Они также захватили в плен обоих его сыновей — Сурчина и Шабдана вместе с их дзайсанами. А Далай-ламу Ишидjamцo заставили укрыться в центральном храме.

Затем они разрушили монастыри красношапочников, а также монастыри, именуемые Намджилин, Дорджибарга и Мицдолин, и вознесли желтую веру на большую высоту. А эти джунгарские начальники действительно были почитателями желтой веры и утверждали, что они являются милостынедателями именно учения святителя Богдо-Цзонхавы.

Когда этот отряд появился в Тибете, то он навел страх на старых и на малых во всей тибетской стране. Он властвовал над тангутами. Утверждали они, что будто бы тщательно исполняют и ни на йоту не отступают от обетов, поучений и прочих обрядностей. Но причиняли изрядные муки. А в особенности жесток был Дугар. Тибетских чойджонов он приводил в трепет. «Ох, эти белые черти убьют меня», — говорил он. Потом, когда на обратном пути он подъехал к Хара-усу, вдруг появился один верховой человек, созданный чудесной силой брэбунского чойджона. Пущенная им стрела насквозь пронзила Дугара. Затем, не будучи в состоянии вытащить из себя стрелу, он повернул назад и, проехав три дня, добрался до статуи Будды и стал устраивать многочисленные молебствия. Но как только он извлек из себя стрелу, то сразу же скончался.

В дальнейшем в Тибет прибыло несколько отрядов маньчжуро-монгольского войска зеленого знамени под командой великого джанджуна Дзунтана и императорских сыновей и племянников. И это войско разбило джунгарский отряд в местности, называемой Бухэй-гол и Чино-гол. И после этого джунгаров успокоили и водворили мир и тишину.

Затем они освободили Далай-ламу Ишидjamцo оттуда, где он был заточен. По той причине, что кукунорские тайджи, а также и весь простой народ почитали Далай-ламу Галсанджамцо, они многократно представляли императору доклады об этом. Да и сам император, внимая постоянным просьбам своих сановников, очень возблаговел к нему. И вот по высочайшему указу была пожалована этому далай-ламе печать и титул Шестого далай-ламы. Затем на пятьдесят девятом году правления (1720) возвели Далай-ламу на великий престол, доставив его в Тибет под охраной военных отрядов кукунорских правителей вместе с алашаньскими и халхаскими войсками под командой семнадцатого сына императора. По императорскому указу, прежде возведенного в далай-ламы Ишидjamцo поселили в Нанькоу и называли его нанькоуским Далай-ламой.

Таким образом, этот великий император Шэнцзу-Урушиелту, сделавшись украшением веры и живых существ, царствовал шестьдесят один год. В году черного зайца двенадцатого шестидесятилетия (1723) на престол взошел Шицзун-Тулубту-Хуанди. А годам правления дали наименование Найралту-Туб³¹⁶. В первом году правления Найралту-Туба издали указ и наградили Далай-ламу Галсанджамцо печатью с надписью такой же, как и у Пятого далай-ламы. И вручив подлинный указ, повелели ведать делами в качестве правителя.

Во втором году правления Найралту-Туба (1724) кукунорский Чинван-тайджи замыслил измену и, задумав совершить нападение на внутренние провинции, снарядил войско и расположился в окрестностях города Силина за китайской границей. Когда об этом обстоятельстве было доложено императору, то, согласно его повелением, на место прибыли войска во главе с двумя великими сайдами Гун-Джин-Юа и Гун-Юа-Рунчи. Они разбили войско Тайджи-вана и когда стали производить следствие, то среди солдат того Тайджи-вана оказалось некоторое количество монастырских шабинаров во главе с Сэцэн-рабджамбой из монастыря Алтан-хийд. После того, как произвели допрос, и когда те два сановника рассмотрели обстоятельства дела, то стало совершенно ясно, что хувараки той местности вошли в заговор со своими светскими господами и учинили измену. Потому решили, что будет вполне законно разрушить местный монастырь и предать смерти хуварак. Подошли с войсками к монастырю Алтан-хийд. Созвав всех монахов, во главе с гэгэном Дэба-Чойбсаном, в числе семисот с лишним человек, приказали войскам окружить монастырь и поджечь. Таким образом, сожгли всех хуварак. Они перебили великое множество хуварак, разрушив множество монастырей и больших и малых, и причастных к измене и не причастных, как-то: три великих монастыря в местности Сэбу-Хува, Гунлун-хийд и другие. Говорят, в ту войну сожгли тринадцать полных собраний одного только Ганджура.

Те войска, подойдя вплотную к монастырю Гумбум, расположились лагерем на южном склоне, находящихся к югу гор. Из канцелярии тех сановников отправили человека и послали его с тем, чтобы он осмотрел Гумбум и произвел тщательную разведку. Тот человек после осмотра доложил вот что: «На северо-западной стороне находится холм под названием Улаган-хутул. Так как он представляет собою местность, похожую на то, что по ней текла кровь, то если великая армия, произведя нападение через этот холм, даст бой, то осилит неприятеля». Когда он так сказал, то войска заночевали.

В ту пору в монастыре Гумбум приспело время проводить древнюю службу догшита³¹⁷. Потому в полночь стали бить в великий барабан в знак созыва собрания. Тогда ночевавшие поблизости войска, услышав звук барабана, ошибочно приняли барабан монастырский за барабан войсковой и немедленно двинулись ночью в поход. Они ворвались через юго-восточный холм и стали разрушать окраины. В это время вдруг поднялся страшный ветер, и тогда некоторые из солдат стали падать во рвы. Появились знамения — стал пылать огонь из пасти дракона, находившегося на крыше золотого храма. Тогда эти два джанджуна, придя к мысли о невозможности [победы], остановили битву. В том сражении было много подвергшихся нападению шабинаров, а между тем сам Тайджи-ван, учинивший смуту, бежал на

сторону Джунгарии. Затем эти два джанджуна, призвав гумбумского Сари-гэгэна, увезли его в город Силин и крепко наказали ему придерживаться законов и постановлений. Затем, набрав немногочисленных шабинаров, отдали их Сари-гэгэну.

В ту пору Джанджа Агванчойдан уже скончался, и хотя Ролбидорджи-гэгэн³¹⁸ прибыл в монастырь Гунлун-хийд, но время было таково, что императору не доложили.

До этого, в ту пору, когда Шицзун-Толубту-Хуанди еще не взошел на трон, он принял от Джанджа-гэгэна духовное посвящение, а впоследствии, когда он изволил вступить на императорский престол, то он поднес гэгэну в качестве подарка красивый престол, произнося при этом благопожелание. А впоследствии, когда он пребывал на престоле, в последний момент перед отправкой войска, император вдруг вспомнил и сказал: «Как бы мои войска не убили моего ламу, они ведь не знают, что мой лама родился в амдоской стране». Он очень страдал душой и послал Пу-хиа³¹⁹ наказать двум джанджунам: «Так как в этой стране пребывает мой лама Джанджа-хутухта-хубилган, то доставьте его в город Пекин в полной неприкосновенности». Гласившее так золотое послание в пять суток прибыло в город Силин. Выслушав указ, те два джанджуна отдали своим войскам приказ, гласивший о том, что не должно убивать никого ниже пятнадцатилетнего возраста.

Перерождение же Джанджа-Ролбидорджи-гэгэн, убегая от той опасности с несколькими шабинарами, укрылся в одной очень скалистой горе, под названием Дзуйлэн, приблизительно в двух сутках пути от монастыря Гунлун и находился в местности, в которой ни днем, ни ночью ничего нельзя было разобрать. Те два джанджуна стали разузнавать, где же именно находится перерождение Джанджа-гэгэна, и так как никто его не видел, то люди ничего не могли сказать. Затем они произвели многочисленные расспросы и получили сведения о том, будто бы он находится на горе, называемой Дзуйлэн. Тогда они пригрозили людям из монастыря Чортэн, которые что-то знали, чтобы они обязательно разыскали перерождение Джанджа-гэгэна в ближайших аймаках окружающей местности и доставили его, и что в случае, если они не доставят его, на них пойдет великое войско и всех их полностью уничтожит. Те перепугались и не знали, что делать. Они говорили: «Как скрывали, так и будем скрывать». Однако вскоре сделалось невозможным скрывать, так как про это узнали уже люди — сначала один, затем два и так далее. Тогда один из приближенных шабинаров Джанджа-гэгэна отправился, чтобы доставить своего гэгэна. Гэгэн же стал говорить, что не стоит подобным образом опасаться. Шабинары подумали, что это неразумно.

Еще до прибытия этого известия в предшествующую ночь гэгэн видел такой сон: будто был к нему голос какого-то человека: «Завтра явится человек, чтобы пригласить вас. Вы отправляйтесь без промедления». Когда он рассказал об этом своим шабинарам, то шабинец по имени Джамба-Гурумба сказал: «Если следовать вашему сну, то нам придется идти и сложить свои головы». Такие он сказал устрашающие слова. Тотчас же гэгэн взошел на одну скалу и, всмотревшись, сказал: «Кажется, подъезжает какой-то человек?» Один из его шабинаров сказал: «Издали подъезжает несколько всадников». Услыхав это, Джамба-Гурумба сказал: «Вот и явились те, кто заберет наши головы, когда мы поступим согласно вашему сну». И

с воплем он упал и стал бить себя в грудь. А гэгэн говорит: «Ох, не рыдай! По виду это хуварак из нашего улуса». Несмотря на его слова, тот, не доверяя ему, скорбел. Вскоре же подъехали те люди и вот что стали говорить: «Так как два джанджуна велят нам доставить гэгэна, а если не доставим, грозят всех перебить, то мы находимся в безвыходном положении и пришли, чтобы забрать гэгэна». Говоря так, они присоединились к общей скорби.

На это гэгэн изволил сказать: «Если мы поедем, то будет хорошо; во всяком случае, вред может приключиться только для моей жизни, и потому никому не будет беды, и не причинится никакого вреда ни духовенству монастыря Чортэн, не будет также никакого ущерба и всем нам. Я еду». Те шабинары были очень опечалены и, ни слова не говоря, проливали слезы. После того отправились в путь и вышли на дорогу к монастырю Гунлун. Перед дворцом Джанджа-гэгэна раскинули много различных палаток, и хороших и плохих. Там пробыли два-три дня и стали собираться ехать в местность расположения войск. Тогда чагагджужский Баян-нансу сказал: «Ах, гэгэн поневоле согласен отправиться к великому войску, и если не найдется охотника из шабинаров добровольно сопровождать гэгэна, ступай ты». Так сказал он и указал при этом на одного старика. А тот ответил: «Я — человек преклонного возраста, и у меня нет сил на другую работу, кроме как охранять алтарь верховного ламы да его оставшиеся вещи». Тогда Арджи-цорджи сказал: «Я буду сопровождать своего гэгэна и не покину его ни при каких обстоятельствах. Ведь не случится ничего иного, кроме того, что умру или благополучно возвращусь». Затем выступили с предложением сопровождать его еще девять шабинаров, и тогда он отправился с десятью шабинарами.

Они приблизились к месту стоянки войск и расположились в особом большом шатре, поставленном для них, и доложили о своем прибытии для представления перерождения Джанджа-гэгэна. Тогда прочих шабинаров оставили во дворе, а двоих — гэгэна и Арджи-цорджи повели вовнутрь. В самой середине, на большом троне, покрытом шкурою тигра, сидел весьма грозного вида великий джанджун, а по правую и левую сторону от него, стояли великие нойоны и множество людей с оружием и мечами в руках. И они испустили грозный крик с видом, уподоблявшим их Эрлик-хану³²⁰.

Когда гэгэн, преклонив колени, пал ниц, то великий джанджун высоким голосом спросил: «А, так ты действительно перерождение Джанджа-хутухты?» [Гэгэн] ответил: «По словам мудрых и высших, это я». — «Раз так, то по какой же причине ты изменил великому императору, между тем как ты был взыскан милостями великого императора Хуанди-гэгэна?» — «Может ли разумный человек произносить слова о том, что я, восьмилетний отрок, был изменником по отношению к императору?» Когда он так доложил, то джанджун, посмотрев в обе стороны, улыбнулся и снова задал вопрос: «Если ты действительно не был изменником, то зачем же ты не жил в своем кочевье, а бежал и жил в непроходимой тайге?» На такие его грозные речи гэгэн ответил: «Я бежал потому, что испугался разговоров людей о том, что приближается великий джанджун, убивающий людей, и еще потому, что нет человека, который не жалел бы своей жизни». Когда он так сказал, то все громко рассмеялись.

Гэгэн же без малейшего страха и робости не обращал на это никакого внимания. Так как слова джанджуна не подействовали, то [тот] немного смутился и сделал знак какому-то человеку, который громким голосом закричал: «Выходите вон». Затем оба, и гэгэн и шаби, вышли и увиделись с прочими своими шабинарами. Все шабинары пребывали в общем плаче и очень обрадовались, увидев гэгэна. Они вернулись и расположились в своем шатре. В это время прибыл посыльный от джанджуна и передал вот что: «Завтра великий джанджун отбывает вместе с войском и направляется в город Силин, и поэтому вам необходимо отправиться вместе с нами. Вас возьмет с собой с небольшим отрядом один малый нойон, который должен будет сменять подводы и тому подобное. Вы останавливайтесь, где остановимся мы, независимо от того, прибудете раньше или позже».

На другой день выступили вместе. Гэгэну подали верховую лошадь. В последующие дни, когда изредка появлялось несколько лошадей, и шабинары ехали на них, солдаты отнимали у них лошадей — те должны были идти пешком, вэвалив на себя свои седла. Из походной кухни каждый день отпускали продовольствие, но по сравнению с дорожной потребностью, приходилось совсем мало, а потому продвигались до самого Силина, сильно бедствуя. Шабинары все время с горечью говорили: «Нынче живы, а завтра не знаем, что будет». Так доехали до Силина и расположились там. Когда прибыли в Силин, то тот джанджун тотчас же приказал явиться гэгэну и объявил ему золотую грамоту императора. Когда ее выслушали, только тогда душа успокоилась. После того и тот нойон стал чрезвычайно почтителен, и всякого продовольствия стало вволю, и сильно увеличилось число шабинаров в свите гэгэна. На поклонение пришел даже Баян-нансу.

Таким образом, когда гэгэн приехал в город Пекин и когда представился великому императору, то император был очень с ним любезен и сильно радовался. Вспоминая о гэгэне, он плакал и отдал такое повеление тем двум джанджунам: «Не так мне было радостно то, что вы, два джанджуна, возвратились, умиротворив границы, приведя в подданство кукунорских монголов и покончив с разбойниками, как радостно в высшей степени было для меня то, что вы, сыскав, доставили моего хубилгана ламу и дали мне случай с ним свидеться». Затем, по милости гэгэна, выпустили всех находившихся в ту пору в тюрьмах аратов, за исключением тринадцати амдоских чиновников. Точно так же отдали приказ починить и восстановить монастыри Алтан-хийд, Гунлун и прочие.

В третьем году правления (1725) на имя Далай-ламы последовал такой указ: «В прежнее время в ту пору, когда великая армия подавляла беспорядки в Тибете, то оказали особые услуги четыре человека, а именно: Канджинай, Арбуба, Лунпунай и Полонай, и за эти их отличия первые двое, то есть Канджинай и Арбуба, награждены титулом бэйсэ, Лунпунай — титулом гун, а Полонаю дан титул тайджи первой степени, и, кроме того, все назначены светскими правителями-калонами³²¹ с поручением решать тибетские дела. Впоследствии бэйсэ Канджинай, стремясь к заслугам, все время смотрел с неприязнью на прочих калонов и, в конце концов, возникла борьба, и Арбуба и Лунпунай убили Канджинай. Тогда Полонай-тайджи, испросив и взяв войско Цзана и Литана, прибыл. И когда между ними произошел бой, то число убитых с обеих сторон превысило тысячу человек.

Когда об этом стало известно императору, то был призван сановник Дзаланга с отрядом войска свыше пятнадцати тысяч человек. Этот отряд спешно продвигался к Тибету, но Полонай тоже подготовил девятитысячный отряд. Разбив войска Арбубы и Лунпуная, он захватил их сторонников и выступил с войском для защиты Далай-ламы. И, повстречавшись с сановником Мала, проживавшим в Лхасе, схватил его. Затем Дзаланга прибыл на место со своим войском. Перебил сторонников Арбубая и Лунпуная вместе с женами и детьми их и разместил в Тибете на караульную службу двухтысячный отряд. А Полонай был награжден титулом бэйсэ за исключительное усердие.

В шестом году (1728) указом Далай-ламу на некоторое время поселили в стране Кхам. Выступив с отрядом в пятьсот человек в землю Кхам, Полонай оставил [отряд] там для охраны. В дальнейшем бэйсэ Полонай также проявил усердие в деле против поднявших бунт бутанцев и, когда он подавил и привел их в покорность, то по указу получил благодарность и был возведен в степень бэйлэ.

Затем по указу от тринадцатого года правления (1735) было повелено Джанджа-гэгэну проводить в Тибет Далай-ламу Галсанджамцо. Согласно этого указа, изволили отправиться в путь вместе с Далай-ламой следующие особы: во главе всех Джанджа-богдо и от великого императора Ака-Хашин-чинван и Хошой-амбань³²² с шестью адъютантами и с золотой грамотой. Все они прибыли в Тибет.

В ту пору лама дацана Гоман по имени Чойдог занимал должность настоятеля. Этот лама был очень сведущ в Чойре³²³, в особенности же он был силен по части Намрилов, то есть комментариев. Гоманский лама подумал: «Этот Джанджа-Ролбидорджи-гэгэн с малолетства проживает в Пекине. Поэтому какие у гэгэна могут быть знания? Одно пустое щегольство красивым облачением». И он сказал: «Говорят, изволят подъезжать Джанджа-гэгэн, сопровождающий Далай-ламу, и я должен его встретить как ламу, прибывшего по императорскому указу. В противном случае мне не подобало бы встречать его». С такими мыслями он отправился.

Когда в местности Уд встретились все ламы трех главных лхасских монастырей, пили чай и беседовали, то Джанджа-гэгэн спросил у гоманского ламы: «А как школа гоманского дацана? Очень сильна и хороша? Какие из Пяти разделов вы предпочитаете?» Когда он так спросил, гоманский лама подумал про себя: «Хе, он спрашивает подобные вещи, будучи совершенно не осведомлен в высших богословских науках Чойра, никчемное это дело». И подумав так, он ответил: «Все хороши, все сильны». Тогда гэгэн сказал: «О, хорошо, хорошо, обычно говорят, что из Пяти разделов очень труден для усвоения отдел Намрил, я ведь спрашивал вас, полагая, что вы отличный знаток в области Намрила. Вот, ввиду этого, не могу ли я изложить вам некоторые сомнения в области этого отдела?» Когда он так сказал, гоманский лама ответил: «Хотя отдел Намрил чрезвычайно труден, но если вы хотите спросить, то я не замедлю дать ответ».

Гэгэн стал задавать ему вопросы, а лама быстро давать ответы. Затем, все более и более увлекаясь, гэгэн три, четыре раза поставил ламу в тупик. И под конец лама вовсе перестал давать правильные ответы. И когда он так запутался, то все стали смеяться, а присутствовавшие ламы многократно отпускать колкости по случаю того, что Гоман-лама попал впросак. У ламы сильно покраснелось лицо, выс-

тупил пот, он очень смутился и вскачь вернулся в монастырь Брзбун. Там же в это время собирались созвать Чойр. Лама же, тотчас отправившись в Чойр, так спешил, что сел в сапогах³²⁴. На этом хурале он сказал: «С востока приближается гэбши³²⁵ с синим лицом. А так как он раньше не учился в школе Чойра, то я и не подумал, что он в такой степени знает учение Чойра. Но, похоже, его познания выросли изнутри из него самого. Я никогда до сего времени не испытывал подобного смущения в снежной тибетской стране. Поневоле пришлось разинуть рот перед этим молоденьким монахом. При встрече с великим гэбши, когда будете ему поклоняться, вам надлежит быть в полной готовности и осторожности».

И когда Гоман-лама и другие гэбши совершали поклонение гэгэну и сподобились прослушать поучение о «Дэнбрил-Додба»³²⁶, то все были поражены и по всем странам разнесли молву о его необычайной мудрости. Гэгэн же, с верою опираясь на Далай-ламу Галсанджамцо и Агванчогдан-гэгэна, в полной мере воспринял глубокие наставления в мистическом учении. По повелению императора Далай-ламу-гэгэна вместе с гэгэном проводили в Дзу, и все в полном здравии и благополучии стали жить в тибетской стране, наслаждаясь дивным спокойствием.

Таким-то образом спокойно и справедливо, учреждая порядок в делах, духовных и светских, император опочил, процарствовав тринадцать лет, в году красного зайца двенадцатого шестидесятилетия (1687)*. После царствования императора Шицзуна на императорский престол взошел Гаоцзун в 1736 г.³²⁷ Название годов его правления — Тэнгэрийн-Тэтгэсэн.

В ту пору, как на престоле пребывал император Тэнгэрийн-Тэтгэсэн, скончался хунтайджи³²⁸, и ему наследовал в Джунгарском ханстве сын его Галдан-Цэрэн³²⁹. К трем ранее существовавшим дацанам он прибавил еще два дацана Чойра и Джудпа, и всего стало три дацана Чойра. Кроме того, он повелел, чтобы пятьсот малолетних ребят приняли обет и посвящение от ламы Галдан-Иши из провинции Цзан и включил их в свои дацаны. Для каждого послушника он поставил две юрты и дал по три прислужника и по две лошади. Дал для разведения стад по два верблюда, по шесть кобыл, одному жеребцу и сотне овец. И выделил для потребностей храма шерсти и сукна. Таким образом, в своем почитании монашествующих хан был подобен ранее бывшему в Тибете хану по имени Ралпачан³³⁰. Этот хан Галдан-Цэрэн, подобным образом почитая драгоценное вероучение, царствовал около двадцати лет. И после его кончины ему преемствовали в ханском достоинстве один за другим потомки его Цэвэн-Намджил-Дорджи и Ламдаран-Даващи. Они действовали не вполне праведно и уменьшили дела добродетели.

В четвертом году правления императора Гаоцзуна (1739), когда подняли войну три хана Непала, против них послали Мэйрэна-дзанги-бэйлэ Полоная, находившегося в Лхасе. Он подавил восстание. Когда об этой его заслуге был представлен доклад, то по высочайшему указу Полоная пожаловали степенью вана. Хотя по некоторым документам ван Полоная предстает удивительно хорошим нойоном, по другим он предстает благорасположенным к желтой вере только внешне, так как был на самом деле дурным человеком. Он делал пожертвования на служение вели-

* Дата неверна.

кого лхасского Монлама по тому примеру, как это делалось при жизни Цзонхавы. А также поистине изумительны были его добродетельные дела в отношении выполнения ксилографических досок для Ганджура, равно как и другие его буддийские добродетели.

В одиннадцатом году правления (1746) на имя Полоная последовал высочайший указ: «Цзюнь-ван Полонай, ты проявил в высокой степени служебное рвение, тщательно заботясь о честных и справедливых поступках даже в самых обыкновенных обстоятельствах. То, что ты поступал ревностно во всяких делах и был решителен, достойно великой похвалы. В благодарность за это ты можешь представить доклад, избрав одного из своих сыновей для наследования почетного звания вана». В то время у Полоная было двое сыновей — старший Джурмид-Цэдэн и младший Джурмид-Намджал. По той причине, что старший из них был несовременных взглядов, то доклад был представлен относительно младшего сына Джурмид-Намджала. «Старший сын человек мягкий, кроме того, выделился из дому, а младший сын напротив того, крепок и способен принять управление». Так он доложил.

В ту пору ван Полонай возгордился, и добродетели его стали уменьшаться. Вследствие своей привычки думать, что никто кроме него ничего не знает, он неоднократно оказывал сопротивление даже самому гэгэну Далай-ламе. Он угнетал и поносил самых преданных Далай-ламе людей и много раз вершил незаконные дела. Он плохим людям делал дары. Для того чтобы унижить прекрасных учеников гэгэна Сойбун-ламу Дагба-Данджи и секретаря по имени Санджи, он своему красношапочному ламе по имени Адагпа дал такое поручение: «Неприменно пришлите ко мне человека по имени Лхалун-Джимба. С его помощью нарисуйте мое имя в виде заклинаний-знаков. Это мне очень нужно». Тогда лама нарисовал знак, оплел его змеей, будто та змея впиалась в шею того знака, написал там имя Полоная и прислал рисунок ему. Полонай подсунил этот рисунок в одном месте под грудой разных вещей. Затем он поймал и привел к себе одного человека, который пас лошадей секретаря Санджи поблизости своего дома и, проявляя к нему то ласку, то угрозы, велел ему сказать вот что: «Мне приказал секретарь Санджи набрать и принести во время пастьбы коня полонаевской мочи и кала, а сам он, употребив в дело тот кал с мочей, совершит обряд проклятья вана Полоная». Таким образом, он опорочил имя секретаря Санджи. Затем, дав много вещей некоторым другим людям, он заставил их дать ложные показания о том, будто в данном случае имело место проклятие, которое секретарь Санджи наслал на вана Полоная. И показав всем приготовленный им рисунок с заклятием, он схватил ни в чем не повинного секретаря Санджи и заключил его в тюрьму в местности, называемой Шилгар. Затем он объявил, что именно Сойбун-лама Дагба является главным зачинщиком этого заклятия, которое производил секретарь Санджи, и предал суду Сойбун-ламу. И когда ван Полонай об этом доложил императору, то последовал указ, вполне одобрявший его. Вскоре после этого у Полоная на шее появилась язва, и на ней образовалось три рубца, и он умер от непрерывного истечения крови. Тогда все люди в один голос стали говорить: «Оказывается, заклятие было сделано на самом деле».

Много времени спустя после этого, когда Джанджа-гэгэн, в конце концов, поехал в Лхасу, то в храме под названием Сумчин-Нингба в Потале всякому, и старо-

му и малому, были уже известны обстоятельства виновности ламы Адагпы в том самом заклятии, которое когда-то было совершено над Полонаем. Повсюду говорили, что очевидцем этого был покойный Лхалун-Джимба. Тогда Джанджа-гэгэн изволил сказать: «Это и есть то самое, что написано в сутре под названием „Бурхан-Самади-Раджа“: какие деяния совершишь, такие плоды и будут. А посему, кто хочет быть добродетельным, пусть поступает, памятуя об этом».

Вслед за тем Джурмид-Намджалу пожаловали титул вана и поднесли почетное имя Далай-багатура. Этот самый Далай-багатур сначала был добродетельным. Он наказал своим чиновникам: «Если только я упаду с коня, то тотчас же прикончите мою жизнь». Впоследствии однажды он ехал верхом на лошади и вот в степи упал с коня. На некоторое время у него помутился разум, и поведение сделалось совсем другим, чем прежде. Его чиновники — джунгарский Лубсандаши, Шаба, Динка, Чоймчид из жалости не причинили ему вреда.

В дальнейшем поступки и нрав его сделались в высшей степени жестокими. И он стал замышлять худое против Далай-ламы и приближенных его лам. Убил своего собственного старшего брата по имени Джурмид-Цэдэн, который только что сделался гуном в Нгари и вел там себя довольно своевольно. Два сановника, амбань Пу-Цзин и Лабдун³³¹, проживавшие в Лхасе, послали о его поступках спешный доклад императору в пятнадцатом году правления (1750), 8-го числа первой декады последнего зимнего месяца. 13-го числа того же месяца, прежде чем прибыл указ, они обманули Далай-багатура, говоря ему будто бы от императора ему пришли награды, и звали его на террасу лхасского [дворца] Грумшикан. Сановники изложили ему все его провинности и сказали так: «Ты нарушил приказы государя и позабыл своего отца, и так как для тебя не существует ни государя, ни отца, то вины твоей простить невозможно». С этими словами Пу-Цзин бросился вперед и стал стаскивать его с лошади, а Лабдун выхватил из ножен у Далай-багатура саблю и зарубил его собственной саблей. Они взяли его голову, а туловище бросили. Тогда приближенные чиновники Далай-багатура, увидев труп, стали говорить между собой: «Что же это за труп?» А так как его штаны были сшиты из хадака чойндог³³², то они стали друг другу говорить, что это труп Далай-багатура. Тогда Лубсандаши спрыгнул с коня и подбежал. И сразу закричал. Тогда тысяча солдат Далай-багатура тотчас окружили двух сановников. Сейчас же после этого они разбросали сено и подожгли, и два сановника сгорели. А Лубсандаши, собрав большое войско, стал избивать китайцев.

Тогда от Далай-ламы пришли ламы трех лхасских монастырей вместе с гэгэном Агванчогданом и стали останавливать Лубсандаши, но тот не принимал никаких уговоров. Мало того, Лубсандаши перед лицом Агванчогдана обнажил меч и начал ругать его дурными словами, тогда гэгэн обнажил свою грудь и сказал: «Убий меня, я старик и век свой прожил. Не страшно».

В скором времени, послав войска, схватили и привели убежавшего Дорин-калона по имени Гун-пандита и изрубили его по приказу Лубсандаши. Когда Лубсандаши приказал казнить двух сановников за то, что они так поступили с Далай-багатуром, то, получив об этом известие, император очень разгневался, призвал к себе Джанджа-гэгэна и отдал такое повеление: «Во-первых, Далай-багатур стал вести

себя неправильно, а, во-вторых, он чрезмерно превышает данные ему полномочия. Отныне, впредь, и вообще не следует давать прав Тибету. В Лхассе надо построить большой военный городок и в качестве войсковых командиров поселить там нойонов из местностей Дорун, Ринпо, Рисан и прочих. А в каждом округе поставить по одному тиду с тумэном войска и поручить ему управлять тангутами.

Когда он так соизволил сказать, Джанджа-гэгэн подумал про себя: «Если император приведет в исполнение подобное распоряжение, то всякая вера в тибетской стране уподобится цветам, на которые пал жестокий заморозок. Сейчас невозможно просить об отмене императорского указа. Да делать нечего, нельзя не просить теперь же». И с этими мыслями он решительно выступил вперед и, упав на колени, доложил: «Великий император, вы испокон веков, начиная от своих отцов и дедов, были благочестивы в делах религии. вы, государь, постоянно помышляли о вере и оказали ей великие благодеяния, являясь поистине царем учения. Что касается до снежной тибетской страны, то она является единственной основой веры, и если вы, по сему указу, поместите там войска вместе с военачальниками, то вера неизбежно придет в упадок, а потому не благоволите ли вы милостиво пожаловать какой-нибудь иной указ, который, елико возможно, пощадил бы веру?» Император некоторое время помолчал, а потом сказал: «Это тоже справедливо. Я в дальнейшем подумую и дам какое-нибудь распоряжение».

Затем однажды он призвал к себе гэгэна и изволил сказать ему: «В силу того, что тибетская страна, действительно, является источником добра, то невозможно решать дела о ней непродуманно. В отношении сего Тибета я думал опять и опять и решил, что надо спросить у тебя совета. По моему мнению, надлежало бы поручить теперь Далай-ламе церковное и государственное управление. Что ты об этом думаешь?» Когда он так сказал, то гэгэн доложил: «О, это была бы великая милость». И вслед затем в Тибет срочно был отправлен на имя сановников указ и золотая грамота.

Несколько лет спустя после этого Даваци пошел в поход на Амурсану. Надобно рассказать о родословной их и предшествующих обстоятельствах.

Еще раньше племянник Галдан-Бошогту Цэвэн-Рабдан-хунтайджи объединил Четырех ойратов и разместил на кочевье всех тайджи по Урмучи, Иртышу и другим местам. Среди родственников того джунгарского хунтайджи были два Цэрэн-Дондуба. Знаменитый большой Цэрэн-Дондуб, человек большого ума, и малый Цэрэн-Дондуб по прозванию Багатур. У хунтайджи был сын Галдан-Цэрэн. У того были сыновья Цэвэн-Намджил-Дорджи и Ламдарджа. У большого Цэрэн-Дондуба был сын Намджил-Рагба, а у него — сын Даваци.

А у Даваци был сын Лубджин. От девушки по имени Бодолга, выданной замуж за Галдан-Данджила, сына хана Лицан-хунтайджи, родился Банджур. Потом, когда она снова забеременела, то зять его, хунтайджи, убил Галдан-Данджила, а жену его Бодолгу еще до родов отдал за Ванчин-хошучи. И так как родившийся от нее сын был Амурсана, то Амурсана доводился кукунорскому Гуши-хану родственником, а Лицан-хану — племянником. Второй сын Лицан-хана был Сурджа. У него было два сына Дагба и Нагдза. Даваци, Амурсана и Банджур, который доводился старшим двоюродным братом Нагдзы, находились в течение некоторого времени в хороших отношениях.

В восемнадцатом году правления императора Тэнгриин-Тэтгэсэн (1753) джунгарские тайджи третьей степени прибыли для вступления в подданство [к императору]. А именно: Цэрэн, Цэрэн-Убаши и Цэрэн-Мунхэ. Когда эти тайджи возвратились, приведя в подданство всех своих подчиненных людей в подвластных им аймаках, они организовали тринадцать административных единиц. И последовал императорский указ: «Прежде многочисленные тайджи, кто раньше, кто позже, являлись, чтобы вступить в подданство. И все они общим числом в несколько сотен тысяч человек полностью были приняты под высокое покровительство. Помышляя о том, что невозможно не озаботиться о соответственном наделении их всех землей и о их поселении, после умиротворения Джунгарии мы приступим к устройству этих самых Четырех ойратов. Мы пожаловали Цэрэна тибетским ханом, Банджура — хошудским ханом, Амурсану — хойтским ханом, а Цэвэн-Намджил-Дорджи — чоросским ханом. А посему поступайте миролюбиво и в полном согласии с задачей Поднебесной империи».

Когда скончался сын хунтайджи Галдан-Цэрэн и в наследование его прав вступил хунтайджи Цэвэн-Намджил-Дорджи, то его младший брат, родившийся от младшей жены, по имени Ламдарджа похитил [у него] звание и стал звать Даваца, чтобы тот пришел повидаться с ним. В это время Даваца кочевал в местности, называемой Амара, и управлял одним из двадцати одного аймака в восточных районах. Ламдарджа из опасения, как бы его не убили, отправился с целью укрыться в туркестанских городах, увлек за собою пять тысяч человек и послал к императору донесение с просьбой о принятии его в подданство.

Даваца перебил потомков Галдан-Цэрэна и начал войну с Нэмэгу-Джиргалом, сыном малого Цэрэн-Дондуба. Амурсана из-за того, что хунтайджи восстанавливал всех друг против друга, вознамерился стать хунтайджи. Однако так как его происхождение было иным, то, опасаясь, что олёты не последуют за ним, он стал оказывать тайную поддержку Даваца. Он надеялся, что при изменившихся обстоятельствах хитростью добьется своего. Даваца, зная эти намерения Амурсаны, послал войско, и, когда они вступили в битву, Амурсана тотчас же поспешно принял решение покориться Китаю и, бежав вместе с Банджуром, прибыл ко двору для принятия подданства.

Император, зная, как Даваца угнетал и мучал их народ, зная, что он не может соединиться с джунгарами, как вода с огнем, издал вот какой мудрый указ: «Так называемые джунгары, искони являвшиеся подданными Юаньской династии, убежали на запад и север и, похваляясь перед всеми своей самостоятельностью, угнетали многочисленные аймаки, а потому дед мой трижды лично отправлялся на них войной и привел их к умиротворению. В дальнейшем во время родителя моего императора Шицзуна отец и сын Цэвэн-Рабдан учинили смуту и подняли войну. Поэтому по высочайшему указу мы избрали джанджуна, выставили войско и послали воевать их. После того, как я вступил на престол, сын хунтайджи Галдан-Цэрэн заявил, что он будет жить спокойно и охранять границу. После смерти Галдан-Цэрэна его сына Намджил-Дорджи стал обижать младший брат его Ламдарджа. Кроме того, Ламдарджа обижает и Даваца. Хотя со стороны Ламдарджа было и не совсем законно преемствовать наследование престолом, но он являлся сыном Гал-

дан-Цэрэна. Давацци же стремится насильственно захватить великий престол, это обстоятельство, несомненно, представляется смутьянством. Его наглые беззастенчивые и неосновательные поступки достигли предела нарушения законов и пределов противления Небу».

В двадцатом году (1755), когда послали для войны с Давацци великую армию, разделив ее на две части, то было императорское повеление: «Сколь ни виноват Давацци, однако же, не предавайте его смерти». После того, как великая армия достигла Или³³³, Давацци обратился в бегство и, перевалив через перевал Кулун, бежал. Когда джанджун Банди пытался его изловить, преграждая ему путь, то один хотонский нойон, по имени Ходжин, расставил караулы по всем дорогам и всем горным ущельям и стал ждать. Узнав по слухам, что Давацци собирается уйти в Кашгар, он стал поджидать прибытия всего войска. После того, как Давацци приблизился, находившееся в прикрытии войско выступило и захватило в плен более семидесяти человек во главе с сопровождавшими дзайсанами.

Один человек из хотонцев по имени Сали, одетый в панцирь, находился среди того отряда, который должен был захватить Давацци. Как только стало видно, что Давацци приближается, Сали поспешно перешел к нападению. Пришпорив свою лошадь, Давацци, натянув свой лук, только собирался пустить стрелу, как Сали перерубил мечом тетиву его лука. Тут поскакал за ним сын Давацци Лубджа и трижды ударил мечом по лошади Сали. Причем был поранен и сам Сали. Но все же, несмотря на это, скрытый в засаде отряд выскочил и захватил в плен Давацци вместе с сыном. Затем Давацци заковали в кандалы и увезли. И когда стали рассматривать его дело, то выяснилось, что он участвовал в незадачливом восстании Амурсаны. Тогда император издал такое повеление: «Давацци по отношению к нашему великому государству никогда не совершал никаких преступлений. А разговоры о том, что он враждебен нам, являются результатом заявления Амурсаны. Давацци же на самом деле заслуживает снисхождения. Объяснение Давацци о том, что Амурсана прибыл для набора войск, и что он не мог при Амурсане войти в подданство [к нам], представляются совершенно правдивыми. Поэтому, удостаивая Давацци своею милостью, жалую ему степень чинвана и приказываю поселить его в столице, наградив домом».

Во время этой военной экспедиции по захвату Давацци, доставили кукунурского Данджин-вана, который изменнически бежал в Джунгарию и скрывался там около тридцати лет. И когда его доставили, то по высочайшему повелению ему была дарована жизнь.

В ту пору Амурсана, зная, что Давацци откроет его собственные беззакония, вместе с Банджуром совершенно изменил свои намерения. Вот что в ту пору доносил императору Давацци: «Я, ваш раб, будучи вашей военной добычей и будучи повинен в смертях, сподобился, однако, великих милостей императора. Хотя бы я трудился до скончания своих дней и до полного истощения сил, все же не мог бы воздать вам должной благодарности. Мой заклятый враг Амурсана в настоящее время бежал, пренебрегая милостями. Я очень скорблю о том, что лично не мог схватить его. Мне, вашему рабу, известно, что дурбэтский тайджи Норбо и прочие не в ладах с Амурсаной, а потому я напишу им письмо и велю им разыскать и схватить Амурсану. Когда же Амурсану разыщут и схватят, то тотчас же, применив к нему уголов-

ную кару, можно будет успокоить сердца людей». Согласно этому докладу Даваца, император послал войско.

В двадцатом году (1755) Банджура подвергли уголовной каре и заключили в тюрьму за то, что он изменнически последовал за Амурсаной. Император в пору смут Даваца и Амурсаны, болея душой, не раз посылал войска. А Джанджа-гэгэн, Джирун-хутухта и Галдан-ширэгэту совершали всякого рода молебствия. Исполняя вещи, прибывшие от Амурсаны, [совершали обряды заклинания].

Как раз около этого времени один дзахчинский³³⁴ человек по имени Мамуд кочевал в урочище под названием Булган-Цаган-Тохой. Он покинул свой служебный пост на алтайском карауле. Несколько раз и прежде он совершал преступления, но по указу был прощен. Когда произошло несогласие между Даваца и Амурсаной, то послали Мамуда. Мамуд неоднократно вступал в бой. Тогда Амурсана, доведенный до крайности еще раньше, явился для вступления в подданство. Впоследствии с Даваца посоветовались насчет военных действий и по высочайшему повелению Амурсану назначили помощником джанджуна западной стороны по умиротворению границ и поставили его во главе отряда по охране северной дороги, а Мамуда произвели в гобийские управители. Когда Мамуда отправляли в военный лагерь, то он представил императору секретный доклад: «Амурсана — это такой человек, который подобен свирепому волку. И хотя он теперь и вошел в подданство, но никоим образом нельзя допускать его к войску» А Амурсана докладывал императору, что, якобы, Мамуд перешел в подданство неискренне и не заслуживает никакого доверия. А если поручить командование войском этому дзахчинскому человеку, то не разгласит ли он все военные секреты?

На это император рассудил так: «Так как Мамуд отличался спокойным, серьезным характером и опытностью в делах, то я и раньше возлагал на него поручения. Если и теперь вновь его поставить на дело, то, пожалуй, Амурсана, подозрительность которого усилится до неприязни, не пожелает действовать с ним заодно, считая, что Мамуд похищает его собственные земли. Я же в своих распоряжениях помышляю единственно о пользе дела. Будет ли правильно тотчас же поступить по его совету?»

Впоследствии, как об этом и говорил Мамуд, Амурсана действительно изменил и, схватив Мамуда, сказал ему: «Эта джунгарская земля по отношению к Поднебесной империи — земля окраинная и отдельная, а потому ты оставь свои помышления о подчинении Китаю. Тогда я буду смотреть на тебя хорошо». На эти его слова Мамуд со слезами ответил: «Подобает ли земным людям быть без хана? Даваца совершил много злодеяний, и поэтому Богдо наказал его. Галдан-Цэрэн тоже однажды отделился. Если я не покорюсь императору, то куда же мне деваться? Меня уже однажды по указу императора разыскали и схватили, но, однако, не предав казни, отпустили на волю. А это то же самое, как если бы я умер и вновь возвратился к жизни. Могу ли я теперь сбежать? А ты разве не раньше меня вошел в подданство? Император на тебя взирал с истинным уважением. А ты изменил ему. Ты меня захватил, но чего же мне бояться? Убьешь, так убивай. Но после того как подойдет великая армия, тебя схватят и изрубят на куски. Тогда твое мясо и собаки есть не станут». Когда он так сказал, Амурсана разгневался и казнил его посредством удушения тетивой лука.

Изменник Амурсана и его сторонники Кишим, Басутай и Дугар объединились и захватили илийские земли. Когда подступила из империи великая армия, Амурсана бежал и предался России. В этом походе принимали участие и погибли на поле брани чжунван Цэрэн-Вандуб из аймака Тушэту-хана и бэйлэ-ван Ванчин-Джимба из аймака Сэцэн-хана. Во время бегства Амурсаны на север, из России вышли к нему навстречу. И теперь еще в России у него есть родня по женской линии.

Когда при императоре Сайшиялту-Иругэлту³³⁵ произошло такое событие — говорили, будто подходит русский Хунхур-Манджа*, и, вроде бы, он из рода Амурсаны.

По делу Амурсаны доставили в Китай Дархан-Шидар-чинвана, старшего брата Дамба-хутухты, который оказался замешанным в дело. При расследовании дела он не только не дал верноподданнических показаний, но наоборот, говорил всякие возмутительные слова. И тогда император лично осудил его. Затем Джэбдзундамба-гэгэн с целью оказать ему помощь уговорился с четырьмя аймаками³³⁶ и стал вести себя очень вызывающе, угрожая, что он наделает много хлопот. Тогда император, очень скорбя душой, так изволил сказать Джанджа-гэгэну: «Поезжайте вы и заблаговременно поговорите с Джэбдзундамба-хутухтой и остановите его».

Гэгэн послал Первому-гэгэну³³⁷ письмо, в котором писал, что это вообще непозволительное дело, и излагал разные соображения. И приказал своему шабинцу Намджилю, чтобы тот доехал до места, не останавливаясь ни днем, ни ночью, и доставил письмо, а сам доложил, что немедленно выедет. После этого Джанджа-гэгэн отправился в путь и, когда миновал несколько кочевков, двигаясь к северу от Долоннора, то остановился и стал ждать извещения из Халхи. Когда к нему пришло письмо с извещением, что все спокойно и благополучно, то он доложил об этом императору и, согласно его повелению, вернулся назад. Когда он был допущен на аудиенцию, то император встретил его весьма приветливо.

Во времена Лигдэн-хана, когда на тибетской земле была великая война с монголами, Панчен-Чойджи-гэгэн³³⁸ лично пошел к воевавшим и остановил войну, спасая жизни чуть ли не ста тысяч людей. Тогда он так изволил сказать: «Главной заслугой настоящего моего жития является то, что я, остановив подобную войну, спас множество жизней». Если посмотреть на дело, сравнивая с этим случаем, то надобно понять, что поистине удивительной заслугой его [Джанджа-гэгэна] является то, что он в ту пору, когда собиралась разразиться война, всего лишь одним письмом остановил ее и водворил мир.

В двадцать втором году правления Тэнгриин-Тэтгэсэн (1757) Далай-лама Галсанджамцо на пятидесятом году своей жизни скончался. И посему в том же году на имя Джанджа-гэгэна последовал высочайший указ: «Поскольку Далай-лама подобен столпу религии в Тибете, то кончина его разразилась великим бедствием. А так как в настоящее время представляется чрезвычайно важным вопрос о преемнике его, то хутухте надлежит отправиться для розысков. Хотя мы и почитали бы за благо не расставаться с хутухтой, однако по неотложности церковного дела благоволи-те выехать и, покончив возложенное дело, незамедлительно вернуться». Когда он

* Кункур Мачи — сказочный богатырь.

дал такое повеление, то гэгэн отправился в Лхасу с несколькими незначительными чиновниками, как-то: Ха, Дэ и Шин.

Когда гэгэн со свитой подъезжал к Лхассе, то навстречу ему вышли вместе с двумя пребывавшими в Лхасе амбанями местные старшие ламы во главе с Дэмохутухтой, временно управлявшим канцелярией Далай-ламы. Хотя в то время Дэмохутухта и держал в своих руках печать хана тибетской страны, однако же, он занимал более низкое кресло, чем у двух лхасских амбаней. Когда Джанджа-гэгэн увидел идущего к нему навстречу Дэмохутухту со свитой, то он сошел с коня, совершил установленные приветствия и обмен подношениями и хадаками. После этого лама, хранивший печать Далай-ламы, стал пользоваться чрезвычайным почетом.

Гэгэн же, остановившись в Лхасе, отправился в Поталу и совершил всякие жертвоприношения и богослужения перед субурганом Далай-ламы. В виду того, что субурган Галсанджамцо-гэгэна был скрыт от глаз, то Джанджа-гэгэн потрогал его на ощупь и зарыдал, произнося: «Святитель отец Галсанджамцо ушел». И он пропел песнь из четырнадцати молитвенных стихов, начав ее словами «Намо Локешварая»³³⁹.

В то время брэбунский чойджон никак не являлся. Несмотря на то, что его звали, он не приходил, поэтому гэгэн, приняв весьма угрожающий вид, произнес заклятие, только тогда он пришел. И вот чойджон сразу поднялся на субурган гэгэна, и слезы его стали падать градом. Когда же гэгэн принес жертву и весьма грозным голосом произнес слова: «Ниртата»³⁴⁰, то все находившиеся там очень испугались.

Затем гэгэн попросил, чтобы ему подали некоторые одеяния Далай-ламы. Держа их, он погрузился в медитацию. После этого ночью гэгэну привиделось во сне, будто бы неизвестно откуда раздался чей-то голос, говоривший: «Хубилган Далай-ламы — Сангабала». Поразмышляв относительно этого, гэгэн решил: «Это означает „Хранитель раковины“. А так как Ламуджу-чойджон имеет уснир в виде раковины, то не является ли он благовестником? Если же это не так, то и у этого самого Ламуджу-чойджона и у Панчен-эрдэни, у обоих печати имеют вид молитвенной раковины. Не это ли знак?»

В ту пору все стали говорить, что на востоке есть одно перерождение Далай-ламы, а есть еще и на юге. И на западе, где живет Панчен-эрдэни, есть одно перерождение. Так все толковали. Поэтому настоящего никак не могли найти. Все это время гэгэн в течение четырех лет ожидал, пребывая в Лхассе. Он всем милостиво преподавал учение, сам предавался писанию и творил прочие дела. А что касается двух перерождений Далай-ламы, то Ламуджу-чойджон и Дабуруг-чойджон — оба считали, что настоящий тот, что на западной стороне. А Самая-чойджон указывал, что настоящий — на восточной стороне. Так как они никак не могли придти к единому мнению, то Дэмохутухта и калоны сговорились между собой и порешили так: «Давайте сообща призовем в Поталу Панчен-эрдэни и, собрав перед ним всех чойджонов, предложим всем вместе сделать выбор».

Прибыл Панчен-эрдэни, и однажды в Потале в помещении, называемом Джама-Дунгар, собрались во множестве все старшие ламы, нойоны и сановники. Пригласили чойджонов: брэбунского Ламуджу и галданского Самая. Самая сошел и уселся на коврик, приготовленный для Ламуджу-чойджона, а затем стал принимать

различные виды самых свирепых божеств. Однако он ясного предсказания дать не смог. Тогда снизошел Дабуруг-чойджон. Он переменял свое мнение, что [настоящее перерождение находится] на западе, и стал говорить, как Самая, что оно на востоке. Тогда Джанджа-гэгэн изволил сказать: «Давайте мы оставим этих чойджонов, а попросим решить вопрос Панчен-эрдэни. Можно?» Когда он так сказал, все согласились с ним. И когда доложили об этом Панчен-гэгэну, то Панчен-эрдэни тотчас же соизволил ответить: «На западе находится Цзан. [Перерождение] точно там. Когда я получал в прежнее время у Далай-ламы посвящение Дуйнхору, то мне приснилось, будто мой помощник отправился в семью, где переродился настоящий далай-лама. Когда я доложил об этом Далай-ламе, то он велел записать этот сон в двух экземплярах и скрепить печатью. Один экземпляр поручить тому помощнику, а другой отдать на хранение в Поталу под наблюдение служителю Галсанданджину». Когда он так рассказал, то помощник сказал: «Да, была такая запись». А Галсанданджин из Поталы велел: «Принесите ту запись!» Когда ее принесли, все поверили и возрадовались.

В качестве Далай-ламы утвердили Джамбалджамцо из западной местности Цзан. Вошли с представлением на высочайшее имя, и тогда император, одобряя это указом, повелел Джанджа-гэгэну: «Хутухта, поскольку ты исполнил свое дело в Лхасе, возвращайся поскорее в Пекин».

Нужно было отправляться. Панчен-эрдэни и Джанджа-гэгэн стали обсуждать смысл глубоких истин религии и никак не могли расстаться. Тогда Панчен-эрдэни сказал так: «Мы с тобой встретимся позже. Я должен отправиться в город Пекин, но сейчас еще не пришло время». Когда Джанджа-гэгэн прибыл сюда и представился императору, то оба они очень радовались.

Впоследствии однажды в южной стороне, в местности, именуемой Байба, лама по имени Баридай-гэбши поселил одного [мальчика] в маленьком монастыре и стал говорить, что он-то и есть настоящее перерождение Далай-ламы. Два лхасских амбана услышали о том, что окрестный народ его почитает, и доложили императору. От него последовал такой указ на имя Джанджа-гэгэна: «Если пустить на самотек дело с так называемым Далай-ламой, которого выставляет этот лама Баридай, то это будет вредно для дела нынешнего Далай-ламы, а потому ламу Баридая вместе с тем самым перерождением следует доставить сюда и предать суду!» На этот указ гэгэн доложил: «Такое решение немного противоречит буддийской религии, а потому, если бы это перерождение отправить в качестве ученика к Панчен-эрдэни, то это не принесло бы вреда Далай-ламе, так как маленькая лужа быстро высыхает». Получив доклад, император вполне с ним согласился, так и поступил.

В то же время снова вернулись из России торгуты, и так как они явились, чтобы вступить в подданство³⁴¹, то об этом должно рассказать.

Торгутский аймак является одним из аймаков Четырех ойратов. Раньше ойраты управлялись самостоятельно, каждый в своем аймаке. Но из-за того, что среди джунгаров стал возникать произвол и из-за того, что всех ойратов притеснял человек по имени Батур-хунтайджи, отец Галдан-Бошогу, предводитель торгутского аймака по имени Хо-Орлюк, обычно проживавший в джунгарском Алтае, тяготясь этим, забрал родственных ойратов и вступил в Россию, расположившись кочевьем

по реке Иджил и по землям на берегу великого внутреннего моря в местности под названием Ману-Тохой.

В дальнейшем торгутский Аюши-хан³⁴², несмотря на то что он приходился племянником Хо-Орлюку, остался в Джунгарии, будучи дядей по материнской линии многим родственникам. Он не ушел в Россию и остался на месте. Впоследствии Аюши, находясь в своих торгутских кочевьях, вошел в родственные связи с халхасцами, олётами и джунгарами. Но потом торгутский Аюши-хан рассорился с тем самым Цэвэн-Рабданом и, забрав своих сородичей, расположился кочевьем по реке Иджил. Также во времена Амурсаны откочевал и Сэрэн-тайджи, приходившийся родственником Аюши-хану. Таким образом, вступившего в Россию народа стало до семнадцати тумэнов (170000). Они немного служили Российскому государству, но так как у русских нет священного учения, то все чувствовали к ним отвращение и в один голос говорили: «Чем нам жить на свете вот этак под неправоверным ханом, так лучше хоть помереть в стране правоверного хана».

И вот в тридцать седьмом году правления (1772) Убаши-хан, приходившийся внуком Аюши-хану, Сэрэн и прочие, пожелав опять придти сюда, подали илийскому джанджуну прошение. И после того, как оно было доложено императору, в средний зимний месяц они перекочевали сюда (в Илийский край) вот в каком составе: свыше трех тумэнов трех тысяч (33000) юрт и свыше семнадцати тумэнов девяти тысяч (179000) едоков. По пути многие умирали в изнеможении и отставали. Когда совершили восьмимесячный поход, то осталась их только половина. Вот оставшиеся в живых и пришли в илийские земли.

В ту пору большинство императорских сановников было несклонно принять их, и потому они делали императору такие представления: «Если мы примем людей, бежавших из России, каковы могут быть последствия? В пограничных районах неизбежно возникнут недоразумения. И раз мы примем их под свою защиту, то потом не только не сумеем их покинуть, но должны будем все время защищать. Среди тех аратов, которые собираются вступить в наше подданство, есть люди недостойные никакого доверия — убежавшие после убийства наших чиновников. О возвращении их мы уже несколько раз предъявляли требования к России, но она постоянно отказывала в этом. И если мы теперь их примем из-за того, что они заявляют о вступлении в подданство, и если русские сделают строгий запрос, то нам нечего будет ответить. Принятие нарушивших прежнее слово равносильно принятию врага».

Хотя они и предъявляли свои возражения, но все же император, проникшись великой жалостью и выслушав к тому же доклад со стороны некоторых лиц о необходимости принятия их под свою защиту, отправил в Россию соответствующее послание и милостиво соизволил отпустить из казны денежное пособие почти на три тумэна (30000) тех пострадавших аратов. Кроме того, в качестве пособия отпустил им всякого рода одежды, продовольствия, лошадей, овец и прочего скота. Пригнали от чахаров и олётов, кочующих в илийском Тарбагатае, лошадей и овец общим поголовьем в девять тумэнов пять тысяч пятьсот (95500) голов и безвозмездно им пожаловали. Затем были доставлены из Шаньду и Дабсунора из императорских табунов и стад тринадцать тумэнов (130000) голов скота. Табун из хамийского рай-

она в три тумэна (30000) лошадей. Также было пожаловано: свыше семи тумэнов (70000) плиток чая в продовольствие, шесть тумэнов одна тысяча (61000) сырых кож, пять тумэнов одна тысяча (51000) с лишним готовых тулупов, шесть тумэнов одна тысяча (61000) с лишним кусков китайского холста, свыше пяти тумэнов одной тысячи (51000) кусков корейского холста, денег из государственного казначейства два тумэна (20000) лан серебром.

И выказывая полное благоволение и отдавая обо всем этом поручение илийскому джанджуну, он старых торгутов наименовал аймаком Унэн-суджугту³⁴³ и поручил Убаши-хану управлять ими. А новых торгутов назвал аймаком Чин-сэдкилту³⁴⁴ и поручил управление ими Сэрэну. Он поставил над всеми тринадцатью хошунами великих и малых правителей с соответствующими титулами и дал им возможность жить в полном мире и спокойствии.

Впоследствии, когда императору было семьдесят лет, он в ответ на выраженные ему верноподданнические чувства, посоветовавшись с Джанджа-гэгэном, решил пригласить Панчен-эрдэни³⁴⁵. И в местности Жэхэ воздвиг храм, подобный храму Дашилхунпо. А в Пекине к западу от Шира-Сумэ воздвиг прекрасное здание огромных размеров. Затем по высочайшему повелению пригласили Панчен-гэгэна. Он прибыл в Гумбум в сорок четвертом году правления (1779) и перезимовал там. Затем в году мыши (1780) отправился в путь. 27-го числа 5-го месяца вышли его встречать к монастырю Тайга Джанджа-гэгэн и Лиу-Ага. Затем Панчен-эрдэни заехал в Долоннор и 22-го числа 7-й луны встретился с императором во дворце, расположенном в парке Жэхэ, и здесь высшие особы сотворили прекрасные деяния.

В то время император изволил заметить: «Сегодня наш Джанджа-хутухта вполне счастлив». На такое его слово Джанджа-гэгэн отвечивал: «Я обрел великую радость, великое и небывалое раньше счастье, потому что повстречался с ламой-учителем и государем-милостынедателем».

Затем Панчен-эрдэни проследовал во вновь построенный монастырь Дашилхунпо. А на следующий день император совершил поднесение даров и устроил чаепитие. Император сказал так: «Панчен-эрдэни изволил пожаловать на празднество по случаю моего семидесятилетия. Это исключительно полезно для веры и одушевленных существ в этой стране. С тем-то я и пригласил непосредственно вас. Я прежде от Джанджа-хутухты обучался священному учению, но ведь повеления Будды глубоки, как море. И так как я должен заниматься правительственными делами, то досуга у меня не бывало. Я — мало просвещенный государь и не могу проникнуться пониманием священного учения. Но я все время пребываю в мыслях: попробую-ка постараться. Вот и встретились мы, лама-наставник и ученик, значит, именно ныне созрел плод прежних усердных молитв. Я жажду сподобиться наставления гэгэна. Я до этого не знал тангутского языка. И хотя в последнее время я старался изучить его у Джанджа-хутухты, но все же как следует не обучился. Если я сподоблюсь того, что святитель прикажет переводить для меня сокровенные речи священного учения, то это было бы замечательным». Так он доложил.

После того, как император изволил уйти, Джанджа-гэгэн доложил святителю Панчен-эрдэни: «Две высокие особы — учитель и милостынедатель встретились, какой счастливый день! Дело не только в ритуалах и дарах. Я в течение всей своей

жизни до теперешних преклонных лет пользуюсь дружбой императора. Но никогда еще не видел, чтобы император так радовался». Так сказал он, обращаясь к Панчен-эрдэни.

24-го числа учредили большое торжество и в течение десяти дней устраивали всякие игры и увеселения. 8-го месяца 3-го числа первой декады была пожалована печать из драгоценного камня. Затем, установив правила по созыву Монлама в новом монастыре Дашилхунпо, а также правила чтения соответствующих разделов сутр и тарни, поставив лам-казначеев и других послушников, установили здесь точно такие же порядки, как и в монастыре Дашилхунпо в Тибете. Затем в то время, когда Панчен-эрдэни изволил ездить к императору для поздравления его с семидесятилетием, император издал указ, по которому Панчен-эрдэни имел право следовать в паланкине до самых дверей внутреннего дворца. Это же право предоставлялось и Джанджа-гэгэну.

Кроме того, святителя Панчен-эрдэни пригласили в жэхэскую Поталу на соборную службу Монлам. Затем, когда император был сподоблен священного учения, он пригласил святителя Джанджа-гэгэна, и тот переводил ему проповедь на монгольский язык.

Потом в 9-й луне остановившись в Пекине, он расположился в монастыре Шира-Сумэ. Затем, когда последовало приглашение святителей в великий императорский дворец под названием Пу-Хай-дянь, то по высочайшему указу Панчен-эрдэни было разрешено следовать в паланкине до третьих ворот дворца, а Джанджа-хутухте — до вторых ворот дворца. А в этот дворец не то чтобы прибывать в паланкине, но даже в наружный-то двор, и даже сановникам не разрешалось входить без особого императорского указа.

Затем этих святителей пригласили также в Юм-Ян, во все внутренние и внешние цветники, где они произносили благопожелания. А во внутренние цветники того же Юм-Яна даже великие сановники не имеют права входить. На обратном пути из того парка Панчен-эрдэни остановился в китайском буддийском монастыре Джу-Шэн-сы. Там ему представился один старец-лама. Панчен-эрдэни задал ему вопросы из Винаи и так же вопросы по отделу толкований сущности пустоты³⁴⁶, и тогда тот китайский монах ему ответил. Его ответы переводил для Панчен-эрдэни Джанджа-гэгэн. Панчен-эрдэни назвал эти ответы мудрыми и был ими очень доволен. Лиу-Ага доложил об этом императору, и тот наградил китайского монаха званием «цэн-ши», то есть наставника по части созерцания.

Панчен-эрдэни, посетив в Пекине императорский дворец под наименованием Ян-Шоугун, а также кафедральные монастыри Дзандан-дзу, Юнхэгун, Сю-Чжусэн и другие, преподнес императору в большом количестве разные священные книги, а также поднес различные изображения и другие принадлежности культа. Поднес два яшмовых меча из индийской земли и прочие вещи. В свою очередь император пожаловал и Джанджа-гэгэну различное облачение, начиная с облачения из львиной шкуры.

Впоследствии Джанджа-гэгэн при свидании с Туган-гэгэном спросил его: «Панчен-эрдэни и император, одаривая меня, в конце концов, пожаловали мне оружие, как ты думаешь, по какой это причине?» — «Я, ничтожный, — отвечал тот, — полагаю, что они пожаловали тебе такой дар, чтобы ты в будущем подавлял привержен-

цев веры лало³⁴⁷ в стране Шамбале». Когда он так ответил, гэгэн изволил сказать: «Да, пожалуй что, похоже на это. Когда-то давно Панчен-эрдэни изволил говаривать мне о том, что я впоследствии отправлюсь с ним вместе в качестве главнокомандующего над войском Шамбалы. Когда он так говорил, я принимал это за шутку. Я ведь так молюсь своим святителям Далай-ламе и Панчен-эрдэни: если будут достойны мои молитвы, и если я не буду в состоянии достигнуть чистых стран [покоя], какими являются, например, Сукавати и Тушита³⁴⁸, то пусть я хоть обрету перерождение в какого-нибудь монаха и буду предаваться созерцанию в пустыне. Я томлюсь душой посреди военных деяний настоящего маньчжурского императора, а между тем вы, святитель, опять-таки возлагаете на меня дело великой военной борьбы в стране Шамбала. Не соблаговолите ли изменить ваши указания? Когда я так сказал, Панчен-эрдэни изволил рассмеяться».

Когда Панчен-эрдэни подносил императору священные книги со всем прочим, то в конце церемонии он сказал Джанджа-гэгэну «Ныне успокоилась душа моя, так как я окончил свои труды». Когда он так сказал, Джанджа-гэгэн ответил: «Святитель, вы не должны говорить так. Вы всегда служили религии и живым существам. Вы не можете закончить своих стараний до тех пор, пока не обратится в пустоту весь этот мир коловращения. Как бы то ни было, здесь в Пекине вы исполнили желание императора, теперь необходимо приносить пользу живым существам в снежной тибетской стране». Когда он так сказал, Панчен-эрдэни ответил: «Ваше мнение, Джанджа-эрдэни, весьма справедливо. Я ведь говорил это, имея в виду, что я окончил дела в отношении лишь моей поездки для свидания с императором, а в остальном — буду молиться, чтобы было так, как вы сказали».

Некоторое время спустя после этого, когда святитель занемог, император приехал к нему и, смотря на него, очень скорбел душою. После того он повелел Джанджа-гэгэну постоянно находиться при Панчен-эрдэни. Затем болезнь все более и более усиливалась, ничто не помогало, и он обрел нирвану 1-го числа первой декады 11-го месяца. Тут все окружающие святителя до такой степени обезумели от горя, что никто не подходил к останкам, а потому Джанджа-эрдэни и Дзасак-ламе Намхаю пришлось его отпевать только вдвоем. И великий император громко рыдал от печали. Затем во 2-м месяце года коровы (1781) мощи увезли в Тибет. В биографии Джанджа-гэгэна, составленной Туган-гэгэном, сказано: «Хотя все подробности болезни Панчен-эрдэни были мне объяснены, но в виду того, что они секретны, я о них здесь подробно не пишу».

В дальнейшем младший брат Панчен-эрдэни хубилган Шамар затаил злобу и подозрения по поводу смерти своего брата в Китае. А так как непальский хан по имени Раднабал был малолетним, то [Шамар] стал подстрекать его чиновников и учинил много дурных дел. Поднялась война. Когда войска вступили в тибетскую страну, тибетские ламы и послушники перепугались и стали докладывать начальству, но Линдун-лама-гэгэн и брзбунский чойджон оба пребывали в спокойствии говоря: «Нет никаких оснований для опасений».

В ту пору, когда непальские войска приближались к монастырю Дашилхунпо, нынешний Панчен-эрдэни-гэгэн был еще малолетним. А потому он был перевезен и долгое время находился во дворце Потала. Если бы Панчен-эрдэни находился в

своем монастыре Дашилхунпо, то войска не дошли бы до Дашилхунпо. Это лама Сойбун-Чимбо, сговорившись с тем войском, перевез святителя сюда [в Поталу]. Тогда войска вступили в Дашилхунпо и своим постоем причинили большой ущерб.

В ту пору брэбунский чойджон сказал: «Пусть это войско подойдет поближе к Брэбуну и дойдет до местности Дарбаг. Тогда сразимся. Когда такое решение им было дано, брэбунские послушники перепугались и доложили чойджону: «Непальские войска, разрушив монастырь Дашилхунпо, приближаются сюда. Поэтому мы, поклонившись тебе, как положено, убегаем!» Когда они так сказали, брэбунский чойджон очень рассердился и сказал им так: «Еще время не настало, а вы уже не верите мне». С этими словами он в гневе вывернул колонну храма. В это самое время войско, выступив из Дашилхунпо, направилось сюда и уже поднялось на один большой перевал, как вдруг у солдат изо рта и носа струями потекла кровь, и они стали один за другим валиться замертво. Тотчас же войско в страхе повернуло назад и обратилось в бегство. Во время их приближения ламы трех главных лхасских монастырей на горе Потала ежедневно совершали ритуал-молебствие.

У сторонников соглашения с тем войском возглавляемых Сойбун-Чимбо, был такой замысел: сместить двух святителей³⁴⁹, прогнать их на север и поселить в окрестностях города Силина. Однажды во время молебствия лхасский амбань сказал: «В случае если оба гэгэна будут захвачены здесь каким-нибудь образом, то мы рискуем своей головой, а потому нам следует немедленно отправить святителей на север». Тогда лама из монастыря Брэбун по имени Сэнгур-хамбо доложил: «Это плохое дело. Если уйдут оба святителя, этот момент окажется удобным для ввода сюда войск». Когда он так сказал, то один из лхасских амбаней вынул свой нож, положил его перед собой на стол и сказал: «Мы оба, лхасские амбани, пребываем здесь для охраны святителей и потому, чем быть обвиненным как уголовный преступник за притеснение святителей и принять смертную казнь, я лучше умру, перерезав себе горло на ваших глазах».

При этих его словах Сэнгур-хамбо заметил: «Пожалуйста, умирай как тебе угодно. Раз мы тебя своими руками не убиваем, то и не о чем говорить, а отправлять их на север из-за твоей трусости не следует». Тогда лхасский амбань вложил свой нож в ножны и сказал: «В таком случае это значит, что лхасские войска не имеют сил защитить и уберечь святителей. Что бы ни случилось, пусть о том ведают сами ламы!» С этими словами он вышел.

Вскоре после этого ламы сговорились между собой, созвали всех монахов трех главных лхасских монастырей и, навалив груды камней вокруг Поталы, простояли так целый день. После этого из Китая непрерывными рядами стали подходить войска зеленого знамени, и так наступила середина года. Наконец, подошли: пятисотенный отряд солонов, войска зеленого знамени под командой великого джанджуна и отряд пехотинцев Джамьян-Гонва с большим количеством деревянных палок на плечах. Когда к Лхасе подошли первые части того отряда солонов — сотня богатырей во главе с амбанем Хэй-Хуй, тибетцы увидели, как они по команде со страшно грозным видом спешили, все верхами на белых конях, одетые в синие шелковые шубы и красные куртки с огромными колчанами, дротиками и стрелами. И тогда все тибетцы стали говорить: «О, это не люди, это тэнгри».

Когда войско проследовав далее, стало наступать, оставив за собой военный караул, то оказалось, что по ту сторону большого озера стоит непальское войско, и его так много, как муравьев. А по эту сторону расположились два амбаня, прибывшие из Китая. В рассуждении о войсках мнения амбаней разошлись, и в конце концов вышло так как думал китайский амбань. Они решили вступить в бой, перейдя на ту сторону по мосту. И только амбани стали переходить по мосту со своим войском, как с вершины горы полетели камни, многие были ранены и убиты. Временный мост провалился, и люди стали тонуть. Некоторых вытащили из воды с помощью багров.

Когда они переправились на ту сторону, то обе армии сошлись и вступили в бой. Когда отряд солонов выступил и приблизился к какому-то небольшому неприятельскому отряду, то к нему с другой стороны незаметным образом стало подступать непальское войско. Не успели войска сойтись и вступить в бой, как войско солонов, применив военную хитрость, стало отступать, а непальское войско, ободренное успехом, начало их преследовать, пуская в них стрелы. Когда же они, введенные таким образом в обман, приблизились, то вдруг их будто туча накрыла, на них градом посыпались стрелы, и они стали падать.

Так и перебили самую лучшую, отборную часть их войска. А отряд солонов повернул обратно и стал рубить неприятеля, разя направо и налево. Войско той стороны потеряло способность сопротивления и разбежалось во все стороны. Они скрылись в горных скалах. А так как солдаты Джамьян-Гонвы хорошо передвигались по горам, они двинулись в эти горные ущелья и, поднявшись в горы вместе с отрядом солонов, их всех и захватили. Затем с боями продвигаясь далее, они перебили все караулы — всего тринадцать. Затем они послали непальскому хану письмо: «Немедленно явись сюда! Если не явишься, то великий джанджун не замедлит вторгнуться в твою землю и уничтожить тебя!» Непальский хан страшно испугался и послал доставить императору мертвые кости своего дурного наставника — ламы Шамара, словам которого он доверился, а также его жену, детей и всех прочих. При этом он поднес дары: одного гнедого коня по прозванию «Водный Аргамак», двух слонов вместе с приспособлениями для езды на них, выделанные из слоновьих клыков. И, склонив голову, он покорился.

Затем оба амбаня, выказав грозное величие, установили законы и пятилетнюю очередность в исполнении службы. Совершив подношения, они стали собираться в обратный путь. В местах своего движения джанджуны оставили караулы. Те поймали по дороге некоего тибетца, который, будучи допрошен, показал следующее: «Меня послал Сойбун-Чимбо для доставки письма военным начальникам Непала». С этими словами он показал письмо, в котором было дано подробное описание действий войск, пришедших из Китая. Тогда амбани схватили Сойбуна, всенародно распоролы ему грудь, вырвали сердце и всунули ему в рот. Среди этой толпы народа один послушник, помышляя о прежней жизни Сойбун-Чимбо, и видя, каким образом он погиб, говорят, почувствовал отвращение к мирской суете и предался неотрывному занятию священным учением. Затем пришло наказание и для лхасских амбаней.

Таким образом, силой и величием Поднебесной империи все существа обрели благополучие, и вера Будды распространилась широко. Этот император в соответ-

ствии с истинным смыслом его имени всегда был покровительствуем Небом, и его имя стало как бы именем всех великих. Прощаивая шестьдесят лет, он сделался тэнгри (скончался).

В году красного дракона тринадцатого шестидесятилетия (1796) взошел на престол император Цзяцин-Ухагату-Хуанди с одобрения сего наименования со стороны Панчен-эрдэни. И потому назвали первый год правления этого императора Сайшиялту-Иругэлту, то есть «Имеющий одобрение и предзнаменование». При этом императоре больших войн и неприязней не было. Он также возвышал по древним правилам веру Будды. Своих верноподданных рабов попечительно пестовал и отошел на небо, прощавая двадцать пять лет.

В год белой змеи четырнадцатого шестидесятилетия (1821), приобретя еще ранее заслуги в Бэйлэ-дзуской войне, вступил на великий императорский престол тот, чье имя написано золотыми знаками, как получившего титул Мэргэту-чинвана и храниться в золотом ящике. Наименование первому году его правления дано Туру-Гэрэлту³⁵⁰. Распространяя повсюду сияние веры и радость для всех одушевленных существ, утверждая неизмеримое, высшее счастье на тысячи кальп и водворяя гармоническое спокойствие, он изволил благополучно царствовать.

Вот каково содержание шастры под наименованием «Хрустальное зеркало».

Из трех тетрадей в первой написано: о четырех видах космических периодов кальп, а именно: о кальпе пустоты, кальпе возникновения, кальпе существования и кальпе разрушения; о виде, состоянии и размерах горы Сумэру и четырех материках; о жизни и возрасте в царствах небожителей тэнгри; о том, как утверждались страны человеческие и прочих существ, начиная от ада; о том, как настало время полного совершенства; о том, как после пришествия ханов-чакравартинов, наступил период упадка и о ханских генеалогиях того времени; о том, как родился в индийской стране четвертый Будда Шакьямуни из тысячи будд благого времени; о том, как он совершил двенадцать великих деяний. Затем следуют жития самих хутухт, которые восприняли религиозную власть после Будды; повесть об индийских ханах, владыках веры. Затем — жизнеописания двух верховных святителей в Джамбудвипе, шести украшениях [церкви] и также восьмидесяти и одного обладающих чудотворной силой; затем биографии праведников. Все это описано почти полностью.

Во второй тетради: географическое и политическое состояние Китая; различные эпохи царствовавших императоров; обстоятельства распространения ими религии и священного учения; о географическом и политическом состоянии тибетской страны, о различных эпохах царствовавших ханов; о ханах, покровительствовавших религии, в особенности же о том, как была создана Лхаса, а затем о том, как помогали или вредили религии добродетельные и жестокие ханы; биографии кафедральных лам, о том, как распространяли буддийскую веру, начиная с Хамбодхисаттвы, Падмасамбхавы, Джу-Атишы, Богдо-Цзонхавы и прочих; о том, как Джэ-лама³⁵¹ основал монастыри для принятия обетов и другие монастыри, распространяя веру — все описано здесь с возможной полнотой.

В третьей тетради написано: об обстоятельствах географических и политических в монгольской стране; немного о положении в стране Шамбала; о различ-

ных эпохах императоров, общие сведения об иноземных царях; в частности о том, как в различные времена, начиная от эпохи нашего великого императора Чингиса и до сего дня, царствовали наши императоры, как они обрели веру и учение, и как они приблизили к себе верховных святителей. Далее идет повесть о временах царствования маньчжурских императоров, а равно также о великих вельможах и сановниках, которые оказывали помощь религии и учению. С возможной полнотой даются и их биографии.

Вот каково число источников, из которых мы делали извлечения:

«Сутра величайшей радости»,
«Основные сочинения Абхидхармы»,
«Сочинения Винайи»,
«История религии» Сумба-гэгэна и его же «Общее описание Джамбудвипы»,
«Жизнеописания восьмидесяти одного чудовторца»,
«Оглавление Данджура», составленное Джамьян-Шадпой,
«Жизнеописание Атиши»,
«Описание Лхасы»,
«Житие Цзонхавы»,
«История религии в Галдане»,
«Жизнеописание трех перерождений Далай-ламы» и «Жизнеописание двух перерождений Джанджа-гэгэна» — всего пять жизнеописаний,
«Житие первого Джамьян-Шадпы»,
«История философских школ» Туган-гэгэна,
«Золотое сказание» Мэргэн-гэгэна,
«Старая история Монголии»,
«Желтые тетради Илэтхэл [шастры]». Просмотрев их и выбрав наиболее правдоподобное, объединил.

Мои помыслы при составлении работы были следующими. Я вовсе не писал, мудрствуя и желая славы. Равным образом, если бы я возомнил себя обладающим высокой мудростью постижения, то уподобился бы колодезной лягушке³⁵² и явил бы жизнь того, кто не смог принести малейшей пользы для уяснения великого моря смысла, глубоких воззрений и величайших деяний.

Хотя бы помыслы и были всецело прикованы к одному предмету, но еще древние, мудрые предки с насмешкой говорили: «Подобен обезьяне в скалах тот, кто не знает ни родной страны, ни своего происхождения»³⁵³.

Времена становятся все хуже, и мало находится молодых монахов, которые стремились бы изучать глубокое учение Будды и толкования на него. А если и найдутся такие, которые желали бы обучиться, то из них очень мало тех, кто в состоянии понять истинный смысл учения.

Поэтому, желая, чтобы кто-то, кто хоть в малой мере изучил монгольскую письменность, познавал мудрость, я и писал, не прибегая к художественной речи и украшениям, а используя простые и грубые слова. Будучи слабым, я постановил и изложил, таким образом, и политическое положение, и содержание религии и законов вероучения, распространенных Буддой и высшими ламами. Я также описал

достоинства и пороки людей, ходящих по путям правды и беззакония. Однажды я вознамерился исправиться и освободиться от неправильных поступков. Размышляя о последствиях хороших и дурных деяний и стремясь к добродетели, я начал писать с нового года коня, все время мало помалу добавляя и, наконец, в году курицы в добрый день 5-го числа 1-й декады закончил свое писание.

В этом сочинении есть недочеты, ошибки и недостаточное понимание. Я выражаю священное пожелание о том, чтобы другие наставники устранили эти ошибки с помощью своих духовных познаний, чтобы живые существа с чистой добродетелью и прилежным старанием уяснили, что принять, а что отринуть, и чтобы они обрели путь, выше которого нет.

Эрдэнипэл.

Конечная причина религий в Монголии*³⁵⁴

I. Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами

Если обратиться к историческим хроникам и анналам в поисках ответа на вопрос — какие религии и учения исповедовали наши монгольские племена с древнейших времен, то выясняется следующее. Предки монголов были народом, жившим племенами и группами на обширной территории в центре Азиатского континента, к югу от Байкала, к северу от Индии, Тибета и Китая. На западе их земли начинались от северных границ Индии и на востоке доходили до хребта Хинган. Жили они попеременно с уйгурами, тюрками и чжурчжэнями. Исповедовали — сначала шаманизм, затем религию огнепоклонников — буддизм³⁵⁵. Кроме того, было некоторое количество монголов-христиан и магометан.

Как возникли все эти религии, исповедовавшиеся монголами? Хотя все они по содержанию и воззрениям различны и противоречат друг другу, они едины в одном: в каждой религии одинаково почитают нечто таинственное, что носит имя бога-покровителя, и страшатся чего-то таинственного, что именуется нечистым. Поэтому очевидно, что все религии произошли от одной общей причины. Эта первопричина не создана Богом, который для вразумления людей направляет к ним своего посланца. Она создана человеком, выдумавшим ее. Вообще, если посмотреть на историю человечества с древнейших времен, то желание избавиться от невзгод и страданий, жить долго и в благоденствии было присуще всем. А так как эти стремления не всегда осуществлялись, и страдания и невзгоды продолжали существовать, то у людей возникали представления о том, что счастье и страдание, рождение и смерть — все имеет таинственную причину, не доступную пониманию человека. Эта причина вызвала поклонение себе. Таким образом, истоки всякой религии лежат в вымысле самого человека, робкого и мягкосердечного по природе.

Хотя все религии одинаково исходят из воображения человека, боязливое по своей сути, они появились в разных странах и были рождены разными людьми. Во многих странах учителя создавали их на основе прежних учений. Например, в биографии Будды Шакьямуни говорится, что он стал в Индии учеником великих арши (отшельников)** веры тиртиков — Удгага, Ардгалайма³⁵⁶ и др., научился у них различным способам созерцания и, в соответствии с их учением, старался умертвить свою плоть. В истории Франции и Европы говорится, что христиане заимствовали у еврейского народа, в древности называвшегося иудеями, Библию и чтут ее как основную книгу своего закона. Еще говорится, что религия, проповеданная Мухаммедом, есть смесь христианства и иудаизма. Если спросить, откуда знал Мухаммед про эти две религии, то, вероятно, он с ними познакомился в разговорах с

* Перевод Ринчена и Самбу.

** В круглых скобках сохран

иностранными купцами, приехавшими в город Мака (Мекка). В некоторых хрониках сказано: «В древние времена при царе Махасаммате³⁵⁷ некто в тоске от усилившихся строгостей законов власти удалился в пустынные лесные места и, думая о разных вещах, достиг обладания предвидением и чудесной силой. После этого в Индии стали появляться арши-отшельники, погружавшиеся в Онану³⁵⁸». В других книгах сказано: «Обыкновение соблюдать религиозные обеты произошло от древних законов власти».

Если вдуматься во все это, становится понятным, что вероучители последующих времен заимствовали идеи из прежних религий, объединяли их по своему разумению и создавали новые учения. А что касается того, что Бог создал все и, смилостивившись над людьми, дал им веру, то это — ничто иное, как ложь.

II. О ШАМАНСКОЙ ВЕРЕ ДРЕВНИХ ПРЕДКОВ МОНГОЛОВ

Если религии, исповедуемые монгольскими племенами с древних времен, не были ниспосланы свыше, а были созданы человеком, значит, монголы заимствовали их у других людей. Тогда следует изложить, какие религии, в какое время, у каких учителей заимствовали монголы.

Составители монгольской истории считают, что монголы, с тех пор как стали известны под этим именем, исповедовали шаманскую веру, их первой религией был шаманизм. Откуда у монголов эта шаманская вера? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, следует понять, где жили древние предки монголов. Начнем с этого.

В исторических трудах существует несколько мнений насчет того, где жили предки монголов в древности и как они назывались. Одни говорят, что монголы произошли от китайцев, другие, что от тюрков, третьи, что от индийцев и т.д. О происхождении монголов от китайцев пишут так: «За три с лишним тысячи лет до начала европейского летоисчисления³⁵⁹ при китайском императоре Хуан-ди сын его Ши-цзюнь³⁶⁰ отделился вместе со своим народом от Китая и образовал на севере государство Сянь-юй³⁶¹. Говорят также, что в 1762 г. до европейской эры, при утрате императором Китая Цзэ³⁶² своего трона, его сын сделал жен отца своими наложницами и бежал вместе с ними и частью народа на север, где основал государство Шунь-вэй³⁶³». Так как считают, что эти народы Сянь-юй и Шунь-вэй, отделившись от Китая, образовали монгольские поколения, то и думают, что монголы происходят от китайцев.

Если разобраться, то эти факты говорят лишь о том, что несколько поколений народа отделилось от китайцев и, уйдя на север, основало там государства Сянь-юй и Шунь-вэй. Однако слишком смело на этом основании думать, что часть народа, отделившись от Китая, могла заново создать монгольский язык и образовать монгольские поколения.

Те, кто считает, что монголы произошли от тюрков и уйгуров, обосновывают это тем, что монголы и тюрки издавна были народами с общим жизненным укладом и обычаями, а кроме того, имеют родственные языки. Мы не располагаем точными данными, опровергающими это мнение. Однако на это можно возразить так. Хотя монголы, действительно, издревле имели с тюркскими народами похожие обы-

чай, нравы, уклад жизни, речь и язык, но они не являются членами одной языковой семьи³⁶⁴. Кроме того, знающие люди говорят, что в монгольском языке есть много корней существительных и глаголов, которых нет в тюркских языках. Поэтому думается, что монголы — особый народ, отдельный от тюрков, почему он и сохранил корни этих слов.

Некоторые еще говорят, что монголы происходят от индийцев, и при этом связывают монгольский и индийский языки. Сокращенно изложу то, что об этом пишут в исторических сочинениях. На территории Индии издавна обитали различные племена желтой и черной рас. При этом темнокожие обитали в южной части Индии и занимали большую часть ее, а желтокожие владели севером Индии. За четыре тысячи лет до нас с северо-запада появился белокожий народ и, разогнав темнокожее население страны, овладел значительной частью Индии. Он-то и распространил санскритский язык и браминскую³⁶⁵ религию. Вообще же, индийский язык — это распространенный теми белокожими людьми санскрит и произошедшие от него пракрит, пали, бенгали, хинду и пр. Все эти языки родственны европейским. Поэтому неправильно думать, что монгольский язык родственен индийскому и что монголы отделились от индийцев, хотя в монгольском языке есть много слов, заимствованных из санскрита и других индийских языков.

Таким образом, получается, что монголы произошли не от китайцев, не от тюрков и не от индийцев. От кого же они тогда отделились? Для ответа на этот вопрос сравним устные предания самих монголов с историческими трудами, которые писали в прежние времена монголы и тибетцы. Там мы найдем, что в районе снежных гор на северной границе западной Индии жили многочисленные желтокожие племена, среди которых обитало племя могол или таджик, которое-то, кажется, и было предками монголов³⁶⁶.

Посмотрим, что говорится об этом в различных сочинениях. В труде тибетца Бабу-джунлак³⁶⁷ сказано: «Исконная родина народа таджик — страны Мака и Могол на западе Индии. Земля Байдам, которой владел их царь Хула-Хуй, известна как страна верхних моголов. Войска этого царя проникли в Уруяну (Орояна, Оруяна, Орокьяна, Урукьяна, Орукьяна) и др. земли на западе Индии и прославились как войска моголов».

Отсюда ясно, что народ могол — таджикского происхождения. Одна ветвь его известна под именем хор. Хоры населяют обширную территорию к северу от Китая, Тангута и Тибета. Теперь они носят название чахар и др. и состоят из народов хор и сокбо. Их называют общим именем хор³⁶⁸. В путевых заметках тибетского врача IX в. Йондон-Гомбо рассказывается, как он, путешествуя, достиг страны таджиков, где был вынужден, во избежание встречи с хорскими (монгольскими) войсками, свернуть с пути и спрятаться в горах.

В сочинениях китайцев и тибетцев, ездивших на запад, говорится, что на северо-запад от Тибета, недалеко от Ари³⁶⁹ и Ладакха³⁷⁰, есть страна Кашмир (Качи)³⁷¹, на юге которой недалеко от реки Ганбара есть большой город магометан Санманаха. К востоку от него обитали многочисленные племена могол и сокбо.

В устных преданиях самих монголов рассказывается о том, как мы, монголы, в древние времена отделились от народа могол, жившего на западе, и, погрузив

скарб на верблюдов и гоня стада, двинулись по западным склонам снежных гор в поисках лучших мест. Затем мы дошли до нынешних наших восточных земель и осели здесь. Кроме того, у халхасцев есть устные сказания о могучем богатыре, сражавшемся с ужасными десятиглавыми чудовищами мангусами. Эти невежественные по содержанию, но художественные по складу рассказы очень похожи на джатаки о богатыре Рамане (вероятно, говорится об эпосе Рамаяна), распространенные с древних времен у индийцев. Ученый Тансан из Танского государства³⁷² писал, что родина богатыря Раманы находится в стране Дзаландара на северо-западе Индии. Индийские писатели считали, что чудовище Мангус, которое боролось с тем богатырем, было князем людоедов, проживавших на острове Санкала (надо Сингала, то есть Львиный остров или Цейлон), и звали его Ланка. Монголы и стали неправильно произносить это слово как Мангу или Мангус.

Если посмотреть на все это с точки зрения обсуждаемого вопроса, то можно прийти к выводу, что предками монголов был народ могал или таджик, живший на северо-западе Индии. В некоторых старинных индийских и тибетских сочинениях говорится, что могалы и таджики — народ княжеского происхождения (каста князей), в других — что они принадлежат к касте воинов. Рассказывается, что они искусны во врачевании, живут скотоводством, богаты верблюдами, лошадьми и другим скотом. Часто о них пишут неприязненно и даже враждебно. Описывают их храбрость и мужественность, говорят о постоянных войнах и смутах. Если перевести с тибетского языка на монгольский слово «таджик», то будет — «тигры-леопарды»³⁷³. Возможно, именно тибетцы дали народу могал имя «таджик». А описание народа, данное в этих сочинениях, похоже на характер жизни монголов в древние времена.

За четыре с лишним тысячи лет до нас из мест, находившихся на северо-западе от Индии, пришел белокожий народ, называвшийся арийцами, народом небесного происхождения³⁷⁴. Они стали вести войны с населением Индии асурами (небесными)³⁷⁵. Эти смуты издревле называли враждой тэнгри (небожителей)³⁷⁶ с асурами. Многие индийские и тибетские писатели древности писали, что народы могал, таджик и хор — асурского происхождения. Из этого можно сделать вывод, что предки наших монголов — народ могал жил в Индии четыре тысячи лет тому назад, а с появлением белокожих людей с запада он ушел частично на север Индии, а частично на север от Тибета, где образовал народы хор и таджик. Впоследствии же его ответвления осели здесь, на востоке. Таким образом, можно сказать, что монгольские племена происходят с запада, от народов живших на севере Индии³⁷⁷.

В индийских и тибетских исторических сочинениях отмечается, что народы, жившие на территории от северо-запада Индии (вероятно, северо-востока) и до тибетской страны Ари, то есть населявших Кашмир, Бруша³⁷⁸, Шаншунг³⁷⁹, а также Непал и другие земли, расположенные вдоль великого снежного хребта³⁸⁰, со времен, предшествовавших Будде Шакьямуни, поклонялись шаманам и духам. Исходя из этого, можно предположить, что шаманство у монголов имеет корни в странах Кашмир, Бруша, Шаншунг и пр. В тибетских сочинениях об этих народах пишут, что за шестьсот с лишним лет до начала европейской эры, у народа Шаншунг, жившего на западе от Ари, что на северо-западе Тибета, появился великий учитель шаманов некий ШЭрабмибучэ³⁸¹-шаман. Это относится к времени Будды Шакьяму-

ни. Учениками Шэрабмибучэ были Мудзагхаса, Критокбардзам, Чулисбирма из народов хор, Акдоу — индеец, Лэгдан, Минба — китайцы, Сэрдождиджам из народа барум, Джимджинцамид — тибетец, Джэцагар из народа минъяк-тангут, Ширабучин из Шаншунга и другие волхвы и шаманы. Они распространили шаманскую веру повсюду. В этих писаниях подробно указаны имена людей и названия стран. И хотя нет точных указаний на то, что монголы заимствовали шаманизм у этого Шэрабмибучэ, но все же эти сведения могут иметь отношение к шаманизму у монголов.

Интересно, что в современных шаманских призываниях монголов есть такие слова:

«Из далеких стран заката³⁸²

Седой и старый дух, явился я!»

Также шаманы имеют обыкновение хвалить свои старые сабли, кинжалы и другие культовые предметы, восклицая, что, мол, ковал их кузнец из Непала, закалывал кузнец из Кашмира и т.д. Это тоже может указывать на то, что монголы принесли шаманизм с запада.

Вообще, в книгах нет никаких данных о том, когда именно возникла шаманская вера. В некоторых сочинениях говорится, что в древние времена некий учитель Джочкугоншиг ввел шаманство, но в большинстве — отмечается, что шаманизм является древнейшей религией.

Теперь о землях, где издревле обитали шаманы. Они пребывали преимущественно в лесистых и таежных местах или — в высоких и гористых. При этом шаманы высокогорья более грозные, чем шаманы низменности. Не всякий человек может стать шаманом. Для этого требуется предрасположение организма. Нередко бывает так, что люди из шаманской семьи, несмотря на свое нежелание становиться шаманами, впадают в обморочное состояние и начинают причитать. Из этого становится ясно, что именно таких людей, подверженных припадкам, то есть получивших под влиянием климата и природы задатки болезни, передаваемой от родителей к детям, и считали в древности людьми, в которых вселялись духи. Так и произошел шаманизм. Во всяком случае, соединение с духом у шаманов есть на самом деле нервное, болезненное состояние. Нельзя считать, что это сошествие духа или божества.

Устремления шаманистов сводятся к укреплению собственного очага и семьи в этой жизни с помощью изгнания злых духов. Они отвергают идею о прошлых перерождениях, о мучениях в аду. Они признают три вещи: почитание божеств, изгнание духов и укрепление очага-семьи в этой жизни. В некоторых сочинениях по этому поводу написано так: «У шаманистов древности нет никаких шаманских учений, кроме веры в необходимость почитания божеств, изгнания духов и улучшения тем самым жизни людей».

Великий индийский учитель Арьядэва³⁸³ писал, что, по мнению древнеиндийских шаманов, жить надо в благоденствии, пока не прервалась нить человеческой жизни. Когда же наступает смерть, то все чувства прерываются, а тело превращается в прах. Следующее рождение невозможно. Поэтому не следует говорить о предыдущих и последующих жизнях. Надо лишь приносить жертвы божествам, чтобы они даровали нам спокойную и счастливую жизнь, пока мы живы, и изгонять злых духов, чтобы они не мешали нам стать богатыми и сильными.

Шаманы древности не знали ничего, кроме трех: богопочитания, изгнания духов и моления о счастье. В более позднее время шаманизм у многих народов подвергся влиянию других религий, распространенных среди них. Например, шаманизм в Индии смешался с религией тиртиков, в Тибете — с религией Будды Шакьямуни, в Китае — с даосизмом, а у монголов — с религией огнепоклонников. Остановимся на смешении монгольского шаманизма с религией огнепоклонников. В настоящее время монголы практически не различают их, но, видимо, это совершенно разные религии. Европейский ученый Рамшеден³⁸⁴ об этом писал: «Приблизительно с 751 года соглакский³⁸⁵ народ начал переселяться из-за Иль-Тарбагата на землю уйгуров и занялся торговлей. Наряду с этим он дал толчок распространению двух вероучений. Одно из них было манихейство, распространяемое из стран востока. Эта религия из Баин-балгасуна (Богатый город)³⁸⁶ на Селенге стала распространяться среди уйгуров, монголов, ойратов и других народов. Хотя манихейская религия нигде не сохранилась, но культ огня и почитание гор у монголов происходят от этой религии. До этого все уйгуры, тюрки и монголы поклонялись шаманам с бубнами и не знали грамоты». Таким образом, культ огня и почитание гор у монголов могли явиться остатками манихейской религии, распространившейся в Монголии с 751 года. Следует отметить, что почитание божества огня у монголов может иметь корни в древнеиндийской браминской религии. Например, в древности индийские брамины, совершая обряд почитания огня, сжигали на костре козу и при этом говорили такие слова: «Эй, коза! Иди в блаженную страну. Я очищу твои глаза. Я очищу твои уши. Я очищу твой язык. Я очищу твое тело». Между тем, монголы при почитании божества огня с древних времен пользовались козьим жиром. Если же огонь не разгорался, то говорили: «Разгорайся-разгорайся! Сейчас дам тебе кишечного жира от серого козла!» Тибетские же почитатели огня считают, что начало поклонению огню было положено Ратнасамбхавой и другими браминскими учителями, жившими на юго-востоке Индии. Эти тибетские огнепоклонники божество огня называли Эйнчи-ханом. Они верили, что он обладает телом красного цвета, имеет одно лицо и две руки, что в правой руке держит четки, а в левой — треножник³⁸⁷, едет на буром козле, весь разукрашенный, в шелках и других украшениях, и что проживает со своими приближенными на юго-востоке Индии. Для почитания его вместо живой козы сжигали сделанную из муки фигурку козы. С четырех сторон треножника привязывали хадаки³⁸⁸, а в огонь наливали желтое масло. Все это очень похоже на поклонение божеству огня у древних монголов.

Это показывает, что культ огня происходит от браминской религии, а не есть свойство шаманизма. Поклонение монголов горам и обо³⁸⁹ и вовсе нельзя считать относящимся к шаманизму. Шаманы всегда и всюду считали божества, которым они поклонялись, воздушнотельными существами с вороньей, филиньей, волчьей или медвежьей головой, обитающими на высоких горах. Но названия высоких гор у монголов, такие как Тэнгри, Хангай, Богдо, Хайрхан, Онгон, трудно соотнести с шаманизмом. Однако так как точных данных на этот счет нет, не будем останавливаться на этом.

В некоторых описаниях сказано, что гунны (жившие около двух тысяч лет тому назад)³⁹⁰ исповедовали шаманскую веру. Божествами их шаманской веры были

небо, солнце, луна, земля и множество воздушнотелых злых духов. Многочисленные храмы, построенные для призывания блага для всех существ мира, говорят, до последнего времени, стояли на берегу Хатун-гол, южнее Ордоса. Из этого можно заключить, что тогдашние монгольские шаманы, в действительности, могли принимать обет поклонения множеству злых духов.

Если обобщить письменные источники и устные предания о верованиях народов в древности, то монгольские шаманы старались действовать в двух направлениях: «закрыть врата несчастья и открыть врата небес». Для этой цели на вершинах высоких гор воздвигали обо (куча камней или земли), привязывали дзалама (священные бумажные полоски, привязываемые на ивы и другие предметы), исполняли обряд моления, тела покойников погребали на одном месте, где совершали обряд закрытия врат. При всех этих обрядах божеству подносились жертвоприношения из мяса, айрана (молочный продукт) и пр. Если кто-нибудь не совершал поклонения, то для его устрашения клялись перед духом божества закрыть врата небес и открыть врата злых духов. Некоторые шаманы поселялись в горных пещерах. В некоторых книгах сказано, что одним из таких шаманов, поселившихся в темной пещере, был Тэб-тэнгри, по имени Кокэчу, четвертый сын старика Мунлика из племени хонхотон, живший во времена Чингис-хана. Он жил в пещере на высокой скалистой горе, в верховьях реки Онон. Люди в страхе на коленях поклонялись ему. По народным сказаниям, севернее горы Джинсуту-тобогор, расположенной на северном берегу реки Ур-гол, восточнее гор Косогила³⁹¹, в темной пещере жил величайший шаман древности Даян-дэрхи³⁹². Точных данных о времени жизни Даян-дэрхи нет. Люди с давнего времени поклоняются одному конусообразному камню, считая его за тело Даян-дэрхи. Позднее, во время императора Гао-цзу³⁹³ Цинской династии ламы построили над этим камнем у подножья горы Джинсуту-тобогор часовню и нарисовали шамана в тибетском стиле в образе белого человека на белом коне с собакой на поводу и вооруженного луком и стрелами. Объявив его Даян-дэрхи, они стали собирать пожертвования ему.

III. УЧЕНИЕ ШАКЬЯМУНИ И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В МОНГОЛИИ

По какой причине монголы, издавна исповедовавшие шаманизм, приняли религию Бурхана³⁹⁴ Шакьямуни? Поскольку это связано с самим учением Бурхана Шакьямуни, рассмотрим, что говорится об этом в исторических книгах³⁹⁵. Около 700 лет до начала европейского летоисчисления среди индийцев желтой расы в районе Магадхи³⁹⁶ проживало одно племя из сословия воинов под названием шакья. Их столицей был город Кабиланагари³⁹⁷. В городе жил покровитель всех сословий шакьев царь Симхахону. У него было восемь детей. Четверо сыновей — Шуддходана, Шуклодана, Даранадана и Амритадана и четверо дочерей. После смерти Симхахону престол наследовал его старший сын Шуддходана, который всем сердцем желал хорошего сына-наследника³⁹⁸. Наконец, мечта сбылась. Царица Махамая забеременела. Ее отправили в прохладную рошу Лумбини, где она и родила

сына. Обрадованный отец Шуддходана дал сыну имя Артасидхи³⁹⁹. Это и есть Бурхан Шакьямуни. О годе рождения Артасидхи в историях пишется по-разному. В китайских исторических сочинениях говорится, что Бурхан Шакьямуни родился во времена царствования императора Чжу-вана (пятого императора) династии Чжу⁴⁰⁰. Эта династия существовала две тысячи пятьсот лет тому назад. Европейские историки, изучавшие надписи на памятниках и субурганах, относящихся ко времени индийского царя Ашоки⁴⁰¹, предполагают, что Шакьямуни родился за две тысячи пятьсот лет до нас. Ввиду таких совпадений рождение Артасидхи можно отнести к 640 г. до европейского летоисчисления. Через семь дней после рождения Артасидхи его мать Махамая скончалась. Ее старшая сестра Праджапати взяла ребенка на воспитание. Когда ребенку было семь лет, за хороший уход и воспитание Шуддходана пожаловал Праджапати титул «гаутами».

Затем отец отдал сына учителю Сринбукуц⁴⁰², и до тринадцати лет тот обучался грамоте, арифметике, музыке и другим предметам. Артасидхи учился блестяще. После этого отец, посоветовавшись со своими приближенными, отдал Артасидхи некоему Сахадэва для обучения стрелковому делу. По достижении семнадцати лет Артасидхи женили на дочери семьи Хастаданда Яшодхаре⁴⁰³. С тех пор по обычаю шакьев Артасидхи стал заниматься военным искусством. Царь Шуддходана, будучи поклонником религии созерцателей арши, неоднократно обращался к арши с просьбой предсказать будущую жизнь сына. Каждый раз арши предсказывали, что если сын его примет обеты и уйдет в монахи, то станет учителем великой религии, а если останется в свете и вступит на царский престол, станет царем-чакравартином, властелином мира. Так они предсказывали два пути. Но отец боялся, что если сын его уйдет в монахи, царский род останется без наследника. Поэтому он с малых лет ни в чем не отказывал Артасидхи и не противился его желаниям. Он женил сына на красивых девушках и позволял проводить время в наслаждениях.

Так Артасидхи прожил до двадцати девяти лет. Когда царевич Артасидхи делал прогулки по городу Капаланагари, его слуга Чанда, исповедовавший религию созерцателей, встречая старцев, покойников и прочих, высказывал слова отвращения к мирской жизни. Это повлияло на настроение Артасидхи. Он стал худеть, у него появилось желание уйти из дома.

Однажды царевич Артасидхи, так же как и раньше, вместе со слугой Чанда, выехал на прогулку. У северных ворот городской стены они встретили одного монаха школы дигамбара (оголяющихся)⁴⁰⁴. Так как Чанда с похвалой отзывался о жизни монахов, царевич Артасидхи заинтересовался встреченным. Он вступил с монахом в разговор, и тот произнес проповедь о необходимости воздержания от грешной семейной жизни и принятия монашеских обетов, а также жизни в отшельничестве.

С тех пор царевич Артасидхи страстно возжелал стать монахом и жить в отшельничестве. Он думал об этом днем и ночью, он видел об этом сны. Царь Шуддходана, узнав о мечтах сына, принял следующие меры. Он собрал своих вельмож и приказал окружить город стеной солдат, чтобы царевич не смог выходить за стены города; он приказал ежедневно устраивать пиры и празднества во дворце для развлечения царевича. Однако эти меры не помогли, так как намерения царевича Артасидхи были тверды.

Царевич тайно сговорился со слугой Чандой. Тот привел ему хорошего коня, и Артасидхи в том же году в первом летнем месяце ушел из города Капилагари, обнаружив разрыв в оцеплении. Недалеко от горы Гридракута он принял монашеские обеты и сделался учеником арши Вишваната из школы дигамбара. На просьбу царевича научить его магической силе избавления [от страданий] учитель сказал, что это возможно только путем самоистязания: чтобы очиститься от всех грехов, необходимо разложить пять костров, днем и ночью, произнося молитвы, скакать вокруг них на одной ноге. Артасидхи попытался исполнить указание учителя, но ему это показалось бессмысленным мучением.

Затем он стал учеником арши Удрака и Арада Калама, исповедовавших учение дигамбара. Эти учителя преподали ему, как следует истязать свое тело и предаваться созерцанию. Артасидхи в течение шести лет до тридцатипятилетнего возраста вблизи реки Найрадждана предавался созерцанию согласно учению своих учителей арши.

В это время отец царевича царь Шуддходана разослал гонцов во все стороны света с приказом разыскать сына и немедленно доставить его домой. Получив известие, что сын давно стал монахом и пребывает в созерцании, он ничего не смог сделать. Посовещавшись со своими шакьями, царь послал к нему пять человек — Каундинью, Маханамана, Башпу и Бхадрику⁴⁰⁵, чтобы они присматривали за царевичем. Но последние, прибыв к царевичу, тоже приняли обеты монашества. Так, питаясь плодами и зеленью, они прожили вместе с Артасидхи шесть лет. Растительное питание было для монаха Артасидхи губительным. Истощенный до предела, он решил завершить отрешение и заняться лечением здоровья⁴⁰⁶. Пять его товарищей посчитали такое решение слабостью и ушли в направлении города Варанаси, оставив Артасидхи на произвол судьбы.

Монах Артасидхи, оставшись один, стал питаться подаянием, бродя по окрестным местам. Поправив свое здоровье, он пришел в местность Бодхиманда и решил остановиться на южной стороне леса Ашвадатта для постижения нового учения. Вначале он не мог погрузиться в созерцание, все путалось в уме. Но, сосредоточившись на идее о тленности всего в мире, он открыл новое учение, с особыми законами, независимое от старой религии тиртиков.

Через сорок девять дней после открытия истин нового учения Артасидхи направился в город Варанаси. В роще Ришипаттана он встретился со своими товарищами — Каундиньей, Ашваджитой, Маханаманом, Башпой и Бхадрикой и преподал им проповедь нового учения.

С тех пор везде в Индии Артасидхи стали называть Буддой Шакьямуни. В переводе на монгольский язык Будда Шакьямуни означает «Могущественный бурхан (мудрец) религии шакьясцев». Бурхан Шакьямуни начал проповедовать свое учение и в течение сорока пяти лет странствовал по городам Варанаси, Раджагриха, Шраваси, Каушамби, Паринирван и др., а также по районам Гридракут, Бодхиманда, Джетавана, рассказывая об открытых им истинах.

На восьмидесятом году он скончался в местности Кушинагара.

По законам, проповедуемым Буддой Шакьямуни, счастье и несчастье всех живых существ зависят не от воли ангела-хранителя⁴⁰⁷, а от собственных благодея-

ний и пороков. Поэтому каждое живое существо должно принять обеты отвращения от пороков, которые служат причиной несчастья, и исполнять деяния, способствующие накоплению счастья. В особенности следует воздерживаться от вожделений⁴⁰⁸ и в противоположность этому усердствовать в созерцании освобождения.

Если мы рассмотрим сущность этого учения, то увидим, что оно, несомненно, основано на представлениях старых тиртиков, в особенности школы дигамбара, проповеданных арши цина⁴⁰⁹. Но учение Будды Шакьямуни содержит много нового по сравнению с тем, что было в верованиях старых арши. Например, арши считали желания главной причиной всех мучений в материальном мире, но утверждали, что каждый человек, желающий избавиться от мучений, должен предаваться самоистязанию, сокращению пищи и т.д. Учение же Будды Шакьямуни об этом говорит так: «Сколько есть у живых существ чувственных желаний, столько у них есть и замутненных намерений, столько же он совершает грешных или благих деяний. Отсюда в мыслях могут установиться склонности, которые являются причиной бесконечных перерождений живых существ. От желаний и страсти, являющихся причиной страданий, следует воздерживаться. Но страсти и желания не возникают беспричинно, они берут начало из привязанности, возникающей из того, что мнимое почитают за действительное. Поэтому если не уничтожить сами привязанности, то, сколько бы ни было мучений, они явятся лишь промежуточными страданиями, и будет в десять тысяч раз труднее уйти из материального мира, окончательно отказавшись от желаний и страсти. Если же исповедовать противоположное привязанности, имеющее в виду действительное существование материи — вот тогда, абсолютно отказавшись от желаний и страсти, можно навсегда освободиться из круговорота бытия». Из этого видно, что проповедь Будды Шакьямуни противоположна законам тиртиков-арши, так как каждая ее идея о способах спасения обусловлена отрицанием действительности существования материи.

[Возникает вопрос], почему люди уверовали в это учение, несмотря на то, что оно проповедовало мнимость материального [мира], который все воспринимают действительным. [Дело в том, что,] хотя суть учения Будды Шакьямуни сводится к сказанному, оно имело и особые приемы проповеди. В некоторых религиозных книгах и биографических описаниях рассказывается, как Будда Шакьямуни, являя различные чудеса, заставлял народ относиться к его учению с благоговением. [Эти чудеса] не следует рассматривать в качестве волшебства. Это есть дар магического знания, приобретенный посредством созерцания.

В древнеиндийских сочинениях описывается, как представители всех тиртикских религий, защищая каждый свое учение, боролись друг против друга. Кроме того, большинство из них боялось открывать низшим сословиям тайные законы своей религии, поскольку этим можно было их «загрязнить» и разгневать божество. Создался обычай скрывать тайные законы каждого учения. С другой стороны народ браминского сословия в то время отличался властностью. Они относились с большим высокомерием к другим сословиям. Под предлогом знания судьбы они повелевали сословием воинов-царей и низшим сословием слуг. Таким образом, воины-цари и слуги находились под тяжелым давлением браминов. Будда Шакьямуни происходил из сословия воинов-царей. Он не скрывал тайны законов своего

учения, а наоборот — стремился обратить в свое учение как можно больше людей. Поэтому в период борьбы сект за преобладание он сумел найти способ добиться у народа веры в свою религию.

Согласно его учению, разделение людей на высшие и низшие сословия считалось неверным, поэтому это учение распространялось среди всего народа, безотносительно к происхождению людей. Он приближал к себе монахов из низших сословий, они делались знаменитыми учителями. Для проповеди своих идей он использовал тогдашние индийские разговорные наречия. Он наполнял проповедь шутками, чем привлекал людей. Будда не выступал открыто против воззрений и ритуалов различных школ тиртиков. Более того — он приспособливал их идеи для своего учения, придерживался некоторых их верований и дисциплин. Своих лучших учеников он посылал для изучения различных идей тиртиков, чем приводил тиртиков в удивление.

В результате последователи различных религиозных школ, кроме браминов, стали поклоняться Шакьямуни, считая его перерождением их бурхана. Сословие воинов, а также чернь, терпевшие угнетение со стороны браминов, стали считать Будду Шакьямуни своим покровителем, они стали принимать его учение, увеличивать число монахов — гэцулов⁴¹⁰ и гэлунов⁴¹¹.

Таким образом, через двенадцать лет (со времени начала [проповеди] учения Шакьямуни) количество принявших монашеские обеты увеличилось чрезвычайно, вследствие чего началось разложение дисциплины. Поэтому Шакьямуни, руководствуясь законами царя Браванчид⁴¹², составил новый монашеский закон, названный «Виная». В результате принятия учения Будды Шакьямуни все цари, сановники, воины, крестьяне, мужчины, женщины, старики и дети народа Шактрия⁴¹³ стали покидать свои дома и принимать монашеские обеты гэлунов и гэцулов. Вследствие этого они лишались средств существования, разорялись, дети переставали рождаться. Так прославленный, воинственный народ Шактрия дошел до самоуничтожения.

Несмотря на такое положение, шактрии продолжали не заботиться о своем положении, критиковать страсти людей, удивляться алчности. Лишь один из них — Девадатта⁴¹⁴, заботясь о своем существовании, вел борьбу с Шакьямуни. Девадатта был сыном младшего брата царя Шуддходаны — Амритаданы. Он с малых лет относился к Шакьямуни с завистью, старался всячески вредить ему. В частности, он хотел с помощью хитрости занять престол царя шактриев и уничтожить учение Будды.

В это время отец Шакьямуни царь Шуддходана принял монашеские обеты, и его престол занял Бхадрика — сын Шуддходаны. Новый царь Бхадрика, узнав о намерениях Девадатты, насильно заставил его вместе с друзьями принять обеты гэлуна, а затем и сам стал монахом. После него некому было принять власть в стране, отчего управление в стране шактриев перестало существовать.

Девадатта, будучи лишен возможности вести борьбу с Шакьямуни в светском правлении, вознамерился использовать свое положение монаха для того, чтобы низвергнуть Шакьямуни. Он решил создать свое учение. Он сговорился с друзьями, во главе которых стоял Кукалик, и вместе с ними выставил против учения Шакьямуни следующие пять критических положений:

разрешение использовать в пищу мясо есть зловередная политика, открывающая путь к уничтожению живых существ;

разрешение употреблять молоко есть зловередная политика ограбления живых существ;

разрешение употреблять соль есть зловередная политика, способствующая гибели людей от желудочных заболеваний;

разрешение кроить и шить одежду из маленьких кусков шелка и материи есть зловередная политика, ведущая к разорению людей;

призыв к странствованию, а не к оседлой жизни в городах, есть зловередная политика, ведущая к уничтожению насекомых и червей⁴¹⁵.

Если отречься от этих пяти зол — учил он — каждый человек может с легкостью уйти (в мир вечности).

Дэвадатта, проповедуя свое учение, привлек на свою сторону пятьсот учеников Шакьямуни. Однако авторитет Шакьямуни был слишком велик, и большинство его последователей порицали Дэвадатту. Так цель Дэвадатты не была достигнута. Тогда он решил продолжить борьбу с Шакьямуни другим способом. Повидавшись с Аджаташатру, сыном царя Бимбисары⁴¹⁶, он сказал: «Твой царь-отец сговорился с Шакьямуни лишить тебя наследства. Если ты срочно не убьешь отца и не уничтожишь учение Шакьямуни, то испытаешь много страданий. Я могу, чтобы оказать тебе помощь, умертвить Шакьямуни. После этого ты будешь царем великого государства, а я буду великим учителем, и мы вдвоем сумеем жить в мире».

Аджаташатру, поверив этим словам, с помощью различных способов отстранил своего отца от управления страной и заключил его в тюрьму. Кроме того, он издал указ о том, что все его подданные, которые последуют учению Шакьямуни, будут наказаны отсечением им рук, ног и пр. А Дэвадатта в это время готовился совершить покушение на Шакьямуни. Он стал упражняться в стрельбе из метательного оружия. Но покушение было неудачным, Шакьямуни получил только ранение. Услышав об этом, Аджаташатру перестал доверять Дэвадатте. Он решил выпустить Бимбисару из тюрьмы, но оказалось, что царь-отец давно умер. Тогда Аджаташатру, глубоко покаявшись в содеянном, принял учение Шакьямуни.

Будда Шакьямуни излагал свое учение устно, поэтому после его упокоения, ученики трижды собирались, чтобы записать слышанные проповеди. Первый собор был созван примерно через двадцать восемь лет после смерти Шакьямуни⁴¹⁷ и проведен при содействии царя Аджаташатру под руководством гэлунов Кашьяпы и Ананды⁴¹⁸. Второй собор собрался примерно через сто десять лет после смерти Шакьямуни при содействии царей Ашоки и Нандаки⁴¹⁹. Третий собор был проведен в местности Кашмир (Кице) при содействии царя Канишки страны Дзаландара⁴²⁰, примерно через двести десять лет после кончины Шакьямуни. Из учения Шакьямуни, изложенного на данных соборах, видно, что на раннем этапе в нем не было осуждения различных других религиозных течений. Кроме того, Шакьямуни в целях привлечения на свою сторону больше людей старался приравниваться к устойчивым воззрениям и старинным обычаям, поэтому его проповеди были полны противоречий. Особенно много противоречий в наставлениях, собранных на двух последних соборах, созданных по истечении значительного времени после

смерти Шакьямуни и собравших и утвердивших большое число материалов, передававшихся до этого устно, в силу чего многие проповеди вызывают сомнения — действительно ли они являются словами самого Шакьямуни.

В то время в Индии уже начали распространяться научные знания, и большинство людей не могли слепо верить во что-то, как раньше, а стали относиться к религиозным идеям критически. Возникла необходимость анализа имевших место противоречий. Начиная примерно со второго собора, стали проводиться религиозные диспуты. В результате данных диспутов создался один из основных буддийских разделов [канона] «Абхидхарма», в котором в свою очередь имелось восемнадцать разделов. Во время второго собора, то есть примерно через сто лет после смерти Шакьямуни, образовалась секта сутрантистов⁴²¹. В этот же период появился так называемый закон «Большой колесницы», который имел в себе несколько сотен различных течений. Это было новое учение, поэтому старые направления получили название «Малой колесницы»⁴²². Одновременно с этим брамины, заинтересовавшись учением «Большой колесницы», приняли религию Шакьямуни и таким образом стали покровительствовать учению «Большой колесницы».

Если попытаться выявить все направления в буддийском вероучении, сложившиеся к этому времени, то получится несколько сотен школ. Их можно разделить на четыре группы в соответствии с главными доктринами: а) Абхидхарма, б) закон секты сутрантистов, в) идея об иллюзорности внешнего мира и внутреннего мышления, г) утверждение, что все есть ничто. Указанные воззрения выдвигались людьми, обладавшими научными познаниями. В борьбе с оппонентами и пытаясь защитить свои взгляды, они составляли различные сочинения, при этом некоторые идеи, высказанные Шакьямуни, излагались в весьма обширных трактатах, обрастая большими комментариями.

Вследствие такой работы светски образованных людей религия Шакьямуни переплелась со старыми научными знаниями, распространенными в Индии. Благодаря этому, другие народы, входившие в контакт с Индией, воспринимали у нее религию Шакьямуни.

Таким же образом и некоторые монгольские племена, жившие на границе с северными районами Индии, например, такими как Кашмир, входя в культурные, политические и другие взаимоотношения с Индией, стали постепенно воспринимать учение Шакьямуни, несмотря на поклонение шаманам. Было это около двух тысяч лет тому назад. В старых исторических повествованиях, составленных на основе тибетских сочинений, указывается, что примерно через сто десять лет после смерти Шакьямуни индийский царь Ашока завоевал народ Ли или Уте⁴²³, похожий на китайцев и живший недалеко от северо-западной тибетской провинции Ирай. Там сразу возвели храмы. Через двенадцать лет после этого события туда вторглись китайцы, выгнали сановников и войско Ашоки, завоевали хотанское⁴²⁴ племя, известное под именем Ли, и возвели в ханы Салану. Эта страна на протяжении длительного времени поддерживала контакты с индийской страной Кашмир, благодаря чему в ней широко распространилось учение Шакьямуни. Через них эту религию приняли монголы хотонского племени, жившие по соседству с ними. В некоторых китайских повествованиях рассказывается следующее: «Во время войны, возник-

шей из-за территориальных споров между китайцами и страной Ху⁴²⁵ (двести лет до Р.Х.) китайские войска сожгли храмы и божества страны Западной Ху (Монголии). У-ди⁴²⁶, хан народа, известного под названием хань, накануне начала европейского летоисчисления пошел войной против государства Хунну. В числе привезенных оттуда предметов оказалось золотое изображение Шакьямуни. Это было первое буддийское изображение Будды, попавшее в Китай».

В некоторых тибетских сочинениях читаем⁴²⁷: «В первом столетии европейского летоисчисления великий хан сокба-монголов Турушка, принявший буддийскую религию и живший в период царствования бенгальского хана Дхармачандра⁴²⁸, завоевал страну Качи. Он царствовал много лет. После него его сын Многими возведенный тоже долгие годы управлял страной Качи».

В период правления четырнадцатого правителя страны Хань Мин-ди⁴²⁹, то есть примерно во втором столетии европейского летоисчисления, в Индию совершил путешествие некто Па-хиян⁴³⁰. В его путевых заметках сказано: «На запад от Шинан-фу⁴³¹, перевалив через труднопроходимые горы и реки, добрались до Дуньхуана⁴³², лежащего между Китаем, Тибетом и Монголией. Затем, преодолев за семнадцать дней великую монгольскую пустыню, доехали до страны уйгурского хана, где распространена буддийская религия и живет много монахов, которые усваивают учение на индийском языке. Держа путь на северо-запад по территории уйгурской страны, через пятнадцать дней добрались до страны Уце⁴³³, где около четырех тысяч лам обучаются учению «Малой колесницы» Будды Шакьямуни. В дальнейшем пошли на юго-запад. Пройдя по пустынным местам, перейдя много рек, через тридцать пять дней добрались до страны Хотан или Ли. Здесь учение Будды широко распространено и живет много монахов-хувараков. Затем через двадцать пять дней прибыли в страну Дзудодза⁴³⁴, которая является страной великого хана Ху южных монгольских племен, известных под названием Сок⁴³⁵. Они веруют в Будду, у них около тысячи лам, исповедующих «Большую колесницу». Отсюда через двадцать пять дней доехали до страны Качи».

В повествовании китайского ученого монаха Тансан-ламы, который жил в период правления хана Тайцзуна⁴³⁶ Танской династии, правившей с 686 по 708 гг. по европейскому летоисчислению⁴³⁷, сказано следующее: «Через Мунгу-Дун добрался до страны уйгурского хана Топана⁴³⁸, который принял его с большим почтением и, поднеся для дорожных потребностей лошадь, шелк, золото и другие вещи, проводил дальше до земли монгольского великого Хо-хана [хагана]. Монгольский хан с большим благоговением принял Тансан-ламу и, приготовив для него средства передвижения и довольствие, проводил дальше».

В некоторых других тибетских сочинениях говорится: «Если к западу от бухарской страны, называемой Ли, проехать великие снежные горы, то будет страна, лежащая на севере Индии, в которой жил великий хан монгольских племен. В этой стране живут вперемешку индусы и монгольские племена хор, сок. В ней с древних времен широко распространена религия Будды».

Эти данные говорят о том, что некоторые монгольские племена, жившие в западных хотонских странах за две тысячи лет до нас, исповедовали буддизм⁴³⁹. Однако среди монгольских племен, живших в той стране, имелась одна народность,

которая две тысячи лет тому назад вела ожесточенную борьбу с учением Шакьямуни, так как имела свою особую религию. На этот счет в сочинении по истории религии в Индии, составленном тибетским ламой Таранатхой⁴⁴⁰, имеются следующие сведения: «За сто лет до европейского летоисчисления в период правления индийского царя Паничандра в городе Мултана⁴⁴¹, лежащем на северо-западе Индии, жил хан таджик-монгол по имени Халу, который исповедовал учение Арто⁴⁴² (учителя еретического лалынского учения⁴⁴³). Он был богатым человеком, владевшим стадом в сто тысяч голов скота. Он впервые распространил в Индии еретическое учение. В период правления индийского хана Дхармачандра, то есть во втором столетии европейского летоисчисления, в таджикской стране царствовал хан Хуниманта, который управлял областями Олотана⁴⁴⁴ и Ли-Хор. Хуниманта, несмотря на то, что вел войну с ханом Дхармачандрой, иногда устанавливал с ним дружественные отношения, и они обменивались подарками. Однажды хан Хуниманта под тем предлогом, что исповедующие учение Шакьямуни строят против него козни, ввел войска в Центральную Индию и уничтожил все монастыри Магадхи, разрушил даже монастырь Аландара⁴⁴⁵. После смерти хана Дхармачандры престол занял его внук. Однако он был лишь слугой турецкого хана⁴⁴⁶, поэтому ничего не смог предпринять против Хуниманты. В это время дядя (по матери) Дхармачандра-хана правитель области Варанаси Будходика⁴⁴⁷ послал в Китай ученого ламу, исповедовавшего учение Шакьямуни, за что получил очень много золота. Используя его, он привлек на свою сторону второстепенных ханов Центральной и Северной Индии. Получив такую поддержку, он встал на защиту своей религии и пошел войной на таджикско-монгольские племена. Он уничтожил хана Хуниманту и его богатырей, сурово подавив таджикскую страну. Затем в четвертом столетии европейского летоисчисления один из ханов западной провинции Индии Шрихарша, приверженец религии Шакьямуни, решил уничтожить лалынскую религию еретиков и защитить свое учение. Он вошел с войском в район города Мултана и предал огню храмы и людей, которые исповедовали эту религию. После этого еретики Таджик-Монголии количественно уменьшились».

Из этого можно сделать вывод, что религию Шакьямуни исповедовали враги некоторых наших предков.

Относительно сказанного о лалынской религии, которую [якобы] исповедовали монгольские племена в то время, следует подчеркнуть, что магометанской религии тогда как таковой еще не было, поэтому вера, которая упоминается, является явно не магометанской. Однако у нас нет данных, на основании которых мы могли бы проанализировать законы этой веры. В некоторых тибетских и монгольских сочинениях говорится, будто во времена индийского ламы Нагарджуны⁴⁴⁸, жившего за сто лет до европейского летоисчисления, от учения Шакьямуни вследствие раскола отошел некто Матара, который и создал лалынское учение. Однако в индийских сочинениях древности много раз говорится о том, что еретическое лалынское учение существовало издавна. Следовательно, указание на Матару, как на создателя этой религии, нужно считать неправильным. На основании данных сочинений древности можно предположить, что некоторые еретические учения смешались с шаманской верой, в результате чего сложилась некое вероучение, которое Матара и его ученик Арто сумели возвысить.

Из всего сказанного выше видно, что часть монгольских племен запада исповедовала веру Шакьямуни, а часть боролась против нее. При этом надо помнить, что такие страны, как Хунну, Шиенна, Хидно⁴⁴⁹, Ху-Хор, Сокба, Таджик, о которых говорится в исторических книгах Индии, Тибета и Китая, были заселены не только монголоязычными народами, но среди них проживали и народы турецкого, уйгурского происхождения. Что касается страны Хуну и Хунну, то в некоторых индийских сочинениях, составленных примерно триста лет до начала европейского летоисчисления, указывается, что индийцы изучали язык и письменность хуну. А из европейских источников видно, что Хуну и Хунну — это одно и то же.

В писаниях Циньского государства, существовавшего две тысячи двести лет тому назад⁴⁵⁰, читаем: «После падения Циньской династии и возвышения страны Хунну, некто по имени Мэтэ⁴⁵¹ возвысился и, заняв Восточную Монголию, покорил страну Джувэ⁴⁵², расположенную по правому берегу реки Хатун-гол, затем вступил в войну с Китаем». Это свидетельствует о том, что страна Хунну стала возвышаться, начиная с трехсот лет до начала европейского летоисчисления и, заняв Восточную Монголию, создала великое государство, после чего стала беспокоить военными действиями Китай. Некоторые европейские ученые указывают, что турки, уйгуры и др. являются прямыми потомками Хунну, и монголы, дзурчиги⁴⁵³, орогоны, корейцы тоже отделились от Хуну или Хунну и возвысились в свое время. Следовательно, в состав государства Хунну входили разные народности, в том числе и предки монголов. Те страны, которые в тибетских и китайских источниках называются «Хор», «Сок», «Ху», в подавляющем большинстве населялись монгольскими племенами, но не исключительно, так как есть много данных, говорящих о том, что там жили и другие племена.

Теперь перед тем, как приступить к изложению данного вопроса, следует сказать несколько слов относительно страны Хунну. За сто сорок лет до начала европейского летоисчисления в стране Хунну произошли внутренние раздоры, в результате которых она разделилась на «Восточную», «Западную», «Южную» и «Северную». Они враждовали между собой, некоторые переходили в подданство Китая. Примерно в 150-м году европейского летоисчисления из монгольских племен выдвинулся некий могущественный человек по имени Ши-Хуваз⁴⁵⁴. Он завоевал Центральную Азию и создал государство Шиян-Ви⁴⁵⁵. Род тобо из Восточной Монголии, именовавшийся тогда Со-Тау и бывший в подданстве у Шиян-Ви, в 261 г. по европейскому летоисчислению создал могущественное государство Юан-Вэ⁴⁵⁶, которое властвовало в центре Восточной Азии около трехсот лет.

Относительно верований в данной стране в исторических писаниях сказано следующее: «Народ тоба в давние времена, когда он еще занимал песчаные степи севера, создал каменный храм шириной девять шагов и высотой семьдесят локтей, в которой поместил своих небожителей и поклонялся им. Затем, когда было образовано великое государство Юан-Вэ, жители этой страны откочевали на юг от этого храма примерно на четыре тысячи гадзар (мера длины — 576 м⁴⁵⁷), построили там свою столицу под названием Фенцен. Однако они периодически посылали своих посланцев для совершения жертвоприношений небожителям, хранившимся в каменном храме.

В стране было очень много храмов небожителей-духов, на жертвоприношения им убивали ежегодно семьдесят пять тысяч семьсот голов скота. Один из са-

новников царя, некто Шиу, [обратился] с просьбой к [царю] ⁴⁵⁸ изменить порядок жертвоприношения. Просьба была удовлетворена. По распоряжению царя отныне воспрещалось приносить в храмы небожителей-духов убиенный скот и совершать им жертвоприношения, а приказывалось впредь приносить жертвы только цветами, листьями⁴⁵⁹. Страна Юан-Вэ в период своего могущества вела войны с [Южным] Китаем. Ее воины уничтожали лам-хушан⁴⁶⁰, последователей веры Шакьямуни, предавали огню изображения божеств, литературу и так далее».

В некоторых других источниках говорится: «Император Доу⁴⁶¹ страны Юан-Вэ вел борьбу против религии Будды и в 446 г. европейского летоисчисления издал приказ об уничтожении религии Будды в своей стране. Это объясняется тем, что даосизм Лао-Цзы⁴⁶² он ставил выше религии Будды. В общем же он был покровителем [знаний] (просвещения). Так, например, в 444 г. было издано распоряжение об обучении детей чиновников и князей в светских школах. Из этого видно, что предки наших монголов до V в. Р.Х. поклонялись духам шаманской веры, пренебрегали религией Будды и вели борьбу против нее даже в странах, расположенных по соседству с ними.

С другой стороны, в некоторых книгах указано, что один из ханов рода Тоба построил храм Будды Шакьямуни и издал закон, разрешавший подданным свободно уходить в ламы. Правда, имеются и противоположные данные: «Со времени кончины хуанди Доу в Восточной Азии наступило спокойствие, было отменено распоряжение 446 года, разрешено свободное поклонение учению Будды во всем Северном Китае, что принесло чрезвычайно большую пользу. Однако — говорится далее — государство Юан-Вэ вело в это время войны, и хан Цэ-ди⁴⁶³ запретил следовать древним монгольским обычаям, носить монгольскую одежду, говорить на монгольском языке. Он стал слепо следовать нравам Китая и поддерживать религию (Будды). Монголы, возненавидев такие порядки, восстали. Начались внутренние раздоры и, в конец концов, государство Ца⁴⁶⁴ пало».

Из анализа приведенных данных можно сделать заключение, что принятие законов о покровительстве религии Шакьямуни было результатом влияния китайцев, которые впоследствии стали вмешиваться в государственные дела государства Вэ. Отсюда следует, что такое покровительство не было добровольным желанием самих монголов. На том основании, что среди подданных Юан-Вэ были последователи религии Шакьямуни, в некоторых старинных книгах делается вывод, что восточные монголы сами исповедовали религию Будды. Однако, если принять во внимание тот факт, что в государстве Юан-Вэ кроме монголов проживало много других народов, то утверждение о том, что религия Шакьямуни была распространена во всей Восточной Монголии, кажется не совсем основательным.

[IV.] ПРИНЯТИЕ ВОСТОЧНЫМИ МОНГОЛАМИ РЕЛИГИИ ШАКЬЯМУНИ И ПАДЕНИЕ ЕЕ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ

Чтобы ответить на вопрос, когда именно восточные монголы приняли религию Шакьямуни, необходимо принять во внимание следующее. Восточные монго-

лы, конечно, не могли принять религию Будды без какой-либо причины. Для того чтобы понять, почему все-таки восточные монголы восприняли религию Шакьямуни, следует, хотя бы немного, коснуться общего положения и жизни тогдашних восточных монголов.

Приведем выдержку из сочинения европейского ученого Рамстеда. Племя уйгуров в период ок. 460 г. европейского летоисчисления кочевало в тех местах, которые теперь занимают нынешние халха-монголы. Таким образом, уйгуры занимали район реки Селенги и ее больших и малых притоков. Они вели кочевой образ жизни, занимались охотой. Земли, лежащие в стороне захода солнца, были заселены такими народами, как байты, бисмины, карлуки. Дальше на запад помещалась страна племени чиг, которое занимало территорию нынешних урянхайцев. По соседству с ними жили киргизы. Прямо на север от уйгуров находились гурбан-хурган — народы, занимавшие три области по правому берегу моря Чикой. Южнее уйгуров в районе двух рек Орхон и Онгийн-гол находилась страна тюрок. Тюрки, уйгуры, карлуки, байты, бисмины и др. являлись народами одного происхождения, у них был один язык. Чиги и киргизы были другого происхождения и имели другой язык. Земли же на восток от уйгуров, то есть между морем Чикой и Хулунбуиром, были заняты татарами тридцати племен. Так называемая тридцатиплеменная Татария и есть монгольская страна, состоящая из тридцати отдельных групп.

Монголия, хотя и жила издавна в соседстве с тюрками и уйгурами, в отношении языка была родственна киданям (китады). Страна китадов не есть современный Китай, китады были предками джурчид-маньчжуров⁴⁶⁵, солонов, ороحوнов, отделившихся от страны Хунну. Современная Маньчжурия являлась их родиной. Согласно этим данным, на территории Халхи в древности проживали различные племена, из которых одно время возвысились тюрки⁴⁶⁶, которые установили свое владычество в центре Азии. После падения тюркского государства возвысились уйгуры⁴⁶⁷.

Несколько слов относительно Уйгурского государства. Часть уйгуров, подчинявшаяся прежде Танской династии, откочевала и присоединилась к уйгурам, населявшим район реки Селенги. Сын родоначальника этих уйгуров хан Кун-Бильге⁴⁶⁸, отделившись от Тюркского государства после подавления тюркского войска, в 644 г.⁴⁶⁹, объявил себя ханом десяти областей уйгуров, девяти областей ойратов и тридцати областей татаро-монголов. Сын названного хана Богучар⁴⁷⁰ выступил на престол в 746 [747] г. и правил до 759 г., нося титул «хан, правитель страны, ниспосланный небом». Памятник этого хана, высеченный из камня, в настоящее время стоит у истоков реки Могай-гол, впадающей в стык двух рек Хануй и Хуну в местности Шинэ-удзун. В 751 г. в районе двух рек Орхон и Джиримту, то есть на родине тюрок, была основана столица Уйгурского государства, где организована ставка и ямынь управления страной⁴⁷¹. Остатки этого города ныне нам известны под названием Харабалгасун. На старом уйгурском наречии этот город назывался Хан-Балык. Примерно в этот же период на северном берегу реки Селенги был создан город Баин-балгасун. Развалины этого города находятся в местности Байбалигун-сум⁴⁷². Со времени своего появления город Баин-балгасун стал местом, где любили останавливаться согдийские и киданьские купцы. Согдийцы — это народ, прибывший из-за Или-Тарбагатая. Занимаясь торговлей, они распространили среди уйгуров две различ-

ные религиозные системы — учение Будды и учение Мани⁴⁷³. Последнее стало проникать на восток из стран, лежащих в стороне захода солнца, то есть с запада. В земли уйгуров начали приезжать согдийские ламы. Они оставались там жить, строили храмы, совершали богослужения. Тюрки и уйгуры вначале пользовались квадратным письмом⁴⁷⁴, каковое постепенно совершенствовалось и приспособлялось к данным языкам. Начиная со времени хана Богучара, уйгуры стали использовать согдийскую письменность. Когда уйгуры овладели согдийской письменностью, старое письмо, которым они пользовались при высечении надписей на памятниках, вышло из употребления. Переводы учения Шакьямуни они стали делать уже на новой письменности.

Монголы свою письменность восприняли от уйгуров. Одновременно с принятием новой письменности, они переняли от уйгурских и согдийских лам-бакшей⁴⁷⁵ города Баин-балгасун и религию Шакьямуни. Первоначально монголы изучали учение, то есть буддийскую литературу, на уйгурском языке, поэтому в лексику монгольского языка вошло очень много слов индийского, согдийского и уйгурского наречий. Например, такие индийские слова, как шашин (религия), судар (сутра), мутар (рука святого), берид (чудовище), бадаг (строфа), проникли в монгольский язык через согдийцев и уйгуров. Такие слова, как ном (религиозная книга), дэвтэр (книга, тетрадь), убсанц (мирянка, принявшая некоторые духовные обеты), наманчлах (поклоняться, сложив ладони), восприняты нами из согдийского языка. Слова сум (храм), субурган (obelisk, пирамида), бэлгэ (знак, признак), билиг (уменьше, способность), хурэг (изображение), эрдэм (знание, наука), аягха-тахимлиг (святой, духовный) заимствованы из уйгурского языка.

Приведенные слова и термины употреблялись в то время лишь при богослужениях. Что же касается восприятия монголами идей религии Шакьямуни, то оно находилось тогда на начальной стадии. Правда, в некоторых книгах пишут так: «Монголы, принимая буддизм от согдийцев и уйгуров, начали переводить на монгольский язык сутры при помощи согдийской письменности, а недостающие термины заимствовали из индийского, согдийского и уйгурского языков. При этом разные повседневные молитвы не переводились, и миряне заучивали их на индийском языке. Например, слова бурхан-ду мургумуй (поклоняюсь Будде) заучивали на индийском языке — намо Будхая. Эти слова были исковерканы и превратились в выражение намводия бомба. Исходя из сказанного, можно предположить, что слово ном образовалось от изменения произношения намо Будхая».

В других исторических источниках говорится, что монголы до хана Улдзэйтү Великой Юаньской династии читали религиозную литературу исключительно на уйгурском языке. Указания же на то, что монголы с самого начала принятия буддизма стали переводить религиозную литературу на свой язык, следует считать недоверенными. Тогда настоящих монгольских монахов, знавших учение Будды, было мало. Есть сведения, что все богослужения у монголов до хана Угэдэя Великой Юаньской династии совершались уйгурскими ламами. Это также подтверждает сказанное нами выше.

Монголы, восприняв буддизм от согдийских и уйгурских лам, не оставили свою старую веру — шаманство, а придерживались ее наряду с буддизмом. В этот период,

то есть в 840 г., на уйгуров напали киргизы, жившие на северо-западе от них, разрушили и заняли всю их страну. У киргизов не было никакой религии и письменности, они были малокультурными, невежественными. Вследствие этого киргизы предали огню возведенные уйгурами храмы, обелиски-пирамиды, статуи божеств, созданные ими духовные книги и исторические памятники. Уйгуры разбежались в разные стороны. Некоторые откочевали в район Или-Тарбагатая в местность Эрэн-Хабирга, где, осев, также начали распространять буддизм. Другая часть, сохранив свой старый язык, осталась жить в северных горных районах, где составила так называемую Танну-Урянхайскую⁴⁷⁶ страну. Еще одна группа откочевала на юг, где, смешавшись с хотонцами и хойгурами, приняла их язык. Незначительная группа уйгуров под названием «шара-уйгуров» живет в районе реки Шира-мурэн (Хуанхэ) в горных районах за местностью Алашань и говорит на своем уйгурском языке. Остальные уйгуры, по данным Рамстеда, смешались с монголами и известны как урянхайцы.

Буддизм, насаждавшийся в Монголии уйгурами, в связи с распадом их государства также пришел в упадок среди монголов. Однако он не исчез окончательно. В тибетских источниках мы находим следующие сведения. Тибетский хан Ландарма в год белой курицы (901) запретил в своей стране исповедовать буддийскую религию, заставил лам отказаться от духовного звания и заниматься охотой⁴⁷⁷. Из-за этого три ламы — Цзан-Рабсал, Йо-Гьеваджун и Мэр-Шакьямуни, навьючив свои сутры на осла, бежали из Тибета и прибыли в Монголию, [в местность, лежащую] недалеко от гор на западе от моря Байкал⁴⁷⁸. Там они сблизились с одним буддистом по имени Шэгьян-Билиг, при содействии которого жили некоторое время. Они встретили там Тэмуджина⁴⁷⁹, внука Бортэ-Чино и его сына Хоричар-Мэргэна, с которым установили духовную связь. Эти ламы не знали [монгольского] языка и не могли долго жить там. Поэтому они направились отсюда на юг, в Амдо.

Говорят, что западнее Байкала сохранились остатки жилища этих лам. Основываясь на этих данных, можно допустить, что религию Шакьямуни монголы исповедовали и после падения уйгуров. Однако если мы примем эти данные за истину, то получается, что Тэмуджин, внук Бортэ-Чино, и сын Тэмуджина жили в 900-х годах. Между тем, предок Чингис-хана Бортэ-Чино, от которого до Чингис-хана считают двадцать поколений, жил раньше — в 700-х годах европейского летоисчисления. Впрочем, не будем отвлекаться на Бортэ-Чино, о котором сейчас не идет речь, и перейдем к основной теме.

В 917 г. на востоке появился могущественный человек по имени Джа-Бу-Хи⁴⁸⁰, который, объединив монгольские, джурчидские и ороченские племена в одно целое, образовал великое монгольское государство под названием Кидань. Киданьское, или Дай-Ляоское государство в центре Азии владычествовало около двухсот лет⁴⁸¹. Это государство занимало территорию от Восточной Маньчжурии до Западного Хотана и одно время владело почти всем Китаем. В некоторых писаниях указывается, что страна Кидань в начале своего возвышения исповедовала религию Шакьямуни, и войска этого государства перед военными действиями давали клятву не разрушать храмов и субурганов, чем пользовались китайцы и прятали в храмах и субурганах свои ценности.

Но книг, в которых описывались бы положение и характер религии Будды того времени, не осталось. Несмотря на это, можно сказать, что в период высшего рас-

цвета Киданьского государства религия Шакьямуни в Монголии была в сильнейшем упадке. Источники говорят на этот счет следующее. «После падения Уйгурского государства и вплоть до рождения Богдо-Чингис-хана часть монгольских племен исповедовала магометанскую религию, часть христианскую, остальные, хоть и исповедовали религию Шакьямуни, она мало отличалась от монгольского шаманизма. Однако обычай поклоняться буддийским божествам и почитать лам и банди вплоть до времени Чингис-хана в Монголии не прерывался». Данное утверждение находит подтверждение и в других исторических сочинениях.

Несколько слов относительно причин, побудивших монголов принять магометанско-лалынскую веру вместо религии Шакьямуни. В седьмом столетии Р.Х. в Западной Аравии появился [человек по имени] Мухаммед, который происходил из низшего сословья. Одинок странствуя в течение многих дней на верблюдах по пустыне, он размышлял. В результате такого созерцания и отшельничества у него начали появляться разные видения. В одном из таких видений он узрел снизошедшее к нему божество — посланца Аллаха, который сказал: «Аллах избрал тебя тем, кто будет насаждать его предначертания благой веры и распространять учение новой религии на земле». Мухаммед, уверовав в свое видение, всю жизнь проповедовал новое учение. Мухаммед проповедовал новую религию, меняя положения иудейской и христианской религий и приспособлявая их к своему учению. Ученики Мухаммеда систематизировали его учение и создали книгу «Краткий Коран повелений». Новая религия была названа по-арабски исламом, что означает «следовать судьбе, или предопределению». Последователей исламской религии называют мусульманами. Сущность учения исламской религии такова. Небо едино, и оно есть Аллах. Проповедник повелений Аллаха, учитель-пророк есть Мухаммед. Аллах — создатель всего. Он волен давать страдание и счастье. Он абсолютен, поэтому не может быть изображен в образах, понятных обычным людям. Все представления, возникающие в обыкновенном уме независимо от Аллаха — ложны. Поэтому кто желает следовать правде и в загробной жизни, освободившись от вечных мук, кто желает наслаждаться несокрушимым счастьем в счастливой стране, тот должен подчиняться законам Бога — Аллаха. Тот, кто нарушит законы Аллаха и избрет ложь, тот неминуемо вкусит в загробной жизни ужасные страдания.

По законам Аллаха запрещается употреблять спиртные напитки, необходимо содержать себя в чистоте, ставить выше всего правочерность, учиться знаниям. Следует исполнять следующие обряды: совершать поклонения, молиться; восхвалять бога; совершать омовение и соблюдать пост; не есть свинину и вообще мясо животных, убитых не ламой-муллоу; считать его поганым и воздерживаться от употребления. Последователи этой религии не могут держать в своих жилищах в качестве священных предметов статуи божеств. Они могут иметь только первые стихи повелений Мухаммеда. Мухаммед начал распространять это лалынское учение в городе Мекке. Все арабы последовали за ним. В учении Мухаммеда говорилось также, что повеления Аллаха нужно всеми способами внедрять в сознание невежественных народов, живущих вокруг.

В соответствии с этим арабы в начале VIII в. начали нападать на соседние страны, совершать несправедливые действия, творить массовые убийства. Таким

образом, они начали насильно распространять учение Мухаммеда. Соседние с арабами страны — Турция, Персия восприняли религию Мухаммеда и, сделавшись мусульманскими, с VIII в. начали воевать против буддистов Индии, Хотана, Бухары.

В результате этого вплоть до времени Чингис-хана, то есть в течение более четырехсот лет магометане, христиане и буддисты на границе Азии и Европы вели между собой непрерывные войны. Тогда магометане, завоевав обширные земли, захватили тюркские и монгольские племена, жившие вблизи Индии и Хотана, разрушили возведенные ими храмы, субурганы, уничтожили религиозную литературу и насильно распространили лалынскую веру. В результате этого монгольские и тюркские племена, жившие в соседстве с Индией и Хотаном, начиная с 900-х годов, стали в большинстве своем мусульманами.

Принявшие ислам монгольские и тюркские племена сами часто ходили войной на буддистов, постоянно совершая набеги на Индию и принося туда разрушения. Таким образом, примерно к 1200 г. религия Шакьямуни в Индии была почти полностью ликвидирована.

Эта религиозная борьба была остановлена Чингис-ханом. Об этом написано в книге «Алтан дэбтэр» следующее: «Во времена бедствий появились двенадцать порочных ханов, принявших учение еретиков-лалынцев. Они почти полностью уничтожили религию Будды во всех странах. Но появился Чингис-хан, ниспосланный небом, и подавил этих скверных ханов»⁴⁸². В некоторых тибетских писаниях сказано, что Чингис-хан окончательно уничтожил лалынскую веру в Монголии, но это абсолютно неправильно, так как западные монголы, веровавшие в лалынское учение, продолжали верить в него и после Чингис-хана. В связи с этим небезынтересно привести данные из путевых заметок индийского ламы Губонато⁴⁸³, который в XVI в. путешествовал по Западной Монголии. Он пишет: «При посещении таких стран, как Мултан, Мачхела, Хорасан, Базасан, Куша, лежащих на севере от Индии, выяснилось, что они в основном заселены монголами. Верхние монголы, так как являлись народом таджикского происхождения и веровали в магометанство, отнеслись ко мне в начале высокомерно. Но я продемонстрировал им колдовские действия, чем быстро привлек их внимание».

Все доказывает, что Чингис-хан не вел борьбу против какой-либо религии. Об этом речь пойдет в пятой главе.

V. О ТОМ, КАКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ПРИДЕРЖИВАЛИСЬ МОНГОЛЫ, НАЧИНАЯ СО ВРЕМЕНИ ЧИНГИС-ХАНА И ДО НАЧАЛА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖЕЛТОЙ ВЕРЫ

Теперь следует изложить историю вероисповеданий [монголов] в период, начиная от рождения Чингис-хана и кончая смертью Батумунхэ-Даян-хана. За это время сменилось тридцать одно поколение ханов, и прошло триста восемьдесят два года⁴⁸⁴. Начало этого времени относится к эпохе Чингис-хана.

В XII в. по европейскому летоисчислению к северу от Великой китайской стены около озера Хулунбуир жили племена татар, по рекам Толе и Керулену обитали керейты, к западу от реки Селенги и до Алтая жило племя найман, начиная от устья реки Орхона вдоль по Селенге жили меркиты, по реке Онону — тайчуды и джалаиры, на юго-востоке Байкала — баргуты, хоринцы и тумэды, на севере Байкала — булагачины, эхириты, булагаты, буряты и другие племена. На запад от них за племенем найман около хребта Танну-ула жило племя ойрат. На севере от него кочевали киргизы. Так говорят некоторые историки. Из этих племен керейты исповедовали христианство. Они приняли его от европейских монахов, пришедших к ним за двести лет до описываемого времени. Народ найман заимствовал культуру от уйгуров, пользовался уйгурскими буквами для передачи монгольской речи и использовал в служебных бумагах печати с уйгурскими буквами. Он имел на западе сношения с сартагулами, карлуками, кара-киданими⁴⁸⁵ и другими народами и исповедовал различные верования: магометанство, христианство и пр. Другие племена — татары, тайчуды, меркиты и др. — в преобладающем большинстве были, по-видимому, шаманистами.

К западу от найманов около Атайских и Тарбагатайских гор обитали карлуки, исповедовавшие магометанство, буддизм и христианство. К югу от них по северным склонам Небесных гор (Тяньшань) обитал смешанный народ кара-киданей, состоявший из монголов, карлуков и уйгуров. Часть этого народа исповедовала буддизм, часть магометанство, но большинство были христианами. На западе от них жили сартагулы — тюрки, исповедовавшие исключительно магометанство.

К югу от монгольского племени керейт в Алашани, по Хуанхэ и Кукунору обитал народ тангутского государства Ся. Народ Ся состоял из уйгуро-монгольских народностей и амдосцев-миньягов. Часть этого народа исповедовала шаманизм, некоторые придерживались религии Лао-Цзы, но большинство были буддистами. Буддизм, которому следовали монголы тех мест, по-видимому, являлся остатком буддизма, распространенного некогда среди монголов еще во времена государства древних хунну. К югу от тангутского народа было китайское государство Сун. На северо-восток от Сун располагалось государство чжурчжэней Цзинь ([предки] манчжуров), называвшееся Золотым царством. Большинство тогдашних монгольских племен подчинялось Цзинь, сохраняя, однако, самостоятельность.

Среди племени тайчуд⁴⁸⁶, говорят, был некий могущественный и храбрый князь Есугэй-багатур, который подчинил себе местных монголов, защищал их и правил ими. Есугэй-багатур имел жену Оэлун. 15-го числа начального летнего месяца в год черного коня третьего шестидесятилетнего цикла (1162) на берегу реки Онон в местности Дэлиун-болдаг у нее родился сын. В то время Есугэй-багатур воевал с племенем татар и взял в плен двух храбрых мужей. Одного из пленников звали Тэмуджином, поэтому Есугэй-багатур назвал новорожденного сына Тэмуджином в честь своей победы. Впоследствии у матери Оэлун родились еще Хасар, Хачиун, Отчигин и дочь Тэмулун. У Есугэй-багатура была еще одна жена, от которой у него было два сына — Бэгтэр и Бэлгудэй.

Когда Тэмуджину исполнилось девять лет, Есугэй-багатур отправился вместе с ним к Дай-Сэцэну из племени олхонут и, посватав его дочь за своего сына, оста-

вил Тэмуджина у сватов. На обратном пути Есугэй-багатур заехал к татарам, у которых шел пир. Татары, вспомнив старые обиды, поднесли Есугэй-багатуру вина, подмешав к нему яду. Тот выпил и скончался. После смерти Есугэя подданный ему народ был разобран соседними князьями, причем, тайчуды из-за старой вражды жестоко притесняли детей Есугэй-багатура. Поэтому Тэмуджин с братьями в детстве сильно бедствовали. Но впоследствии, соединив свои мысли и используя различные способы, братья сумели привлечь на свою сторону храбрых мужей и приобрести могущество. После этого Тэмуджин, возглавив своих храбрых и сильных мужей, собрал всех меркитов, тайчудов, татар, керейтов, найманов и другие монгольские племена и в течение двух десятков лет подчинял их себе.

На сорок пятом году жизни Тэмуджина вожди монгольских племен, братья Тэмуджина и прочие лучшие люди собрались и решили избрать Тэмуджина великим ханом монгольского народа. Они сообщили об этом Тэмуджину и на берегах реки Онон, воздвигнув дворец и подняв знамя, в последний зимний месяц года красного тигра (1206) провозгласили Тэмуджина великим ханом монгольского народа, поднеся ему титул «Ниспосланный небом владыка всего сущего, августейший император (хан) Чингис на десятки тысяч лет». Устроили большие торжества. Заслуженным людям раздали награды-милости, назначили военных и гражданских сановников, определили их степени и ранги, обнародовали законы нового монгольского правления, и назвали государство Великой Монгольской империей.

Чингис-хан умер спустя двадцать два года после этого, вследствие болезни, случившейся с ним в стране тангутов в году красной свиньи (1227). В течение этих двадцати лет Чингис-хан воевал против жестоких царей во главе своих могучих и храбрых воинов, прославляя на все четыре стороны света свое оружие. На востоке он покорил маньчжуров, корейцев, на юге — тангутов, уйгуров, на западе — карлуков, кара-киданей, сартагулов, на севере — кипчаков, киргизов и другие народы. Так он принес монголам славу.

Всех деяний Чингис-хана не перечислить. Скажем только, что хотя он с малых лет был занят ратным делом, он старался распространять среди своего народа культуру и знания. В некоторых исторических трудах об этом рассказывается, например, так. В 1204 г. при покорении найманов был пойман хранитель печати Тататунга, бежавший с печатью Даян-хана⁴⁸⁷ за пазухой. Тэмуджин спросил о ее предназначении и, узнав, что ее используют в официальных бумагах, сделал Тататунгу учителем, поручив научить уйгурской грамоте всех своих братьев и детей. Печать он по-прежнему оставил у Тататунги. С тех пор в официальные деловые отношения ввел письмо. Говорят, что Чингис-хан имел много уйгурских писцов. Кроме того, что он придавал большое значение письменности, говорят, он ввел в государственных школах обучение китайским математическим наукам. В некоторых историях рассказывается, что Чингис-хан очень уважал сановника Елюй-Чуцая или Чу-Мэргэна, киданя по происхождению, обучавшегося в школе Золотого государства Цзинь сокровенным наукам, математике, политике, логике, языкам разных народов. Чингис-хан назначил Чу-Мэргэна советником по всем государственным делам, поручив ему составление трактата по китайской математике. Много монголов обучалось по нему.

Теперь расскажем о религиях того времени. Так как монгольские люди придерживались в основном шаманизма, то и государственной религией должен был бы быть у них шаманизм. В исторических сочинениях рассказывается, что во время провозглашения Тэмуджина императором монголы сделали старика Усуня из семьи Барин рода Бодончара великим государственным шаманом. Они одели его в белое, посадили на белого коня и постановили усаживать его на всех собраниях выше всех. Великий государственный шаман должен был исследовать, каким будет следующий год — хорошим или плохим, совершать жертвоприношения Небу.

Коротко можно рассказать еще о делах шамана того времени по имени Кокэчу, по прозвищу Тэб-тэнгри. Шаман Кокэчу, сын Мунлика, был родней Чингис-хана. Он прославился как могучий и всемогущий шаман. Ему поклонялись и простые монголы, и благородные князья. Вначале, при провозглашении Чингис-хана ханом монгольского племени, Кокэчу руководил церемонией. Он совершил поклонение девяносто девяти тэнгри, солнцу и луне, а затем провозгласил, что Тэмуджин ниспослан Небом, чтобы овладеть всем миром, уничтожить беззаконных царей и основать великую державу. После этого Кокэчу стал ежедневно давать Чингис-хану различные наставления. Он все время совершал гадания, вмешивался во все дела и приобрел большое влияние и силу. Возгордившись, он дошел до того, что стал вместе с Чингис-ханом ведать делами монгольского государства. Приближенные Чингис-хана, его братья, князья и простой народ — все верили, что шаман Кокэчу бывает на небе, может призывать небожителей и беседовать с ними, может появляться, где захочет — вблизи и вдалеке, обладает вещими знаниями и мыслью проникает в будущее. Поэтому следовавших за Кокэчу стало больше, чем сторонников Чингис-хана. Кокэчу, упоенный своим влиянием и властью, стал беспричинно избивать братьев Чингис-хана, лживыми порицаниями старался посеять вражду между Чингис-ханом и его братом Хасаром. Стремясь посеять смуту в государстве, он хотел добиться еще большего величия и влияния. Однако его намерения вскоре стали известны Чингис-хану. Его младшие братья, соединившись с тремя силачами и с согласия хана, своего старшего брата, убили шамана Кокэчу, переломив ему позвоночник.

Хотя монгольские князья и народ в большинстве своем придерживались шаманской веры, а шаманы имели большую силу, Чингис-хан в своем государстве не отдавал полного предпочтения шаманизму как государственной религии и не притеснял буддизм, христианство, магометанство и другие религии. Каждый мог по своему желанию исповедовать любую религию. Поэтому представители различных религий симпатизировали Чингис-хану, что давало ему значительную силу. Например, Кучлук, сын найманского Даян-хана, завоевав государство кара-киданей, притеснял и мучил тамошних магометан, принуждая перейти их или в христианство, которое он исповедовал сам, или в буддизм, которого придерживалась его жена. Тогда (1218) Чингис послал два корпуса войск во главе с Джэбэ-багатуром из рода басут для подавления Кучлука. Джэбэ-багатур, едва вступив на территорию кара-киданей, объявил от имени Чингис-хана, что все религиозные преследования запрещаются, и каждый может свободно исповедовать любую религию по своему желанию и убеждению. После этого все мусульмане охотно перешли на сторону Джэбэ, говоря, что наконец-то они получили освобождение. Монгольская власть стала у мусульман популярной как хорошая, справедливая власть.

В исторических книгах рассказывается, что во время завоевания народа тангут были случаи разрушения буддийских храмов и субурганов. Однако немедленно выдавались серебро и деньги на их восстановление. Этим была достигнута популярность среди буддистов.

Хотя в некоторых историях говорится, что Чингис-хан был буддистом, в действительности он был шаманистом, что подтверждается возведением старика Усу-ня и шамана Кокэчу в сан великих государственных шаманов.

Как рассказывается в хрониках, меркитский князь Токтаху вместе с несколькими воинами, напал [на монголов] и выкрал жену Тэмуджина Бортэ-хатун. Тэмуджин же спасся, укрывшись на горе Бурхан-Халдун. После того, как опасность миновала, он спустился с горы и, ударив себя в грудь, сказал, обратив лицо вверх: «Я спасся благодаря Бурхан-Халдуну. Будем чтить его за это из поколения в поколение!» Он снял пояс, повесил его на шею, шапку повесил на руку, девять раз поклонился, побрызгал кумысом. Так он совершил поклонение горе. Говорят, что жертвоприношения великому Хан-Хэнтэю начались именно с того времени.

Из этого становится ясно, что Чингис-хан был шаманистом. Однако хотя он и был шаманистом и всю жизнь провел в войнах, он интересовался всеми, кто прославился ученостью и знаниями в своей вере. Он был человеком удивительных склонностей. В некоторых историях об этом рассказывается так. В 1222 г. Чингис-хан достиг города Бухары и беседовал там с главой мусульманской религии о законах и обычаях ислама. При этом он сказал: «Я покорил эту страну. Отныне следует в молитвах упоминать меня. Прошу объявить от моего имени, что все налоги и подати с верующих различных религий снимаются»⁴⁸⁸.

В 1219 г. Чингис-хан пригласил знаменитого китайского даоса Чан Чуня, который приехал в 1222 г. через Самарканд и вблизи гор Гиндукуш встретился с Чингис-ханом. Чингис-хан спросил у Чан Чуня, есть ли средство, дающее бессмертие. Чан Чунь ответил, что такого средства нет, но есть средство, способствующее продлению жизни. Затем Чингис-хан на обратном пути в Самарканде осенью того же года снова встретился с Чан Чунем и довольно долго ехал вместе с ним. При этом Чингис-хан ежедневно приглашал Чан Чуня к себе и оказывал ему большие почести. Чингис-хан трижды прослушал от Чан Чуня наставления и повелел Ахай-тайши записать по-монгольски все сказанное Чан Чунем, которого он уважал и чтил как человека святой жизни.

В сочинении «Хрустальное зеркало»⁴⁸⁹ говорится, что Чингис-хан после покорения Запада получил из Европы (по-китайски — «Ми-ян») книгу учения небесного владыки Тянь-чжу (китайцы называют христианство Тянь-чжу-цзяо — учение небесного владыки). Теперь это учение очень распространено в Китае.

На склоне лет Чингис-хан стал особенно интересоваться буддизмом. В некоторых историях рассказывается, что через три-четыре года после того, как Чингис воссел на ханский престол, последователь тибетского ламы Шан-Дзундуйдагбы, некий Цзанпа-Дунгурба вместе с несколькими учениками всемером пришли в страну монголов и стали жить в горах. Монгольские воины сделали их пастухами овец. Скот у лам не страдал от града и метелей. Воины, обрадованные этим, пытались расспросить их, [почему это так]. Но ламы не понимали монгольского языка и только

показывали пальцем на небо. Монгольские воины решили, что это означает, будто они — люди, обладающие небесным знанием, и стали везде рассказывать о них. Слухи об этом дошли до Чингис-хана, который приказал доставить их к нему. На приеме Чингис-хан, взглянув на этих лам, сказал: «Эти люди похожи на минъяков. Возможно, они действительно обладают небесным знанием». Через переводчика тангута-минъяка он спросил: «Что вы за люди?» Ламы ответили: «Мы — монахи, последователи учения Шакьямуни». Они стали рассказывать о законе своей веры. Чингис-хан заинтересовался их речами и спросил: «Если вы на самом деле таковы, можете ли вы излечить одного нашего благородного князя, страдающего болезнью [расстройства] разума?» Ламы ответили, что сумеют, и действительно вылечили больного. Хан и излеченный князь стали почитать тех лам. Однако монгольские шаманы возненавидели тех лам, и им пришлось вскоре покинуть монголов и уйти в страну тангутов-минъяков.

Говорят, это был первый случай, когда тибетские монахи встретились с монгольским ханом. Если прокомментировать это сообщение, то важно следующее. Упомянутый лама Шан-Дзундуйдагба жил в 1123–1193 гг., основал в 1187 г. на южном берегу реки Джит, что находится на востоке от столицы Тибета Лхасы, монастырь Цал-Гунтан, принадлежавший школе карджудпа⁴⁹⁰. Он проповедовал учение толка карджуд-цалпа. После этого манк-тангуты установили с монастырем Цал-Гунтан религиозно-паломнические связи и пригласили из того монастыря Цзанпа-Дунгурбу к себе. Таким образом, Цзанпа-Дунгурба появился в центре монгольского государства не по своей воле, а в качестве пленного, захваченного во время завоеваний Тангута в 1209 г. Цзанпа-Дунгурба был захвачен монголами вместе со своими последователями в Тангуте, что был расположен на территории нынешних монгольских кочевий Ордоса и Тумэда, а затем уведен вглубь Монголии. Там-то они встретились с Чингис-ханом и излечили одного благородного монгольского князя. Это послужило причиной того, что монгольские ханы ряда поколений после Чингис-хана стали почитать тибетских лам школы карджудпа.

В наших монгольских и тибетских сочинениях говорится, что Чингис-хан на следующий год после восшествия на престол великого хана, то есть в год красного зайца четвертого шестидесятилетнего цикла (1207) решил пойти войной на Тибет. Тибетские князья Джуга, Цалпа, Гунгадорджи и другие высокопоставленные лица испугались и вышли монгольской армии навстречу. Они поднесли многочисленные дары и устроили великий пир. Отдав тринадцать тумэнов тибетского народу, они подчинились Чингис-хану. Чингис-хан был сильно обрадован этому. Он послал ламе-настоятелю сакьяского⁴⁹¹ монастыря в Цзане подарки и письмо, в котором написал: «Следовало бы теперь пригласить тебя, ламу. Но так как много государственных дел, светских и военных, еще не доделано, я не приглашаю. Я буду почитать тебя отсюда. А ты оттуда думай обо мне. Когда мои дела подойдут к концу, тебе и твоим ученикам следовало бы прибыть в нашу монгольскую страну и приступить к распространению сокровищницы религии». Сакьяский лама пришел в восхищение и послал в ответ три изображения [божеств] и другие дары. Хотя Чингис-хан и не встретился с тем сакьяским ламой, но он на расстоянии установил с ним отношения почитания. Он освободил тибетцев от податей и послал подношения Лхасско-

му, Сакьяскому и другим священным изображениям [божеств] провинций Уй и Цзан, сделал монашеству пожертвования и чествования. Затем Чингис-хан вернулся на родину, забрав пожалованные Сакья-ламой образа [божеств]⁴⁹².

Таковы сообщения исторических сочинений, в общем, близкие друг другу. Они расходятся только в том, кто был тогда Сакьяским ламой-настоятелем. Большинство сходится на том, что это был Сакья-Гунганинбо. Некоторые утверждают, что это был Содномцзэмо, сын Гунганинбо. Другие считают, что это был Джэбцун-Дагбаджалцан, [другой] сын Гунганинбо. Четвертые называют племянника Гунганинбо — Сакья-пандиту Гунгаджалцана⁴⁹³. Эти утверждения невозможно проверить, но тот факт, что монгольские ханы после Чингис-хана приглашали к себе именно сакьяских лам, указывает на то, что связи с сакьяским монастырем относятся ко времени Чингис-хана⁴⁹⁴.

Несколько слов о хронологии этого события. В биографии сакьяских лам говорится, что монголы — глупый народ, не знающий плодов своих деяний. Они безжалостны, ловки, проворны и многочисленны. Этот опасный и злобный народ покорил сначала киданьцев (маньчжуров⁴⁹⁵), минъяков и все другие народы севера. Они возложили на всех подати, воинские и трудовые повинности, не взирая на то, кто мирянин, а кто монах. Этот народ был укрощен нашим сакьяским ламой. Таким образом, сношения Чингиса с Сакья начались после завоевания монголами минъяков и маньчжуров⁴⁹⁶. Кроме того, в сочинении «Золотое сказание» говорится, что Чингис-хан за год до рождения Хубилая, то есть в год курицы (1213) устроил великий пир, на котором повелел жене Тулуя открыть образ в золотом ящичке, посланный сакьяским Манджушри-пандитой⁴⁹⁷. Из этого можно заключить, что безотнositельно к тому, завоевывал Тибет Чингис-хан или нет, обмен письмами и дарами между монголами и сакьяскими ламами происходил, начиная с того времени, как вышеупомянутый Цзанпа-Дунгурба прибыл в Монголию, то есть с 1213 года — года черной курицы⁴⁹⁸, а не с года красной зайчихи (1207).

Такова хронология истории сношений Чингис-хана с сакьяским ламой. Однако сакьяский Гунганинбо родился в год черной обезьяны второго цикла (1092) и умер в год желтого тигра (1158), за три года до рождения Чингис-хана. Сын Гунганинбо Содномцзэмо родился в год черной собаки второго цикла (1142) и умер в год черного тигра третьего цикла (1182). Поэтому утверждение, что Чингис обменивался письмами и дарами с сакьяскими ламами Гунганинбо или Содномцзэмо, едва ли соответствует истине. В тибетских историях пишут: «Сын Гунганинбо Джэбцун-Дагбаджалцан родился в год красной зайчихи третьего шестидесятилетнего цикла (1147) и умер в год красной мыши (1217), а внук его пандита Гунгаджалцан родился в год черного тигра (1182) и умер в год белой свиньи четвертого шестидесятилетнего цикла (1251)». Возможно, что кто-то из них и был тем сакьяским ламой, с которым Чингис-хан обменивался письмами, подарками и пр. В «Золотом сказании» рассказывается о посылке Сакья-Манджушри-пандитой Чингис-хану изображения божества в золотом ящичке. Тибетцы же утверждают, что Гунгаджалцан и есть Манджушри-пандита. Поэтому, когда сакьяским ламой, имевшим контакты с Чингис-ханом, называют Гунганинбо, явно допускают ошибку. Это мог быть пандита Гунгаджалцан. Во всяком случае, Гунганинбо быть не мог. Кроме того, в

монгольской летописи «Золотое сказание» отмечается, что будто бы за три года до рождения Чингис-хана двумя китайцами Илисида и Сиху-беба на горе Бурхан-Халдун на красном камне были высечены повеления Сакья-ламы Гунганинбо, предсказывающие жизнь будущего Чингис-хана. Я затрудняюсь объяснить, откуда происходит это известие, хотя оно и связано с другими сообщениями. Уверен, что в недалеком будущем мудрецы найдут истину.

Во многих монгольских и тибетских сочинениях, например, в «Хрустальном зеркале» и других, говорится, что монголы начали поклоняться Шакьямуни с тех пор, как Чингис-хан привез пожалованные Сакья-ламой изображения божеств. С этого времени они стали принимать обеты убаша (миряне, принявшие некоторые духовные обеты). В монгольской летописи «Золотое сказание» написано, что Чингис-хан по указанию Сакья-ламы в двух милях севернее ворот города Эсруа построил храм, называемый Далай-дурисху. Отсюда видно, что, несмотря на то, что монголы веровали в шаманов, у них существовали и остатки буддийской веры, распространенной в древние времена и воспринятой от уйгуров. Весьма возможно, что Чингис-хан для последователей религии Шакьямуни построил храм с тем, чтобы там проводились молебствия.

С другой стороны, если попытаться понять причины возникновения отношений между Чингис-ханом и монастырем Сакья, то надо обратить внимание на тот факт, что тангутский Справедливый хан⁴⁹⁹, как известно из истории Амдо, имел тесные сношения с Сакья, и его поколение веровало именно сакьяским ламам Дагбаджалцану и Гунгаджалцану. Чингис-хан, завоевав тангутское государство в 1209 г., женился на дочери Справедливого хана, через которую и мог связаться с монастырем Сакья. Поддерживая отношения на расстоянии, он завез в монгольскую страну изображения буддийских божеств, а мог и построить храм, который назвали Далай-дурисху.

Теперь сделаем некоторые пояснения относительно Сакья. Один человек из местности Цзан, имя которого было Кхон-Гончокджалбо⁵⁰⁰, обучился магическим знаниям у некоего ламы, знатока тарни (мистические изречения), ездившего для изучения их в Индию в местность Бромга⁵⁰¹ и Шэгдзайши. После этого (1073) в районе Сакья (в переводе означает «Бело-песчаный») в Цзане он построил монастырь и по названию местности дал ему имя Сакья. После смерти Кхон-Гончокджалбо монастырь обязательно стал возглавлять монах или светский человек из рода кхон, которого считают перерождением. В монастыре живет смешанный народ — монахи и светские люди.

Основное учение сакья заключается в идее о созерцании порядка и достижения следствий. В нем говорится: для созерцания необходимо оставить материальный мир, явить милосердие и доброту...⁵⁰² Главнейшей службой является обряд чтения тарни (мистических изречений), но приглашенные из Индии пандиты занимались и преподаванием учения о свойствах⁵⁰³, филологии, медицины, поэтики.

В эпоху Чингис-хана Тибет считался самой ученой страной. Поэтому весьма вероятно, что Чингис-хан заинтересовался ею и вошел в сношения с Сакья. В истории под названием «Желтая книга» говорится: «В 1226 г., когда Чингис-хан пошел войной на изменников миньякских тангутов, его старый знакомый лама дуйнхурба по имени Гун-Данба⁵⁰⁴ прибыл для свидания с Чингис-ханом. Последний почтительно принял его и посадил впереди своих шаманов. Лама, заявив, что монголь-

кие войска разрушают храмы, портят изображения божеств в тангутской стране, просил Чингис-хана запретить подобные действия. Рассказав о значении и свойствах религии Шакьямуни, он попросил дать свободу церкви и относиться к религии с почтением. Чингис-хан принял его просьбу, отменил обложение в тангутской стране монахов [налогами], прекратил мобилизацию лам в войско и распорядился восстановить все разрушенное. К концу своей жизни Чингис-хан завещал своим сыновьям и братьям пригласить из Тибета ламу Гун-Данбу и оказать ему почтение»⁵⁰⁵.

Согласно этому описанию, Чингис-хан, пойдя войной против тангутов, к концу своей жизни почти обратился в религию Шакьямуни. Так это или нет, неизвестно, точнее предположить, что монголы в эпоху Чингис-хана заимствовали у минь-якских тангутов религиозные обряды сект карджудпа и сакьяпа. Это можно считать и началом возникновения религиозных сношений монголов с тибетцами. Но поскольку в некоторых историях пишут, что во времена Чингис-хана в монгольской стране еще не была распространена религия, а только зародилось почтительное отношение к ней, то справедливо будет считать, что в этот период среди монголов не было распространено тибетское религиозное учение, а только некоторые тайджи, то есть родственники Чингис-хана, начинали принимать учение тибетских знатоков тарни. Например, в «Хрустальном зеркале» говорится: «В 1227 г., когда Чингис-хан вел войну против тангутской страны, его младший брат Хасар, придя из местности Мунын-хошу, пошел убивать колдуна тангута, засевшего в доме одной вдовы. При себе Хасар имел яд. Настигнув колдуна, он применил яд, а также произнес тарни. Затем он одной стрелой убил колдуна наповал».

[VI.] ЭПОХА ТРЕХ ХАНОВ ПОСЛЕ ЧИНГИС-ХАНА

После смерти Чингис-хана из четырех его сыновей — Джучи, Чагатай, Угэдэя и Тулуя, согласно заветам отца, престол унаследовал Угэдэй, который в возрасте сорока трех лет в год желтой коровы (1229) воссел на престол и правил государством в течение тринадцати лет. Умер он в год белой коровы (1241). После него в течение шести лет из-за невозможности решить вопрос о престолонаследии обязанности хана выполняла вдова Угэдэя Тургэн (Туракина). Затем в году красного коня (1246) в первом весеннем месяце великим ханом всенародно был избран сын Угэдэй-хана Гуюк. Но болезнь не позволила ему долго править государством, и в год красной овцы (1247) он скончался. После него также долго не могли решить вопрос о престолонаследии. Временно замещала хана вдова Гуюка, но в год белой свиньи (1251) всенародным собранием был выбран сын Тулуя Мункэ. Он вступил на престол хана на сорок пятом году жизни и правил государством в течение девяти лет. Умер он в год желтой овцы (1259). Время вступления на престол и кончины этих трех ханов даны по «Золотому сказанию», но в некоторых других историях годом смерти Угэдэя называют 1242 г., а Гуюка — 1248 г.

Во время царствования трех ханов — Угэдэя, Гуюка и Мункэ монголы были сильны по-старому. Все завоеванные при Чингис-хане страны были по-прежнему подвластны монголам, все противодействия изменников — Цзиньского царства и прочих своевременно подавлялись, на западе в Европе были завоеваны новые зем-

ли, которых у монголов при Чингис-хане еще не было. На юге осуществлялись планы по завоеванию Сунского государства. Все это поистине удивительно!

В эпоху этих трех ханов столицей был город на Орхоне Хара-хорин. Город был заложен Угэдэй-ханом по плану, намеченному великим курултаем, созданным еще при жизни Чингис-хана в 1220 г. Постройка велась пленными мастерами из государства Цзинь. Город был назван Хара-хорин или Урту-балгасун, а позднее — Хухэ-балгасун. Некоторые называют его Хара-гурум. На месте этого города ныне стоит монастырь Эрдэни-дзу.

Со времени вступления на престол великого хана Угэдэя и до смерти Мункэ-хана, в течение тридцати одного года большая часть монгольского народа продолжала исповедовать шаманскую религию. Хань по старому обычаю также предпочитали поклонение шаманам. Несмотря на это следы религии Шакьямуни, распространенной уйгурами, не были стерты совершенно. Кроме того, хань и князья поддерживали связи с карджудпаским монастырем Цал-Гунтан и монастырем Сакья, установленные еще Чингис-ханом, почтительно относились к религии Шакьямуни и были за распространение ее в Монголии. В некоторых историях пишут: «Угэдэй-хан по завещанию своего отца Чингис-хана перевез из Хара-балгасуна и Цаган-балгасуна (Баин-балгасуна) построенный уйгурами храм Дзу-Шакьямуни вместе с изображением божества в Хара-хорин. Там он восстановил его и, собрав уйгурских и монгольских лам, проводил богослужения.

В то время впервые с запада прибыли магометанские и христианские монахи для проповедования своего учения. Они у ворот храма Дзу-Шакьямуни по звону больших колокольчиков нашли молящихся уйгурских и монгольских лам. Они стали расспрашивать молящихся лам о законе религии Шакьямуни. Между ними начался спор, в котором каждый защищал законы своей религии и считал неправым другого. Сведения об этом дошли до Угэдэй-хана. Магометанских и христианских лам вызвали в ямынь. На допросе они заявили: „Зная о том, что монгольский великий хан является властелином огромного мира, мы с низжайшим почтением явились сюда для ознакомления вашего величества Богдо-хана с нашими религиями”. Однако Угэдэй-хан, отнесся к этим монахам неодобрительно. Он снарядил гонцов и с сопроводительным письмом по уртонам⁵⁰⁶ отправил их обратно. Затем он установил законы, запрещающие допуск магометанских и христианских монахов. Таким образом, все религии, пришедшие извне, кроме буддийского учения, были запрещены.

Из этого явствует, что Угэдэй-хан преградил путь проникновения магометанской и христианской религии в монгольскую страну, но восстановил и возвысил религию Шакьямуни, распространенную еще уйгурами. В летописях «Дэбтэрийн далай» («Море книг»)⁵⁰⁷ и «Шара дэбтэр» («Желтой книге»)⁵⁰⁸ сказано: «Угэдэй-хан, выполняя завещание отца Чингис-хана, пригласил из Тибета ламу Гун-Данбу. Дав ему аудиенцию в Хара-хорине, Угэдэй-хан, Сайн-ахай⁵⁰⁹ и другие последовали за ним и приняли посвящение Хэруке. Это — первое посвящение, данное монгольскому хану»⁵¹⁰.

То, что Угэдэй-хан, исполняя волю отца, пригласил и содержал в Хара-хорине ламу Гун-Данбу, весьма возможно. Но трудно поверить в то, что он принял посвящение. Если бы это было правдой, Угэдэй-хан должен был быть глубоко верующим человеком. Однако в «Золотом сказании» сообщается факт, почерпнутый из некоей

летописи и отрицающий последнее: «Угэдэй-хан, получив посланную Сакья-пандитой литую статую божества, не мог понять, из чего она сделана — из золота или другого материала, и [чтобы проверить] сделал пилкой надпил». Судя по этому сообщению, Угэдэй-хан, следуя заветам отца, отдавал предпочтение религии Шакьямуни, но не был глубоко верующим человеком.

В некоторых сочинениях пишут, что Угэдэй-хан, чтобы излечиться от болезни ног, пригласил из Тибета Сакья-пандиту. Тот помолился и совершил ритуал жертвоприношения Махакале тормой⁵¹¹, благодаря чему болезнь хана прошла. С тех пор монголы и приняли религию. Совершенно ясно, что это неверно. Но то, что Сакья-пандита Гунгаджалцан, действительно, был приглашен в монгольскую страну для религиозного дела и распространения грамоты, соответствует истине. Относительно же того, когда и кто пригласил Сакья-пандиту в монгольскую страну, в разных историях пишут по-разному. Если разобраться в них, то они распадаются на два основных мнения. Одно из них говорит следующее: «В виду измены Тибетского государства, Угэдэй-хан в год белой мыши (1240) снарядил войска под командованием Дархан-тайджи Доварда⁵¹² для войны с тибетцами. Последний разрушил храмы Равдан и Дзал-лхакан⁵¹³. Одновременно с этим в монгольскую страну был приглашен Сакья-пандита Гунгаджалцан. Сакья-пандита прибыл в Монголию вместе с восьмилетним внуком Пагба-ламой⁵¹⁴ и встретился с Угэдэй-ханом. Вскоре после этого Угэдэй-хан умер. Затем в год черной зайчихи (1243) владетель земли Лянчжоу⁵¹⁵ — Гудэн-хан через Сакья-пандиту добился составления монгольской письменности».

Другое мнение говорит: «В год желтого дракона (1243) Гудэн-нойон, пребывая в местности Лянчжоу, узнал, что в монастыре Сакья, с которым поддерживал отношения еще его дед Чингис-хан, имеется ученый лама Гунгаджалцан. Он послал к нему письмо со своим младшим братом⁵¹⁶ Дархан-тайджи Довардом и двумя сопровождающими его слугами. Там было сказано: «Могущественный хан, наделенный силой по божественному предопределению, мы сообщаем вам, Сакья-пандите Гунгаджалцану, о том, что для воздаяния за благие дела наших родителей и божеств нам стал необходим лама, который смог бы правильно различать добродетели и грехи. Мы выбрали вас. Вам надлежит приехать к нам, не боясь трудностей дальнего переезда. Если откажитесь, ссылаясь на старость, вы нарушите клятву Бурхана Шакьямуни о помощи живым существам, [которую следует оказывать] не щадя себя. В случае если вы не явитесь на наш призыв, мы вынуждены будем двинуть на вас войско. Оно, несомненно, нанесет много ущерба народу, и в этом вы должны будете винить себя! Для блага дела религии и правления просим прибыть, как можно быстрее. Банди, прибывающие с запада⁵¹⁷, рекомендуют вас. В качестве даров посылаем с Довардом пять слитков серебра, одно священное облачение, изготовленное из шести тысяч двухсот жемчужин, одну шелковую куртку-курму, пару сапог-гутул с чулками, два куска ганди-магнаг (шелковая материя с затканными драконами), два куска тонди-магнаг⁵¹⁸ и двадцать кусков пятицветного шелка. Писано тридцатого числа восьмой луны года дракона».

Получив это письмо, Сакья-пандита Гунгаджалцан сообщил, что он доложит своему учителю Сакьяшри-пандите и, получив его разрешение, немедленно выедет. Пандита Гунгаджалцан выехал со своим внуком Пагба-ламой и, проследовав

через тибетский район Уй, в год красного коня (1246) на шестьдесят пятом году жизни прибыл в город Лянчжоу. В это время Гудэн-нойон отсутствовал. Он находился в центральной ставке монгольского государства на выборах великого хана Гуюка. Затем, когда Гудэн вернулся в город Лянчжоу в год красной овцы (1247), он встретился с пандитой Гунгаджалцаном. Гудэн, беседуя о религиозных вопросах с пандитой Гунгаджалцаном, не мог разобраться в объяснениях пандиты. Тогда к нему на помощь пришли уйгурские ламы. Они разъяснили сказанное. При Гудэн-нойоне и раньше были тангутские и уйгурские ламы, но такого ученого, как пандита Гунгаджалцан, не было. Поэтому Гудэн-нойон с большим почтением относился к Сакья-пандите, его молитвенные сочинения ставил сверху шаманских изображений, банди сажал выше шаманов, а пандиту Гунгаджалцана — во главе всех. Это было выражением высшего уважения. В том же году, во время царствования Гуюк-хана, Сакья-пандита занялся исправлением старого уйгурского письма, чтобы переводить на него религиозные книги. Прожив пять лет в городе Лянчжоу, Сакья-пандита скончался на семидесятом году жизни. Это было в году белой свиньи (1251). Мощи пандиты Гудэн-нойон замуровал в храме Брулдэ в городе Лянчжоу в субургане, который и поныне существует там».⁵¹⁹

Перед вами две точки зрения. Которая из них правильна? Я считаю следующим образом. Угэдэй-хан мог снестись с Сакья-пандитой и в 1240 г. пригласить его в монгольскую страну. В отношении же того, что Сакья-пандита, прибыв в Монголию, представился Угэдэй-хану, [возникают сомнения], так как это не сходится ни с датами, ни с маршрутом следования Сакья-пандиты в Монголию. Другая точка зрения, утверждающая, что Сакья-пандиту пригласил в 1244 г. Гудэн-нойон, более основательна. Даты правильны и оно обосновывается подробнее. Поэтому она представляется и более достоверной.

Теперь коснемся Гудэна, который пригласил Сакья-пандиту. В некоторых летописях пишут: «Угэдэй-хан имел двух сыновей — Гуюка и Гудэна. После смерти отца Угэдэй-хана, восседавшего на ханском престоле шесть лет, в год черной змеи (1233) престол унаследовал Гуюк, который процарствовал всего шесть лет. (В монгольском тексте приписано тушью “лет”. Вероятно, было неясно написано “месяцев”). Затем он скончался. После этого в год желтого коня (1234) на престол взошел брат Гуюка Гудэн, и с того времени город Лянчжоу стал столицей Великого Монгольского государства. Гудэн правил государством восемнадцать лет и скончался в год белой свиньи (1251). Вслед за Гудэном на престол взошел Мункэ». Согласно этому, Гудэн был великим ханом Монголии, что, однако, противоречит данным монгольского сочинения «Золотое сказание» и других летописей. Так же трудно поверить в то, что Гудэн сделался учеником Сакья-пандиты, принял посвящение Хэ-очиру⁵²⁰, и отдал ему в подчинение тринадцать тумэнов (десять тысяч) тибетцев⁵²¹. О Гудэн-нойоне в летописях сообщается: «Шестой брат Хубилай-хана Гудэн⁵²² и седьмой брат Довард, по указанию матери-царицы, перекочевали со своими подданными в местность Шара-гала, что северо-восточнее Шилина⁵²³, где Гудэн был возведен малым ханом. Он никогда не был великим ханом Монгольского государства». Это, вероятно, правильные сведения о Гудэне. Однако данные о том, что Гудэн и Довард были братьями Хубилай-хана, противоречат сообщениям дру-

гих источников. Поэтому они сомнительны. Так или иначе, по происхождению они являются, конечно, родственными тайджи, потомками Чингис-хана.

Еще говорят, что монгольская письменность, которой мы пользуемся сейчас, была составлена Сакья-пандитой. Начиная со времени уйгурского Богучар-хана и [монгольского] Чингис-хана, монголы пользовались уйгурской письменностью. Об этом говорилось выше. Старая уйгурская письменность по форме похожа на современное монгольское письмо. Некоторые слова мы даже сейчас можем разобрать. На каменном памятнике Чингис-хана⁵²⁴ в 1225 г. была высечена надпись по-монгольски. Монгольская надпись на печати, посланной Гуюк-ханом христианскому папе, была написана в 1246 г. Это говорит о том, что монгольская письменность не была составлена Сакья-пандитой заново, а лишь переделана им из грубой формы в более удобную. Были введены мужские, женские, нейтральные гласные и согласные буквы.

Хотя Сакья-пандита и исправил монгольское письмо, в нем все же имелись недостатки, и переводить на монгольский язык духовную литературу было трудно. Монгольские князья тогдашнего времени на самом деле хотели получить от Сакья-пандиты способ продления жизни. Для этого он делал разные составы и лекарства. Что же касается религии, то он в этом отношении сколько-нибудь значительной пользы не принес. Но пандита Гунгаджалцан считался самым образованным человеком Тибета — во время пребывания в Лянчжоу, у него обучались китайцы, уйгуры, минъяки. При нем жили два его внука — Пагба-лама Лодойджалцан и Чагна, которых он привез с собой еще малолетними. Он обучал своих внуков, Пагбу — тибетской грамоте, а Чагну — монгольскому языку и письменности. Пандита Гунгаджалцан скончался в 1251 г. в Лянчжоу. Его внуки не смогли вернуться на родину и продолжали жить в Лянчжоу. В году черной коровы (1253) Хубилай, второй сын Тулуя, отправил посланцев в Лянчжоу с приглашением Пагба-ламе Лодойджалцану прибыть в центральную ставку Монгольской империи. Девятнадцатилетний Пагба-лама Лодойджалцан в том же году прибыл во дворец Хубилая. Великим ханом тогда был Мункэ, а Хубилай еще был нойоном. Это приглашение объясняется тем, что жена Хубилая Дзамба исповедовала буддизм, и в особенности буддизм школы сакьяпа. Хубилай под влиянием своей жены принял буддизм, почему и пригласил Пагба-ламу Лодойджалцана. При первой встрече Пагба-лама на все вопросы Хубилая отвечал по-монгольски, чем удивил Хубилая. Известны слова Хубилая: «Послав гонцов к тангутам, нашел умногомышленного банди».

В столице тогдашней Монголии жили несколько тибетских лам, приехавших из монастыря Цал-Гунтан, с которыми Пагба-лама Лодойджалцан вел беседы. Однажды ханша Дзамба сказала Хубилаю: «Ламы цалбинцы⁵²⁵ говорят, что маленький банди весьма образован. Нам следовало бы возвести его в ранг главного ламы». Хубилай согласился, и Пагба-лама Лодойджалцан был возведен в ранг главного ламы. В некоторых исторических сочинениях рассказывается, что Хубилай построил дворец с оградой из коричневого дуба с белокаменными столбами и поместил туда Пагба-ламу. Принятый с почетом Пагба-лама через год обратился к Хубилаю с просьбой разрешить ему поехать на родину для того, чтобы он смог принять обеты гэлунга. Хубилай удовлетворил его желание. Он подарил ему шубу, украшенную золотом и жемчугом, орхимджи (ламская накидка через плечо), сотканную из доро-

гих материалов, драгоценную шапку, золотой зонт, золотое кресло, лошадей, верблюдов и пр. В год желтого барса (1254) Хубилай выступил в поход против каракиданей. Пагба-лама отправился вместе с ним, а подойдя к Тибету, простился с Хубилаем и пошел на родину.

Мункэ-хан в год желтого зайца (1255) отправил послов в Тибет и пригласил в Монголию Чойджи-ламу, известного под именем Карма-бакши⁵²⁶ из монастыря Карма-Лхадан, придерживавшегося учения школы карджудпа. Мункэ-хан в 1256 г. принял посвящение от Карма-бакши, которого возвел в главные ламы и поднес ему черную шапку великой почести. Некоторые повествования пишут, что Мункэ-хан пригласил из Тибета Карма-Дунсумдзэмба-ламу. Это неверно, так как Карма-Дунсундзэмба родился в году белого барса (1110) и умер в году черной коровы (1193). Он был учеником ламы Дэмба-Лхаджэ, обучался у него учению карджудпа в местности Карма, а в году синей змеи (1185) основал монастырь Лхадан, откуда и начало распространяться учение карджудпа или карма. Учение карджудпа было основано в Тибете ламой Дэмба-Лхаджэ в начале XII столетия. Лхаджэ был учеником Милы. В основе этого учения лежит тантра. Это учение следует учению индийского ламы-тантриста Ванчин-Нирбо. Согласно его взглядам, суть учения передается учителем тайно и изустно. Оно и называется карджудпа, что по-монгольски означает «учение передачи повелений». Учение этой школы распадается внутри на десятки сект. Из них к Монголии имеют отношение карджуд-цалба и карджуд-карма. Учение карджудпа в корне отлично от учения школ, известных под именем сакья и нинлун⁵²⁷.

Некоторые европейцы лам, исповедующих учение сакьяпа и карджудпа, прибывших в Монголию после Чингис-хана — всех называют «красношапочниками». Это объясняется незнанием сути вещей.

[VII.] ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ХУБИЛАЙ-СЭЦЭН-ХАНА

После смерти Мункэ-хана военные и гражданские сановники, сторонники Хубилая, собрались в году белой обезьяны (1260) на реке Шанду-гол, недалеко от Долоннора, и провозгласили Хубилая великим ханом. Одновременно с этим в местности Хара-хорин так же собрались высшие сановники и провозгласили великим ханом младшего брата Хубилая — Иргабуха⁵²⁸. Так монголы разделились на два лагеря, начались междоусобицы. Но вскоре Хубилай подавил своего младшего брата и сделался великим ханом. Он покорил почти весь Китай. Затем он оставил старую столицу Хара-хорин и в году синей мыши (1264) учредил новую столицу город Бэйпин⁵²⁹, а государство переименовал в Великое Юаньское государство.

Хубилай был просвещенным и мудрым правителем, поэтому сверх тех земель, которые были приобретены в период правления трех ханов после Чингис-хана, он завоевал еще много обширных земель. Период правления Хубилая считают пиком расцвета монгольского государства. Тогда Монголия владела почти всеми землями Восточной Азии; острова и полуострова, лежавшие между Великим Южным морем и Тихим океаном, также принадлежали ей. На западе все страны, находившиеся по эту сторону Германии — Румыния, Польша, Россия и пр. были подчинены ей. По данным, приведенном в «Синем знамени»⁵³⁰, всех больших и малых монастырей и

храмов, подчиненных Хубилай-хану, было сорок две тысячи воесемнадцать, а число монахов различных учений доходило до двухсот тридцати трех тысяч ста человек.

Хубилай-Сэцэн-хан в совершенстве знал китайскую грамоту, преклонялся перед китайской культурой, а в отношении государственного правления, законов и прочего совершенно пренебрегал старыми обычаями. Он изменил все, следуя законам и обычаям Китая. Поскольку сам он был буддистом, то в качестве государственной религии ввел учение Шакьямуни. Так власть стала отдавать предпочтение буддизму. К ламам он относился с безмерным уважением, крупных вероучителей буддизма он наделял титулами «дишири», «гошири», «ценшири». Лама, наставник хана, жаловался титулом «дишири», прочие же приближенные к великому хану и почитаемые учителя — титулами «гошири», «ценшири». Титул «дишири» был дан Пагба-ламе Лодойджалцану. Пагба-лама, как было сказано выше, прибыв к себе на родину, принял обеты гэлуну, но в год восшествия Хубилая на престол великого хана вернулся в местность Долоннор, где был включен в свиту хана как главный учитель.

Вскоре ханша Дзамбу обратилась к хану со следующими словами: «Ламы-цалбинцы говорят, что Пагба-лама весьма искусен в тантре, он имеет такие посвящения, особенно из относящихся к учению сакьяпа, которых не имеет никто из других лам. Нам следовало бы испросить у него эти посвящения». Хубилай ответил, что сначала пусть примет их сама ханша, а он испросит их позднее, если они окажутся действительно священными. Заручившись согласием хана, ханша Дзамбу поведала о своем желании Пагба-ламе. Она приняла посвящение Хэ-очиру, после чего почтительно спросила, чего желает лама получить в качестве дара. Лама ответил, что она должна совершить ему подаяние тем, что считает самым ценным из своих драгоценностей. Тогда ханша поднесла ему много золота и серебра и в том числе большую золотую жемчужину. «Когда меня выдавали замуж за хана, мой дед подарил мне эту жемчужину, и она для меня является самой дорогой вещью», — сказала ханша. Пагба-лама как учитель ханши стал во дворце одним из самых почитаемых людей. Ханша Дзамбу обладала большим влиянием, часто давала советы Хубилай-хану, поэтому-то Пагба-лама и сумел занять такое важное положение при дворе.

Хубилай-хан почитал также и Карма-бакши, который был приглашен в монгольский двор еще при Мункэ-хане. Но по мере возвышения Пагба-ламы, влияние Карма-бакши падало. Это, естественно, не могло не вызвать его раздражения. В 1262 г. он в присутствии Хубилай-хана продемонстрировал чудеса, которые чрезвычайно заинтересовали хана. Хан стал думать, что Карма-бакши обладает более основательными знаниями, чем Пагба-лама. Это в свою очередь задело ханшу Дзамбу. Она вместе с некоторыми сановниками стала внушать хану, что знания Пагба-ламы неизмеримо выше, чем у Карма-бакши. Действительно, Карма-бакши не обладал разнообразными знаниями, он был приверженцем тарни и гадателем, а Пагба-лама с малолетства обучался у Сакья-пандиты Гунгаджалцана различным наукам, и был, конечно, более образованным ламой, чем Карма-бакши. С того времени, как начались распри между Карма-бакши и Пагба-ламой, ханша Дзамбу стала постоянно восхвалять Пагба-ламу и, наоборот, хулить Карма-бакши. В конце концов, она добилась того, что Хубилай-хан отправил Карма-бакши на родину. В некоторых исторических сочинениях говорится, что Карма-бакши скончался в Монго-

лии, его прах помещен в субурган под названием «Камалашила» в местности Лянчжоу, которая находится на границе Китая, Тибета и Монголии. Однако в «Синем знамени» и других сочинениях сказано, что Карма-бакши скончался в году черной овцы (1283) восьмидесяти лет от роду, то есть после возвращения к себе на родину.

После удаления Карма-бакши Пагба-лама Лодойджалцан занял при дворе главенствующее положение. В это время Хубилай завоевал Тибет. Он издал указ о наборе тибетцев в армию и о взимании с Тибета различных налогов. Однако Пагба-лама решил добиться для Тибета привилегий и обратился к Хубилай-хану со следующими словами: «Наш Тибет — бедная окраина, народу в нем мало, территория небольшая. Такой стране тяжело нести бремя воинской повинности и налогов. Пусть великий хан смилостивится и освободит ее от указанного бремени». Хубилай-хан, найдя просьбу неисполнимой, решительно ее отклонил. Тогда Пагба-лама рассердился и заявил: «Если так, то что тут делать одинокому тибетскому монаху, лучше ему немедленно уехать на родину!» Хубилай-хана это заявление не тронуло, и он своего решения не изменил. Однако ханша Дзамбу сумела уговорить Хубилай-хана не отпускать Пагба-ламу и сохранить с ним прежние взаимоотношения, ссылаясь на то, что Пагба-лама — самый образованный лама из всех бывших при дворе. Хубилай-хан удовлетворил ее желание. В год синей коровы (1265) Пагба-лама изъявил желание вернуться на родину. Хубилай-хан согласился отпустить его. Он одарил его богатыми дарами.

Затем в год красной зайчихи (1267) Хубилай-хан вновь пригласил Пагба-ламу, послав к нему гонца с посланием и подарками. Пагба-лама, ссылаясь на то, что едет в столицу на встречу с императором, устроил тринадцать торжественных церемоний, подготовка и проведение которых вызвали [в Тибете] много хлопот. Один ученый лама по имени Ригбирилди из монастыря Нартан осудил Пагба-ламу, написав: «Светлое солнце буддийской религии заслонила темная туча почестей. Спокойствие и счастье всей страны задушено руками ханов и князей. Монах стал жить, как саванник в развратное время. Отныне я понял, что Пагба-лама, не уяснивший этих трех истин, не святой». Пагба-лама, отуманенный почестями, не был в состоянии принять эту критику и ответил так: «Разве не предопределены расцвет и падение религии Будды самим учением и повелением бурханов? Разве не зависят счастье и страдания страны от судеб самих людей? Разве вожди и предводители не должны приспособляться к своему положению? Отныне я понял, что ты, не понявший этих трех истин, не мудрец».

Пагба-лама вернулся в Бэйпин к Хубилай-хану в год желтой змеи (1269). Когда Пагба-лама прибыл, Хубилай дал ему такое повеление: «Каждая страна, будь то Индия, Китай или Тибет, имеет свое письмо. Тебе, лама, повелеваю составить новую азбуку, которая соответствовала бы монгольскому языку». И Пагба-лама составил так называемое [письмо] «хор-йиг» или «квадратное письмо». После составления этого письма Хубилай-хан немедленно издал указ о введении его вместо уйгурского письма. Ниже прилагается эта азбука⁵³¹. Новое письмо было составлено применительно к монгольскому языку и по форме подражало тибетскому. Буквами новой азбуки можно было писать как вертикально, так и горизонтально. Форма букв походила на квадрат, почему это письмо и стали называть «квадратным».

Пользоваться этим письмом было довольно трудно, но так как великий хан издал указ о его введении, пришлось организовывать школы и учиться ему. Все официальные бумаги и распоряжения писались квадратным письмом, причем, к ним прилагались записи, сделанные китайскими знаками (иероглифами). Квадратное письмо было в употреблении, по-видимому, довольно долгое время. Однако, очевидно, из-за его сложности буддийские сочинения продолжали писаться старым письмом.

В год белой лошади (1270) Хубилай-хан обратился к Пагба-ламе с пожеланием принять посвящение, которое прежде получила его ханша. Пагба-лама заявил на это: «Вы — великий повелитель. Едва ли вам удастся соблюдать обеты нашего учения». Тогда Хубилай спросил: «А какие есть обеты?» Пагба-лама ответил: «В случае принятия посвящения учитель становится старшим, а ученик младшим. Ученик не сможет возражать учителю и даже в мыслях допускать дурное в отношении своего учителя». Хубилай сказал: «Если это так, я не смогу принять такого посвящения». Но тут вступила в беседу ханша Дзамбу, которая сказала: «Выход есть. Во время принятия посвящения и когда не будет много народу, пусть главенствует лама. В местах же, где управляют сановниками и князьями, старшинство должно принадлежать хану. В религиозных деяниях и делах, касающихся Тибета, хан не должен действовать без согласия ламы. Что же касается остального, то хан должен действовать независимо от ламы». Хан и лама нашли это предложение правильным, и после этого Хубилай-хан и еще двадцать пять человек приняли посвящение Хэ-очиру и сделались учениками Пагба-ламы. Хубилай-хан преподнес Пагба-ламе хрустальную печать шести поколений и присвоил ему звание «лама государства, владыка религии, духовный царь пяти стран, пандита-хутухта дишири». Затем хан подарил ламе золото, серебро, жемчуга, шелка, коня с золотым седлом и пр. Кроме того, тринадцать тумэнов тибетцев он сделал данниками монастыря Сакья и лам освободил от воинской повинности. Некоторые историки утверждают, что Хубилай-хан получал от Пагба-ламы посвящение Хэ-очиру три раза, и что первый раз это случилось в год черной коровы (1253). Это, очевидно, не так. Хубилай-хан в 1275 г. превратил тибетцев в данников монастыря Сакья и возвел в правители Тибета хубилгана сакьяского происхождения Шигьямбу⁵³², отправив в Тибет посла, который и обнародовал повеление императора. В год красной мыши (1276) и Пагба-лама получил разрешение вернуться в Тибет. На родину Пагба-ламу до самого монастыря Сакья сопровождал сын Хубилая Цэнмэ-гайджи с войском. Там он поднес ламам пожертвования, а они отслужили в его честь службу. Благодаря Пагба-ламе, который сделался в то время главным ламой хана, монастырь Сакья превратился в важнейшую политическую и экономическую силу.

Хубилай-хан, по-видимому, поддерживал отношения и с монастырем Цал-Гунтан. Например, говорят, что Хубилай по завещанию Угэдэй-хана посылал людей в монастырь Цал-Гунтан и оказывал монастырю поддержку. В некоторых сочинениях указывается, что по случаю обновления храмов и статуй монастыря владельцем Цалбинского аймака был поставлен князь Эринджил (непонятно) и что Хубилай-хан карджудпаского ламу Оргембу (Урджинба) в год черного дракона (1292) пригласил в Монголию. Однако, несмотря на то, что Хубилай-хан, по-видимому, поддерживал связи с другими монастырями, основным местом его поклонения был

все-таки монастырь Сакья. Это подтверждается данными о том, что Хубилай-хан намеревался ликвидировать учения различных сект Тибета и везде ввести учение сакьяпа, и был остановлен лишь самим Пагба-ламой.

Хубилай-хан вообще поддерживал лишь религию Шакьямуни, а против учения Лао-Цзы, например, вел в Китае борьбу. Некоторые данные указывают на то, что Хубилай-хан приказал сжигать в Китае книги, относящиеся к даосизму. Он же повелел Паг Ба-ламе, устроив диспут, подавить семнадцать даоских ученых. После поражения в диспуте они были насильно обращены в буддийские монахи. Так рассказывается в повествованиях.

Хубилай-Сэцэн-хан учредил несколько буддийских монастырей, собрал там монахов и повелел проводить богослужения. В исторических книгах об этом написано так: «Хубилай привез из Индии много статуй бурханов, построил несколько храмов, поселил туда монахов и установил постоянные богослужения».

Теперь несколько слов о статуе Дзандан-дзу⁵³³. Согласно преданиям, давным-давно, еще при жизни Шакьямуни, один индиец по имени Вишвакарма создал статую Шакьямуни, которую называли Дзандан-дзу. Через тысячу пятьсот лет эту статую привезли в Хотан (Ли), где и стали почитать как святыню. Через шестьдесят восемь лет после этого один китайский воевода по имени Мун-кун перевез эту статую к себе на родину. Оттуда Дай-Цин-хан джурчитов⁵³⁴ доставил статую Дзандан-дзу в Бэйпин, где она была помещена в храм «Мин-цзун-ши». Там несколько поколений императоров совершали ей поклонение. Хубилай-Сэцэн-хан построил в Бэйпине специально для этой статуи большой храм под названием «Большой белый субурган». Он поместил туда Дзандан-дзу и назначил лам для совершения богослужений. Так монгольские ханы стали почитать эту статую.

В период правления Хубилай-хана создание храмов, учреждение общин монахов, введение богослужений происходило на территории Китая и Маньчжурии, а в самой Монголии ничего подобного не было, поэтому все рассказанное выше, можно сказать, к самим монголам не имеет никакого отношения. Да и вообще, буддийскую религию тибетского происхождения почитали в основном ханы и князья, а простые монголы продолжали по старому обычаю поклоняться шаманам. Некоторые цитируют высказывание английского ученого Ховорса (в тексте — Хаваса)⁵³⁵, который писал: «Я не смог найти данных о том, как ламаизм распространялся среди монголов в период правления Хубилай-хана. Думается, в то время его исповедовали главным образом дворцовые сановники и высшая аристократия. Основная же масса монголов придерживалась шаманизма периода Чингис-хана». Это высказывание вполне соответствует правде, если говорить о религии, проникавшей из Тибета. Однако неправильным было бы думать, что буддийская религия, проникшая к монголам от уйгуров, могла бы исчезнуть бесследно.

VIII. О десяти императорах Юаньской династии после Хубилая

Хубилай-хан занимал монгольский престол в течение тридцати пяти лет. Он решил передать престол третьему из своих четырех сыновей — Чинким-гайджи.

Но Чинким умер еще при жизни Хубилая, поэтому в год синей лошади (1294) великий престол унаследовал сын Чинкима Улдзэйту, который в год красной овцы (1307) скончался. В том же году ему наследовал сын старшего брата Улдзэйту — Дармабала по имени Хайсан-Хулук-хан. Этот хан царствовал пять лет, то есть до года белой свиньи (1311). При хане Улдзэйту из монастыря Сакья ко двору был приглашен ученый лама пандита Чойджи-Одсэр. Хан сделался его последователем и поднес ламе титул дайшири (великий учитель). После смерти Улдзэйту Хайсан-Хулук-хан продолжал почитать ламу Чойджи-Одсэра. В некоторых исторических сочинениях говорится, что Улдзэйту пригласил из сакьяского монастыря ламу по имени Дармабала, а Хайсан-Хулук-хан почитал ламу Гунчэн-Чойгу-Одсэра. Однако эти сведения не соответствуют действительности. Из тибетских источников видно, что сакьяский Дармабала умер за шесть лет до восшествия на престол Улдзэйту, то есть в год красной свиньи⁵³⁶ (1287), а Гунчэн-Чойгу-Одсэр умер за четырнадцать лет до восшествия на престол Хайсан-Хулук-хана, то есть в год черного дракона (1292). Видимо, сакьяского ламу Чойджи-Одсэра по ошибке стали считать Гунчэн-Чойгу-Одсэром.

Начиная со времени правления Улдзэйту, квадратным письмом, составленным Пагба-ламой, практически перестали пользоваться. Оно считалось трудным, и в государственных и религиозных делах продолжали употреблять уйгурское письмо. (Квадратное письмо употреблялось на всем протяжении правления династии Юань, как это показывают новейшие данные. Здесь излагается версия авторов, следовавших традиции «желтошапочной» религии). Но так как уйгурские буквы не были еще приспособлены к монгольскому языку, то религиозные книги продолжали читать на уйгурском языке. (Здесь дело не в буквах, а в традициях. Сравните средневековую Европу, где все богослужебные книги были исключительно на латинском языке). Поэтому Хайсан-Хулук-хан решил перевести на монгольский язык религиозные книги. В 1308 г. он поручил ламе Чойджи-Одсэру исправить старое уйгурское письмо и перевести на монгольский язык слова учения Будды. Он основал ведомство, отвечавшее за перевод книг на монгольский язык. Сакьяский лама Чойджи-Одсэр исправил уйгурские буквы и приспособил их к монгольскому языку. Он составил правила монгольского письма «Джирухэну толта» («Околосердечный жир»)⁵³⁷ и перевел несколько религиозных книг на монгольский язык. Это были первые переводы на монгольский язык буддийских книг.

В некоторых сочинениях отмечается, что при Хайсан-Хулук-хане лама Чойджи-Одсэр прибавил к сорока четырем буквам пятнадцати разрядов по четыре новые буквы, кроме буквы «ва», и каждую букву сделал семи родов, таким образом составив алфавит из ста букв⁵³⁸. Таким образом, получается, что до времени Хайсан-Хулука не было следующих пятидесяти шести букв: «о», «у», «б», «ü», «но», «ну», «нб», «нү», «бо», «бу», «бб», «бү», «хо», «ху», «хб», «хү», «го», «гу», «гб», «гү», «джо», «джу», «дждб», «дждү», «йо», «ю», «йб», «йү», «то», «ту», «тб», «тү», «до», «ду», «дб», «дү», «мо», «му», «мб», «мү», «чо», «чу», «чб», «чү», «ро», «ру», «рб», «рү», «со», «су», «сб», «сү», «ло», «лу», «лб», «лү». Значит, уйгурский Богучар-хан (тюркский Бег-чур), ханы Угэдэй, Гуюк, Мункэ, Хубилай, Улдзэйту и другие не могли написать своих имен (за неимением букв, входящих в их имена)? Если взглянуть на листок из найденной Кротковым⁵³⁹ уйгурской печатной книги, некоторые из назван-

ных выше букв ясно видны. Поэтому сведения о том, что Чойджи-Одсэр составил пятьдесят шесть новых букв, следует признать неверными. Из комментариев к «Джирухэну толта» следует, что Чойджи-Одсэр в эпоху Хайсан-Хулук-хана к существовавшим ста буквам — девяноста восьми буквам семи разрядов, плюс «ва» и «вэ» — прибавил три разряда букв «джа», «ша», «фа», а также букву «э» и конечные хвосты. (Это не соответствует действительности, как и все прочие легенды о тибетских священника., «составлявших и исправлявших» уйгурские буквы для монголов). Несомненно, монголы до этого исправления уйгурских букв и создания, таким образом, настоящего монгольского письма читали буддийские книги только на уйгурском языке. (Археологические и другие данные говорят о другом). В колофоне сутры «Панчаракша», переведенной Чойджи-Одсэром, сказано (пропуск). (Здесь монгольский текст дает очень безграмотную и искаженную копию колофона, вероятно, местами непонятную переписчику, сделавшему ряд фантастических ошибок. Смысл колофона сводится к тому, что на монгольском языке была мало распространена буддийская литература. Ее читали исключительно на уйгурском языке. Император Хайсан-Хулук вместе с Чойджи-Одсэром способствовали распространению перевода буддийских книг на монгольский язык).

Ряд исторических сочинений указывает, что до Хайсан-Хулука богослужения и чтение буддийских книг происходили на уйгурском языке. Кроме того, некоторые европейские ученые говорят, что уйгуры, перекочевавшие с Селенги в Или, Тарбагатай и Эрэн-Хабиргу, исповедовали буддизм. Они построили в местах своего переселения храмы и дома, осели и сделали земледельческим народом. Храмы и субурганы, построенные уйгурами, сохранились до нашего времени. Немецкие ученые произвели раскопки в местах, где жили уйгурские отшельники. Они нашли бесчисленное количество образов Будды и религиозные книги. Большинство из этих книг было на уйгурском языке. Таким образом, книги, которые читали уйгурские ламы, теперь найдены и изучаются. Эти уйгуры, осевшие около Эрэн-Хабирги, сохраняли верность монголам со времени Чингис-хана до времени Даян-хана. Осевшие в городах и селениях, потерявшие воинскую доблесть, они не смогли оказать сопротивление завоевателям с запада — народу сартагул, который покорил их и сделал последователями ислама — чалманосцами. Вместе с тем изменился и уйгурский язык. Часть уйгуров не оставила своей старой веры, сохранила свой язык и книги, перекочевав на восток и осев на северо-западе от озера Кукунор. Этих уйгуров в наше время называют шара-уйгурами. Больше половины из них стали монголоязычными. Меньшая часть окитаилась. Так рассказывается об уйгурах. Кроме того, некоторые историки говорят, что на границе Монголии, Тибета и Китая, на западе от Ланьчжоу есть большой храм с каменной статуей Будды Майтреи. К юго-западу от Ланьчжоу есть большой храм Будды ушедшего в нирвану. Дальше на запад, на севере от озера Кукунор в Ганьчжоу есть большие и малые храмы Дунчак (пещерные храмы Дуньхуана?). На восток отсюда в земле шара-уйгуров или желтых уйгуров, в местности Хара-усу есть монастырь Даши-Гонджилин и ряд других. К востоку отсюда, в землях Ордоса, на южной стороне реки Хатун-гол (Хуанхэ) на вершине горы Лань есть интересный субурган, построенный из драгоценного синего камня и называемый Гомаслан (?). В его окрестностях есть много больших и

малых храмов, субурганов и скитов отшельников. На север от Хуанхэ, в Алашани, есть храм белого Манджушри⁵⁴⁰ и пещеры, где жили шестнадцать «вечно пребывающих» (шестнадцать апостолов Будды)⁵⁴¹. Некоторые из этих храмов еще построены во времена древних гуннов. Большинство же относится к периоду правителя тюрков Тоба-хана (VII в.). Есть построенные и после Тоба-хана. Говорят, монголы, китайцы и тангуты чтили эти храмы, начиная со времени их основания и до позднейших времен. Кроме того, монголы, подвластные современнику Чингис-хана Даян-хану, говорят, имели сношения на западе с народами, обитавшими в районе Небесных гор (Тяньшань) и Эрэн-Хабирги и исповедовавшими буддизм. Еще есть сведения, что при преемниках Чингис-хана уйгурские монахи совершали богослужебные обряды монголов.

Все это указывает на то, что часть монголов до позднейших времен имела религиозные связи с уйгурами Эрэн-Хабирги и шара-уйгурами на юге.

После смерти Хайсан-Хулук-хана в 1311 г. в том же году на престол был возведен Буянту-хан, при котором из сакьяского монастыря был приглашен в Бэйпин перерождение из этого монастыря Доньедджалцан, получивший титул дайшири. К тому же времени относится приглашение Буянту-ханом ламы Чим-Джамбэна, ученика Иргэбралда из Нартанского монастыря. Великий хан несколько лет чествовал этого ламу, затем же, поднеся великие дары золотом, серебром, шелком и прочим, возвратил его на родину. Лама за счет этого золота и серебра вырезал печатные доски для полного издания Ганджура и Данджура и поместил их в монастыре.

Буянту-хан скончался в год белой обезьяны (1320). На престол был возведен его сын Гэгэн-хан, который пригласил из сакьяского монастыря ламу Содномджалцана, которому поднес титул дайшири и оказывал почтение.

После Гэгэн-хана в год черной свиньи (1323) престол наследовал Есун-Тэмур-хан, пригласивший из сакьяского монастыря в Бэйпин ламу Габсоднома и поднесший ему титул великого учителя дайшири. Лама Габсодном вместе с монгольским переводчиком Арслан-Биликту перевели ряд книг учения Будды на монгольский язык.

После Есун-Тэмур-хана и до Тогон-Тэмур-хана престол занимали пять ханов, которые приглашали в Бэйпин из сакьяского монастыря лам Ринчэнванбо, Намхайджалцана, Эширинчэна, кармапаских лам Ранчундорджи и Санджабала, сакьясца Гунгалодоя, кармапасца Ролбидорджи — всего семь тибетских лам. Таким образом, после смерти Хайсан-Хулук-хана ханы Юаньской династии приглашали из Тибета прославленных лам и носили имя великих императоров, соединивших светскую и духовную власть. Однако это было лишь следованием устоявшимся обычаям. На деле же ни для монгольского государства, ни для религии это ничего не дало. Все ханы свое время проводили в дворцовых развлечениях. Власть монгольских ханов, подати и налоги становились все более несправедливыми. Это вызвало при последнем хане Тогон-Тэмуре волнения по всей стране. В 1368 г. на престол великого императора воссел Хун-у, император новой — Минской династии. Он изгнал Тогон-Тэмур-хана из Бэйпина. Таким образом, мины отняли у Тогон-Тэмур-хана китайскую державу спустя сто пять лет после восшествия на ханский престол в Бэйпине Хубилая и спустя сто шестьдесят три года после восшествия на престол Чингис-хана. Минские императоры после изгнания Тогон-Тэмур-хана из Бэйпина сделали

этот город своей столицей. Великая Минская династия после занятия всего Китая уступила место Дай-Цинской династии, отнявшей у нее правление. До этого события прошло двести семьдесят лет, и сменилось шестнадцать императоров. Минские императоры, следуя традициям монгольских императоров династии Юань, продолжали приглашать из Тибета ученых лам и подносить им все тот же титул дайшири.

[IX.] ЭПОХА ШЕСТНАДЦАТИ МАЛЫХ ХАНОВ ПОСЛЕ ТОГОН-ТЭМУРА

Когда император Тогон-Тэмур, изгнанный из Бэйпина, бежал в Долоннор, захватив в рукаве государственную печать Юаньской династии, из всех монгольских князей лишь один полководец Хун-Буха-Бабай (Отец Лебедь-Бык) продолжал оказывать сопротивление минской армии. Он прикрыл императора, когда тот бежал в Монголию. Когда же Тогон-Тэмур дошел до Керулена, он сдержал натиск минских войск и тем самым отстоял от них собственно Монголию.

В 1370 г. умер Тогон-Тэмур. Китайцы, воспользовавшись этим, пошли войной. Сын Тогон-Тэмура Аюур-Ширидара (Аюшридара) бежал в Хара-хорин, древнюю столицу Монголии, а внук Тогон-Тэмура Майдарбал с большим количеством монголов попал в руки китайцев. Минские войска стали преследовать бежавшие монгольские войска, но, не достигнув цели, вернулись.

В том же году сын Тогон-Тэмура Аюур-Ширидара был избран великим ханом и назван Биликту-ханом. Он вместе с Буха-Бабаем собрал войско. Мины же за этот промежуток времени несколько раз нападали на монголов, но терпели поражение⁵⁴². Они не смогли заставить монголов склонить перед Китаем головы. Это придало монголам сил, они стали совершать на границы Китая набеги и тревожить минов.

При следующем хане Усхале (Кротком хане)⁵⁴³ минский полководец Лан-юй взял пятнадцать десятитысячных корпусов и пошел на Монголию, решив прекратить набеги последних. В 1388 г. он нанес монголам большое поражение. После этого до 1400 г. при правивших друг за другом ханах Дзорикту, Энхэ и Элбэке⁵⁴⁴ Монголия была ввергнута в междоусобицы, расколовшие монголов на восточных и западных и воевавших между собой. Хотя в это время монголы делились на западных (ойратов) и восточных, но на юго-востоке жила небольшая группа харачин, которых называли монголами-урянхами. Говорят, что эти харачины были самостоятельными и имели своего владетеля. В то время ойратские Угэчи-хасаха и Батулачинсан объединили ойратов. Набрав силу, они пошли войной на восточных монголов. После того, как в 1399 г. они убили Элбэк-хана, восточные монголы были разбиты окончательно. Они разделились на три части, из которых одна перешла в подданство к Минскому императору, а другие — под власть к ойратам.

Престол хана у восточных монголов в 1400 г. перешел от Элбэк-хана к хану Гун-Тэмуру (1377–1402), но вскоре ханский престол занял Голджи или Улуй-Тэмур⁵⁴⁵, который для своего государства вместо старого названия Юань взял имя Татар или Тата. Монгольские князья стали разделяться на хана (хагана⁵⁴⁶) джинона и тайши. Тайши при хане исполнял обязанности первого министра. Должность тай-

ши занял Аруктай-тайджи, который убил хана Голджи и посадил на престол Буянширу, известного под титулом Дэлбэк-хан⁵⁴⁷. В это время и позднее — при ханах Уяратай⁵⁴⁸ и Атай главенствовал Аруктай-тайши. Когда Аруктай принимал титул тайши, монголы враждовали с минами. Поэтому минское правительство направило к ойратам посла, который должен был склонить их к нападению на восточных монголов. В результате — китайцы с юга, а ойраты с запада напали на восточных монголов, вступили на их территорию и нанесли им поражение.

После этого силы западных монголов стали расти с каждым днем. В 1434 г. ойратский Тогон-тайши напал на восточных монголов. Он убил Атай-хана и Аруктай-тайши и подчинил себе восточных монголов. Тогон-тайши сам хотел воссесть на престол великого хана всех монгольских племен, обитавших в войлочных кибитках, но не решившись, сделал монгольским ханом Тогтаху-Буха (Тайсун-хан). Затем он стал искать способы войны с Минским государством. Он покорил все монгольские племена, жившие к северо-востоку от Бэйпина — харачинов и тех монголов, которые стояли заставами на дорогах в Китай, и, не успев объявить себя всемонгольским ханом, умер в 1439 г. Перед смертью Тогон-тайши призвал своего сына Эсэна. Он дал наказ ему, как воевать с минами и передал ему свой титул тайши.

Эсэн-тайши повел военные действия еще энергичнее, чем его отец. Он не только покорил всех монголов, но и захватил китайского императора Чжэнтуня⁵⁴⁹, чуть было не покорив Минское государство. Но, несмотря на силу и могущество Эсэн-тайши, между монголами и ойратами снова возникла вражда. В 1451 г. они начали войну, в которой восточные монголы потерпели поражение. Был убит монгольский Тайсун-хан. Ойраты овладели всеми монголами, и в 1454 г. Эсэн-тайши провозгласил себя ханом всех монголов. Однако монголы считали, что ханский престол может занимать только потомок Чингис-хана. Поэтому они не признали Эсэн-тайши ханом и в 1455 г. напали на него под предлогом того, что Эсэн-тайши незаконно, воровски овладел монгольской державой. Несмотря на сопротивление, Эсэн-тайши был разбит.

Начиная с этого момента, силы ойратов стали ослабевать. Однако у восточных монголов из рода Чингис-хана, которые продолжали носить титул великих ханов, борьба за власть, убийства, междоусобицы не прекращались, что подрывало их силу. Это не было виной монгольского народа, который по-прежнему был храбр и воинственен и отстаивал свои земли от иноземцев, а было следствием неразумного поведения нескольких тайджи.

С тех пор, как Тогон-Тэмур в 1368 г. был изгнан из Бэйпина, и до смерти Батумунхэ-Даян-хана в 1545 г. прошло сто семьдесят лет (177 лет). Хотя в исторических сочинениях и нет подробных данных о том, какая религия в это время была у монголов, но кое-какие сообщения есть. Хотя и говорят, что Тогон-Тэмур во время своего пребывания в Бэйпине приглашал из Тибета сакьяского ламу Гунгалодюя и кармапаского ламу Ролбидорджи и почитал их, но в хронике «Золотое сказание» сказано, что Тогон-Тэмур не послушался советов Титсу-Ибсулту-ламы, преступил заветы Пагба-ламы и поэтому потерял построенный Хубилай-Сэцэн-ханом великий Дайду (Великую столицу, Пекин). Из этого следует, что Тогон-Тэмур-хан был, по видимому, равнодушным к религии. Кроме того, [следует учитывать следующее].

На протяжении семидесяти пяти лет, с тех пор как Хубилай-Сэцэн-хан в 1265 г. сделал тибетский народ данниками сакьяского монастыря, они были подвластны монголам. В 1349 г. князь Дай-Шиту-Джалцан из провинции Уй установил в Тибете самостоятельную власть и стал управителем всего Тибета. Вскоре после этого в 1368 г. Тогон-Тэмур был изгнан из Бэйпина. Вследствие этого монгольские ханы вынуждены были уступить свою власть над Тибетом и Китаем, очагом буддийской религии. Поэтому буддизм среди монгольских аристократов начал приходить в упадок. В «Золотом сказании» об этом говорится так: «Когда Тогон-Тэмур-хан ушел из незабвенной Великой столицы, там остались и драгоценные религия и учение». Так религия Шакиямуни, исповедовавшаяся высшими аристократами в государстве юаней, после бегства Тогон-Тэмура пришла в упадок. Кроме того, не осталось и следов того буддизма, который был распространен при уйгурах среди некоторой части монголов. Хотя остатки этого буддизма и сохранялись после Тогон-Тэмура при нескольких последующих ханах, но они исчезли окончательно вместе с переходом уйгуров Эрэн-Хабирги в ислам.

Хотя монголы в это время и позабыли буддизм, это не значит, что они не исповедовали никакой религии. Они продолжали исповедовать шаманскую веру, по-прежнему отправляли шаманские обряды, гадание, жертвоприношения и пр. Например, в «Золотом сказании» говорится, что когда ойратский Тогон-тайши находился в плену у восточных монголов, он услышал, как в день пиршества монгольского Аруктай-тайши завывали собаки; по этому признаку он узнал, что у восточных монголов должно произойти несчастье, и на радостях поклонился Небу. И еще рассказывается, что Батумунхэ-Даян-хан и Сайн-Мандухай-хатун вдвоем приносили жертвоприношения и совершали поклонение предкам и Высшему вечному небу; тогда Мандухай-хатун произнесла такое благопожелание: «Чтобы не прервалось потомство отца-владыки Чингиса, да взлелею я у сердца моего семь сыновей, а на коленях - одну дочь!» И еще: когда воины Даян-хана выступили в поход, об этом услышали три Западных Тумэда⁵⁵⁰ (племена) и пошли на них войной. Два войска встретились у Далан-Тэригуна. Тогда белый шаман алакичутов и удзумчинов Элдунгэ-бакши сказал: «Дух жизни Иборая — огонь. Хорошо бы этот огонь залить водой». Говоря так, он разложил огонь и серебряной чашей лил на него воду». [Другой эпизод.] Оннютский заклинатель рассмотрел знаки и сказал: «Если на поединок (перед боем) выйдет смуглый коренастый человек из рода борджигин с поводьями из барсовой шкуры, то враг будет побежден». Таким образом, [видно, что] монголы того времени поклонялись Вечному синему небу и отцу-владыке Чингису. В месте, называемом «Восемь белых ставок Владыки» они приносили жертвоприношения и молились об избавлении от бед и ненастья, говоря: «Отец наш Владыка, сохрани нас от бед и даруй спокойную счастливую жизнь!» В «Золотом сказании» говорится: «Маулихай-онг, готовя войско к походу на хана Молона, совершал жертвоприношение Небу и молил: О, Вечное небо! О, Великий владыка (Чингис)! Я был добр к твоему потомку. Потомок же твой замыслил против меня недоброе. Знайте же об этом!» А Батумунхэ-Даян-хан, говорят, узнав, что уйгутский Онгорхай убил его сына Абахая, сказал: «Вы убили моего сына Абахая. За что? Кого он у вас убил?» И он обратился к Небу с жалобой: «О крови, что пролилась, о костях,

что полегли, знайте же вы, о Высокое небо и Великий предок!» Во всех исторических сочинениях отмечается, что монголы во всех случаях молились и совершали жертвоприношения восьми белым юртам Чингис-хана. Поклонение Вечному синему небу и духу Чингис-хана — не новый, а древний монгольский обычай. Почитание Вечного синего неба, Золотого солнца, Серебряной луны, освещающих мать-землю, девяносто девять духов-тэнгри, обо, духов Хангая и земли — это обычай шаманской веры, известный еще со времен древних гуннов. Поклонение же владыке Чингис-хану — новый обычай, распространившийся со времен Юаньской династии. Так как эта религия является поклонением отцу — владыке Чингис-хану, матери — великой государыне, духу — гению державы с просьбой ведать жизнью, радостями и горестями тех, кто обращается к ним, то, возможно, что она имеет корни в религии древних гуннов, поклонявшихся отцу и матери, старшим и младшим братьям. Чингиса же начали почитать со времени правления следующих за ним ханов. Например, при хане Бату, сыне Джучи, русский князь Михаил поклонился Бату-хану, но отказался поклониться изображению Чингис-хана, за что был казнен. Поклонение Чингис-хану, его знамени и гению-духу смешалось затем с религией, признающей перерождения, отчего сделалось совершенно запутанным.

В некоторых исторических трудах говорится, что после Тогон-Тэмюра монголы перестали почитать Будду и его учение, стали творить порочные деяния, вкушать мясо и кровь. Если в ту пору умирал человек, то на его похоронах забивали скот и совершали жертвоприношения его духу, а иногда приносили в жертву духу и людей. Этот обычай, говорят, был запрещен тумэдским Алтан-ханом и Далай-ламой Содномджамцо. В некоторых старых преданиях говорится, что монголы имели обычай умерщвлять своих одряхлевших родителей, забивая им рот салом бараньего курдюка с помощью голенной кости задней ноги барана. Обычай этот будто бы был отменен только после неоднократных вразумлений Далай-ламы Содномджамцо и Ундур-богдо Джэбдзундамба-хутухты. Однако все это — ложь, распространенная ламством в целях восхваления желтой религии. В период существования древних хунну и до возникновения нашей страны среди монгольских племен существовал такой обычай: когда умирал какой-нибудь важный человек, смотря по степени значения умершего, убивали то или иное количество людей из его свиты и погребали вместе с ним. Однако со времени Чингис-хана мы не находим известий о соблюдении этого обычая. Правда, среди монголов и до нашего времени сохранился обычай убивать особо любимое животное из стада, когда оно состарится, говоря, что его надо умертвить, пока оно еще имеет мозги. Точно так же в древнее время монгольские племена считали необходимым убивать близких и дорогих родственников, пока у них кости имеют мозг. Возможно, они и убивали их, исходя из этих представлений.

[X.] РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖЕЛТОЙ РЕЛИГИИ В МОНГОЛИИ И ВЛИЯНИЕ НА ЭТОТ ПРОЦЕСС МАНЬЧЖУРСКОЙ ВЛАСТИ

По существу, мы только сейчас подошли к изложению причин и условий распространения в Монголии желтой религии. Чтобы читателю все было ясно, в нача-

ле следует коротко рассказать о том, как желтая религия родилась и пришла в упадок в Тибете. Начало желтой религии в Тибете положил лама Богдо-Цзонхава. Он родился в год красной курицы (1357) в местности Цзонха (где ныне находится монастырь Гумбум), в семье крестьянина по имени Лунбумгэ из тангутского племени мэл. До шести лет он жил со своими родителями. Затем сделался монахом, дав обеты тойна ламе Чойджи-Тудувринчину. Его учитель дал ему имя Лубсандагва. В 16 лет он по указанию учителя отправился в Центральный Тибет обучаться различным знаниям. Прибыв в местность Ци-Цзан⁵⁵¹, он поступил учеником к очень образованному ламе. Особенно усердно он обучался у ламы сакьяского направления Джэбцун-Риндагвы, преподавшего ему все тонкости больших сутр «бэлгэ-чинар» («признак-свойство» чего-либо или ученое состязание)⁵⁵². Проучился он до тридцатилетнего возраста. Двадцать лет он таким образом изучал учение о признаке-свойстве предметов, филологию и другие науки.

Хотя буддизм в Тибете в этот период внешне казался весьма процветающим, внутренне он находился в плачевном положении, существуя в виде различных сект и учений. Еще в 1042 г. в Тибет из Бенгалии был приглашен лама Джу-Атиша⁵⁵³, который привел в порядок религиозное учение в Тибете, но вскоре после него оно опять начало приходить в упадок. Так, например, были сильны последователи секты нилуг-цокдзэмбэ⁵⁵⁴, распространявшие свое учение со времени царя Тисрондэцзана⁵⁵⁵. Это учение проповедовалось такими учителями, как Улан-Дзара, лама Хухэ-Умдугу («Синештанник»), Оргемба, Гуру-Чойбан и др. В основу их религии было положено тарническое учение Падмасамбхавы. Они почитали семьдесят пять божеств-тэнгри, которым поклонялись тибетские шаманы, считая их духами серебряно-белых гор с вечными снегами. Они считали, что такие явления круговорота бытия, как мнимые видения привязанности, существуют постольку, поскольку эти чувства привязанности к миру имеются у глупых обывателей. Видения круговорота жизни уйдут тогда, когда исчезнут привязанности. Тот, кто желает уйти из круговорота, должен развивать и поощрять скверные привязанности, ограничить анализ и изучение, руководствоваться высшими правилами тарни и таким образом достичь состояния будды (мистицизм). Ламы этого учения могли свободно предаваться созерцанию, считая себя буддами, тэнгри. Они пользовались спиртными напитками, имели право входить в сношение с женщинами и пр. Так законы Шакиямуни подвергались извращению. Основные идеи этой секты изложены в сочинении «Тонилхын хулэг» («Книга ухода из мира»), в которой указывается девять путей — «Адисын ундэс», «Убадшин джирухэну толта», «Линхувын туб гэрэл», «Пурбын ундэс»⁵⁵⁶ и пр. Эти сочинения в основном берут начало в так называемых сокровищницах тайных писаний. Они преимущественно ложны. Поэтому они основываются главным образом на таких способах, как спасение, благословение, благоволение, сжигание ячменной муки под предлогом подавления чертей и духов. Ламы этой секты имели обычай носить красные шапки, поэтому их называют «красношапочниками», а их учение — красной религией.

С первого десятилетия XI в. в Тибете стало распространяться учение успокоения лудзинчи⁵⁵⁷, главными адептами которого были индийцы Падамба (ум. 1117) и Маджиг-Лабдон (1055–1145)⁵⁵⁸. Согласно этому учению, человек может стать буд-

Падмасамбхава. Из кн.: Waddell L.A. 1985. Buddhism and Lamaism of Tibet. Darjeeling: Oxford Book & Stationery Co.)

дой, принеся в жертву свою бrenную плоть. И учение, и обряды этой секты были полны разврата и распущенности, поэтому они постепенно стали такими же, как в красной религии.

Лама Гунпан-Тугдждзондуй, живший с 1243 по 1313 гг. в местности Джонан создал новый монастырь. На основе проповедей некого Миджиддорджи он создал учение джонанпа. Его ученик Долбо-Шэрабджалцан⁵⁵⁹ продолжил распространение учения джонанпа, написав, в частности, сочинение «Море действительности». Учение это основывается на следующих идеях: в теле каждого существа, хорошего

и плохого, есть нечто вечное и глубинное, что невидимо и недоступно человеку. Это — Джу-Будда. Оно особенно, отлично от другого, едино и истинно. Все остальное с точки зрения этого учения есть иллюзия и ложь. Адепты джонанпа называли свое учение высшей стадией буддизма. Они пользовались буддийскими сутрами, цитировали буддийские сочинения, причем, главным образом относящиеся к «Колеснице времени» (Дуинкуре)⁵⁶⁰. Дисциплина этого учения, по-видимому, была строже, чем у красной религии.

Кроме перечисленных трех учений — цогдзэмбэ или красной религии, лудзинчи и джонанпа, были еще учения сакьяпа и карджудпа. Все эти пять направлений пренебрегали учением кадампа, введенным Джу-Атишей. Они всячески извращали обеты буддизма, ссылаясь на тантрические ритуалы.

Богдо-Цзонхава считал, что религия должна основываться на правилах учения кадампа, установленных Джу-Атишей. В течение тридцати лет он трудился над составлением расширенного устава религиозного учения, который он написал в виде толкования к повествованию Атиши «Лампада, освещающая путь к святости» (монг. Боди мурийн зула), назвав его «Ступени пути к святости» (монг. Боди мурийн зэрэг)⁵⁶¹. Кроме того, он изучил все крупнейшие труды индийских пандит о признаках-свойствах (цаннид) и на основе этого написал несколько сочинений об этом, выдвинув новые идеи. Многие ученые Тибета, например, из Сакья, стали негодовать, говоря: «Какой-то Цзонхава из нижней земли тангутов вздумал проповедовать новое учение. Надо устроить с ним диспут, подавить его ум и тем самым разрушить его идеи». Многие устраивали с Цзонхавой Лубсандагвой диспуты, но всякий раз оказывались побежденными сами, после чего становились его учениками. В результате к учению Цзонхавы стало обращаться все больше и больше образованных и ученых людей Тибета. Первого числа первого весеннего месяца желтой коровы (1409) Цзонхава Лубсандагва совершил большое богослужение божеству вечному Дзу в столице Тибета Лхасе с совершением жертвоприношений. С этого времени богослужение «Великое лхасское благопожелание»⁵⁶² стало ежегодным. В том же году на южном склоне горы недалеко от Лхасы⁵⁶³ он построил новый монастырь Галдан-Намджаллин⁵⁶⁴, где организовал проповедь своего учения. После этого цзонхавистов стали называть галданпа или гэлугпа. Так как они носили желтые шапки, их стали называть еще «желтошапочниками», а их религию «желтой».

Цзонхава, создавая свое учение о признаках-свойствах, основывался на повествовании «Основа мудрости»⁵⁶⁵ индийского ученого Нагарджуны⁵⁶⁶, а также на комментарии к этому сочинению под названием «Обладающий ясным словом»⁵⁶⁷, составленным также индийцем Индракирти⁵⁶⁸. В общих чертах это учение сводится к следующим рассуждениям. Если взять кусок золота и постараться изучить его, то будет необходимо разложить его на составляющие свойства: вес, жесткость, цвет, форму и пр., или разложить его на внутренние элементы, вплоть до мельчайших частиц. Что же после этого останется от куска золота? В его отдельных составных частях нет признаков формы и материи — ни цельного куска, ни золота. Если же совокупность составных частей называется золотом, то ведь эта совокупность, как сказано выше, раскладывается на составные части, и тогда мы не обнаружим в ней и признака совокупности. Если мы возьмем кусок золота и при помощи особого

орудия разложим его на составные части и рассмотрим, то увидим, что золото разложилось на десятки различных металлов, и его как такового нет. Разложив же кусок золота на мельчайшие частицы, мы увидим, что и в этих частицах есть составные части. Пока они носят название «материя», им присущи изменения, разложение, распад. С другой стороны, если мы смешаем кусок золота с материей другого свойства, то в силу обстоятельств, возникших при смешивании, он может стать материей со свойствами, противоположными золоту. Поэтому и само золото и материя, полученная от его изменений, являются лишь видимостью взаимных связей, а определенного, самостоятельного свойства у них нет. Следовательно, образование предмета и получение им того или иного свойства есть результат накопления материей разнообразных свойств. Точно так же живые и неживые тела, образовавшиеся от сочетания различных причин и следствий, следуя состоянию этих причин и следствий, изменяются в результате действий климата, температуры, благоприятных и неблагоприятных условий и пр. Поэтому они, каждое в отдельности, не имеют своих особенных свойств, их свойства являются приобретенными, а это равносильно чуду. Хотя все тела зависят от причин и условий и не имеют своих особенных свойств, в силу закономерности действия причин, различные свойства предметов могут быть полезными или вредными. Эти взгляды называются учением о пустоте, то есть небытии или отсутствии материи. Распространявший их в Тибете Богдо-Цзонхава умер в год желтой свиньи (1419), двадцать пятого числа первого зимнего месяца, достигнув шестидесяти трех лет. Его ученики после смерти учителя решили возвести на его место лучшего из них и вверить ему дело желтой религии. Так старший из учеников Цзонхавы был возведен на кафедру Богдо в монастыре Галдан-Намджаллин. Таким образом, впервые появился титул «галдан-ширэту», или настоятеля Галдана.

Среди учеников Цзонхавы более ста человек прославились как ученые. Они писали разнообразные трактаты и распространяли воззрения учителя. Среди них особо известны Дармаринчин (р. 1364), Хайдуб-Чойдже и Гэндундондуб⁵⁶⁹, занимавшие поочередно престол галдан-ширэту. Другие ученики Цзонхавы создавали новые монастыри, открывали школы желтой религии. Например, ученик Цзонхавы лама-цорджи Дашибалдан⁵⁷⁰ еще при жизни учителя в 1416 г. построил на южном склоне горы Гэпэл монастырь Балдан-Брэбун и организовал дацаны семи различных школ. Джамцо-цорджи Шакьявати⁵⁷¹, который от имени Цзонхавы ездил в Китай, по возвращении в 1419 г., то есть в год кончины учителя, на севере от Лхасы собрал монахов и создал монастырь Сэра-Дэджинлин. Спустя двадцать семь лет после этого, то есть в год красного зайца (1447)⁵⁷² ученик Цзонхавы лама Гэндундондуб в местности Цзан создал монастырь Дашилхумпо с общиной монахов и религиозными дацанами. Организация монастырей, стремление последователей Цзонхавы обучаться по правилам, установленным учителем, их презрение к богатству и проповедь тленности всего окружающего, следование строгой дисциплине — все это делало учение Цзонхавы популярным и авторитетным. Тибетцы совершали монастырям этой школы большие подношения. Соответственно стремительно увеличивалось число монахов, последователей Цзонхавы. Таким образом, через сто с небольшим лет после смерти Цзонхавы монахов-цзонхавистов стало очень много.

Но несмотря на внешнее благополучие желтой религии, дисциплина монахов слаба, они стали стремиться к наживе. Для этого монахи стали гадать, читать заговоры, тем самым становясь похожими на тех, кто исповедовал красную религию.

Вскоре появился обычай нахождения перерождений больших лам после их смерти и почитания их. Этот обычай впервые возник у карджудпа. Последователи этой секты начали считать Карма-Миджиддорджи, когда он был еще младенцем, перерождением Карма-бакши, носившего черную шапку⁵⁷³ и приглашенного еще Мункэ-ханом в Монголию. Поэтому Миджиддорджи был возведен в 1512 г., когда ему исполнилось всего шесть лет, на престол Карма-бакши в монастыре Цурпу. С этого времени и началось в Тибете почитание перерождений или хубилганов. Правда, издавна существовал обычай почитания многих ученых лам Индии и Тибета в качестве перерождений бодхисаттв. Этот обычай опирался на идеи сутр «Большой колесницы» о том, что бодхисаттвы, уйдя из мира, возвращаются в круговорот бытия для оказания помощи живым существам. Ламы утверждали эти идеи, используя различные сочинения и толкования, описывавшие будущее положение мира. После того, как Карма-Миджиддорджи был объявлен перерождением у «черношапочников», последователи Цзонхавы назвали ламу из Цзана Гэндунджамцо великим хубилганом желтой веры.

Возведение в хубилганы Гэндунджамцо⁵⁷⁴ произошло следующим образом. В год синей лошади (1474) на шестьдесят четвертом году скончался лама Чойджи-Гэндундуб, ученик Цзонхавы, основатель монастыря Дашилхунпо, автор многих религиозных трактатов. В это время в местности Цзангин-Танаг⁵⁷⁵ в доме некоего Гунджина родился мальчик, которого назвали Гэндунджамцо. Лама-гадатель Донъед, живший в районе Танаг-гол, объявил этого мальчика перерождением Гэндундуба, и местные жители стали почитать его. Гэндунджамцо в малолетстве был отдан в монастырь Дашилхунпо. Он получил там хорошее монастырское образование и постепенно стал весьма влиятельным ламой. Старый настоятель монастыря Панчен-Ешигемо не захотел уступать власть молодому хубилгану, и тот был удален из Дашилхунпо. Гэндунджамцо некоторое время провел в монастыре Брэбун-хийд. Затем, в год желтой змеи (1509) в местности Мэтоктан он основал монастырь Чойнхорджил. А в 1512 г. монастырь Дашилхунпо пригласил Гэндунджамцо и возвел его на престол [настоятеля].

С этого времени цзонхависты все увереннее стали говорить, что Гэндунджамцо действительно является перерождением Чойджи-Гэндундуба. Это было очень выгодно крупным ламам Брэбун-хийда, и они обратились к властям Тибета в Дэва-шун⁵⁷⁶ с таким заявлением: «Танагский лама Гэндунджамцо истинно является перерождением Чойджи-Гэндундуба. Ведь есть предопределение и повеление высших будд о том, что перерождение Хоншим-бодхисаттвы возродит желтую религию. Все признаки ламы Гэндунджамцо соответствуют тем, что указаны буддами. В то время, когда ламы карджудпа объявили своего черношапочного хубилгана, достойно ли нам не иметь своего перерождения, который бы утверждал нашу желтую религию. Нам следует немедленно возвести в [хубилганы] Брэбун-хийда ламу Гэндунджамцо и вверить ему дело желтой религии». Просьба была удовлетворена. В год красной коровы (1517) Гэндунджамцо был приглашен в монастырь Балдан-

Брэбун-хийд и объявлен хубилганом Хоншим-бодхисаттвы. Ему было пожаловано звание «джалван»⁵⁷⁷, и он был объявлен великим ламой желтой религии. Так в Тибете впервые появились далай-ламы.

Между прочим, первым далай-ламой считается Гэндундуб, а Джалван-Гэндунджамцо — лишь вторым. Последний, дожив до шестидесяти пяти лет, умер в год черного барса (1542). После его смерти, в 1543 г. у сановника правительства Тибета Дэвашун Намджилдагвы родился сын, которого, согласно указаниям ламы Чойджона и Нэйджи-Чойджона⁵⁷⁸, назвали перерождением Джалван-Гэндунджамцо. В четыре года он был возведен в монастыре Брэбун-хийд на престол великого хубилгана желтой веры.

В это время последователи учения Цзонхавы стали порицать Панчен-Ешигемо за «гонения на перерождение своего учителя, за нарушение клятвенных обетов между учеником и учителем, так как лама Гэндунджамцо является перерождением Чойджи-Гэндундуба [учителя Панчен-Ешигемо]. Панчен-Ешигемо понял, что во избежание неприятностей ему следует пригласить Гэндунджамцо в Дашилхунпо и возвести его там на престол. В следующем 1512 г. он пригласил Гэндунджамцо в Дашилхунпо и возвел его на престол первого ламы монастыря.

Еще при монгольском императоре Тогон-Тэмуре тибетский князь из провинции Уй Дай-Ситу-Джалцан добился независимости Тибета и установления самостоятельной тибетской власти. Тогда в Лхасе было учреждено правительство [рода] Пагмодуба-Ниддунг. В течение ста пятидесяти лет сменилось восемь дэсридов⁵⁷⁹ или правителей, и все они почитали учение Цзонхавы. При третьем Дэсрид-Чойджидагве князь из провинции Цзан Ринпун-Доньеддорджи, последователь карджудпа, двинул войско на провинцию Уй и в 1490 г. низверг правительство Пагмодуба-Ниддунг. В местности Джид-Шод он установил новое правительство [рода] Ринпун.

Правительство Ринпун стало притеснять желтую религию. Оно ограничило права ее лам, великое богослужение статуе Будды Дзу в Лхасе стали вести ламы карджудпа. Ламы, последователи Цзонхавы, обиженные и оскорбленные этим, сговорившись с сыном старого дэсрида Чойджидагвы Дашидагвой, составили заговор против [рода] Ринпун и в году красной мыши (1516) восстановили старое правление. Сына Чойджидагвы Дашидагву они сделали дэсридом в Лхасе. Ламы-«желтошапочники», вернув, таким образом, правительство Пагмодуба, решили, что только народная поддержка сможет сделать его сильным. Ради этого они использовали религиозные представления различных школ о перерождениях и объявили Танагского ламу Гэндунджамцо великим ламой всей «желтошапочной» религии. Они издали об этом эдикт. Он гласил:

«Представители различных учений, следуя пророчествам ламы-прорицателя Доньеда, считают Танагского ламу Гэндунджамцо перерождением Гэндундуба. Это правильно. Пророчества будд и великих святых о том, что перерождение Хоншим-бодхисаттвы должно явиться в мир и распространить желтую религию, исполнилось. По приметам и знакам это — Гэндунджамцо. То, что Его святейшество Гэндунджамцо есть перерождение Хоншим-бодхисаттвы, указано в святых книгах. Не пристало нашей желтой вере не иметь своего главенствующего великого ламы, в то время как последователи религии карджудпа возносят своего перерожденца „чер-

ношاپочников” и так распространяют закон своей веры. Нам следует спешно призвать Его святейшество Танагского Гэндунджамцо, возвести его на кафедру монастыря Брэбуна и вручить ему дела нашей желтой религии».

Лхасское правительство Дэвашун срочно послало гонца в монастырь Дашилхунпо с приглашением Гэндунджамцо прибыть в Брэбун. Гэндунджамцо отказался. Тогда Дэвашун повторил свое приглашение в такой жесткой форме, что Гэндунджамцо ничего не оставалось, как согласиться. В год красной коровы (1517)⁵⁸⁰ Лхасский Дэвашун торжественно ввез Гэндунджамцо в Брэбун, объявил его перерождением победоносного Хоншим-бодхисаттвы, пожаловал ему имя Третьего Джалван-Содномджамцо и верил ему дела желтой религии.

Начиная с эпохи Джалван-Содномджамцо, вместо «джалван» стали употреблять имя «Ваджрадара» — Ваджрадара далай-лама. При этом Далай-ламе Содномджамцо в году белой лошади (1570)⁵⁸¹ в семье Цзанского Гунгабалджора родился мальчик, который впоследствии поступил в монастырь Дашилхунпо и весьма преуспел в изучении религиозных наук. Все стали говорить, что Чойджиджалцан из Дашилхунпо исключительно образован и сведущ в знаниях. Высокопоставленные ламы объявили его перерождением ученика Цзонхавы Хайдуб-Чойдже, воплощением Будды Амиабхи, разъяснив, что на это указывают все пророчества мудрецов⁵⁸². Затем в году белой мыши (в тексте ошибочно: «курицы»; 1600) лама Чойджиджалцан вступил на престол монастыря Дашилхунпо. Он был наречен Высшим воплощением Будды Амиабхи, Панчен-Тамджидчэнпа («Великий всеведущий») и принял дела желтой религии наравне с далай-ламой.

Так в Тибете появились ламы панчен-богдо. После возникновения далай-лам и панчен-богдо, хутухты и хубилганы стали множиться, [их стало столько, сколько] песчинок на земле. В выявлении и определении этих перерождений участвовали различные гадатели, прорицатели и предсказатели, так называемые, чойджоны и гуртэнпа. В желтой религии институт этих чойджонов и прочих гадателей получил широкое распространение. После XVI в. в Тибете осталась лишь слава, что в его монастырях и скитах монахи изучают труды Цзонхавы и блюдут в чистоте обеты. На деле же установленные Цзонхавой чистейшие законы было почти невозможно увидеть. Об этом можно узнать из следующих глав.

Далее — о том, как желтая религия распространилась в Монголии. Распространение в Монголии желтой религии связано с тогдашним положением Монголии. Поэтому необходимо вкратце обрисовать, что представляла тогда собой Монголия. Об этом — [одиннадцатая]⁵⁸³ глава.

[XI.] О ТОМ, КАК ЖЕЛТАЯ РЕЛИГИЯ РАСПРОСТРАНИЛАСЬ В МОНГОЛИИ И О ТОМ, КАК ЭТО БЫЛО СВЯЗАНО С ВЛАСТЬЮ МАНЬЧЖУРСКОЙ ДИНАСТИИ [ПРОДОЛЖЕНИЕ]

Из шестнадцати ханов, правивших в Монголии после Тогон-Тэмюра, шестнадцатый был Батумунхэ-Даян-хан. О нем в «Золотом сказании» сказано, что он правил с года белой свиньи (1491) по год красной свиньи (1527) тридцать семь лет. По

сообщениям других исторических сочинений он занимал престол с года желтой коровы (в тексте ошибочно «свиньи»; 1469) по год черной зайчихи (1543) шестьдесят пять лет. Согласно «Драгоценному сказанию» Саган-Сэцэн-хунтайджи⁵⁸⁴ и другим сочинениям, этот хан правил с года белого тигра (1470)⁵⁸⁵ по год черной зайчихи (1543) семьдесят четыре года. По этим данным трудно определить точные даты правления Батумунхэ-Даян-хана, ясно одно — он занимал державный трон в монгольском государстве на протяжении многих лет. В некоторых сочинениях рассказывается, что он кочевал на территории между Гоби и Хангаем.

Император Тогон-Тэмур, бежав из Пекина, построил свою столицу на реке Керулен — Барс-хото, город Дуван-Чаван древнего царства Ли-ю-а. Однако говорят, что знаки и знамения не были благоприятными, поэтому он переселился в древнюю столицу императора Угэдэя Харахорин (Каракорум европейцев; город «Дуван-Чаван» мифического древнего царства Ли-ю-а, вероятно, надо читать «Дун-чен царства Ляо», то есть Киданей), реконструировав его. После этого монгольские ханы, как сообщают различные исторические труды, имели резиденции в Хухэ-Хото и других местах⁵⁸⁶. Однако после Тогон-Тэмур у монгольского правительства не было оседлого столичного центра, оно кочевало в кибитках.

Батумунхэ-Даян-хан перед смертью разделил ханство на одиннадцать уделов по числу своих сыновей, рожденных от трех ханш, и положил начало дроблению [Монголии] на множество мелких самостоятельных ханств. Старшему сыну Турболоду достались [племена] чахар, сунит, удзумчин и др.; Улусболоду — урианхан; Барсболоду — три [области] западных тумэдов; Арсболоду — восточные тумэды, семь племен ордосских юншебу; Очирболоду — кешиктен; Алчболоду — джарут, барин; Алболоду — хара-гэр, шарайгол; Гэрболоду — урут, ордос; Чинтайджи — хара-татар, а младшему сыну Джалаирскому хунтайджи Гэрсэндзэ — тринадцать халхаских племен.

Джалаирский хунтайджи Гэрсэндзэ своих подданных халха-монголов поделил среди семи сыновей, в результате чего и возникло семь племен-отоков Халхи. Остальные [племена] — хорчин, джалайт, дурбэт, хошут, горлос, харачин, оннют, абаганор и др. были поделены между четверьмя братьями Чингиса и потому остались у своих старых князей, не подвергнувшись новому делению. Так возникли семь халхаских хошунов — от раздачи халха-монголов семи сыновьям Гэрсэндзэ.

Халха, объединяющая тридцать тумэнов Северной Монголии — подданных Джалаирского хунтайджи Гэрсэндзэ, получила свое название, как утверждают некоторые исторические труды, от слова «заслон». Северную Монголию стали называть «Халхой», то есть «заслоном» вот почему. После изгнания Тогон-Тэмур из Пекина, китайский император династии Мин послал письмо и дары Тогон-Тэмур с предложением быть ханом на его старой родине и стать «заслоном» («Халхой») великой державы. Кроме того, в надписи на стеле перед храмом «Возрождающим религию» говорится: «На север от столицы ее оберегают-заслоняют монгольские дзасаки пятидесяти одного хошуна — все аймаки Халхи. Прошло много лет с тех пор, как они строго охраняют северные пограничные земли. Этим „заслонцам-халхасцам” ныне уже нет надобности охранять границы и сторожить страну. Границы близки. Им досталось много милостей. Они глубоко постигли наши наставления».

В «Илэтхэл-шастре»⁵⁸⁷ — родословных князей сказано: «Эту страну стали называть Халхой после того, как Джалаирский хунтайджи Гэрсэндзэ, потомок в шестнадцатом колене императора родоначальника Юань (Чингис-хана), стал жить в горах Хангая».

Согласно этим сообщениям, северные монголы стали называться халхасцами (то есть «заслоном») с тех пор, как сделались прикрытием, охраняющим границы. Однако это ошибочное утверждение. В монгольской хронике «Золотое сказание» сказано: «Шесть корпусов-тумэнов Чингис-хана — это Ордос, составляющий один тумэн; двенадцать тумэдов⁵⁸⁸ — 1 тумэн; Юншебу, Асут и Харачин — 1 тумэн; все они составляют три западных корпуса-тумэна. Чахар — 1 тумэн; Халха — 1 тумэн, Урянхан — 1 тумэн; они составляют три восточных тумэна (три корпуса-тумэна левого фланга)». В сочинении «Хрустальные четки великой династии Юань» баринского Рашпунцага⁵⁸⁹ сказано: «Некоторые историки говорят, что когда все монголы собрались для возведения великого Чингис-хана на монгольский престол, язык киданей, хоть и не был совершенно похож на говор нынешних халхасцев, но был очень близок к нему, например, имел мягкое произношение твердых согласных». Кроме того, есть сведения, что народ рода Халха [издревле] проживал на востоке озера Буир-нур.

Исходя из данных сведений, можно сделать вывод, что народ Халха существовал в древние времена и был ветвью киданей. Размножившись и смешавшись с монголами других родов и племен, он в конце концов образовал северных халха-монголов.

Что касается названия Халхи «семихошунной», то это произошло оттого, что Джалаирский хунтайджи Гэрсэндзэ разделил халха-монголов между своими семью сыновьями, отдав каждому один хошун, или удел, халхасцев.

После появления самостоятельных семи владетелей в Халхе, от потомков старшего сына Джалаирского хунтайджи Дархан-хунтайджи Ашихая и его сына Данбатур Наянтая⁵⁹⁰ произошли князья Дзасактуханского аймака. Потомки третьего сына Оноху⁵⁹¹ — Уйдзэн-нойона составили князей Тушэтуханского аймака. Потомки четвертого сына Аминдурала — суть князья Сэцэнханского аймака. Потомки шестого сына Далды — суть князья Дархан-бэйлз. Потомство пятого сына Тарни, по-видимому, прервалось.

После того как Батумунхэ-Даян-хан разделил свой народ на уделы между сыновьями и положил начало дроблению монголов и появлению мелких владетельных князей, монгольское государство раздробилось и разделилось на три части — южных монголов, северных халхасцев и четырех ойратов. Эти три части в свою очередь стали делиться внутри себя на роды и кости, в результате чего ко второй половине XVI в. монголы были раздроблены и слабы. Монгольские князья и тайджи того времени, оспаривая друг у друга власть, находились в постоянной вражде, испытывали взаимную злобу и зависть, непрерывно учиняли смуту и конфликты. Они не стремились к объединению мыслей и укреплению силы. Князья не могли ужиться друг с другом, как бараньи головы не помещаются в одном корыте.

Даян-хан передал государственную печать Юаньской династии младшему сыну Туруболоду. Потомки Туруболода на протяжении почти ста лет до 1634 г. хранили печать Юаньской династии. Было пять ханов — Боди-Алаг, Тарайсун-Годан, Тумэн-Дзасакту, Буян-Сэцэн и Лигдэн-Хутухта, которые, однако, управляли лишь ча-

харами и близкими к ним народами, не имея сил и возможности подчинить себе прочие монгольские племена.

Наиболее сильным владетелем той эпохи был тумэдский Гэгэн-Алтан-хан, сын Барсболод-джинона, хана западных трех тумэнов. Алтан-хан, начиная с 1532 г., когда ему было 26 лет от роду, постепенно подчинил себе двенадцать тумэдов, и, став сильным правителем, решил отомстить врагам за старые обиды. Он напал на ойратов Джэла-Туруги⁵⁹² и подчинил себе их часть. Затем он много раз нападал на Дай-Минское государство, разрушая города и селения. Тогда мины, решив умиротворить Алтан-хана, послали к нему чиновника и поднесли титул «суй-ван»⁵⁹³, или «миролюбивый и справедливый князь», а также золотую печать и многочисленные дары. «Не следует ли ныне нам, как большому и малому государствам, жить во взаимной дружбе и помощи, пребывая каждое в благоденствии и спокойствии?» — говорили китайцы, хитроумными и искусными способами пытаясь остановить набег Алтан-хана.

Алтан-хан несколько раз ходил войной на амдосцев, покорив некоторые племена тангутской окраины. Хоть Алтан-хан и провел всю жизнь в походах и войнах, это не только не привело к усилению монгольского государства, но привело к тому, что монгольская государственность была «обменена» на буддийскую религию, что, в конце концов, сделало монгольские племена безвестными и покорными маньчжурам и китайцам. Безусловно, Алтан-хан не стремился к изменению исконного монгольского пути, он лишь следовал традициям прежних монгольских императоров и желал лишь возродить великую державу и драгоценную религию, процветавшие при императоре Хубилай-Сэцэн-хане. Алтан-хан хотел быть похожим на Хубилай-Сэцэн-хана. Ради этого он пригласил из Тибета нескольких влиятельных лам, принял буддизм и начал его широко и настойчиво распространять среди монголов. В результате этого монголы оказались в плену фанатичной веры и сделались, таким образом, легкой добычей для китайцев и маньчжуров.

Начало распространение Алтан-ханом в Монголии буддизма в форме желтой веры (ламаизма) началось во второй половине XVI в. Обратившись к историческим сочинениям за ответом на вопрос — каковы были религиозные верования, пришедшие в тогдашнюю Монголию, мы увидим, что монголы стали исповедовать не только желтую веру (ламаизм), установленную Цзонхавой, но и красную веру, и сакьяскую, и карджудпаскую, развившиеся в Тибете из общей буддийской религии. (Под религией здесь подразумеваются школы буддизма, которые по-монгольски называются «шашин», то есть религия).

Точных данных о времени появления вероучений красной, сакьяской, карджудпаской сект в Монголии нет, поэтому некоторые иностранные историки считают, что они являются остатками вероучений, распространенных еще в Юаньской империи. Но в эпоху существования Юаньской империи сакьяское и карджудпаское вероучения не были распространены в самом монгольском народе, поэтому трудно представить, чтобы они могли сохраниться после падения Юаньской империи и просуществовать в течение почти двухсот лет. Кроме того, все монгольские исторические сочинения говорят о том, что традиции буддизма в Монголии прервались после императора Тогон-Тэмюра и возродились только при тумэдском Алтан-хане.

Некоторые иностранные историки отмечают, что буддизм принял также и Хутагтай Сэцэн-хунтайджи⁵⁹⁴, сын Но-Тарни-хунтайджи, четвертого сына старшего брата Алтан-хана. Они пишут следующее: «В год красного тигра (1566) во время правления императора Цзяцзина⁵⁹⁵ Дай-Минской династии Сэцэн-хунтайджи, отправившись походом на Амдо, остановился у стыка трех рек Ширэмучи⁵⁹⁶ и послал местных лам объявить, что если ламы сами покорятся ему, он будет поклоняться их религии и учению, если же не покорятся, он посчитает их своими врагами. Затем Сэцэн-хунтайджи принял буддийскую веру и вернулся в Монголию вместе с ламой Лирджин».

Другие историки сообщают, что «тибетцы с древних времен были любителями чая. Религия Будды, распространенная среди тибетцев, не могла бы продвигаться дальше без внедрения чая. В Монголии же до второй половины XVI в. чая не употребляли. Поэтому когда в 1577 г., или в 5-м году правления минского императора Ваньли⁵⁹⁷ в 9-й луне шаньсийский пристав Цзюй-ши-ши-чэн доложил, что Алтан-хан послал письмо в Гу-юань-су-цзюнь-фу⁵⁹⁸ с просьбой открыть торговлю чаем, то китайцы удивились — почему монголы, совершенно не употреблявшие чай, вдруг возжелали его закупать?»

Из перечисленных фактов следует, что буддизм в Монголии начал распространяться только во второй половине XVI в. Тумэдский Алтан-хан и ордосский Сэцэн-хунтайджи совершали набеги и военные походы на Амдо, и вошли таким образом в контакт с амдосцами. Поэтому буддизм в Монголии стал распространяться среди ордосцев, тумэдов, кукунорских олётов и других племен за десять с лишним лет до прибытия туда Далай-ламы Содномджамцо в 1578 г. При этом монголы, принимая буддизм, не делали различий между теми или иными школами тибетского буддизма, считая их учение за одну общую буддийскую религию, и следовали проповеди и наставлениям тех тибетских и амдоских лам, с которыми входили в контакт. Поэтому в Монголию проникло учение всех школ Тибета — желтой, красной, сакияской, карджудпаской и пр. Среди них наиболее широкое распространение получила желтая религия, можно сказать поэтому, что все другие секты продвигались вслед за ней.

Во Внутренней Монголии это религиозное учение распространяли тумэдский Алтан-хан, ордосский Сэцэн-хунтайджи, Бошокту-джинон, чахарский Тумэн-Дзасакту-хан и др. Во Внешней Монголии ее распространению способствовали дед Тушэту-хана Абатай-Сайн-хан, дед Сайн-нойон-хана Тумэнхэн-Сайн-нойон, у илийских монголов-ойратов — Аюши-хан. Хотя источники говорят о том, что Алтан-хан и Сэцэн-хунтайджи, начав воевать с Амдо и войдя в контакт с племенами, проживавшими там, положили начало распространению буддизма среди монголов, это не означает, что они были первыми в Монголии, принявшими буддизм и заставившими других последовать их примеру.

Наряду с появлением в Монголии лиц, которые, войдя в сношение с Амдо, приняли религию Будды и стали добиваться ее распространения среди своих соплеменников, в политике Минской династии по отношению к монголам все больше места стало занимать учение Будды. Мины пытались использовать ее для прекращения набегов монголов на китайские границы. Их главная цель заключалась в том, чтобы сделать монголов покорными, склонить их к своим ногам, превратить в рабов. Они использовали всевозможные способы, чтобы заставить Алтан-хана при-

Абатай-хан. Из кн.: Цултэм Н. 1984. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изобразительное искусство.

Фрагменты росписи, посвященной Абатай-хану в монастыре Эрдэни-дзу (XVII в.). Из кн.: Цултэм Н. 1984. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века. М.: Изобразительное искусство.

Алтан-хан тумэдский. Из кн.: Монгол улсын туух. Гутгаар боть. 2003. Улаанбаатар.

нять религию Будды и всячески способствовали широкому распространению буддизма в монгольских землях. Об этом пишут некоторые иностранные историки. Например, летопись «Шэн-у-цзи» Вэй Юаня⁵⁹⁹ сообщает: «Обращение в желтую религию монголов началось с Алтана. Поклонение же Будде самого Алтан-хана началось под влиянием его жены Сан-нян-ши. Благодаря умелому ведению дел китайскими вельможами Чжан-Чжуй-жэнь и Ван-Чин-гу⁶⁰⁰ за пятьдесят лет не только были остановлены воинственные нападки врагов, постоянно беспокоивших китайские границы, но и для китайского государства установился двухсотлетний мир».

В докладе Лян-Гуанского⁶⁰¹ генерал-губернатора Сэн-Чуншуана, сделанном в 33-м году правления Гуаньсян Минской династии, говорится: «Принятие монголами желтой религии суть результат тонкого подхода минского вельможи Чжан-Чжуй-жэнь к вопросу о мирном усмирении монголов. Сегодня же Монголия весьма темна. Количество населения сократилось. Ученые не рождаются. Все это зависит от религии».

В исторических записках о государствах на западных окраинах Минской империи сообщается: «В середине царствования императора Лунцина, правившего на престоле Минской династии с 1567 по 1572 гг.⁶⁰², сын Алтан-хана тайджи Бинту предложил построить храмы в районе Кукунора за заставой Чжа-юй-гуан. Министр

церемоний, несмотря на несогласие всех прочих чиновников, дал разрешение на постройку, считая это добрым делом и стремясь поддержать тайджи в хорошем начинании, а также учитывая маловажность и отдаленность храмов. Эти храмы были построены около 2-го года правления Минского императора Ваньли (1574). Им дали, согласно указу, название «Ян-Хуа», то есть «Храм просвещения Китая».

По сведениям, приведенным в «Хуан-мин»⁶⁰³, в Белом месяце 6-го года правления императора Лунцина Минской династии (1572) Цзунду-Ван-чунху доложил императору просьбу своего северного противника, миролюбивого и справедливого князя Алтана о посылке ему тибетских книг с золотым шрифтом, а также лам для исполнения церковной службы. В 1-м году правления Ваньли (1573) император послал Алтан-хану тибетские книги.

Эти данные говорят о том, что принятие буддийской религии Алтан-ханом было инспирировано исключительно Минской династией. Само принятие религии Шахьямуни совершилось в середине правления Лунцина, императора Минской династии. Алтан-хан через год или два после принятия буддизма, то есть в год белой овцы (1571) встретился в Хухэ-Хото с ламой Асаном, прибывшим из амдоской местности Дзогэ, расположенной юго-западнее Кукунора. Восхваление желтой религии и рассказы о деяниях Третьего Джалван-Содномджамцо⁶⁰⁴ сильно повлияли на впечатлительного Алтан-хана, который решил во что бы то ни было распространить желтую религию в монгольской стране. Об этом Алтан-хан и подал письменное заявление императору Минской династии Лунцину в год черной обезьяны (1572). Затем, в год черной курицы (1573) Алтан-хан пошел войной на тангутское племя вара и завоевал его. Монголы захватили много людей, в их числе был и Ариг-лама, которого Алтан-хан принял с уважением и почестями. В год синей собаки (1574) ордосский Сэцэн-хунтайджи (тогда еще принц), будучи принят Алтан-ханом, заявил: «Какое благо, о великий хан, что ваши года благоденствуют. Но вы половину жизни отдали военному делу. Заставили китайцев уважать ваше достоинство, а с победой над вара, ваша военная мощь возросла в десять раз. Теперь в этой жизни и в следующей нет ничего более важного, чем вершить дело религии и учения. Этому учат все мудрецы прошлого. Люди говорят, что на юго-западе, в горах покрытых вечным снегом⁶⁰⁵, проживает хутухта, перерождение Хоншим-бодхисаттвы. Я думаю, нам следует послать специального чиновника, чтобы он пригласил того хутухту к нам, чтобы мы могли распространить светлейшее учение и последовать примеру нашего предка Хубилай-Сэцэн-хана, пригласившего Пагба-ламу».

Алтан-хан принял это предложение и собрал на сейм всех тайджи трех хошунов ордосского западного крыла. На нем было решено в целях распространения желтой религии пригласить из Тибета Третьего Джалван-Содномджамцо. В том же году Алтан-хан снарядил чиновника Нанджибу, вручил ему подарки и письмо, и послал в Лхасу, поручив пригласить Джалван-Содномджамцо. Нанджибу с товарищами достигнув Лхасы и получив аудиенцию, преподнесли Джалван-Содномджамцо-ламе подарки и письмо от Алтан-хана. После этого лама встретился с тибетским правителем Дэсрид-Агвандагвой. На просьбу посоветовать о том, как быть, Дэсрид-Агвандагва сказал: «Хан государства, расположенного на нижнем краю земли, где еще нет света учения, желает, пригласив вас, распространить там желтую рели-

гию. Это — высокое предназначение! Будет совершенно справедливым, если вы удовлетворите желание этого хана, одарите монгольские земли своим пребыванием и поможете тамошним живым существам распространением религии».

Джалван-Содномджамцо согласился поехать в монгольскую страну. Лама и его милостынедатель⁶⁰⁶ договорились встретиться в местности Кукунор. Джалван-Содномджамцо предложил до его приезда полагаться на ламу Дзулдойсанбо, первого ламу из дацана Дулба⁶⁰⁷ монастыря Брэбун, и направил его вместе с монгольскими послами к Алтан-хану. С другой стороны, милостынедатель Алтан-хан, молясь о долгоденствии своей жизни, построил в местности Барун-Джу⁶⁰⁸ новый храм — Намджил-дацан, где учредил службу, посвященную молению о долголетию.

Относительно Намджил-дацана в современных тибетских летописях единодушно сообщается, что он был построен в год синей собаки (1574). Некоторые же историки годом приглашения Далай-ламы в монгольскую страну считают год красной мыши (1576). Это, несомненно, ошибочное мнение.

После возвращения из Лхасы монгольских сановников Джалван-Содномджамцо стал собираться в дорогу, чтобы исполнить свое обещание. Однако в год синей свиньи (1575) в Тибете вспыхнула междоусобная война между Уй и Цзаном, начатая Ринопорин-нойоном. Тревожное положение задержало выезд Соднамджамцо. Алтан-хан же в год красной мыши (1576) снарядил своего сына Бинту-тайджи вместе с Адос-дарханом⁶⁰⁹ («дархан» означает не «мастер», а «свободный») и другими к Джалван-Содномджамцо в Лхасу с богатыми дарами и посланием. На их приглашение Джалван-Содномджамцо улыбнулся и возразил так: «На этот счет есть благое предсказание, и я не позднее будущего года непременно отправлюсь к вам. Прошу почтеннейших послов доложить об этом своему хану». Он вручил ответные дары для Алтан-хана и отправил Бинту с прочими в обратный путь. Те по прибытии доложили Алтан-хану о том, что цель их поездки достигнута. Все были обрадованы.

После этого в районе Кукунора в скалистом месте были построены для встречи Джалван-Содномджамцо храмы и жилые помещения. По поводу этих храмов иностранные историки пишут так: «„Повесть о государстве Мин о татарах“ сообщает, что Алтан-хан на старости лет принял божественную религию и во второй раз просил императора разрешение на постройку южнее Кукунора храма для Далай-ламы. По указу храм был назван Ян-Хуа».

В сочинении «Хуан-Мин-шилу»⁶¹⁰, кроме того, отмечается: «В четвертой луне 5-го г. Ваньли (1577) управитель трех приграничных районов сообщал, что Алтан-хан на западе, на Кукуноре, основал храм, постройка которого закончена. Храм назван Ян-Хуа. Вообще же, этот храм, о котором говорится, что он был построен Алтан-ханом для Далай-ламы, есть тот самый храм, который начал строить в Кукуноре сын Алтан-хана Бинту. Постройка его началась в период Лунцина, но была по некоторым причинам приостановлена и возобновлена по поводу приглашения Алтан-ханом Далай-ламы, а в 5-м году [правления] Ваньли возобновлена и закончена».

Сообщения этих сочинений противоречат друг другу в вопросе о времени постройки храма Ян-Хуа. Был он построен раньше или позже? Бинту или Алтан-ханом? Дело в том, что название Ян-Хуа относится к двум храмам. Одним храмом их считать нельзя. Тогда, согласно сообщениям монгольских и тибетских летописей,

основание Алтан-ханом нового храма в скалистой местности в районе Кукунора для встречи Джалван-Содномджамцо следует считать законченным в год красной коровы (1577)⁶¹¹. Алтан-хан, закончив постройку храма, в зимнем месяце того же года красной коровы приступил к подготовке встречи Джалван-Содномджамцо, а именно — к устройству почетного приема, организации охранных войск и пр. В это время в Тибете, в Лхасе, Джалван-Содномджамцо также готовился к отъезду в Монголию. Закончив большое молитвенное богослужение о благом пути в лхасском храме Джу⁶¹², в том же году красной коровы 26-го 11-й луны он выехал из монастыря Брэбун-хийд. При выезде были устроены торжественные проводы при участии князей лхасского правительства Дэвашун и высших лам всех ближайших монастырей. Так, Джалван-Содномджамцо в пути встретил Новый год.

Наступил год желтого тигра (1578). При достижении [процессией] гребня хребта Акачин ей встретились монголы с навьюченными верблюдами. Через несколько дней следования была устроена первая официальная встреча, организованная Алтан-ханом, во главе с юншебуским Барга-тайджи, Хатан-Батаром, тумэдским Массан-бакши⁶¹³ и другими в сопровождении восьмиста конных всадников. Встречающие исполнили обряд поклонения ламе и поднесли ему дары из серебра, шелка и прочего. Затем на гребне хребта Цаган-Арик эти князья сделали ламе подношение в тысячу лошадей и десять тысяч овец. После этого была устроена вторая встреча во главе с ордосским Сэцэн-хунтайджи, тумэдским Даян-нойоном в сопровождении трех тысяч всадников. Они поклонились ламе, поднесли ему в дар оседланных лошадей, золото, серебро, шелк и прочее. Наконец, третья группа встречающих во главе с Дзорикту-тайджи, Чин-Батаром и тремястами высокими лицами три дня подряд совершала церемонию поклонения и подношения даров. Кроме того, от имени китайского императора прибыла делегация в составе ста человек во главе с Шил-гуши⁶¹⁴, которая также поднесла богатые дары.

15-го числа 5-й луны того же года, когда Джалван-Содномджамцо прибыл в Кукунор, из ставки⁶¹⁵ Алтан-хана выехали для встречи лично от хана пятьсот конных во главе с двумя ламами — Донройсамбу и Дорджи, а также переводчик Лоцзава-гуши. Затем из дворца хана вереницей вышли несколько тысяч человек для совершения подношений и для музыкального сопровождения. Вслед за ними выехал Алтан-хан в белом одеянии и на белом коне в сопровождении жен и детей, а также с войском в десять тысяч человек. Поклонившись Джалван-Содномджамцо, они ввели его в тот самый храм, который был построен в районе Кукунора в скалистом месте. В честь встречи ламы и милостынедателя была совершена первая церемония поклонения ламе с подношениями, в которые вошли: серебряная мандала, сделанная из пятисот лан, золотой сосуд большого размера, наполненный драгоценностями, шелка пяти цветов по двадцать кусков каждого цвета, сто лошадей, в том числе десять белых коней с драгоценными седлами и сбруей, шелк «магнаг» (с вышитыми драконами) пяти цветов, десять тысяч лан серебра. В конце церемонии был устроен пир.

Алтан-хан, Сэцэн-хунтайджи и другие имели беседу с Джалван-Содномджамцо через переводчика Лоцзава-гуши-бакши. Беседа шла о том, что в прошлом религия Будды была распространена среди монголов, а затем исчезла. В конце они коснулись вопроса, как распространять желтую религию в народе. Для этой цели были

установлены специальные законы. Было решено в первую очередь запретить обряды шаманской веры и требовать предпочитать учение желтой религии.

Затем все ближайшие кукунорские, тумэдские, ордосские и чахарские монголы, а также все тамошние китайцы, тангуты и уйгуры сошлись в одном месте. Всего собралось около десяти тумэнов (сто тысяч) человек. Лама восседал в центре, около него сидели князья на почетных местах. Сэцэн-хунтайджи, стоя, высоким голосом объявлял только что установленные законы. Он сказал: «Раньше наше монгольское государство, начиная с великого священного Богдо-Чингис-хана, и во времена царствования Угэдэя, Мункэ, Хубилая и других ханов объединяло три страны — Китай, Тибет и Монголию. К нам по приглашению приезжали высшие ламы, последователи законов сакьяпа и карджудпа. Религия Бурхана Шакьямуни была вознесена, как солнце! Но во времена следующих ханов она пришла в упадок. Мы привержены величайшим грехам. Наше питье и пища — это мясо и кровь. Наш мир стал похож на ужасающее море из крови. Теперь же, когда Светлейший Бурхан-хутухта-лама и Милосердный хан встретились, как солнце и луна, для нашей монгольской страны открылся путь благоденствия. Высшая религия расцветает. Кровавое море превращается в молочное. Ввиду сказанного все великие и малые, все мужчины и женщины, все люди обязаны отныне соблюдать как десять благоденствий все заповеди, которые я оглашаю теперь для всех подданных хана, людям двенадцати тумэдов и всем прочим.

Раньше существовал такой обычай: когда умирал монгол, его оседланный конь в сбруе привязывался вблизи могилы, чтобы убить и схоронить рядом с хозяином. Теперь этот обычай отменяется. Все принадлежности умершего должны быть принесены в качестве жертвы ламам и хуваракам. Жертвоприношение путем убийства скота запрещается. В случае нарушения запрета, то есть при умышленном убое быков и лошадей для жертвоприношения, виновные будут наказаны, а их имущество отобрано.

Ранее существовал и другой обычай — изготавливать изображение духов и родителей, и 8, 15 и 30-го числа каждого месяца убивать животных и их мясом и кровью совершать жертвоприношение [перед этими изображениями]. Отныне следование этому обычаю строго воспрещается. Немедленно предайте огню все изображения духов. За убой скота и жертвоприношения шаманам и духам с виновных будет взиматься штраф в размере в десять раз больше числа убитого скота. Если же изображения духов кем-нибудь не будут преданы огню, имущество того подлежит отбору.

Старайтесь приобрести изображения божества-покровителя Махакалы и освятить его. Делайте ему жертвоприношения молочными продуктами. Почитайте лам и всех духовных лиц. За оскорбление лам и за рукоприкладство к ним, виновные будут строго наказываться.

Великие и малые, мужчины и женщины в виду смерти и невечности бытия, а также для благоденствия загробной жизни⁶¹⁶ должны проводить пост по 3, 15 и 30-м числам каждого месяца.

Кроме этого, следует прекратить набеги и грабеж, наводящие смуту на китайцев, тибетцев и самих монголов. Пусть будут между нами добрососедские отношения.

В общем, наши монголы должны быть такими же, как уйцы и цзанцы и другие культурные народы Западного Тибета, должны перенять их нравы и обычаи. За-

помните навсегда! Закон установлен! За дерзкое нарушение его виновные будут наказаны. Теперь же великий Богдо-лама одарит вас наставлением и шестисложной молитвой «Мани». Примите ее с благоговением!»

Все собравшиеся вынуждены были принять наставление Джалван-Содномджамцо. Приняв их, люди разъехались по домам.

Если посмотреть на суть того, что говорится [в исторических книгах], то получается, что благодаря развитию в монгольской стране учения культурного народа для нее открылись врата к благополучию, и что наша страна, выйдя из кровавого моря еретического учения, окунулась в молочное море святой религии. Все это есть совершеннейшая ложь. На самом деле события следует понимать так: героические и смелые монголы, вписавшие в древнюю историю славные страницы, попав в кровавое море захватнической политики китайской династии Мин, были пойманы в ловушку учения тибетских лам.

Джалван-Содномджамцо прочитал, обращаясь к собравшимся, молитвы «Мани» и «Мэгдзэм»⁶¹⁷. Он разъяснил, что частое чтение этих молитв принесет большую пользу как в этой жизни, так и после смерти. После отъезда собравшихся Джалван-Содномджамцо отслужил молебен, совершил тантрический обряд очищения огня с помощью молитвы Махакале и сжег в нем изображения (шаманских) духов, бывших у Алтан-хана, его сановников и князей. После этого Алтан-хан и другие приняли от Джалван-Содномджамцо различные посвящения «ван-абшиг»⁶¹⁸.

В ответ на это монгольские сановники во главе с ханом поднесли Содномджамцо большую золотую чашу, наполненную драгоценностями. Сверху была помещена печать, сделанная из чистого золота весом в сто лан. На печати был выгравирован дракон и сделана надпись «Печать Ргьял Очирдара далай-ламы»⁶¹⁹. Кроме того, ему поднесли халат, украшенный золотом, жемчугами, мантию из меха белых мышей (соболиная доха), коврик для сиденья, сотканный из пуха долголетних птиц и т.д. Одновременно с этим Джалван-Содномджамцо присвоили звание «Очирдара далай-лама». В дальнейшем у мирян вошло в обычай далай-ламу именовать «Очирдара далай-лама», без слова «джалван». Далай-лама в свою очередь пожаловал светлейшему Алтан-хану звание «Номун хан их Эсруа тэнгри», то есть «Хан учения великий тэнгри Эсруа (Брахма)». Сэцэн-хунтайджи получил звание «Хутухта», лама — «Гушибакши». Другим князьям также были пожалованы звания в соответствии с их рангом.

Алтан-хан в ознаменование свидания с Далай-ламой и для исполнения церемонии встречи в местности Цабчалын-сумэ воздвиг несколько храмов китайской архитектуры — «Гурбан цагийн бурханы сумэ» («Храм будд трех времен»), «Богдо Цзонхавын сумэ» («Храм Богдо-Цзонхавы»), «Далай ламын сумэ» («Храм Далай-ламы») и т.д. Все эти храмы были окружены стеной в три ряда. По окончании строительства обратились к Далай-ламе с просьбой освятить их и дать названия. Далай-лама пожаловал новому монастырю имя «Дэгцэн-Чойнхорлин»⁶²⁰. На церемонии освящения храмов около ста человек во главе с тремя тайджи приняли обеты от Далай-ламы и стали ламами.

Затем Алтан-хан отправил в Тибет специального посланца, который от его имени сделал большие пожертвования ламам всех монастырей, находящихся в окрестностях Лхасы. В биографических описаниях далай-лам говорится, что жертв-

вования, полученные Далай-ламой Содномджамцо от крупных монгольских князей, были настолько велики, что могли сравниться с казенными сборами великого хана с его подданных. Далай-лама, раздавая незначительные вещи, такие как «сахиус» (охранитель), «дзангиа» (шнурок из шелка), сумел приобрести огромные средства и нажился на этом сильно.

Таким образом, он прожил в Монголии несколько месяцев, стараясь в это же время войти в сношения с Минской династией. По этому поводу в тибетских и монгольских исторических сочинениях рассказывается следующее. Хан Ваньли Минской династии в году желтого барса (1578), в 8-м месяце послал к Далай-ламе своего сановника, который наградил его званием «Хамуг улусын абуралын орон хьюд чиншири»⁶²¹, подарил печать, много золота, серебра и пригласил в Китай. Некоторые иностранные историки отмечают, что канцлер Минской династии Цзан-Чжи-чжан во втором месяце 1579 г., то есть в 7-м году правления Ваньли, получил письмо от Далай-ламы на тибетском языке, датированное началом 12-го месяца года желтого барса (1578). К нему было приложено письмо Алтан-хана с просьбой установить отношения с Далай-ламой. В китайской летописи «Хуан-Мин-шилу» по этому поводу говорится, что сам Цзан-Чжи-чжан побоялся принять присланные от Далай-ламы (подарки) и доложил о послании хану Ваньли. Тот дал следующее повеление: «Сановник! Слава о ваших заслугах и усердной службе распространилась повсюду, поэтому все внешние племена-народы приходят принимать наше подданство. Мое ничтожное тело готово принять от него выражение уважения, ввиду чего вам следует принять от него дары и поощрить верноподданнические чувства».

Приведенные данные показывают, что Минская династия не имела намерений приглашать и почитать Далай-ламу. Наоборот, Далай-лама сам посылал китайцам письма и подарки, просил Алтан-хана дать и свое послание. Как бы то ни было, правители Китая, видя, что мероприятия, которые предпринимал сановник Цзан-Чжи-чжан для усмирения монголов с помощью религии, успешны, всячески поощряли его. У них слюни текли в ожидании ладения монголов к их стопам.

В монгольской летописи «Хрустальное зеркало» читаем: «В зимний месяц года желтого барса (1578) множество монголов приняли монашество и посвящения «ван-абшиг». Вскоре ордосский хан Бинту-гайджи пригласил Далай-ламу к себе на родину. К этому времени хан Китая прислал к Далай-ламе своего посланца и поднес через него много драгоценностей, тысячу лан золота и другие удивительные предметы. Затем Далай-ламу пригласил к себе тибетский князь Хандо-Тизэ-Ду⁶²², к которому тот и направился».

Если исходить из этих данных, то получается, что хан Ваньли прислал к Далай-ламе своего посланца, печать и дары после приезда того к Бинту-гайджи. Надо сказать, что не вполне понятно, был ли названный Бинту-гайджи сыном Алтан-хана или же [самим] Сэцэн-хунтайджи. Думается, что это все-таки был ордосский Сэцэн-хунтайджи, которого китайцы в описаниях племен на западной окраине [Китай], после того, как Бинту занял Кукунор, называют Сэцэн-гайджи. Он приходился внуком Алтан-хану, сыном двоюродного брата ордосского Джино-вана⁶²³. В некоторых историях указывается, что он неоднократно нападал на тибетцев и грабил их, но не достиг своих настоящих замыслов. Тибетские летописи отмечают, что

Далай-лама Содномдхамцо в году белой зайчихи (1579) уехал в область «Восточный Литан». Упомянутый в «Хрустальном зеркале» Хондо-Тиз-Ду, который пригласил Далай-ламу к себе, очевидно, является князем области Литан.

После отъезда Далай-ламы в Литан Алтан-хан в 7-м году правления Ваньли (1579) закончил постройку монастыря в Хухэ-Хото и оселью того же года доложил об этом хану Минской династии Ваньли, попросив его пожаловать храму имя. На сию просьбу последовало повеление назвать храм «Да-Цзу-Ша», что в переводе на монгольский язык значит «Храм великого милосердия». Данный факт взят из повествования о западных окраинах [Китая] династии Мин. Некоторые историки подтверждают, что о создании настоящего храма в Хухэ-Хото Алтан-хан заранее договорился с Далай-ламой. В то время монгольские князья часто давали обещание Далай-ламе о возведении новых святынь, статуй, храмов у себя на родине. Например, Алтан-хан обещал Далай-ламе возвести в Хухэ-Хото художественную статую Будды Шакьямуни из золота, серебра и драгоценных камней. Ордосский Бошуктуджинон-тайджи дал слово сделать художественно украшенное издание ста восьми томов Ганджура. Сэцэн-хунтайджи обещал Далай-ламе возвести храм *будд* трех времен. Алтан-хан после пожалования его храму в Хухэ-Хото имени императором Китая отправился с войсками к тангутам. Он имел намерение, во-первых, вновь пригласить к себе Далай-ламу, а во-вторых, напасть на племя вара, с которым у Алтан-хана были старые счеты.

В повествовании Минской династии «Эрдэни-гэгэн»⁶²⁴ говорится: «Алтан-хан в 7-м году правления Ваньли под предлогом желания увидеться с Далай-ламой напал на вара и потерпел поражение. Далай-лама сделал ему наставление о необходимости воздерживаться от убийств и склонил к возвращению на восток. После этого Алтан-хан стал посредником между Далай-ламой и Китаем по вопросу о принятии того [правителями Китая]. Далай-лама из Ганьсу отправил письмо и подарки Цзан-Чжи-чжану с просьбой установить с ним взаимоотношения. В письме он называл себя «арши Сагьядарма» (святой Сагьядарма).

В повествовании о племенах на западных окраинах [Китая] читаем: «Алтан-хан, дойдя до варов и потерпев от них поражение, отправил письмо губернатору Ганьсу с извещением о том, что он намерен держать путь в сторону Уссан»⁶²⁵. Несмотря на отрицательное отношение к этому сановника из Ганьсу, Алтан-хан все же отправился через Ганьсу и встретился со своими князьями вблизи Кукунора. Тангутам этого района в связи с этим походом пришлось претерпеть многие тяготы и поборы. Отсюда он, следуя совету Далай-ламы, в 8-м году правления Ваньли пошел на восток».

В некоторых тибетских и монгольских источниках говорится, что Алтан-хан в бытность Далай-ламы в области Литан в год желтой зайчихи (1579) пригласил его в Монголию, но Далай-лама, якобы, ответил, что на этот раз не может поехать, и вместо себя послал Донкор-хутухту Йондондхамцо.

Из вышеизложенного можно сделать такой вывод: очевидно, что Алтан-хан в год желтой зайчихи, то есть в 7-м году правления Ваньли (1579) отправился к тангутам. Потерпев поражение от племени вара, он встретился с Далай-ламой и пригласил того в Монголию. Далай-лама вместо себя отправил в Монголию Донкор-хутухту Йондондхамцо и советовал Алтан-хану впредь воздерживаться от кровопролития.

Таким образом, Алтан-хан в 8-м году правления Ваньли вернулся в Монголию вместе с Донкор-хутухтой. После этого, начиная с 1582 г., здоровье Алтан-хана ухудшилось, и он, дожив до 77 лет, скончался в году черной овцы (1583).

Алтан-хану наследовал его сын Сэнгэ-Дугурэнг, который, будучи возведен в ханы тумэдов в Хухэ-Хото, согласно завещанию отца, отправил к Далай-ламе, который проживал в это время у тангутов, посланца с просьбой прибыть в Монголию. Далай-лама прибыл в Кукунор, отслужил молебен по случаю кончины Алтан-хана и отправился в монастырь Гумбум.

В год синей обезьяны (1584) Далай-лама по приглашению тумэдского князя Холочи прибыл в Кукунор. Отсюда он отправился в Ордос по приглашению ордосского Сэцэн-хунтайджи. Там он прожил около одного года. Сэцэн-хунтайджи получил от Далай-ламы различные посвящения «ван-абшиг» и поднес ему десять тысяч лан серебра и золота, построил храм «Пунцоктан-багдэ»⁶²⁶, освящение которого было осуществлено Далай-ламой. На этот раз в Ордосе около тысячи человек приняли от него обеты и сделались ламами-монахами. В год синей курицы (1585) Далай-лама прибыл по приглашению в хошун Сэцэн-дайчина, где основал храм «Пунцок-дарджалин»⁶²⁷. После этого по приглашению Джинон-хана — «Убур дучин нэгэн гэрийн эдэн»⁶²⁸ — прибыл в его владения и совершил освящение вновь построенного здесь храма. Одновременно с этим Джинон-хан и другие, пользуясь прибытием Далай-ламы, приняли посвящения «ван-абшиг». Так он вновь собрал тысячи, десятки тысяч лан серебра и золота.

Во время этого приезда сын Алтан-хана Сэнгэ-Дугурэнг и его князья стали настойчиво приглашать Далай-ламу к себе в Хухэ-Хото. После неоднократных приглашений Далай-лама, наконец, в год красной собаки (1586) прибыл в Хухэ-Хото. Его приняли там с большими почестями. Сэнгэ-Дугурэнг, приурочил к этому приезду окончание исполнения «шуншиг» (внутренние органы)⁶²⁹ серебряной статуи Шакьямуни, создание которой было начато еще его отцом, и церемонию помещения статуи в храм Хухэ-Хото. Далай-лама по прибытии в Хухэ-Хото по просьбе Сэнгэ-Дугурэнга совершил освящение статуи. В ответ Сэнгэ-Дугурэнг поднес Далай-ламе мандалу, сто лан серебра и другие ценные вещи.

Будучи в Хухэ-Хото, Далай-лама спросил у Сэнгэ-Дугурэнга: «Где покоится прах Алтан-хана?» Получив ответ, что он по монгольскому обычаю покоится в земле, заметил, что это совершенно недопустимо. Он сказал: «Как вы могли его драгоценный прах бросить в землю? Необходимо изъять его из земли и поместить в субурган!» Сэнгэ-Дугурэнг, чтобы исполнить этот наказ, воздвиг в Хухэ-Хото серебряный субурган в тысячу лан и поместил в него прах своего отца. Освящение субургана совершил Далай-лама.

О том, когда начали почитать Далай-ламу халхасцы Внешней Монголии, в тибетских и монгольских сочинениях приводятся следующие данные.

Старший сын халхаского Оноху-Уйдзэн-нойона Абатай-Тушэту-хан, его младший брат Тумэнхэн-нойон и другие, узнав, что тумэдский Алтан-хан и другие князья Внутренней Монголии пригласили к себе Третьего далай-ламу Содномдjamцо и принимают желтую религию, в год синей курицы (1585) тоже решили пригласить к себе Далай-ламу для проповеди религии.

Для осуществления этого решения Абатай-Тушэту-хан, взяв с собой войско, в весенний месяц года красной собаки (1586) направился в Хухэ-Хото для приглашения к себе Далай-ламы. Встретившись с Далай-ламой в Хухэ-Хото, он совершил поклонение и, поднеся тому юрту, крытую соболиным мехом, а также много золота и серебра, обратился со следующими словами: «Желаем получить от высочайшего Богдо-ламы святыню — милосердного Будду, которого мы бы в дальнейшем глубоко почитали. Кроме этого, я преисполнен желанием воздвигнуть в Халхе храм. В виду сказанного, прошу великого ламу прибыть в нижние⁶³⁰ земли, освятить храм и возвысить у нас тем самым религию».

Далай-лама отнесся к этому с большим сочувствием. Он пожаловал хану титул «Очирбат-Сайн-хан», вручил ему изображение Падмадуб-Дорджиджалбо⁶³¹, мощи Шакьямуни, но сказал: «На этот раз я не смогу отправиться в Халху. Когда ты закончишь строительство нового храма и бурханов, я совершу освящение отсюда, расстояние не явится помехой. Вместо себя я отправлю хорошего ламу, которого вы должны будете почитать». Он послал в Халху ламу Лодойнинбо, последователя сакьяского учения, которому поручил распространять религию в Халхе. Таким образом, Абатай-хан, взяв с собой Лодойнинбо, несколько лам из его свиты, нужных мастеров из Хухэ-Хото для строительства храма и создания бурханов, вернулся к себе на родину.

По возвращению Абатай-хан приказал приготовить необходимые материалы для строительства, и 15-го числа среднего летнего месяца того же года воздвиг основной каркас главного храма в Хара-хорине или Джане — столице Угэдэй-хана прежнего великого Монгольского государства. В начале года красной свиньи (1587) было полностью закончено строительство трех храмов Эрдэни-дзу со всеми их святынями. Главными святынями в этих храмах были: 1) Будда Ихэ-Дзу, «шуншиг» которого был исполнен из мощей Шакьямуни, поднесенный Далай-ламой, и во лбу которого был инкрустирован рубин; 2) Будда Амитабха; 3) Семь будд-врачевателей; 4) Восемь бодхисаттв; 5) Ловон-Падмасамбхава; 6) Сакья-пандита Гунгаджалцан; 7) Карма-бакши; 8) Пагба-лама; 9) Шестнадцать Бахуха Акчи⁶³²; 10) Четыре махараджи; 11) Тысяча будд благой кальпы; 12) Гений-хранитель Гургомбо⁶³³.

Эти статуи были окончательно отделаны и помещены в новые храмы. Сакьяские ламы Гоминансо и Лодойнинбо совершили их освящение. Затем Абатай-хан дал новому монастырю название «Эрдэни-дзу-ийн сумэ», то есть «Храм Драгоценного Дзу», и устроил большое празднество. Во время церемонии случился большой снегопад с дождем, который халхаские князья сочли благословением и освящением, посланным Далай-ламой, и очень этому обрадовались.

В это время Далай-лама Содномджамцо, будучи приглашенным западными тумэдами, освящал там один новый храм. Абатай-хан, прослышав об этом, решил пригласить в свой новый храм Далай-ламу и по окончании празднеств отправился в земли западных тумэдов. Поклонившись Далай-ламе и поднеся ему тысячу коней, он обратился с просьбой пожаловать в новые храмы Эрдэни-дзу и способствовать распространению в Халхе религии. Также испросил имя новому монастырю. Далай-лама пожаловал монастырю имя «Лхундуб-Дэчэлин»⁶³⁴. Вместо себя он послал некоего габджу Шиддиту-Гуши-цорджи, сказав Абатаю, чтобы он вернулся к

себе с этим ламой вместо него и чтит бы этого габджу, сделав его настоятелем своего монастыря. Абатай-хан вернулся к себе вместе с этим габджу-ламой, поднес ему титул Ширэту-Номчи-цорджи и сделал его главным ламой храма Эрдэни-дзу Лхундуб-Дэчэлина.

Затем Абатай-Тушэту-хан и другие халхаские князья собрались вместе с ламами из Эрдэни-дзу, чтобы обсудить, как упрочить в халхаских землях законы учения, установленные Далай-ламой и Алтан-ханом тумэдским. Они обнародовали новые законы в Халхе. Строжайше запретили старую шаманскую религию и постановили, чтобы каждая семья имела и чтит изображения божества-хранителя Махачалуила⁶³⁵, Лхамо, делала бы им жертвоприношения молочной пищей, поклонялась бы Учителю-ламе⁶³⁶ и Трем драгоценностям, читала бы непрерывно «Мани», «Мэгдзэм» и другие молитвы. [Было постановлено, что] уклоняющиеся от этих правил или пренебрегающие ими будут строго наказываться.

Затем Абатай-Тушэту-хан, узнав, что чахары начинают переводить на монгольский язык религиозные книги, решил и у себя распространить учение на родном языке и послал в земли чахарского Тумэн-Дзасаку-хана несколько молодых человек обучаться искусству перевода.

Некоторые иностранные источники отмечают, что Абатай-хан впервые встретился с Далай-ламой в Хухэ-Хото в 1586 г. Но на деле это не могло произойти так поздно. В записках Чжан-Му «О монгольских пастбищах» (вероятно, имеется в виду «Мэн-гу-ю-му-цзи» — «Записки о монгольских кочевьях») сказано, что Абатай-хан привлек сердца людей и был возведен на ханский престол благодаря тому, что встречался с Далай-ламой и распространял книжное учение, причем их встреча произошла не в Хухэ-Хото, а в стране тангутов. Кроме того, в истории о строительстве Эрдэни-дзу говорится: «Эрдэни-дзу построен спустя восемь лет после того, как Абатай-хан увиделся с Далай-ламой». Эти данные говорят о том, что Абатай-хан встретился с Далай-ламой не в Хухэ-Хото, а в Кукуноре — одной из областей страны тангутов. И произошло это около 1577 г.

Однако, если посмотреть тибетские источники, они дают другие данные. Имеется подробный дневник Далай-ламы Содномджамцо до прибытия в Кукунор в год желтого тигра, то есть до 1578 г. Получается, что он не мог прибыть в Кукунор в 1577 г. Значит, нет оснований считать, что Абатай-хан встретился с Далай-ламой в этом году в Кукуноре. Тогда, может быть, они встретились в год желтого тигра, в 1578 г.? Дзая-пандита Лубсанпринлэй⁶³⁷ и другие монгольские историки пишут следующее. Абатай-хан был могущественный хан, силой равный древнему царю Раме (из индийской мифологии). Он повел свою армию на олётов, нанес им поражение, покорил и посадил над ними князем одного из своих сыновей, после чего отправился к Далай-ламе Содномджамцо, когда тот прибыл в Монголию. Если же Абатай-хан встретился с Далай-ламой в 1578 г., то хану при этой встрече было двадцать пять лет. Сыну его, который до этого события сделался ханом олётов, должно было быть не больше десяти лет. Получается, что Абатай-хан поставил править олётами малолетнего сына, почти ребенка, что довольно смешно. Более правдоподобным кажется сообщение о том, что Абатай-хан встретился с Далай-ламой в Кукуноре в 1586 г. Кроме того, указание на то, что Абатай-хан сделался ханом только потому,

что встретился с Далай-ламой и привез от него книги, также не выдерживает критики. Если поверить этому, получается, что халхасцы к этому времени уже были все глубоко привержены религии Шакьямуни. Однако тибетские и монгольские хроники отмечают, что Абатай-хан запретил шаманство и принудительно ввел религию Шакьямуни. Значит, до прибытия Далай-ламы халхасцы отнюдь не были привержены к желтой религии. И встреча Абатай-хана с Далай-ламой и получение от него книг не могли принести ему симпатий народа.

В некоторых хрониках отмечается, что в году красной зайчихи (1567) русский царь Иван IV послал впервые в Пекин послов Федорова и Ярцева (в оригинале — Видороб и Яричиб, то есть Федоров? Петров? Ярцев?), которые писали, что, проезжая через Внешнюю Монголию⁶³⁸, видели тут и там лам и хуvaraков, золоченые статуи Будды, кирпичные и каменные храмы. Если в Халхе было столько лам и монахов, это означает, что в стране халхасцев буддизм существовал задолго до распространения Алтан-ханом в Южной Монголии буддизма. Это никак не согласуется со всеми остальными историческими фактами. Поэтому мы не принимаем сообщения русских послов и продолжаем придерживаться той точки зрения, что в Халха-Монголии буддизм распространил Абатай-хан, как об этом указывается в хронике «Золотое сказание»⁶³⁹.

В докладе халхаского Тушэту-хана, сделанным в 26-м году правления дай-цинского хана Канси (1687), сказано, что в народе Халхи изначально не было буддизма и «наш прадед, отправившись на аудиенцию к Далай-ламе, был принят с большим почетом, получил титул «Очирой-Сайн-хан», вследствие чего религия засияла подобно солнцу и луне». Так говорят некоторые источники.

Таким образом, хоть Абатай-хан и положил начало распространению желтой религии Шакьямуни в стране Халха-Монголии, но буддизм распространился там, конечно, не вследствие его встречи с Далай-ламой. За несколько лет до этого Абатай-хан, Тумэнхэн-Сайн-нойон и другие халхаские князья приняли буддизм. Именно поэтому Абатай-хан отправился на встречу к Далай-ламе и пожелал распространить буддизм у себя на родине. Кроме того, в некоторых монгольских хрониках говорится следующее. Абатай-хан после аудиенции у Далай-ламы вернулся на родину и однажды на облавной охоте встретил монаха-паломника — без косы и в синей одежде⁶⁴⁰. Увидел и вспомнил, что он обещал Далай-ламе так: «У нас мало монахов. Буду поклоняться каждому ламе, которого встречу!» Сказав об этом сопровождавшим его, он совершил поклонение этому монаху. И в письме, посланном в 30-м году Цяньлуна⁶⁴¹ Тушэту-ханом Цэдэндорджем Третьему богдо-Джэбцундамбе, говорится: «Мой предок в восьмом поколении — отец Абатай-Тушэту-хан совершил в Хухэ-Хото поклонение его святейшему Далай-ламе, который пожаловал ему титул «Номун-Очир-хана»⁶⁴² («Хан — алмаз веры»). Тот одарил его изображениями Ваджры, будд, благословенными мощами, и дал старца Гоминансо с семьей товарищами. Хан, получил это и сказал: «Я построю в стране халхасцев храм. Прошу вас его освятить»». Из этих слов Абатай-хана («У нас мало монахов. Буду поклоняться каждому ламе, которого встречу»; «я построю в стране халхасцев храм») следует, что в земле халхасцев буддизм уже появился, и кое-где уже встречались монахи.

Император Цяньлун. Из кн.: Стонтон Г. 1805. Путешествие во внутренность Китая и в Татарию, учиненное в 1792м и 1793м годах лордом Макартнеем. Ч. 4. М.: тип. Х. Клаудия.

Теперь посмотрим на сообщение о посылке Далай-ламой в Халху ламы Гоминансо вместе с семью товарищами. Из него выходит, что посланные Далай-ламой Лодойнинбо и Гоминансо — одно и то же лицо, то есть это — монах родом из Гоми, которого величали Нансо (Гомийский Нансо) по имени Лодойнинбо, которого Далай-лама послал в Халху с семью товарищами. Однако в «Истории Эрдэни-дзу» говорится: «Абатай-Тушэту-хан и его младший брат Сайн-нойон вдвоем в год синей курицы (1585) послали в земли Алтан-хана посланца и привезли оттуда с почетом одного сакьяского ламу Гоминансо. Затем передали Далай-ламе приглашение, на которое тот послал вместо себя ламу Лодойнинбо. Этот лама и освятил храм». Согласно этим данным, выходит, что это — два разных лица. Но в году синей курицы тумэдского Алтан-хана уже не было в живых, что делает маловероятной версию о посольстве к Алтан-хану и приглашении оттуда Гоминансо. Также в хронике «Драгоценные четки»⁶⁴³ говорится: «Храм в Эрдэни-дзу освятил Гоминансо, присланный Далай-ламой». Если попытаться проанализировать все эти сообщения, получается, что Гоминансо был действительно послан Далай-ламой в Халху, и звали его Лодойнинбо.

У каждого может возникнуть вопрос — почему Далай-лама, будучи великим ламой желтого закона, послал вместо себя в Халху ламу сакьяского закона Гоминансо? [Попробуем ответить]. Из сообщений Дэсрид-Санджайджамцо⁶⁴⁴ видно, что Далай-лама Содномджамцо при возведении храма Намджил-дацан для благоденствия и долголетия Алтан-хана все устроил по законам сакьясцев. Значит, Далай-лама Содномджамцо не только мог послать сакьясца Гоминансо в Халху, но и считал, что сакьяский закон не хуже желтой веры и так же хорош. Вследствие того, что из Хухэ-Хото вместо Далай-ламы в Халху прибыл Гоминансо с семьей товарищами, придерживавшимися сакьяского закона, в стране халхасцев одновременно стали распространяться сакьяская и желтая религии. Монастырь Эрдэни-дзу был вначале, по-видимому, почти совершенно сакьяским, придерживавшимся в основном догм и установлений сакьяского закона. Приведем один факт, свидетельствующий об этом. В биографии цорджи Эрдэни-дзу говорится: «Со временем было многое утеряно из требника, по которому издавна совершались службы гению-хранителю Гургомбо. Поэтому ученый цорджи Эрдэни-дзу Дагвадарджа⁶⁴⁶ попросил Джанджа-хутухту⁶⁴⁷ прояснить вопрос об этом требнике. Он получил ответ, что исчерпывающее объяснение можно найти у сакьясцев⁶⁴⁸. Тогда в следующем, 40-м году Цяньлуна (1775) [настоятель] послал в монастырь Сакья цокчин-гэскуя⁶⁴⁹ Эрдэни-дзу, благочинного Лубсанчойдуба, который и привез оттуда понимание сокровенной сущности этого требника. А при основании Эрдэни-дзу там были помещены изображения и статуи сакьяских, карджудпаских и «красных» лам. Это показывает, что Абатай-хан при учреждении Эрдэни-дзу действительно все делал под руководством лам сакьяского закона.

Некоторые наши монгольские историки говорят, что Эрдэни-дзу был в это время основан. Но при сравнении данных монгольских, китайских и русских источников видно, что Эрдэни-дзу не был основан Абатай-ханом. Про него можно сказать, что он реконструировал старые храмы. В древние времена, когда в Монголии жили уйгуры, хан уйгуров Богучар в столице своего государства Хара-балгасуне на Орхоне воздвиг статую Эрдэни-дзу. Ханша Байбалык⁶⁵⁰ также воздвигла в Баинбалгасуне на Селенге еще одну статую Эрдэни-дзу. Статую Эрдэни-дзу, воздвигнутую Богучар-ханом император Угэдэй привез в Хара-хорин, реставрировал и воздвиг в новом храме. Впоследствии Тогон-Тэмур-хан, прибыв из Пекина в Монголию, обновил статую в Харахорине. Через несколько столетий храмы пришли в ветхость и запустенье. Они уже почти совсем исчезли, когда Абатай-Тушэту-хан, следуя повелению Далай-ламы, в год огненной собаки тринадцатого цикла (1586) привез из Хухэ-Хото мастеров, реконструировал обветшалые храмы Дзу и построил новые.

В некоторых старых хрониках говорится, что Эрдэни-дзу сделан по подобию Дзу в Хухэ-Хото. Но, если посмотреть на Дзу в Хухэ-Хото, то он имеет совершенно отличный вид от Эрдэни-дзу в Халхе. Отсюда ясно, что Абатай-хан только построил храмы по образцу [монастыря] Хухэ-Хото, но главное священное изображение Большого Дзу никоим образом не является произведением хухэхотоских скульпторов и мастеров. При тщательном осмотре центральной статуи Эрдэни-дзу видно, что она сделана по образцу статуй из Западного Ли или Утак, то есть хотанской местности, мастера которой славятся искусством работы по изготовлению статуй Дзу. Поэтому она, несомненно, принадлежит мастерам хотанской местности.

[Другой факт, подтверждающий сказанное.] Описание действий Угэдэй-хана при жертвоприношениях было приклеено на матне⁶⁵¹ верхнего этажа одного храма Эрдэни-дзу. Оно и поныне находится там же. В нем можно кое-что прочесть. Кроме того, по словам некоторых стариков, байбалькский храм Дзу на реке Селенге и Эрдэни-дзу на реке Орхон — «ровесники». Отсюда они заключают, что статуя Эрдэни-дзу есть тот самый Гандол-дзу, который был изготовлен во времена уйгурского Богучар-хана, так как Дзу байбалькского храма есть то самый Дзу, который построила супруга Богучар-хана Байбальк. Согласно этому, Эрдэни-дзу построен давно и существует тысячу сто восемьдесят шесть лет. Однако эти сообщения трудно считать достоверными, так как они противоречат сообщениям монгольских летописей.

С другой стороны, в монгольских описаниях Эрдэни-дзу и надписях, высеченных на камне, стоящем у дверей храма Дзу, есть подробное описание, как после Абатай-хана несколько поколений Тушэту-ханов совершали жертвоприношения и поклонения Эрдэни-дзу. А про Угэдэй-хана и других предков монголов ничего не сказано. История, написанная около двухсот лет тому назад халхаским Дзая-пандитой Лубсанпринлэем, настойчиво повторяет, что Эрдэни-дзу был построен Абатай-ханом. Считая сообщения Дзая-пандиты достоверными, мы предполагаем, что Эрдэни-дзу со дня основания Абатай-ханом и по 28-й год МНР⁶⁵² существует триста пятьдесят три года.

В докладном письме председателя Хан-Ульского сейма от 52-го года Цяньлуна (1787) Цинской династии⁶⁵³, посланном в департамент⁶⁵⁴, говорится: «На нашей тушэтуханской территории есть три храма, окруженные стеной, и именуемые Центральным Эрдэни-дзу нашего аймака. Храмы были воздвигнуты еще Номун-Очир-Сайн-ханом в год синей курицы и с соизволения Далай-ламы Содномджамцо получили название Эрдэни-дзу».

Итак, все источники сходятся в том, что Абатай-хан построил Эрдэни-дзу и стал распространять в Халхе религию Будды. Но ни в одном историческом сочинении нет данных, говорящих о том, почему у самого Абатай-хана зародилось желание уверовать в буддийское учение.

По моему убеждению, Абатай-хан познакомился с основами буддизма в землях олэтов⁶⁵⁵. Основания для такого [суждения] есть. Ко времени пребывания в Южной Монголии Третьего далай-ламы в землях олэтов и торгутов буддийская религия получила довольно широкое распространение. Об этом свидетельствует одно обстоятельство. В доме дяди торгутского Аюши-хана князя Мэргэн-Табина в год красного дракона (1556) родился сын. Ему дали имя Абида. Он еще в детстве просился у отца позволения уйти в монахи, но отец отказал ему и женил. Однажды этот Абида ездил на охоту и убил суягнуую косулю. Его сердце чуть не разорвалось от того, что он убил ее. Тайно убежав от отца с матерью, он направился в цзанский монастырь Дашилхунпо, где принял обеты и стал учеником Панчен-богдо Лубсан-Чойджиджалцана. После десяти лет обучения этот Абида-тойн прибыл во Внутреннюю Монголию. Его стали называть Отцом-ламой или Нэйджи-тойном⁶⁵⁶. Желание Нэйджи-тойна уже в детстве стать ламой показывает, что у олэтов и торгутов религия Будды была достаточно распространена. Вероятно, это произошло под влиянием Срединного Китая и тумэдского Алтан-хана.

По этому поводу некоторые иностранные историки цитируют путевые дневники Фадера (Фатера или Фетера)⁶⁵⁷, посетившего Калмыкию в 1616 г. Он писал: «Алтан-хан и китайский хан заменили своею религией религию калмыков и запретили калмыкам принимать в пищу конское мясо и молоко». Это сообщение говорит о том, что среди олётов и торгутов учение Будды было довольно развито в то время, когда Абатай-хан пошел войной на олётов. Его старший сын Субугтай был возведен в ханы олётского государства. Кроме того, Абатай-хан поддерживал связь и с торгутским ханом Аюши и высватал дочь Аюши-хана за своего второго сына Эрэхэй-Мэргэн-тайджи.

Все это говорит о том, что Абатай-хан вполне мог перенять религию Будды от олётов, и это, предполагаю, так и было.

После того как Абатай-хан вернулся в 1587 г., встретившись с Далай-ламой в Западном Тумэде, Далай-лама принял приглашение харчинского хана. Прибыв на Шанту-гол в районе Долоннора, где находился дворец Хубилай-Сэцэн-хана и Пагба-ламы, Далай-лама произвел освящение нового храма, построенного харчинским ханом, и одновременно провел церемонию посвящения местных князей в тайное религиозное учение. Собрав большое количество пожертвований, он (Далай-лама) вернулся в Хухэ-Хото.

С этого времени монгольский климат стал плохо влиять на здоровье Далай-ламы. Он начал болеть с конца белой луны года желтой мыши (1588). Именно в это время от китайского императора Ваньли прибыло посольство, которое вручило Далай-ламе указ императора. Указ был торжественно доставлен восьмью посланцами, несшими его на плечах. Указом императора Далай-ламе был пожалован титул «Гад-дин-да-гушри»⁶⁵⁸. Ему было передано приглашение во что бы то ни стало прибыть в Пекин для поддержания религии. Далай-лама согласился поехать в Пекин, но его здоровье ухудшилось, и 26-го числа третьей луны того же года на сорок шестом году жизни он скончался в Хухэ-Хото.

Еще до кончины Далай-ламы южно-монгольские князья просили его переродиться в Монголии. Обещание Далай-ламы переродиться в Монголии заставило монголов верить в то, что перерождение его обязательно появится в нашей стране. В семье Сэнгэ-Тумэр-хана Дугурэнга⁶⁵⁹, Мэргэн-тайджи Сумары, как раз в первых числах белого месяца желтой коровы (1587) родился сын, и монголы стали поговаривать, что он и есть перерождение Далай-ламы. Хотя тибетцем было не по душе признавать монгола перерождением Далай-ламы, но они не могли отказаться и обидеть религиозные чувства монголов, так как в противном случае доход тибетских лам мог сократиться или совершенно исчезнуть. Оставалось только поддерживать верования монголов и тем самым увеличивать свои доходы. Ввиду сказанного тибетское высшее духовенство — Панчен-богдо, Чойдзон (оракул) Бурдамба и другие издали указ о том, что они получили мистическое знамение о том, что перерождение Далай-ламы явилось в золотом роду Богдо-Чингис-хана.

С этих пор сын Сумара-тайджи окончательно был признан перерождением Далай-ламы. Новый Далай-лама жил до четырнадцати лет в монгольской стране. Он воспитывался у родителей в Хухэ-Хото, то есть на родине. Во время пребывания перерождения Далай-ламы на родине, жертвования, которые делали верую-

щие массы монголов шести больших аймаков, были так велики, что их можно было сравнить со сбором ежедневных налогов Великого хана государства. «Казна Далай-ламы так обогатилась, что с ней не могла сравниться и казна божества богатства Намсарая!» — писал с восхищением Пятый далай-лама. Это отвечало желаниям и алканиям тибетцев, но было трудно для монголов.

По достижении четырнадцати лет Далай-ламу повезли в Брэбун-хийд для возведения его на престол далай-лам. В Хухэ-Хото из Лхасы прибыли виднейшие ламы. В сопровождении этих лам перерождение Далай-ламы прибыл в Лхасу в год черного зайца (1603) и был возведен на престол с титулом «Перерождение Хоншим-бодхисаттва-хутухты Четвертый Ваджрадара далай-лама» Йондонджамцо.

После этого взамен Далай-ламы в Хухэ-Хото был послан из Брэбун-хийда лама Гэндун-Балсанджамцо, признанный перерождением Майтреи. По прибытии Гэндун-Балсанджамцо в Хухэ-Хото монголы пожаловали ему титул Майдар⁶⁶⁰-хутухты и возвели его на сиденье Далай-ламы. С этих пор взаимоотношения между Монголией и Тибетом стали с каждым днем расширяться. Начались непрерывные шествия монголов в Западное Дзу и Дашилхунпо для поклонения Далай-ламе и Панчен-богдо и другим. Наряду с этим в Южной Монголии появился обычай молодым банди следовать в лхасские монастыри Брэбун, Дашилхунпо и другие и поступать там в религиозные школы. С другой стороны, в Южной Монголии началась работа по переводу религиозных сочинений с тибетского языка на монгольский. Наиболее успешной была работа ученика Далай-ламы Содномджамцо Пандита-Ширэту-Гушицорджи-ламы. Живя в Хухэ-Хото, он перевел двадцать пять томов из слов Шакьямуни (Ганджур), повести Мил-Богдо⁶⁶¹ и его «Сто тысяч песнопений», сочинение Содномджамцо «Путеводитель для монгольских лам Шиджир алт (Чистое золото)» и многие другие религиозные сочинения. В Чахаре с особенным рвением занимались переводами, там стремились перевести на монгольский язык весь Ганджур. Некоторые позднейшие историки целиком относят эту заслугу на счет чахарского Лигдэн-Хутухта-хана, а также пишут, что Абатай-хан послал к Лигдэн-Хутухта-хану несколько лиц, которые обучились впервые монгольской письменности и стали переводить религиозные сочинения в халхаской стране. В этих сообщениях много неверного. Во-первых, во время правления халхаского Абатай-хана чахарский Лигдэн-Хутухта-хан еще не родился⁶⁶², в чем можно убедиться при сравнении старых летописей. Кроме того, старые писания точно указывают, что Абатай-хан послал людей к чахарскому хану учиться переводу, а не письменности. Все это опровергает пустые домыслы некоторых названных историков. Таким образом, становится ясно, что переводы на монгольский язык религиозных сочинений Будды были начаты чахарским Тумэн-Дзасаку-ханом, и Абатай-хан воспользовался этим обстоятельством и послал к нему несколько лиц для учебы переводу. Во всяком случае, такое мнение не противоречит всем датам и другим фактам.

Между прочим, чахарский Тумэн-Дзасаку-хан являлся человеком, впервые установившим в Чахар-Монголии основы религии Будды. Об этом говорят следующие факты. Тумэн-Дзасаку-хан за год до прибытия Далай-ламы Содномджамцо в Монголию, то есть в 1567 г. принял буддизм от одного тангутского ламы — последователя карджудпасцев, который был известен под именем «Саблевяз»⁶⁶³. В дальнейшем он прила-

гал много сил для распространения буддизма среди чахаров. Поскольку Тумэн-Дзасакту-хан принял буддизм согласно наставлениям карджудпа, он не особенно почитал да-лай-лам. Кроме того, он держался того мнения, что для распространения религии, прежде всего, необходимо перевести религиозные книги на свой родной язык. Для осуществления сего мероприятия он пригласил из Амдо, местности Джонава лам-карджупасцев и начал переводить Ганджур на монгольский язык. Перевод Ганджура продолжался при его сыне Буян-Сэцэн-хане и внуке Лигдэн-Хутухта-хане. Перевод ста восьми томов был закончен при Лигдэн-Хутухта-хане. Работа велась под руководством Гунга-Одсэр-пандиты⁶⁴. Гунга-Одсэр-пандита в целях совершенствования письма восполнил недостатки грамматических правил монгольской письменности, установленных Чойджи-Одсэром в период Юаньской династии, и составил грамматические правила под названием «Джирухэну толта». Согласно этим правилам, монгольский алфавит был дополнен рядом букв для передачи индийских и тибетских слов — названий местностей, городов, имен людей и другой терминологии. Следуя тибетским правилам, он все гласные буквы назвал «Али», а согласные — «Гали». Однако впоследствии эти названия не привились, и дополнительные буквы, введенные для передачи звуков индийского и тибетского языка, стали называться «галиг усэг».

После кончины халхаского Абатай-хана, случившейся в 1588 г., его второй сын Эрэхэй-Мэргэн-гайджи был возведен в Номун-Очир-Тушэту-ханы. Согласно заветам своего отца Абатай-хана, он поставил своей задачей вести борьбу против шаманизма в Халхе и продолжать дело распространения буддизма. Во исполнение этого он возвел в Эрдэни-дзу еще два храма и субурган.

В этот период в Южной Монголии был весьма почитаем один малый (малолетний?) лама Донкор-Манджушри Джамьянджамцо, который являлся перерождением Донкор-хутухты Йондонджамцо из страны Амдо. Эрэхэй-Мэргэн-Тушэту-хан пригласил этого ламу в 1606 г. Тот приехал из Хухэ-Хото и совершил освящение святынь Эрдэни-дзу. От него сам хан и многие его приближенные приняли тантрические посвящения «ван-абшиг». Он был в Эрдэни-дзу весьма почитаем.

Вскоре после кончины Абатай-хана олёты восстали, арестовали Субугтая — старшего брата Эрэхэй-Мэргэн-хана. На этой почве между халхасцами и олётами начались раздоры, и в году красной лошади (1606) олёты внезапно напали на Халху. От этого нападения халхасцы претерпели много бед и ущерба. Халхасцы старались остановить войну и заключить мир, но олёты не хотели и слушать об этом и продолжали вершить усобицу. Тогда в это дело вмешался князь кукунорских олёттов Турубайху-хунтайджи. Он прибыл с войском в Халху, уговорил олёттов уйти и содействовал заключению мира между Халхой и олётами.

Халхаские князья во главе с Донкор-Манджушри Джамьянджамцо одобрили действия Турубайху-хунтайджи и пожаловали ему титул «Гуши-хан». Этот Гуши-хан Турубайху-хунтайджи являлся сыном князя Ханая, который вместо своего отца Бубэй-Мэргэна был возведен в хунтайджи хошутского племени. Бубэй-Мэргэн же, будучи потомком в девятом поколении Арук-Тэмура из рода Хабту-Хасара, младшего брата Чингис-хана, был возведен в хунтайджи хошутов.

Гуши-хан-хунтайджи был энергичным и смелым в военных делах. С того времени, как он занял место отца и стал хунтайджи хошутского племени, он все-

ми силами старался распространять желтую религию среди ойратов восточного крыла — джунгаров. При его содействии были переведены «Алтан гэрэл»⁶⁶⁵ и другие религиозные книги и сутры на монгольский язык. Он сделал очень много для распространения религии. Речь об этом пойдет в следующей главе.

Теперь несколько слов относительно буддизма в Тибете. Как говорилось выше, в Тибете было много различных школ и учений. Борьба между двумя школами — цзанской карджудпа и уйской гэлугпа (желтой) переросла в войну. С того времени, как последователи желтой религии в районе Лхасы стали возводить [на престол главы желтой церкви] перерождения Далай-ламы, управление областями Уй и Цзан разделилось почти на 80 лет. Однако в 1603 г., когда возводили на трон Далай-ламы Йондонджамцо, хан Цзана карджудпасец Цэдэндорджи и его сын Пунцокнамджил, несмотря на свою ненависть к желтой религии, все же для сохранения приличий оказали почести новому Далай-ламе Йондонджамцо.

Начиная с эпохи этого Далай-ламы, монголы стали ходить в Западное Дзу на поклонение, варить мандзу (жертвенный чай для лам), подносить денежные дары монашеству и жертвовать самое лучшее из своего имущества далай-ламе, панчен-богдо и другим хубилганам и хутухтам. Вследствие этого ламы желтой религии стали основательно богатеть, что вызвало в душе у лам карджудпа зависть и ненависть. Их «красношапочное» перерождение Чойдживанчук и другие великие ламы карджудпаской религии обратились к царю Цзана Дэсрид-Цэдэндорджи и его сыну Пунцокнамджи-лу со следующими словами: «Эти ламишки „желтошапочников“ исподволь похитили у нас благих милостынедателей, имевших издавна связи с нашими великими ламами-учителями и подносивших нам от чистого сердца свои благие подношения. С давних пор эти „желтошапочники“ наносят вред процветанию нашей религии. Нельзя, чтобы это сошло для них легко и безнаказанно, как в былые дни». Они подстрекали так все время. В конце концов, цзанский царь Пунцокнамджил страшно возненавидел приверженцев желтой религии и стал искать предлога к войне с ними.

Как-то ранее лама «красношапочников» написал приветственное письмо Далай-ламе, на которое получил, якобы недостаточно вежливый ответ. Хубилган «красношапочников», сославшись на это, прикрепил к хадаку — украшающему шелковому плату на лхасском храме Большого Дзу письмо с хулой на «желтошапочников». Это вызвало ухудшение отношений между двумя школами. Затем [цзанцы решили], что «желтошапочники» из провинции Уй, пользуясь тем, что Далай-лама родом из Монголии, перехватили у сакьяских и карджудпаских лам и монастырей великие приношения и почести, получили опору на силу монгольских тайджи и войск и в будущем могут напасть на Цзан и уничтожить его самостоятельность. Поэтому цзанцы решили сами захватить центр, где творилась дружба и союз уйцев с монголами, то есть Лхасу. Цзанцы привели войска и стали воевать. Тогда из Кукурора на помощь Далай-ламе отправился сын тумэдского Холочи-нойона Лхадзун-Лубсан-Дандзанджамцо и его младший брат Сэцэн-хунтайджи Гуру с монгольскими войсками. Достигнув Тибета, они вышли навстречу цзанскому Пунцокнамджи-лу, чтобы биться, но Далай-лама сдержал монгольские войска и отправил их назад.

В это время хубилган карджупаских «красношапочников» явился к Далай-ламе Йондонджамцо и стал его ругать и поносить: «Нам, тибетцам, не нужен такой ще-

нок черной суки, как ты!» Далай-лама Йондонджамцо стерпел это молча. Тем дело и кончилось.

Ссора между двумя сектами продолжалась таким образом два года. В год белой собаки (1610) цзанский Пунцокнамджил увел свои войска. После этого в год черной мыши (1612) он был возведен на престол цзанского дэсрида. Дэсрид-Пунцокнамджил задался целью уничтожить желтую религию и ждал только повода. В это время минский император Ваньли решил привлечь к себе Далай-ламу, монгола по происхождению, чтобы можно было легко подчинить себе монголов. В год красного дракона⁶⁶⁶ (1616) он послал посольство во главе с ламой Содномлодом, которое повезло приглашение Далай-ламе посетить Пекин. Он передал [с посольством] Далай-ламе титул «Очирдара — повелитель», печать, церемониальные облачения и шапку. Послы, достигнув Лхасы, представились Далай-ламе, поднесли императорское послание и дары, доложили о приглашении Далай-ламы в Пекин. Далай-лама Йондонджамцо благосклонно принял приглашение и отправил китайских послов обратно.

Цзанский Дэсрид-Пунцокнамджил и хубилган «красношапочников», прослышав об этом, решили, что Далай-ламу следует поскорее убить, еще до его отъезда в Пекин, а то потом будет поздно. Они тайно подкупили шандзодбу⁶⁶⁷ Далай-ламы. Шандзодбе Содномрабдану деньги были важнее, чем несчастный лама-учитель, поэтому в том же году в 12-й луне он тайно убил Далай-ламу Йондонджамцо.

После кончины Далай-ламы Йондонджамцо, халхаский Тумэнхэн-Сайн-нойон, прослышав про смуту и неурядицы в Тибете, отправился туда, чтобы, во-первых, защитить желтую веру, а во-вторых, поклониться статуе лхасского Дзу, Далай-ламе, Панчен-богдо, установить религиозные связи с Западным Дзу, Дашилхунпо и другими монастырями и принести подношения. Он погрузил много серебра, взял воинов и отправился в дорогу, в Тибет. В год красной змеи (1617) он достиг Лхасы и увидел, что для религии нет особенной опасности, все тихо и спокойно, только Далай-лама «сменил облик» (умер), и в Лхасу прибыл Панчен-богдо Лубсан-Чойджиджалцан для проведения погребальных церемоний.

Тогда Тумэнхэн-Сайн-нойон совершил в первую очередь поклонение Большому и Малому Дзу⁶⁶⁸, помолился Панчен-богдо, Дэмо-хутухте, Сэмба-хутухте и другим, сделал богатые приношения каждому. Во всех монастырях вокруг Лхасы — Брэбуне, Галдане, Сэра, а также в Дашилхунпо в Цзане устроил угощение монахов чаем во время церковной службы и денежные жертвоприношения в достаточном размере. В это время готовились к похоронам Далай-ламы. Его мощи предполагали замуровать в субурган. Тумэнхэн-Сайн-нойон пожертвовал на постройку субургана и храма для мощей Далай-ламы десять тысяч лан чистого серебра. Его просьба пожаловать ему святыню для того, чтобы отвезти домой, была удовлетворена. Ему выдали голову Далай-ламы и изображение Малого Дзу. За огромные жертвоприношения в пользу желтой религии Панчен-богдо Лубсан-Чойджиджалцан пожаловал ему титул бескоробного царя учения «Хундулэн-Цохор»⁶⁶⁹ с вручением серебряной печати с высеченной на ней надписью.

«После этого — пишет Дзая-пандита, — Хундулэн-Цохор Тумэнхэн-Сайн-нойон, прибыв на родину с дарами от Панчен-богдо, то есть с черепом Далай-ламы,

изображением Дзу и печатью, построил два или три новых храма, установил в них серебряные статуи Шакьямуни и Майтреи и совершил им поклонение. Хундулэн-Цохор Тумэнхэн-Сайн-нойон есть третий (по некоторым источникам, четвертый) сын Уйдзэн-нойона Оноху. Он жил в 1556–1640 гг., прожив более восьмидесяти лет, и умер, когда Ундур-богдо Джэбдзундамбе было шесть лет. Хотя он не имел ханского звания, но в силу преклонных лет и по старшинству считался наиболее уважаемым во всех семи хошунах Халхи. В конце концов, он стал возглавлять все дела, как государственные, так и религиозные. Даже три хана халхаских семи хошунов не смели противоречить повелениям Хундулэн-Цохор Сайн-нойона».

У него (Тумэнхэн-Сайн-нойона) было тринадцать сыновей. Перед кончиной он вручил своему младшему сыну Хундулэн-Бошокту привезенные с запада изображение Дзу и череп Далай-ламы. Эти святыни сохранились до нашего времени в доме Далай-Чойнхор-вана, потомка [Хундулэн-Бошокту]. Другому сыну Дармакирти он вручил серебряную печать, которую тот Дармакирти-тайджи позднее передал Дзая-пандите Лубсанпринлэю, и которая теперь хранится в монастыре Дзая-пандитын-хурэ.

После смерти Хундулэн-Цохор Тумэнхэн-Сайн-нойона его сыновья заказали сделать из восьмидесяти ланов золота статую божества Локешвара с четырьмя руками и, поместив в нее прах отца, поклонялись ей как святыне. Как считал Дзая-пандита, Тумэнхэн-Сайн-нойон, посетив Тибет и получив от Панчен-Богдо титул, впервые установил связи Халхи с Тибетом. Таким образом, начало связей халхасцев с Лхасой, Дашилхунпо и другими районами следует считать установленными после смерти Далай-ламы Йондонджамцо.

В свете сказанного, сообщения о том, что первым из халхасцев посетил Тибет Абатай-хан, когда он представлялся Далай-ламе, неверны. Хухэ-Хото же действительно был городом, через который происходило знакомство Халхи с религией. Оттуда Абатай-хан⁶⁷⁰ приглашал в Халху монахов, с этим городом тушэту-ханы в нескольких поколениях поддерживали отношения и связь.

Религиозная борьба в Тибете негативно повлияла и на монголов. После раскола между хубилганом «красношапочников» и Четвертым далай-ламой Йондонджамцо царь Цзана Пунцокнамджил и его сын Дандзанванба повели среди высшего ламства различных школ Тибета тайную агитацию. Они говорили, что необходимо объединенными силами немедленно подавить «вредное» учение желтой религии, и что тогда последователи их школ смогли бы получать пожертвования, которые подносят монголы. Завербовав таким образом в свою партию высших лам красной школы, джонанпа⁶⁷¹ и сакьяпа, и войдя с ними в сговор, они стали отправлять в разные районы монгольских племен лам красной школы, карджудпа, чтобы те вели тайную войну против желтой религии в Монголии. У Пунцокнамджила была и другая цель, и эта цель была главной. Он стремился показать всем религиозную борьбу в Тибете в таком свете, будто это монголы, восстав для защиты учения сакьяпа и карджудпа, бесчеловечно разрушают большие и малые монастыри Тибета. Иначе говоря, он хотел свалить вину за уничтожение желтой религии на монголов и тем самым оправдаться в глазах маньчжуров и китайцев, исповедовавших желтую религию. Как говорится, он надеялся загрести жар чужими руками. Для этого ему

было нужно, во что бы то ни стало, немедленно уничтожить главные центры своих врагов. Для этого царь Цзана Пунцокнамджил во главе большого войска лично прибыл в Лхасу в год желтой лошади (1618), в зимний средний месяц, и начал военные действия против последователей [желтой] религии в провинции Уй, жестоко расправляясь с монахами желтой веры, убивая их десятками, сотнями, тысячами. Заняв Лхасу, он подверг избиению монахов двух монастырей [расположенных в окрестностях Лхасы] — Сэры и Брэбуна, которые были главным связующим звеном между Тибетом и монголами, а затем несколько тысяч из них уничтожил, как баранов, на северных склонах гор у монастыря Брэбун.

Когда весть об этом дошла до монголов, тумэдский нойон Холочи, ревностный поборник учения желтой религии, собрал более двух тысяч воинов и отправил их в Лхасу под командованием своего сына Лхадзун-Лубсан-Дандзанджамцо и хунтайджи Гуру⁶⁷² для защиты желтой религии. В конце того же года Лхадзун дошел до местности Бьян⁶⁷³. За это время Дэсрид-Пунцокнамджил из Цзана всех оставшихся лам, последователей желтого учения, успел насильно обратить в карджудпа и другие учения красных. Некоторых крупных лам желтой религии своей родины — Панчен-богдо и других, надеясь использовать их в дальнейшем для своих целей, оставил в живых. Когда монгольские войска прибыли в Бьян, Пунцокнамджил дал приказ Панчен-богдо Лубсан-Чойджиджалцану немедленно отправиться навстречу к монгольским войскам, заключить с ними договор о дружбе и повернуть их обратно.

Панчен-богдо в сопровождении сановников, приставленных к нему Пунцокнамджилом, прибыл в монгольский лагерь и предложил заключить дружественный договор. Однако хунтайджи Гуру отклонил это предложение, сказав, что пока войска Пунцокнамджила не оставят Лхасу, они не начнут переговоров о заключении договора. Панчен-богдо со свитой вернулся и доложил об этом цзанскому Дэсриду. После этого монгольские войска совместно с войсками тибетской провинции Уй в седьмой луне 1620 г. вступил в бой с войсками цзанского Дэсрида в местности Бьян-танган⁶⁷⁴. Началась кровопролитная война. С обеих сторон было много жертв. В конце концов, монгольские войска в году белой курицы (1621) одолели войско цзанцев и изгнали Дэсрид-Пунцокнамджила из Лхасы.

Во время этой кровопролитной войны Панчен-Чойджиджалцан лично прибыл на место военных действий и, поднеся хунтайджи Гуру большие дары, попросил хунтайджи Гуру пощадить жизнь мирных жителей, а также жизнь тех, кто был завербован в войска Пунцокнамджила. Так он спас жизни ста тысячам людей. Впоследствии Панчен-Чойджиджалцан прямо говорил, что его благие деяния заключаются в том, что он, будучи посредником и скрыв от Лубсан-Дандзанджамцо и хунтайджи Гуру коварные действия своих тибетцев, сумел остановить распри и спасти жизнь ста тысячам людей.

После изгнания Пунцокнамджила из Лхасы князя Содномрабдана возвели в дэсриды провинции Уй, в результате чего в Лхасе по-прежнему установился закон желтой религии. Панчен-богдо во время этой смуты и войны умело лавировал между двумя сторонами. Так он, с одной стороны, спас свою жизнь, а с другой, сумел принять различные меры к выявлению нового, Пятого далай-ламы. В результате его действий сына одного зажиточного чиновника по имени Туддулрабдан из Цза-

на, родившегося в год красной змеи (1617), то есть на следующий год после смерти Четвертого далай-ламы, признали перерождением Далай-ламы. Родители мальчика были вне себя от счастья. Но его дядя был лама красной школы и единомышленник Дэсрид-Пунцокнамджила, поэтому он не желал, чтобы его племянника возвели на трон далай-ламы, и держал во время смуты ребенка при себе. Однажды он повел мальчика на поклонение к одному известному хубилгану секты джонанпа, которого звали Джэбдзун-Таранатха Гунганинбо. На церемонии благословения этот хубилган сказал: «Ну-ка посмотрим на этого резвого хубилгана далай-ламы», — и, приблизив мальчика к себе, поранил ему угол глаза. Поэтому мальчик, будущий далай-лама, остался кривым на один глаз. Хубилган Джэбдзун-Таранатха издавна вел борьбу против далай-лам, еще начиная с Содномджамцо, а также против Панчен-богдо. Это никто иной, как он, был учителем царя Цзана Пунцокнамджила и давал тому тайные указания об уничтожении желтого учения. Он был ярый противник далай-лам и для того, чтобы правдами и неправдами устранить их, искалечил мальчика. Однако высшие ламы желтой религии во главе с Панчен-богдо, придя в Лхасу при содействии монгольского войска, сразу же доставили туда косоногого шестилетнего мальчика, сына чиновника Туддулрабдана, и в 1622 г. возвели в далай-ламы на престоле монастыря Брэбун.

Хотя Дэсрид-Пунцокнамджил из Цзана и его сторонники и были изгнаны из Лхасы, они не думали прекращать борьбу против желтой религии. Наоборот, они развернули активную деятельность и собрали больше прежнего сил. Выступление их задерживалось только из-за того, что они ожидали сведений о результатах действий их тайных представителей, посланных в Монголию.

Монгольские князья, узнав об этом, стали высказывать мнение, что нового далай-ламу следует доставить в Монголию для безопасности и защиты. Тогда дэсрид провинции Уй Содномрабдан тайно дал указание малолетнему Далай-ламе следующего содержания: «Монгольские князья намерены увезти ламу к себе на родину. Вы ни в коем случае не должны соглашаться на это. Когда они будут делать такие предложения, вы должны каждый раз высказывать недовольство, плакать, лить слезы и т.д.» Следуя этим указаниям, малолетний Далай-лама на предложения Лхадзун-Лубсан-Дандзанджамцо и хунтайджи Гуру поехать в Монголию каждый раз поступал так, как научил его Дэсрид-Содномрабдан. Монгольские князья, недоумевая, почему Далай-лама ведет себя таким образом и чьи указания он выполняет, прожили в Лхасе еще один-два года.

В это время из Хухэ-Хото прибыл в Лхасу князь Тубэн-хунтайджи и пригласил Далай-ламу к себе на родину. Маленький Далай-лама отреагировал на приглашение так же, как раньше. Тогда монгольские князья во главе с Тубэн-хунтайджи немало обиделись и сказали: «Вам все же следовало бы принять наше предложение и последовать примеру Далай-ламы Содномджамцо, [посетившего Монголию] во времена наших предков — Алтан-хана и других».

В это время, то есть примерно около 1626 г. до Лхасы дошли слухи о том, что в Монголии обстановка весьма неспокойная. Тибетцы, воспользовавшись этими слухами, предложили Тубэн-тайджи вернуться к себе на родину. Они сказали: «Когда князь приглашал Далай-ламу к себе на родину, лама отнесся к приглашению небла-

гожелательно. Сейчас стало видно, что лама чудесным образом узнал о беспокойной обстановке в Монголии и вел себя осторожно».

[XII.] НАСТУПЛЕНИЕ НЕСПОКОЙНЫХ ВРЕМЕН В МОНГОЛИИ

В Монголии вследствие происков тайных представителей цзанского царя Пунцокнамджила начались раздоры между школами желтой, красной религии, карджудпасцев. Вдобавок с востока начали угрожать маньчжуры, вознамерившиеся стереть с лица земли то, что называлось «Монгольским государством» и, поработив монгольских аратов, эксплуатировать их.

Одной из основных причин наступления беспокойных времен в Монголии было возвышение маньчжуров. Примерно с 10-го года правления императора Ваньли Минской династии (1582) некий Оракчи-батор из рода Гиоро⁶⁷⁵ джурчидской, цзиньской страны, объединив маньчжурские племена, а также соседние монгольские племена хорчинов, дзаладов, горлосов и других, и совершая постоянные набеги на окраины Минского государства, захватил несколько городов, в том числе Мукден. В результате Оракчи-батор создал самостоятельное маньчжурское государство и объявил себя в Мукдене ханом-тайцзу.

С этого времени князья маньчжуров устремили свои взоры на Монголию, желая ограбить ее и превратить в свою колонию. В особенности [эту политику проводил] Абахай, сын Тайцзу-хана. Будучи возведенным в ханы маньчжурской страны в 1625 г., и начав править под девизом «Богдо-Сэцэн-хан», он сумел подчинить себе монголов, не ведя против них непосредственных военных действий. Для осуществления своей агрессивной политики по разрушению и захвату Минского государства, он хотел использовать смелых и воинственных монголов в качестве ударных войск. При этом Абахай применял два способа — тайный и явный. На словах маньчжуры говорили, что они будут одинаково чтить и уважать все школы, не различая их на желтых и красных по цвету шапок и одеяния. Между тем, тайно они раздували религиозную борьбу среди монголов, стремясь толкнуть их к ведению междоусобной войны и тем самым ослабить их силу. Выждав же момент, когда одна из борющихся школ окончательно возьмет верх, они хотели использовать ее в своих интересах и с ее помощью полностью подавить монголов.

Во-вторых, маньчжуры утверждали, что ставят своей целью умиротворение монголов, установление спокойной жизни, примирение распрей монгольских князей, и заявляли, что те из монгольских князей, которые терпят преследование и не могут выпутаться из тяжб и раздоров, имеют возможность, если желают, перейти в подданство к маньчжурскому императору со своими данниками, получив при этом щедрые награды. Тайно они посылали своих секретных посланников к владельческим князьям, чтобы те распространяли сплетни и сеяли раздоры между князьями, ослабляя и разлагая таким образом внутренние силы монголов. Если какой-нибудь монгольский тайджи, преследуя свои личные цели и польстившись на наживу, попался к маньчжурам и переходил к ним со своими подданными аратами, то ему жаловали титул «вана», выдавали за него замуж маньчжурскую или китайскую гунджи (принцессу)⁶⁷⁶ из семьи родственников маньчжурского хана. В результате та-

кой женитьбы монгольский князь считался зятем императора и получал титул «эфу». Монголам следовало бы прекратить такие игры, как религиозная борьба и пр., и решительно взяться за объединение, усиление своей мощи для защиты родины от маньчжуров. Однако тогдашние правители Монголии, глупые дворяне-тайджи, преследовали свои личные интересы и на почве религиозных распрей разжигали между собой уособицы и вражду.

Тайджи Внутренней Монголии из племен харчин, удзумчин, сунид, ордос, тумэд и др., преследуя свои личные выгоды, начали продавать страну и аратов маньчжурам. Взамен они получали награды, выслуживались перед маньчжурами и всеми правдами и неправдами стремились стать «эфу». Тайджи Внешней Монголии — Халхи, а также из олёттов, джунгаров и областей Кукунора открыто не выражали желания войти в государство маньчжуров, но совершенно не видели опасность, исходившую от маньчжуров. Большинство из них было озабочено тем, чтобы защититься от врагов желтой религии ее родину. Кроме того, они прилагали усилия к тому, чтобы пригласить к себе Далай-ламу, который бы пресек религиозную борьбу и установил спокойствие, как при тумэдском Алтан-хане.

Некоторые же из них, например, чахарский Лигдэн-Хутухта-хан и халхаский Цохор-Цокто-хунтайджи, держались иного мнения. Оно сводилось к следующему: «Предки нашей Монголии, начиная со времени Чингис-хана, чтили учение лишь сакьяпа и карджудпа, а не желтой религии. Негодные ханы, такие как Алтан и Аба-тай, под предлогом того, что следуют примеру Хубилай-Сэцэн-хана, одного из предков монголов, и возрождают религию Шакьямуни, толкнули монголов к принятию желтой религии. Теперь необходимо искоренить желтое учение, являющееся источником взаимной распри и борьбы, как в Тибете, так и в Монголии. Одновременно с этим нужно вести решительную борьбу с прихвостнями маньчжуров внутри Монголии. После уничтожения желтой опасности и ликвидации внутренней смуты нужно объединить монголов и совместно с тибетцами, последователями чистой религии, свергнуть маньчжуро-китайское правление и восстановить прежнее Юаньское государство».

Лигдэн-Хутухта-хан был внуком чахарского Буян-Сэцэн-хана, он поклонялся красному учению, сакьяпа и карджудпа в равной мере. Халхаский Цохор-Цокто был сыном Бири-хошучи, шестого сына Уйдзэн-нойона Оноху. Цохор-Цокто в Тушэтуханском аймаке Халхи пользовался большим влиянием и властью. Веровал он в учение секты карджудпа. Между прочим, Пятый далай-лама назвал Цохор-Цокто-тайджи китайским «тодистом» (от [тиб.] «тод» — вера). Очевидно, считая Цокто-тайджи врагом религии Будды, он нарочно назвал его так.

Хотя Цохор-Цокто-хунтайджи и Лигдэн-Хутухта-хан имели одинаковые намерения, они не были связаны между собой изначально. Когда выяснилась готовность тайджи Внутренней Монголии склонить головы перед маньчжурами, чахарский Лигдэн-Хутухта-хан около 1626 г. обнародовал свои намерения. Для претворения своей цели в жизнь он внезапно собрал войско, арестовал и казнил некоторых родственников-тайджи, веровавших в желтую религию, и лам этой школы. Сурово расправившись с последователями желтой религии, он напал на племена харачин, тумэд, ордос и другие. В связи с этими событиями олётский лама-цорджи, живший

среди чахаров, бежал оттуда с несколькими единомышленниками и прибыл в Халху в 1629 г. Чахарские араты, не понимавшие сути происходившего, испугались, что в их хана вселился какой-то бес, и также в смятении бежали в Хухэ-Хото и другие районы. Цохор-Цокто, узнав от олётского цорджи, прибывшего в Халху, о произошедшем, тотчас решил объединиться с Лигдэн-Хугухта-ханом и начал собирать войско, резко изменив свои государственные и религиозные дела.

Три хана Халхи и большинство князей семи хошунов Халхи отнеслись недоброжелательно к действиям Цокто-тайджи. Начались распри. Ханы трех аймаков и князя семи хошунов во главе с Цохор-Сайн-нойоном Тумэнхэном решили защитить родину желтой религии, то есть расправиться с восставшими в Тибете, а потом, пригласив Далай-ламу в Халху, пресечь внутреннюю смуту в своей стране. В целях исполнения своего решения они командировали в Тибет Ахай-дайчина, сына Хонгор-Сэцэн-джинона Дзасактуханского аймака, дав ему тысячу воинов. Ахай-дайчин вступил с войском в Тибет, в местность Дам, в год белой овцы (1631). За некоторое время до него туда с той же целью же прибыл тайджи Мэргэн-нойон дурбэн-олётов⁶⁷⁷, который имел при себе более трехсот воинов. Четыре князя из ордосских юншебу во главе с Ламоджаб-Цохором и с отрядом войска прибыли в местность Дам еще за четыре года до Ахай-дайчина. Хотя ордосские князья были приверженцами карджудпа, они были ярыми сторонниками маньчжуров, поэтому были изгнаны войсками чахарского Лигдэн-Хутухта-хана и, проникнув в Тибет, осели в районе Дам.

В это время особенно жестких мер по отношению к желтой религии в Лхасе не предпринималось. Но власть находилась в руках Пунцокнамджила, поэтому желтая религия терпела притеснения. Когда Ахай-дайчин, Мэргэн-нойон и другие прибыли в местность Дам, там был специально распространен ложный слух о том, что из Монголии прибыли враги желтой религии. «Верхние» монголы и араты Тибета начали разбегаться. Высшие ламы желтой религии во главе с уйским Дэсрид-Содномарабданом были в панике. Но вскоре в Лхасу прибыли Ахай-дайчин, Мэргэн-нойон и другие, которые представились Далай-ламе и рассказали ему подробно о своих намерениях. Далай-лама и высшие ламы желтой религии обрадовались и приняли монголов с большими почестями. Они устроили монгольские пиршества в Дэвашуне, Брэбуне, Цогчине, Джабе и прочих местах.

За это время Цохор-Цокто-тайджи успел связаться с Лигдэн-Хутухта-ханом. Он послал Лигдэн-хану письмо, в котором изложил свои намерения, и предложил объединить усилия. Их союз в дальнейшем был расширен, так как они установили связи с тибетским царем Цзана Пунцокнамджилом и тангутским ханом Бэри-Доньедом. Установив таким образом союз, они твердо вознамерились уничтожить желтую религию под корень. Тангутский Бэри-хан веровал в шаманизм, поэтому он вел борьбу не только против желтой религии, но и вообще против всех учений буддизма. Три другие князя были буддистами, поэтому они вступили с ним в заговор только для того, чтобы получить помощь при уничтожении желтой религии.

Князья семи хошунов Халхи, узнав об этом заговоре, пришли в возмущение и, объединив усилия, пошли против Цохор-Цокто и выгнали его из Халхи. Тогда Цохор-Цокто вместе со своими князьями и войсками вторгся в Тибет, дошел до Куку-

нора, где в бою уничтожил тумэдского князя Холочи, захватил тангутских и монгольских лам и расправился с ними, сажая в тюрьмы и распарывая им животы, как баранам. Затем он объявил себя ханом Кукунора. Он известен под именем Цокто-хана или «Алаг-морьгу», то есть «Имеющий пегую лошадь».

Цохор-Цокто не смог получить помощь от чахарского Лигдэн-Хутухта-хана, так как тот умер, и чахарская армия совсем ослабела. А дело было так. Лигдэн-Хутухта-хан в первое время борьбы с тайджи, превратившимися в слуг маньчжуров, действовал довольно энергично. Он захватил племена ордос, тумэд и других, убил тайджи Бошокту-джинона и еще некоторых. В целях осуществления своих замыслов по уничтожению желтой религии, он в год прибытия Цокто-тайджи в Кукунор, то есть в 1634 г., направился со своей армией туда же. Но его воины в местности Шара-тала заразились черной оспой, которая уничтожила почти всех в течение одного месяца. Погиб и сам Лигдэн-Хутухта-хан.

С востока, якобы для усмирения чахаров, двинулись маньчжуры. Как сыновья Лигдэн-Хутухта-хана ни хотели исполнить намерения отца, они не смогли сделать этого, так как имели против армии маньчжуров не больше одной тысячи воинов. Им оставалось только принять коварные планы маньчжурского хана, смириться и войти к нему в подданство. Так вся Внутренняя Монголия окончательно подчинилась маньчжурам. Сыновья Лигдэн-Хутухта-хана передали печать Юаньской династии маньчжурскому хану. Получив эту печать, маньчжурский хан отменил девиз летоисчисления и с 1636 г. года ввел девиз «Дэгэду-Эрдэмту»⁶⁷⁸.

В этот период, когда маньчжурские феодалы заглатывали монгольские народы, халхаский Цохор-Цокто, объявивший себя ханом Кукунора, для того чтобы уничтожить желтую религию, отправил в Тибет десятитысячное войско во главе со своим сыном Арслан-тайджи и сановником Дайчином. Они должны были объединиться с царем Цзана Пунцокнамджилом и напасть на Далай-ламу и Панчен-богдо. После уничтожения этих лам они должны были разрушить монастыри желтой религии в [окрестностях] Лхасы и Дашилхунпо.

Арслан-тайджи, применив хитрость, захватил Ахай-дайчина и предал казни. Он рассеял его войско, которое под флагом желтой религии рыскало по всему Тибету и Верхней Монголии, доводя [поборами] местное население до отчаяния. После этого [Арслан-тайджи] двинулся с войсками дальше и в девятой луне года синей свиньи (1635) прибыл в местность Дам, где уничтожил в бою четырех князей ордосских юншебу. Арслан решил на некоторое время остановиться здесь для отдыха и ознакомления с местностью. Лхасские высшие ламы желтой религии, узнав об этом, пришли в смятение. Кроме того, их доходы резко упали, так как подношения и жертвоприношения монголов совершенно прекратились из-за того, что пути сообщения с Монголией были прерваны. Ламы и князья Тибета, Дэвашун Лхасы во главе с Далай-ламой и Панчен-богдо были страшно недовольны Цокто-тайджи и Арслан-тайджи, говоря: «Пусть судьбу врагов религии решит сам Будда!» На особом совещании они постановили следующее: «Олётский Гуши-хан из Джунгарии с малолетства показал себя смелым воином. У него много данников. Он почитает тангутского Цусан-хутухту, придерживается желтой веры. Если попросить у него помощи, то можно будет одолеть врага». На этом же совещании было решено пригласить последователя сакьяпа

сангасву⁶⁷⁹ Данчин-Тудупа, чтобы он наслал проклятие на врагов религии, так как сангасва Данчин славился как искусный тарничи и не был замешан в заговоре цзанского Дэсрида. Об исходе дела — будет ли оно благополучно — было испрошено у ламы-чойджона, который в своем прорицании увидел, что дело будет благополучно. После этого Далай-лама отправил к олётскому Гуши-хану послов во главе с тангутским ламой Варо-хэлмэрчи, которые, прибыв к Гуши-хану, рассказали об опасности, грозящей желтой религии, и попросили помощи. Гуши-хан немедленно дал свое согласие, и посольство Далай-ламы вернулось обратно.

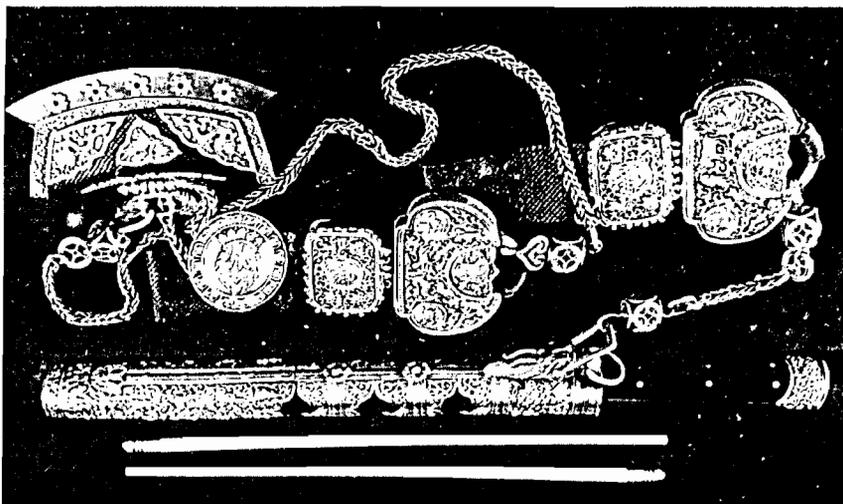
Гуши-хан, прежде чем действовать, решил разведать, каково положение Арслан-тайджи. Под видом простого паломника в сопровождении всего десяти человек он прибыл в лагерь Арслан-тайджи. Там он увидел слабость и неподготовленность войска Арслан-тайджи к войне и вернулся к себе на родину.

В это время в Лхасе Данчин-Тудуп и учитель Далай-ламы Бабунгава (оба приверженцы сакьяпа) совершили обряд насылания проклятия на Цокто и Арслана — они бросали тесто, бумагу, брызгали вином и чаем. Однако чем это могло помочь?!

Далай-лама проведал, что Арслан-тайджи жаден и любит вино. Он отправил к нему посланца, который повез редкие ценные вещи, много вина и письмо, в котором просил смилостивиться над желтой религией. Арслан-тайджи поддался на это и, позабыв о поручении отца, разделил войска на три части и с первой луны года красной мыши (1636) повел враждебные действия против Дэсрид-Пунцокнамджила. Наряду с этим Арслан-тайджи направился в Лхасу и послал Ешеджамцо-дзайсана просить аудиенции у Далай-ламы. Вскоре Арслан-тайджи прибыл в Лхасу в сопровождении нескольких воинов мертвецки пьяным. Встретившись с Далай-ламой, он совершил почтительное поклонение ему и воздал разнообразные почести. Он не только отступился от поручений своего отца, но и, что называется, «пустил туманом пыль своего невежества», делая приношения храмам желтой религии, испрашивая будущее у прорицателей и гадателей, страхуя себя от напастей.

Помощник Арслан-тайджи Дайчин, негодуя, двинулся во главе половины войск к «красношапочному» карджудпаскому равджамба⁶⁸⁰-ламе. Встретившись с ним, он рассказал ему о невоздержанности Арслан-тайджи и стал советоваться, как быть дальше. «Красношапочный» равджамба-лама сказал: «Наверху — наш цзанский царь и ваш Цокто-хан, внизу мы с вами — все объединились в искренний дружеской союз, одинаково чтя и уважая карджудпаскую и красную религии, твердо и справедливо решив единой волей и общими усилиями искоренить ложное учение желтого закона и очистить от него страну. Арслан-тайджи нарушает повеление своего хана-отца и преступает запреты. Это — злой враг! Я думаю, надо подробно написать отцу, как Арслан-тайджи преступает его запреты, и ждать от него указаний». Все согласились. Сановник Дайчин составил письмо и послал его с гонцом в Кукунор к Цокто-тайджи. В ответ на это Цокто-тайджи прислал ответ: «Убейте и уничтожьте моего сына Арслан-тайджи, преступившего законы-запреты!» «Красношапочный» равджамба-лама и сановник Дайчин в том же году в шестой луне схватили Арслан-тайджи в землях тангутов и убили. Воины, последовавшие за Арслан-тайджи в Тибет, вернулись домой.

После этого Цохор-Цокто-тайджи из Кукунора собрался в Тибет во главе тридцатитысячного войска. Джунгарский Гуши-хан из олёт, прослышав об этом, вме-

Традиционный монгольский мужской набор: нож, палочки для еды, кресало, подвески на пояс. Из архива Г.С. Гороховой

сте с джунгарским Эрдэни-Хошучи-тайджи двинулся в конце того же года наперез Цохор-Цокто и напал на него. Войска Цохор-Цокто приняли бой и продолжали сражаться, пока не наступил Новый год красной коровы (1637), когда воины Цохор-Цокто, потерпев страшное поражение, разбежались во все стороны. Большая армия подверглась такому разгрому, потому что воины были мало обучены, принудительно призваны в войско. Цокто-тайджи угнетал их, поэтому они не имели никакого желания проявлять отвагу, сражаясь за него. Цохор-Цокто пришлось думать о своем спасении. Он скрылся в тарбаганьей норе. Но воины Гуши-хана нашли и убили его. Это случилось в том же году, в конце первой луны.

Затем Гуши-хан собрал и подчинил кукунорских монголов и тангутов, наградив Эрдэни-Хошучи-тайджи званием Батур-хунтайджи и, оставив его охранять кукунорский край, отправился с женами и детьми в Лхасу. Там он поднес Далай-ламе и Панчен-богдо по две тысячи лан серебра. Далай-лама за подавление врага и помощь буддийской религии пожаловал Гуши-хана титулом «Царя учения, держателя религии» и печатью. Даже дети Гуши-хана, и те были пожалованы титулами. Гуши-хан попросил Далай-ламу приехать к кукунорским олётам и, получив согласие, вернулся на родину.

[XIII.] ХИТРОСТИ, ПРЕДПРИНЯТЫЕ ТИБЕТСКИМИ ЛАМАМИ, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ МОНГОЛОВ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ ОДНОЙ ЖЕЛТОЙ ВЕРЫ

Рассказывают следующее. После того, как чахарский Лигдэн-Хутухта-хан и халхаский Цохор-Цокто, оказавшие сопротивление желтой религии со стороны

монголов, были уничтожены, Панчен-богдо Лубсан-Чойджиджалцан, Пятый далай-лама Лубсанджамцо и другие высшие ламы желтой религии стали рассуждать таким образом: «Хотя нападение на нашу желтую религию со стороны иноплеменных монголов на этот раз отражено благодаря милости будд-хранителей и помощи добродетельного хана, опасность со стороны царя Цзана Дэсрид-Пунцокнамджила и тангутского хана Бэри-Донъеда усилилась еще больше. Нельзя быть уверенным, что кто-нибудь из непутевых монголов не свяжется с ними и не откроет врата ужасным и отвратительным делам. Пока у монголов существуют враждебные и еретические религиозные учения красной веры и карджудпасцев, которые могут поколебать веру монголов в наших лам желтой религии, совратить их сердца и уменьшить подаяния и подношения нам, религия Цзонхавы во всякое время подвержена опасности погибнуть от рук невежественных и строптивых монгольских варваров. Дела чахарского Лигдэн-Хутухта-хана и халхаского Цохор-Цокто красноречиво свидетельствуют об этом. Не время нам сидеть спокойно. Нужно немедленно изыскать способы для полного запрещения и искоренения в Монголии остатков красного, карджудпаского и сакьяского законов, получить там первенство, так чтобы желтая религия занимала в Монголии исключительное положение. Если мы заставим все монгольские племена обратиться к желтому закону, нам больше не будет угрожать опасность от внешнего врага. Да еще мы получим верных и покорных милостынедателей, которые будут давать нам на содержание, сколько нам захочется».

Посоветовавшись, они приступили к исполнению задуманного. В 1637 г. Далай-лама, сговорившись с Гуши-ханом, отправил в Монголию ламу Дархан-Нансо-Гэндундарджа в качестве посла-мироотворца для примирения монголов и олётов. Затем в 1638 г. Далай-лама пригласил олётского Сэцэн-рабджамбу Хутухта-Дзаяпандиту⁶⁸¹, наградил его печатью, вручил грамоту и дал поручение очистить земли олётов-джунгаров и правое крыло Халхи от еретического красного учения и распространить чистейшую желтую веру. Затем Далай-лама дал титул «Пандита-Хутухта» и печать Нэйджи-тойну, посланному Панчен-богдо за несколько лет до этого распространять учение желтой религии среди южных монголов, где этот лама имел пребывание. Далай-лама дал ему поручение снестись с маньчжурским ханом и распространять желтую религию, уничтожать в землях внутренних монголов и левого крыла Халхи еретические учения красного и др. закона.

Наряду с этим Далай-лама и Панчен-богдо стали провозглашать всех видных и влиятельных князей монголов перерождениями будд Ваджрапани, Локешвары, Амитабхи и др., а также перерождениями знаменитых лам желтой религии. Когда дети и потомки тех князей наследовали родительские титулы, появилось обыкновение, чтобы Далай-лама давал им монгольские титулы «хан», «джинон» (от кит. князь-правитель), «бошокту» (ниспосланный небом, имеющий повеление свыше), «даян» (всенародный, всеобщий), «дайчин» (воитель) и др.

Панчен-богдо ненавидел Джэбдзун-Таранатху как врага желтой религии и представителя учения ничтожных китайских хэшанов⁶⁸². Джэбдзун-Таранатха поранил угол глаза Далай-ламе, когда тот еще был ребенком, поэтому Далай-лама затаил на него злобу. Вдобавок ко всему, несколько монгольских послушников перешли из монастыря Брэбун во вновь основанный Джэбдзун-Таранатхой монастырь Дакдан-

Пунцоклин. Вследствие этого Далай-лама и Панчен-богдо рассердились на Джэбдзун-Таранатху «до тошноты». Воспользовавшись неурядицами между тибетскими провинциями Уй и Цзан, они схватили Джэбдзун-Таранатху, привезли в Лхасу и убили. А монастырь Дақдан-Пунцоклин разорили. Это вызвало недовольство людей Далай-ламой и Панчен-богдо, разные толки и пересуды. Далай-лама и Панчен-богдо растерялись и не знали, как выпутаться из этой ситуации. На счастье, в Лхасу приехал посланец от халхаского Тушэту-хана просить у Далай-ламы и Панчен-богдо наставления по случаю рождения у Гомбодорджи-Тушэту-хана, сына халхаского Эрэхэй-Мэргэн-хана, ребенка, о котором халхаский Сэцэн-хан Шолой сказал, что из него выйдет хороший лама.

Далай-лама и Панчен-богдо увидели в этом хорошую возможность выпутаться из положения, сложившегося из-за убийства из мести Джэбдзун-Таранатхи, и одновременно добиться прекращения линии перерождений Джэбдзун-Таранатхи в Тибете. Поэтому они оба объявили, что сын Тушэту-хана Гомбодорджи, несомненно, является перерождением Джамьян-цорджи, основавшего монастырь Брэбун, и последующим воплощением Джэбдзун-Таранатхи, что вполне согласуется с законами учения. Для доказательства своего решения они устроили так, что оракул Чойджон-лама в мистическом трансе подтвердил все сказанное. После этого в 1631 г. Далай-лама послал к новоявленному перерождению — сыну Тушэту-хана — учителя, тибетского ламу Джамбалын-Номун-хана. Панчен-богдо со своей стороны отправил туда Бэнса-хутухту Лубсандандзана.

Одновременно с этим Далай-лама, чтобы скрыть свои действия, обманув тибетский народ, объявил: «Джэбдзун-Таранатха был великий святой, помогавший религии и живым существам. Ныне он закончил дело по привлечению народа нашей страны к высшей стезе религии, и наступило время для осуществления им руководства желтой религией в северной стороне. Его последователи в «нижних» равнинных странах, имеющие с нами связи, предопределенные древними предсказаниями, ожидают ламу, не сводя своих блестящих глаз с нашей страны. Мы, сжалившись над этими бедными, слабыми существами, отправляем его святейшество Джэбдзун-Таранатху к его последователям на севере. Кажущиеся раздоры между нашими хутухтами существуют только в водянистых глазах обывателей, в действительности же их нет». Приведя такие аргументы и увещевание народа, Далай-лама пресек толки и пересуды.

Объявление Далай-ламой и Панчен-богдо детей монгольских тайджи хутухтами и хубилганами оказалось очень удачным выходом, выгодным и для тибетской, и для монгольской сторон. После провозглашения сына Тушэту-хана Богдо-гэгэном⁶⁸³ практика такого объявления [расширилась]: как только в Тибете умирал какой-нибудь [известный] лама, его перерождением объявляли сына какого-нибудь [монгольского] тайджи. Приведем несколько фактов.

После провозглашения сына Тушэту-хана Богдо-гэгэном хотогойтский Эрдэни-Дурэгчи-хунтайджи в 1641 г. отправился с одиннадцатилетним сыном Лубсандандзанджамцо на богомолье в Тибет. Далай-лама и Панчен-богдо объявили его перерождением [настоятеля-] хамбо монастыря Джалхандза Балджирджамцо, дали ему посвящение в монахи, печать и титул. Так в Дзасактуханском аймаке появился

верховный владетельный лама Джалхандза-хутухта. В доме Эрхэ-Цохор-Луяга, сына Хундулэн-Цохор-Сайн-нойона Тумэнхэна, в году желтой зайчихи (1639) родился мальчик. Когда ему исполнилось пять лет, посланец Панчен-богдо в Халхе Хачин-цорджи Лубсан-Ярпил отправил своему патрону письмо, в котором писал, что сын Луюг-Цохора — явно не простой человек, и нельзя ли выяснить, чьим перерождением он является. В ответ на это Панчен-богдо объявил мальчика перерождением Дубчин-ламы Лэкцоллхундуба из монастыря Дашилхунпо и отправил в Халху гонца с печатью. Титулы и звания этого перерождения все множились, и, в конце концов, из него получился еще один верховный владетельный лама — халхаский Пандита-хутухта Ламын-гэгэн. Сайн-нойон Тумэнхэн привез [к себе на родину] одного тангутского ламу Джони-цорджи Джамбадорджи и поклонился ему. Этот лама тайно сошелся с его супругой. Мальчик, появившийся от этого союза, известен под именем Хундулэн-убаши, сын Тумэнхэн-Сайн-нойона. После смерти Тумэнхэна в доме этого Хундулэн-убаши в 1643 г. родился сын, которого в 1645 г. Панчен-богдо объявил перерождением Тумэнхэн-Сайн-нойона, воплощением будды Локешвары. Он приказал этого мальчика по имени Лубсанпринлэй, сына Хундулэн-убаши, чтить подобающим образом. Впоследствии титулы этого мальчика росли и росли, пока из него не вышел еще один великий владетельный лама Дзая-пандита-хутухта халхаского Сайннойонханского аймака.

Когда около 1644 г. заболел лама Санджабал из дацана Джалкан монастыря Дашилхунпо, Панчен-богдо прислал Гуши-хану такое повеление: «Наш Джалкан-лама скоро переродится среди ваших монголов в силу прежних благопожеланий и милосердного провидения. Он окажет помощь религии и живым существам у вас на родине». Спустя несколько лет после смерти Санджабал-ламы гобийский Мэргэн-нойон Гурушки вместе с сыном Номчи-Ахаем отправился на богомолье в Тибет. У Номчи-Ахая был младший брат Агвангончик. Далай-лама и Панчен-богдо объявили последнего перерождением Джалкан-ламы Санджабала и вручили ему титул с печатью. Так в Халхе появился еще один владетельный лама гобийский Нойонч-хутухта Тушэтуханского аймака. Далай-лама и Панчен-богдо объявили сына одного тумэдского князя перерождением Холочи-нойона, сына джунгарского олётского Очирту-Сэцэн-гайджи — хутухтой Джаб, сына олётского Чорос-Батур-хунтайджи Галдана — Бэнса-хутухтой и т.д.

Если посмотреть на происхождение хутухт и хубилганов, появившихся у монголов в прежние времена, то все они — дети нойонов и тайджи. Они снискали почитание лишь потому, что Далай-лама и Панчен-богдо, преследуя свои цели, указали на них как на перерождения. Для такого утверждения есть документальные факты, и никто не может их опровергнуть. Обо всех них говорить здесь нет необходимости. Отмечу только, что лама Самданмитун из монастыря Брэбун в беседе с Пятым далай-ламой спросил его между прочим: «Среди сыновей монгольских князей вдруг объявилось множество перерождений и хутухт. Это — истинное дело, или дело рук двух почтенных (то есть Далай-ламы и Панчен-богдо)?» Далай-лама в ответ на это сказал: «Как мы можем каждый раз знать, перерождения они все, хутухты, или нет? Мы только думаем, что желтая религия начинает только-только распространяться в Монголии. Если пожаловать детей, родившихся в аристократи-

ческих семьях, титулами высших лам, монгольский народ будет слушаться их слов и указаний. Так в будущем окрепнут основы желтой религии. Ради этого мы ввели обычай объявлять хутухтами монгольских мальчиков». Так пишут некоторые тибетские авторы. Это говорит о том, что Далай-лама и Панчен-богдо обманывали монголов, называя детей монгольских дворян-тайджи хубилганами и хутухтами.

Познакомив [читателей] с тем, как появились хубилганы и хутухты, следует подробнее рассказать о деятельности некоторых хубилганов — олётского Дзая-пандита-хутухты, торгутского Нэйджи-тойн-пандита-хутухты и других, посланных Далай-ламой и Панчен-богдо для распространения среди монголов желтой религии в ее чистоте.

Расскажу в начале о делах олётского Дзая-пандиты. Олётский Дзая-пандита — приемный сын хошутского князя Байбагаса. Когда олётские и торгутские князья начали отдавать своих детей в ламы, он в 1617 г. по указанию отца принял монашеские обеты от Донкор-хутухты Джамьянджамцо. После этого он отправился в Лхасу, где пробыл двадцать два года, совершенствуясь в религиозном учении желтой веры. Там он прославился как олётский Сэцэн-рабджамба. Затем по указанию Далай-ламы он вернулся в кочевья олётов и с 1640 г. запретил всем поколениям олётов и халхасцев правого крыла исповедовать красную религию, шаманизм и другие верования, установив и обнародовав новые правила поклонения желтому учению. В 1647 г. (европейские источники относят это к 1648 г.) составил новый монгольский алфавит⁶⁸⁴ на основе старых монгольских букв и применительно к разговорной речи монголов-ойратов. Он сделал перевод ряда религиозных книг и трактатов, которые были ясными и хорошо понятными. Он начал обучать молодежь. Вследствие этого в земле олётов благоговение и почитание желтой религии стали исключительно сильными. Некоторые монгольские авторы ошибочно утверждают, что алфавит «тодо» (ясный) составил Дзая-пандита Лубсанпринлэй. Есть много документальных данных, подтверждающих, что алфавит «тодо» составил именно олётский Сэцэн-рабджамба. Лубсанпринлэй сам отмечает, что в то время было два Дзая-пандиты: олётский Дзая-пандита Сэцэн-рабджамба и халхаский Дзая-пандита Лубсанпринлэй. Олётский Дзая-пандита Сэцэн-рабджамба при составлении алфавита «тодо» создал семь различных букв для семи гласных и особые знаки для долгих гласных. Алфавит имеет следующий вид. (Дается неполный и искаженный (неумелым переписчиком?) алфавит, который здесь опущен). Народ олётов и торгутов пользуется им в официальной и частной переписке уже более двухсот девяноста лет.

О детстве и жизни другого [хубилгана] — торгутского Нэйджи-тойн-пандита-хутухты уже упоминалось выше. Поэтому здесь расскажу только о его стараниях выполнить поручение Далай-ламы и Панчен-богдо по [распространению] религии в Монголии. После того, как Нэйджи-тойн прибыл по указанию Панчен-богдо в окрестности Хухэ-Хото и прожил там несколько лет, Далай-лама поднес ему титул «пандита-хутухта» и дал новое поручение по [распространению] религии. После этого Нэйджи-тойн дал хухэ-хотоскому Омбо-хунтайджи наставления и заставил строго запретить шаманизм, красную [религию] и другие учения. Затем он взял с собой тридцать монахов из внутренних монголов и отправился в Мукден для того, чтобы встретиться с маньчжурским ханом и просить его помочь желтой вере. Мань-

чжурский Богдо-Сэцэн-хан очень радушно и приветливо принял его, согласился исполнить его просьбу и попросил Нэйджи-тойна сделаться его наставником и остаться в Мукдене. Нэйджи-тойн попросил освободить его от этой службы в связи с тем, что он должен исполнить поручение Далай-ламы. Маньчжурский Богдо-Сэцэн-хан согласился на это и, одарив каждого из его спутников, вернул их на родину. Нэйджи-тойн отправился к халхаскому Тушэту-хану Гомбодорджи и, рассказав ему о повелении Далай-ламы, принудил запретить строжайшим образом шаманскую и красную веры и объявил халхасцам правила почитания желтой веры. Затем он вернулся во Внутреннюю Монголию, где посетил северных и южных хорчинов, оннютов, джарутов, монголджинов, найманов, аоханей, баринов, тумэдов и другие племена, знакомя их с повелениями Далай-ламы и устанавливая правила почитания желтой религии. При этом он непрерывно давал посвящения в мистические учения и сделался, таким образом, общим учителем всех южных монголов. Он собирал большие пожертвования, сверх которых еще получал и дары и милости от маньчжурского хана. Его казна стала чрезвычайно богатой. Это позволило ему награждать золотом людей, чтивших закон желтой веры и изучавших тибетские книги. Им были еще построены в землях монголджинов и в Баян-хошу монастыри, в которых он основал духовные школы по типу тибетских.

Этими и прочими мерами он сумел привлечь внутренних монголов в лоно желтой религии. Он умер в 1652 г.⁶⁸⁵ на девяносто седьмом году жизни.

Вследствие вышеуказанных действий закон желтой религии сделался господствующей религией среди различных монгольских племен. Монголы стали поклоняться только нескольким верховным ламам «желтошапочников» во главе с Далай-ламой и Панчен-богдо. С тех пор для высших лам Тибета открылся удобный путь к наживе за счет монголов, используя их религиозные чувства.

[XIV.] ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ МАНЬЧЖУРСКОЙ СТОРОНЫ КОЛОНИЗИРОВАТЬ МОНГОЛОВ, ИСПОЛЬЗУЯ ДЛЯ ЭТОГО РЕЛИГИЮ

Рассказывается так. В древности при императоре Хубилай-Сэцэн-хане Пагба-лама воздвиг в Утайшане статую Гур-Махакалы⁶⁸⁶ из тысячи лан золота. Впоследствии, переходя из рук в руки, она попала к чахарскому Лигдэн-Хутухта-хану. Затем, когда внутренние монголы были присоединены маньчжурами [к своей империи], маньчжурский Дэгэду-Эрдэмту Богдо-Сэцэн-хан с помощью Билигту-Нансо перевез эту статую из Чахара в Мукден. Он приказал Министерству работ построить в трех ли⁶⁸⁷ на западе от города храм для статуи. Строительство было закончено в 1637 г., на третий год правления маньчжурского хана Дэгэду-Эрдэмту. Он поместил статую в новый храм и назвал его «Храмом истинного расцвета». Затем хан вошел в храм в сопровождении монгольских воинов, гунов, бэйлэ, трижды преклонил колени перед статуей и совершил девять поклонов, изобразив таким образом чрезвычайно набожного буддиста.

Тогдашние халхаские ханы — Тушэту-хан Гомбодорджи, Сэцэн-хан Шолой и Дзасакту-хан Субуд решили перейти под покровительство соседнего «дружелюбного» государя маньчжуров и сделать Халху малым зависимым государством. Поэтому во 2-м году правления маньчжурского Дэгэду-Эрдэмту-хана⁶⁸⁸ халхаские три хана послали в Мукден к Дэгэду-Эрдэмту Сэцэн-хану письмо, в котором заявили, что халхасцы хотят установить с государством маньчжуров взаимную дружбу на правах союза малого государства с великим. Вместе с этим они пригласили к себе Далай-ламу для распространения желтой веры. В следующем году три халхаских хана поднесли маньчжурскому хану по одному белому верблюду, по восемь белых коней и другие различные дары. С тех пор маньчжурский хан установил вечный закон — получение от трех халхаских аймаков дань «девятью белыми»⁶⁸⁹.

Некоторые источники сообщают: «В 4-м году правления маньчжурского императора Дэгэду-Эрдэмту (1639) император маньчжуров с чиновником, прибывшим к нему от олёт, послал грамоту Далай-ламе, в которой приглашал Далай-ламу. В 5-м году Дэгэду-Эрдэмту маньчжурский император хотел послать послов и сановников, чтобы встретить Далай-ламу, но ему это не удалось из-за козней халхасцев».

У нас нет данных, которые объясняли бы, что это означает. Но в дневнике Пятого далай-ламы есть одно место, [которое проясняет сказанное]. «Когда олётский Гуши-хан лично прибыл в Тибет (1637) и пригласил меня в Кукунор, я дал согласие. Но когда в году желтого тигра (1638) Гуши-хан послал за мной послов Мэргэн-габджу Шэрабджамцо, Дзайсан-Мэдэки, Дзайсан-Гуши-Уйдзэн-сэцэна⁶⁹⁰ с тремястами человек свиты, у меня появились причины, по которым я не смог принять приглашение и отправиться в путь. Об этом я сообщил Гуши-хану и вернул послов домой». По-видимому, халхасцы сами хотели пригласить Далай-ламу, но так как маньчжуры и олётсы послали свои приглашения раньше халхасцев, то халхасцы стали говорить, что маньчжуры и олётсы, пользуясь своей силой, опередили их и оттеснили. Вследствие этих слухов Далай-лама, по-видимому, отложил свою поездку в Кукунор, а маньчжурский император воздержался от посылки навстречу Далай-ламе торжественного эскорта.

Литература

- Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе (пер. Г. Гомбоева). 1858 // Тр. Вост. Отд. Археол. Общ. (СПб).
- Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. 1962. М.: Наука.
- Бартольд В.В. 2002. Образование империи Чингиз-хана // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука.
- Билгуудэй Г. Ц. 1988. Дамдинсүрэнгийн гэр музейн монгол номын буртгэл. Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Бичурин Н.Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Тт. 1,2. М.-Л.: Изд. АН СССР.
- Вернадский Г.В. 1939. О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Bruxelles: Les Editions Petropolis.
- Владимирцов Б.Я. 1926. Надписи на скалах халхаского Цокту-гайджи // Изв. АН СССР.
- Владимирцов Б.Я. 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд. АН СССР.
- Владимирцов Б.Я. 1992. Чингис-хан. Горно-Алтайск: Ак чечек.
- Груссе Р. 2000. Чингисхан. Покоритель Вселенной. М.: Молодая гвардия.
- Гумилев Л.Н. 1990. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат.
- Гумилев Л.Н. 1993. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос.
- Дамдинсүрэн Ц. 1979. Рамайна в Монголии. М.: Наука.
- Данилевский Н.Я. 2003. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Эксмо.
- Жамцаран Ц.Ж. 1936. Монгольские летописи XVII в. М.-Л.
- Златкин И.Я. 1971. Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М.: Наука.
- Кобаяси Т. (сост.) 1941. Алтан тобчи. Моко нен-дай-ко. Токио (на яп.яз., старомонг. ориг.).
- Козин С.А. 1941. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд. АН СССР.
- Король Б.И. 1941. Монгольская историческая летопись «Болор толи» (Историко-филологическое исследование III тома). Тезисы дис. канд. филол. наук. Л.
- Король Б.И. 1959. Монгольская летопись «Болор толи» // Монг. сб. Экон., ист., археол. (Уч. зап. Инст. востоковед. Т.24.)
- Котвич В.Л. 1925. Из поучений Чингис-хана. Восток. Кн. 3. Л.
- Крадин Н.Н. 1992. Кочевые общины. Владивосток: Дальнаука.
- Крадин Н.Н. 2001. Кочевничество в современных теориях исторического процесса // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории. Новосибирск.
- Лауфер Б. 1927. Очерк монгольской литературы. Л.: Изд. Лен. Вост. Инст.
- Летописная повесть о Куликовской битве. 1981 // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М.: Худ. лит.
- Лубсан Данзан. 1973. Алтан Тобчи (“Золотое сказание”) (пер. Н.П. Шастиной). М.
- Монгол улсын туух. Дэд боть. 2003. Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Монгол улсын туух. Тэргүүн боть. 2003. Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Плано Карпини Дж. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. 1997. М.: Мысль.
- Поппе Н.Н. 1935. Задачи и перспективы исследования монгольского языка и литературы // Соврем. Монголия. Т. 3.

- Пучковский Л.С. 1957. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т.1. История, право. М.-Л.
- Пучковский Л.С. 1960. Идея преемственности происхождения ханов в монгольских летописях XVII–XIX вв. // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.
- Пэрлээ Х. 1958. Монголын хувьсгалын омнох уеийн туух бичлэгийн асуудалд. Улаанбаатар (на монг. яз.).
- Пэрлээ Х. 1959. Колофон южногобийского списка «Болор толи» // Монг. сб. Экон., ист., археол. (Уч. зап. Института востоковедения. Т. 24.).
- Рассказы русских летописей. 1993. М.: Витязь.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л.: Изд. АН СССР. Т. 1, кн. 1, 2, 1952; т. 2, 1960; т. 3, 1946.
- Руднев А.Д. 1904. Заметки по монгольской литературе. I. Три сборника рассказов о Бикармиджиде. II. Историческая летопись «Болор-толи» // ЗВОИРАО. Т. XV. 1902-1903 (СПб.).
- Рыбаков Б.А. 1979. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука.
- Савицкий П.Н. 1997. Континент Евразия. М.: Аграф.
- Сазыкин А.Г. 1988. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т.1. М.
- Скрынникова Т.Д. 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Наука.
- Таскин В.С. 1984. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов // Матер. по ист. древних кочевых народов группы дунху (введ., пер. и комм. В.С. Таскина). М.: Наука.
- Тойнби А.Дж. 1991. Постижение истории. СПб–М.: Прогресс.
- Трепавлов В.В. 1993. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: Наука.
- Трепавлов В.В. 1995. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно // Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток.
- Трубецкой Н.С. 1995. История. Культура. Язык. М.: Прогресс.
- Тубянский М.И. 1935. Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода // Современная Монголия. № 5.
- Холл Т. 2004. Монголы в мир-системной истории // Монг. империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН.
- Цендина А.Д. 2004. Структурные и сюжетно-стилистические особенности монгольских летописей 17 – 19 вв. // Автореферат докт. дисс. М.
- Черных Е.Н. 2001. Культуры Евразии и «евразийство» сквозь призму монгольских степей // Вестник Евразии. №3 (14). С. 114–128.
- Чингис хаган-у чадиг. 1925. Пекин (старомонг. текст).
- Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века (сводн. текст, пер., введ., прим. Н.П. Шастиной). 1957. М.-Л.: изд. АН СССР.
- Шпенглер О. 1993. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль.
- Ян В. 1979. Избранные произведения. Т. 1. Чингисхан. Батый. Т. 2. К последнему морю. М.: Худ. лит.
- Allen M. 1996. Contested Peripheries: Philistia in the New-Assyrian World-System. Unpubl. Ph. D. Diss.
- Bawden Ch.R. 1955. The Mongol Chronicle Altan Tobci. Translation and Critical Notes. Wiesbaden.
- Berquist J.L. 1995. The Shifting Frontier: the Achaemenid Empire's Treatment of Western Colonies // J. World-Systems Res. Vol. 1. No. 1. P. 17.
- Cline E. 2000. "Contested Peripheries" in World-System Theory: Megiddo and Jezreel Valley as a

Test Case // *J. World-Systems Res.* Vol. 6. No. 1. P. 8–17.

Heissig W. 1959. Die Familien- und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Th. 1. Wiesbaden.

Heissig W. 1962. Bolur Toli. "Spiegel aus Bergkristall" von Jimbadorji (1834–1837). Buch 3. Geschichte der Mongolen. Kopenhagen.

Kradin N. Nomadism, Evolution and World-Systems: Pastoral Societies in Theories of Historical Development // *J. World-Systems Res.* Vol. 8. No. 3. P. 368–388.

Liu Jin so. 1984. Bolur toil. Jimbadorji jokiyaba // *Mongγol bičig-ün čubural.* Begejing.

Poppe N., Hurvitz L., Hidehiro O. 1964. Catalogue // *Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko.* Tokyo.

Tengri γajar-un angq-a toytoysan-ača qayad-un ejelegsen qayučin Köke debter kemekü sastir orosibai. 1912. St.Petersburg.

Veit W. 1976. Die Regierungsperiode Ch'ienlung (1736–1796) in der Darstellung der Mongolischen Chronik Bolur Toli (1834–1837) // *Zentralasiatische Studien.* N. 10.

Комментарии

1. Текст монгольской летописи XVII в. “Золотое сказание” (“Алтан-Тобчи”) неизвестного автора издал в 1858 г. лама Галсан Гомбоев и снабдил его русским переводом, который к настоящему времени сильно устарел. Изданная Гомбоевым летопись, безусловно, является одним из самых значительных памятников, который дает много материала для характеристики XIV–XVI вв. Б. Лауфер в книге “Очерк монгольской литературы” дает очень высокую оценку этому памятнику. Хроника эта, по замечанию Б. Лауфера (1927), занимает среднее место между знаменитым “Сокровенным сказанием” и летописью Саган-Сэцэна. Здесь мы приводим новый, уточненный и отредактированный перевод памятника. Автор перевода — Г.С. Горохова готовила развернутую характеристику источника, но не успела завершить работу. Ее отредактированный текст мы приводим ниже в этом комментарии.

Сборник “Чингис-хаган-у чадиг” (“История Чингис-хана”) был найден в Пекине в одной частной библиотеке председателем Монгольского исследовательского комитета Тэмэгэту. Сборник был опубликован в Пекине дважды в 1925 и 1929 гг. Книга состоит из двух самостоятельных частей. Одна из них — подборка отдельных поучений и высказываний Чингис-хана, адресованных его сыновьям. Вторая — историческое сочинение, имеющее свое отдельное название “Хад-ухе ундусун хуриангуй Алтан тобчи нэрэту судур” (“История “Золотое сказание”, кратко излагающая жизнь и происхождение монгольских ханов”). Кто является составителем сборника и автором этого варианта сочинения, определить не представляется возможным. Что же касается общего названия сборника “Чингис-хаган-у чадиг” (“История Чингис-хана”), то оно помещено на первом листе рукописи. Кроме двух публикаций рукописи, осуществленной Тэмэгэту в Пекине в 1925 и 1929 гг., в России был издан перевод В.Л. Котвича (1925) части сборника “Из поучений Чингис-хана”. Затем в 1941 г. в Токио была опубликована Т. Кобаяси другая часть сборника — летопись “Алтан-тобчи”. Эта книга вышла под названием “Алтан тобчи. Моко нен-дай-ко” (“Золотое сказание. История монголов”). Она включает в себя небольшое введение, 107 страниц по 12 строк наборного монгольского текста, перевод его на японский язык и подстрочный комментарий автора издания. Нумерацию страниц при издании монгольского текста Т. Кобаяси сохранил китайскую. Это издание “Золотого сказания” и положено в основу данной работы.

В настоящее время наука располагает четырьмя списками “Золотого сказания”, автор которого неизвестен. Три из них хранятся в рукописном отделе СПбФ ИВ РАН и описаны Ц. Жамцарано (1936). Позже “Алтан-Тобчи” была переиздана Ч. Боудэном (Bawden, 1955) с учетом всех известных ему анонимных списков летописи, книга содержит вступительную статью, научную транскрипцию, перевод на английский язык и авторский подстрочный комментарий.

О времени создания анонимной “Алтан-Тобчи” существует несколько точек зрения. В частности, В. Хайсиг считает, что она была создана позже хорошо известной “Алтан-Тобчи”, принадлежавшей перу ученого ламы Лубсан Данзана (русский перевод: Лубсан Данзан, 1973), а, следовательно — в 50–60-х гг. XVII в. (Heissig, 1959, S. 55). Сочинение “Алтан-Тобчи”, входящее в сборник “Чингис-хаган-у чадиг”, точно датировать пока невозможно, но можно полагать, что его автор был знаком с сочинением Лубсан Данзана. При сверке текста этого списка с другими списками нами установлено, что все они различны и написаны разными лицами в разное время. Следует отметить, что в списках имеются отдельные похожие места, но назвать их идентичными будет неправильно. К более похожим можно отнести части списков, относящиеся к начальным разделам летописи и к описаниям, касающимся буддийской космогонии и легендарной истории XIV–XVI вв. В остальном списки несхожи.

“Алтан-Тобчи” из сборника “История Чингис-хана”, в отличие от других летописей XVII в., включает в себя такие материалы, которые отсутствуют у других авторов. Например, с первого взгляда может показаться, что первый традиционный раздел для монгольской историографии XVII в. — “Происхождение монголов, их ханов и царей Индии и Тибета” в начальной его части с очень небольшими сокращениями повторяет соответствующий раздел из “Алтан-Тобчи” Лубсан Данзана.

на, но это совершенно не так. Разделы эти столь различны по своему характеру и материалу, что разница между ними очевидна. В частности, автор “Истории”, исходя из новой буддийской историографической традиции, принятой монголами в XVII в., возводит род Чингис-хана к легендарным царям Индии и Тибета. Автор летописи известной в Монголии легенде о предке монголов Бортэ-Чино (Серый Волк) старается придать некую достоверность. Он указывает имена отца Бортэ-Чино — тибетского царя из династии Сандалитов Далай-Шубин-Алтан-хана; эта династия, действительно, правила Тибетом в VII в. Имеются различия и в последующих разделах.

Сочинение начинается с традиционной заставки знака-бирга, затем следует сокращенное название сочинения. Согласно монгольской историографической традиции, отдельные мысли и разделы отделены друг от друга двумя (хоер) или четырьмя (дурбэн) точками (цэг). Монгольский текст не имеет деления на главы. Для удобства читателей мы внесли в перевод деление на главы, согласуясь с их содержанием.

2. Бодхисаттва — в традиции северного буддизма — человек, достигший просветления, но добровольно отказавшийся от нирваны для того, чтобы помогать в обретении спасения всем живым существам, оставаясь в кругу перерождений.

3. Легендарный вселенский монарх. В переводе его имя означает “Многими возведенный”.

4. Могущественные монархи, властители мира. В переводе “чакравартин” означает “вращающий колесо” (буддийского учения).

5. Тибет.

6. В переводе с монг.: “Царь, восседающий на престоле — шеэ”.

7. “Восседающих” (на разных престолах).

8. “Чужая земля”.

9. Должно быть: Гуюк-хан.

10. Алтан-хан не был единым монгольским правителем, он владел тумэдами.

11. Перерождение святого, реинкарнация божества.

12. В древности монголы до свадьбы оставляли жениха в семье невесты.

13. Титул Оэлуи

14. Сводный брат Тэмуджина, как и Бэлгэтэй.

15. Смысл поговорки: пусть каждый делает свое дело.

16. Иногда: Ван-хан, Тоорил (Тогорил).

17. В индийской и буддийской космологии — материк, населенный людьми.

18. Согласно этому указанию и дальнейшему изложению, получается, что Чингис-хан родился в 1161 г. В монгольском тексте расхождение с большинством других источников, согласно которым год рождения Тэмуджина — 1162 г., год черного коня. К тому же 1161 г. — год не черной, а белой змен.

19. 1206 г.

20. Ритуальный жезл, символ молнии.

21. Святейший иерарх.

22. Освобождение от податей.

23. “Золотая разящая”.

24. Титул буддийского происхождения.

25. Ступа, ритуальное сооружение.

26. Корея.

27. Сказочная птица.

28. Папоротник. Здесь: сказочное дерево.

29. Так назывались ближайшие сподвижники Чингис-хана.

30. Струнный музыкальный инструмент.

31. То есть с подношениями.

32. Так монголы называли императоров государства чжурчженей Цзинь, расположенное на северо-востоке Китая (1115–1234).

33. Правитель Тангутского государства Си-Ся, расположенного на северо-западе Китая (1032–1227).

34. Мусульманское государство хорезмшаха.
35. Верховное небесное божество в тенгрианстве.
36. Нектар, божественный напиток.
37. Монг.: Бортэ-Чино и Гоа-Марал, имена первопредков монголов.
38. “Черный кабан”.
39. Мифическая птица, пожирающая змей.
40. Намек на известную легенду, по которой Гурбэлджин-Гоа спрятала на теле ножницы, которыми нанесла Чингис-хану смертельную рану.
41. Монгольское название Хуанхэ, “река Ханша”.
42. Горы Синь-Лун-шань на территории современной провинции Ганьсу (КНР).
43. По другим источникам Чингис-хан просит своих министров каждого высказаться.
44. Управители.
45. Место в Ордосе, именуемое Эджен-хоро, где, по преданиям, хранятся вещи Чингис-хана.
46. В других списках — 55.
47. Гуюк-хан.
48. Хубилай.
49. В других списках — 45.
50. Пекин.
51. Так в тексте. На самом деле Йисунтэмур был 1276 г. рождения.
52. Ранг чиновника.
53. Титул последнего хана империи Юань Тогон-Тэмур (1333–1368).
54. Видимо, имеется в виду полководец-меркит Тогтох (1314–1377), живший в годы правления Тогон-Тэмур.
55. То есть все встало на свои места.
56. Император минской династии Хун-у (1368–1399).
57. Хуэй-ди, девиз правления — Цзянвэнь, годы правления — 1399–1402.
58. Монгольское традиционное произношение девиза правления императора минской династии Юнлэ. Храмовое имя Чэн-цзу. Годы правления — 1403–1425.
59. “Великий Мин”.
60. Особый вид награды.
61. Далее идут в монгольском произношении имена императоров династии Мин.
62. Титул Аюшридары.
63. Титул Тугс-Тэмур.
64. По другим сведениям — в 1393 г.
65. Бигичи — титул невестки хана.
66. Титул ханши, царицы.
67. По другим сведениям — в 1399 г.
68. В 1400–1402 гг. правил старший сын Элбэг-хана Гун-Тэмур-хан.
69. В тексте ошибка — год лошади идет сразу за годом змеи.
70. Вновь в тексте несовпадение количества лет.
71. Прозвище ойратского Эсэху-хана (1415–1425).
72. Здесь явно описка. В других списках: младший брат хана.
73. По другим сведениям — в 1439 г.
74. Титул Тогтога-Буга-хана.
75. Чиновничья отличия.
76. Тогмаки — народ тюркского происхождения.
77. Монг.: коршун.
78. Убейте.
79. Боевое знамя.
80. Священные юрты, где хранились святыни Чингис-хана. См. прим. 45.
81. Игра слов: “Чи суут богдо болбол, би Сутай хатны ур юм”.
82. Не исполнил супружеские обязанности.

83. Правитель.
 84. Формально Баянмунхэ не был великим ханом. Он носил титул джинона – соправителя.
 85. Гунджи — принцесса.
 86. По последним данным Даян-хан родился в 1474 г.
 87. Дочь энгудского Цоросбая Тумур-чинсана, младшая жена Мандул-хана, после смерти которого занялась воспитанием Батмунха — Даян-хана.
 88. По-видимому, имеется в виду прародительница монголов Алун-Гоа.
 89. Мандухай в это время было 33 года. По источникам известно о ее длительном сожителстве с Нойонболодом (в др. источниках: Унуболодом).
 90. По др. источникам — Тумэдов.
 91. Три западные тумэна — западные народы Халхи: тумэды, ордосы, юншэбу.
 92. Даян-хан, фактически, был последним всемонгольским ханом. После него распри степных аристократов и раздробленность страны преодолеть не удалось никому.
 93. По другим данным Боди-Алаг являлся сыном Туруболода.
 94. Возможно, р. Аргунь.
 95. По другим сведениям — в 1548 г.
 96. Дарайсун-Гудэн-хана.
 97. Имеется в виду уход монголов из Китая после падения Юаньской династии. Монгольская традиция считает, что первый период распространения буддизма среди монголов приходится на правление монголов в Китае. После падения их империи он пришел в упадок, и второй период начался уже при тумэдском Алтан-хане, о котором и идет речь в этой главе.
 98. Население области Амдо (современная провинция Цинхай в КНР).
 99. Приближенный Алтан-хана.
 100. Тибетский титул далай-лам.
 101. Родился в 1555 г. Правил в 1593–1603 гг.
 102. Последний формально всемонгольский хан.
 103. Тибет.
 104. Имеются в виду шесть тумэнов монголов.
 105. В 1902 г. петербургский монголовед А.Д. Руднев на заседании Восточного отделения Русского археологического общества сделал доклад, в котором впервые сообщил научной общественности о монгольском историческом сочинении XIX в. “Хрустальное зеркало”. Этот доклад, который был позднее напечатан (Руднев, 1904), по существу, стал началом научного изучения памятника. А.Д. Руднев дал в докладе короткую справку о виденных им в списках летописи, их содержания и источниках. Сведения о летописи им были почерпнуты из третьего тома, на что он указывал сам (Руднев, 1904: 33). Это обстоятельство послужило основанием для некоторого недоразумения. А.Д. Руднев слышал, что данное сочинение состоит из четырех томов, поэтому предположил, что видел предпоследний том. А так как события в третьем томе кончаются 1820 г., ученый пришел к выводу, что “в четвертом томе, если только разбивка на тома везде одинаковая, заключается, может быть, описание событий XIX в.” и что эта летопись написана недавно (Руднев, 1904: 32). Известно же, что большинство списков “Хрустального зеркала” состоит из трех томов, но четырех тетрадей, так как первый том делится на две части. Так что А.Д. Руднев держал в руках последний том, а изложение событий в нем, и в “Хрустальном зеркале” в целом, доведено действительно только до 1820 г.
- “Хрустальное зеркало” было в XIX в., по-видимому, самым распространенным сочинением по истории монголов. На это указывали и А.Д. Руднев (1904: 32) и Б.Я. Владимирцов (1926: 1275). Но лучше всего об этом свидетельствует большое количество списков сочинения, имеющиеся в книжных хранилищах: около десяти в Государственной публичной библиотеке Монголии (по Каталогу), около десяти в Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (Сазыкин, 1988, № 463–467), в библиотеках Запада (Heissig, 1962), Японии (Catalogue, 1964, № 156), в библиотеке Музея-квартиры Ц. Дамдинсүрэн в г. Улан-Баторе (Билгуудэй, 1988, № 876–883). Многие монголисты использовали “Хрустальное зеркало” в своих исследованиях. Б.Я. Владимирцов (1934: 197) назвал его одним из главных источников на монгольском языке, послуживших

основой при написании им “Общественного строя монголов”. В статье “Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи” он привел и проанализировал большой фрагмент из этой хроники (Владимирцов, 1926). Ц. Дамдинсурэн (1979) перевел большой отрывок из “Хрустального зеркала” в книге о распространении в Монголии “Рамаяны”. Л.С. Пучковский (1960), широко цитируя летопись, обосновывал идею о преемственности происхождения монгольских ханов. И все же ученые зачастую относились к этой летописи с пренебрежением, считая ее, как, например, М.И. Тубянский (1935: 19), “оскудненной компиляцией из тибетских и маньчжурских источников”. Вследствие этого до сих пор сохраняется некоторое несоответствие между довольно скромным интересом к “Хрустальному зеркалу” ученых и широчайшей популярностью в прошлом его у самих монгольских народов.

Первой попыткой серьезного анализа текста летописи явилась работа ленинградского ученого Б.И. Короля, предпринятая им, возможно, по совету Н.Н. Поппе. Известно, что Поппе положительно отзывался о “Хрустальном зеркале” и указывал на необходимость издания текста и перевода (Поппе, 1935: 9).

В 1941 г. Б.И. Король защитил кандидатскую диссертацию на тему “Монгольская историческая летопись Болор толи”. (Историко-филологическое исследование III тома), центральное место в которой занял перевод на русский язык третьего тома летописи, посвященного истории монголов. Тогда же были изданы тезисы диссертации (Король, 1941). “Болор толи” в переводе — “Хрустальное зеркало”. В русской востоковедной научной литературе существовала традиция (отчасти сохранившаяся и поныне) давать названия на языке оригинала.

На основании этой работы в 1959 г. Б.И. Король подготовил к публикации рукопись ““Болор толи”. Т. III. (Монгольская летопись XIX в.)”, которая так и не вышла в свет (хранится в Институте востоковедения РАН в Москве). Работа состоит из введения, общей характеристики памятника как источника по истории монголов, текста перевода III тома, комментария и библиографии. Судя по некоторым замечаниям (например, автор пишет о монголо-русском словаре, “который выйдет в свет в 1940–1941 годах”) и тому обстоятельству, что Б.И. Король совершенно не упоминает работ, опубликованных после начала 40-х годов, этот труд является практически диссертацией (текст которой нам так и не удалось обнаружить). В 1959 же году вышла его статья “Монгольская летопись “Болор толи”” (Король, 1959), по сути представляющая собой несколько измененное введение к упомянутой выше работе. Близость этих исследований позволяет дать им общую оценку.

Стремясь к комплексному историко-филологическому анализу, Б.И. Король описывает исторические и литературные особенности, дает палеографические и лингвистические характеристики летописи (правда, несколько поверхностные). Он выделяет в летописи черты, на его взгляд, общие для всех исторических сочинений монголов прошлого. Это — неразграниченность исторического и легендарного начал, общие литературно-композиционные принципы, отсутствие критического отношения к сведениям, невниманье к жизни народа, анонимность, компилятивность. В качестве специфических черт данной хроники Б.И. Король называет стилистическое влияние на нее китайской, маньчжурской и тибетской исторической литературы, подробное описание тибетских и тангутских групп монголов, утверждение о существовании вассальных отношений между Монголией и Тибетом еще в эпоху Чингис-хана, возвеличивание Хасара, брата Чингис-хана, а также особенности, указывающие на появление этой летописи в среде южномонгольских князей. Много внимания уделил Король и вопросу о времени появления “Хрустального зеркала”. Он считал, что летопись была написана в 1822–1825 гг., так как повествование в ней доведено до 1820 г., а в колофоне указано, что она была начата в год коня и закончена в год курицы; ближайшими же годами коня и курицы являются 1822 и 1825. Авторства хроники установлено не было, так как на этот счет в списке сочинения, которым пользовался ученый, никаких указаний нет. Впрочем, анонимность Король вообще считал общей чертой монгольских исторических сочинений.

В 1957 г. вышла книга Л.С. Пучковского “Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения”, в которой автор дал, в частности, подробное описание всех списков “Хрустального зеркала”, имеющихся в Рукописном фонде библиотеки института (Пучковский, 1957, № 31–35). Пучковский уточнил датировку летописи. На основании того, что в

ней упоминается 7-й год правления маньчжурского императора Даогуана, то есть 1827 г., он сделал вывод о том, что она была создана в 1834–1837 гг. Эта точка зрения практически утвердилась в науке. Однако об авторе летописи ничего не писал и Пучковский. Он ограничился перечислением источников “Хрустального зеркала” и пересказом содержания.

В 1958 г. в МНР вышла в свет работа монгольского ученого Х. Пэрлээ “К вопросу о монгольской дореволюционной историографии”. В ней он упомянул и летопись “Хрустальное зеркало”, причем впервые назвал ее автора — да-ламу Джамбадорджи из среднего Уратского хошуна, а датой написания указал 1835 г. (Пэрлээ, 1958).

Через год, в 1959 г. (между прочим, в том же “Монгольском сборнике”, где была напечатана статья Б.И. Короля, писавшего об анонимности “Хрустального зеркала”) была опубликована небольшая заметка Х. Пэрлээ, в которой были приведены факты, прояснявшие проблему авторства и датировки (Пэрлээ, 1959). В южной Гоби Х. Пэрлээ обнаружил список, в колофоне которого было указано, что данное сочинение начато в 14-й год правления Даогуана и закончено в 17-м году правления этого императора, что соответствует европейским 1835 и 1838 гг. Кроме того, там был назван и автор: “...ее написал рабджамба гэлун, да-лама по имени Джамбадорджи из среднего Уратского хошуна [принадлежащего] дзасаку гуну Лаванринчину” (Пэрлээ, 1959: 186).

В 1962 г. В. Хайссиг в русле своей многолетней деятельности по публикации исторических памятников монголов издал текст III тома летописи (Heissig, 1962). Характеристика памятника, данная им во введении, на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее полной. В. Хайссиг привел данные обо всех известных на то время списках сочинения, описал список привезенный Каре Грэнбеком в конце 30-х годов из Чахара и положенный в основу публикации, процитировал колофон южногобийского манускрипта, обнаруженного Х.Пэрлээ, более подробно и тщательно проанализировал источники, на которые опирался Джамбадорджи, привел детальное содержание III тома, а также попытался по скудным данным охарактеризовать автора.

Новым и принципиально важным в статье В. Хайссига является замеченная им близость “Хрустального зеркала” с другой монгольской летописью XIX в. “Синей тетрадь”. Среди источников, которые называет сам Джамбадорджи в колофоне своего сочинения, наряду с тибетскими и маньчжурскими трудами названы две монгольские летописи: “Золотое сказание” Мэргэн-гэгэна и “старая монгольская хроника” (Heissig, 1962: XII). На общность “Хрустального зеркала” и “Золотого сказания” Мэргэн-гэгэна обращали внимание и ранее, например, Л.С. Пучковский (1957: 61). Зависимость же “Хрустального зеркала” от “Синей тетради” отметил впервые В. Хайссиг. Л.С. Пучковский и Б.И. Король, описывавшие источники “Хрустального зеркала” ранее, допустили несколько ошибок в прочтении перечня этих сочинений, одна из которых — отнесение слов “старая монгольская хроника” (“mongyol qayučin teike”) к следующему названию в качестве определения. В. Хайссиг же понял, что за этими словами скрывается отдельное сочинение, и доказал, что они относятся к летописи “Синяя тетрадь”. В подтверждение мысли Хайссига можно указать на тот факт, что в полном названии “Синей тетради” есть слово “старая” (qayučin). Оно звучит так: “Шастра, именуемая старая Синяя книга — о владениях ханов со времени установления земли и неба” (Tengri yajag-un, 1912). Немецкий ученый привел фрагменты, являющиеся точными цитатами из “Синей тетради”, а также составил таблицу общих мест в “Синей тетради”, “Золотом сказании” Мэргэн-гэгэна и “Хрустальном зеркале”, тем самым установив их несомненную общность.

В 1976 г. была опубликована небольшая статья В. Файт “Время правления императора Цяньлуна по монгольской хронике “Хрустальное зеркало” (Veit, 1976). Собственно говоря, эта статья является переводом большого фрагмента летописи.

Следующим шагом в исследовании “Хрустального зеркала” явились современные работы монголистов КНР. В 1979 г. вышло первое издание памятника — подготовленное Педагогическим институтом Внутренней Монголии (издание осталось для нас, к сожалению, недоступным), а в 1984 г. — второе, более солидное — в серии “Монгольские памятники” (Liu Jin so, 1984). Ученый Лю Чжинсо, подготовивший публикацию, сообщает, что в ее основу положена одна из трех рукописей, хранящихся в библиотеке Института общественных наук Внутренней Монголии. Он приводит интересные сведения об этих списках. Как известно, оригинал летописи до сих пор не найден. Однако Лю

Чжинсо рассказывает о предполагаемом первом списке с оригинала. В колофоне этой рукописи указано: “Был оригинальный список в 215 листов. Его я, ничтожный шаби этого монастыря, раб-джамба гэлун, Гончогджонрой, как мог, переписал, уповав на Три высочайшие драгоценности...” (Liu Jip so, 1984: 14). На основании приписки, сделанной, как считает китайский ученый, Гончогджонроем, младшим современником Джамбадорджи, и указывающей, что “год коня (год начала написания. — *А.Ц.*) — это 26-й год Туру-гэрэлту”, он устанавливает новые даты создания летописи — 1846–1849 гг.

Итак, все вышеназванные издатели или исследователи летописи сосредоточивали свое внимание на нескольких основных вопросах: авторстве, датировке, источниках. И в этом отношении сделано немало. Установлен автор: им был да-лама монастыря “Туйлун-хамгалагч” Джамбадорджи. Монастырь этот находился на юге среднего Уратского хошуна, близ хошуна Далат в Ордосе. Летопись была составлена по заданию князя этого хошуна дзасака Лаванринчина, о котором в “Илэтхэл шастир” сказано, что он стал правителем хошуна в 1831 г. (Heissig, 1962: XVII).

В. Хайссиг писал, что упоминание Лаванринчина закрывает все споры о датировке памятника. Действительно, нет оснований для отнесения его составления к 1822–1825 гг. Но это обстоятельство не противоречит и утверждению китайского ученого — 1846–1849 гг. И хотя последний основывает свое заключение всего лишь на одной приписке, на наш взгляд, не следует считать данный вопрос окончательно решенным. Этому мешает, в частности, и недостаточность сведений о самом авторе. Судя по его титулам, он был ламой, получившим классическое монастырское образование. Звание рабджамбы давалось за достижение значительных высот в изучении философии. Титул да-ламы указывал на исполнение обязанностей помощника управляющего казной монастыря. Как рабджамба он должен был бы оставить и другие труды, но мы не располагаем сведениями о наличии таковых.

Выше мы упоминали о том, что в монгольской исторической традиции зачастую не было принято ссылаться на источники. Автор “Хрустального зеркала” (“Болор-Толи”), придерживаясь в основном, вышеназванных традиционных приемов монгольских историков, в данном случае отступает от установившихся традиций и перечисляет использованные им источники. Кроме списка источников, что является уже в известной мере новшеством, автор летописи помещает в конце III тома гарчик — оглавление, то есть приводит краткое содержание всех трех томов летописи. Кроме указанных особенностей, летопись “Болор-Толи”, в отличие от всех других монгольских исторических памятников, приводит некоторые сведения о странах Европы.

Источники, которыми автор пользовался при написании своей летописи, в основном установлены и идентифицированы исследователями. Это индийские и тибетские сочинения по буддийской космологии, истории религии и буддийских школ, жизнедеятельности церковных иерархов, мыслителей, проповедников, то есть книги, относящиеся к индо-тибетской традиции. Собственно монгольскую историографическую традицию представляют здесь “Золотое сказание” Мэргэн-гэгэна и “Синяя тетрадь”, а проманьчжурская официальная трактовка монгольской истории основывается на “Илэтхэл шастир”.

Все исследователи указывали на одну характерную особенность “Хрустального зеркала”. Она заключается в том, что, будучи созданной в среде потомков племен, принадлежавших брату Чингис-хана Хасару, летопись носит явную прохасаровскую направленность. В ней часто вместе с Чингис-ханом (а иногда и вместо него) действует Хасар, именно Хасар — истинный владыка, идеальный герой, прародитель. В этом “Хрустальное зеркало” близко “Золотому сказанию” Мэргэн-гэгэна (XVIII в.). Такая приверженность двух летописей к традиции прославления Хасара, его культу, уникальна. По крайней мере, других крупных исторических сочинений, описывающих историю монголов и отражающих культ кого-то из братьев или потомков Чингис-хана, науке пока неизвестно.

106. Деления на главы в оригинале нет. Оно сохранено для удобства чтения.

107. Сумбур — монгольское произношение название легендарной горы Сумэру. Дувадза — ритуальный стяг.

108. Верховный небесный бог в мифологии монголов. См. прим. 35.

109. Монголы Тангутом называли часто весь Тибет.
110. Амдо — северо-восточная часть Тибетского нагорья.
111. Чахар, джирим, ордос, халха и пр. — административно-племенные образования Монголии.
112. Административная единица старой Монголии.
113. Общее название западномонгольских племен.
114. “Джунгар” в переводе означает “Левое крыло”. Западномонгольские племена, образующие левое крыло ойратов.
115. Районы Алашани и Цайдама.
116. Таджики.
117. Бухара, Самарканд, Ирак.
118. Современная Турция.
119. Возможно, Швеция.
120. Возможно, эти сведения восходят к сообщениям некоторых западных путешественников в Московское царство (например, С. Герберштейн. [1549] 1988. Записки о Московии. М.: изд. МГУ) о гивойтах — гигантских ящерицах, живущих в реках Белоруссии и северо-западной Руси. Эти сведения могли попасть к монголам через католических миссионеров в Китае.
121. Корея, Япония и острова, расположенные к югу от Японии.
122. Мера длины. Около 2 км.
123. Главная река мифического материка Джамбудвипа.
124. От кит. лян — 37,3 г.
125. Ритуальный круг (мандала), изображающий мир божества Калачакра (Дуйнхор), ханом которого является Давасамбу, мифический царь Шамбалы.
126. Книги, в которых заключены слова Будды.
127. Магические формулы.
128. Император Даогуан (годы правл. 1821–1850).
129. Бодхисаттва мудрости.
130. Монголы, как и тибетцы и другие народы Восточной Азии, делят историческое время на шестидесятилетние циклы.
131. Панчен-эрдэни, или панчен-ламы считаются перерождениями царей Шамбалы Ригданов.
132. Багдад.
133. Индийский философ (ок. II в.).
134. По представлениям буддистов, в мир должны явиться тысяча Будд.
135. От кит. тай-цзу — великий император.
136. Грозное божество буддийского пантеона. В поздней традиции Чингис-хан считался его перерождением.
137. Мировой период времени.
138. Первый мифический монарх. См. прим. 3.
139. Другое имя бодхисаттвы Авалокитешвары.
140. Тибетский царь (VII в.).
141. В поздней традиции бодхисаттва Манджушри считался покровителем Китая, Авалокитешвара — Тибета, а Ваджрапани — Монголии.
142. Перевод имени Махасаммата.
143. Каноническая биография Будды описывает его 12 религиозных подвигов.
144. То есть “Имеющий престол на шее”.
145. Искаженное слово “бэда”, которым китайцы называли северные народы.
146. Мифический первопредок монголов.
147. “Сохор” означает “слепой”. В других источниках его имя — Дува-Сохор.
148. В большинстве источников — Номалун-хатун.
149. Обычно: Хайду.
150. Военачальник, командир.
151. Обычно: Тумбинай.
152. В других источниках — Чилэду.

153. Онгоны — культовые изображения духов местности — земли, воды и неба, изготавливаемые в виде фигурок человека и различных животных (эмгэлж) в честь умерших шаманов. Хранятся не только в шаманских кумирнях, но и в юртах верующих. В других списках — не onγuon (онгон), а onγyasun (шерсть).
154. Эфу — маньчжурский титул зятя императора; табунан — княжеский титул. Обычно давали зятьям ханов.
155. “Тори, князь золотого улуса”. Обычно: Тоорил, Тогорил.
156. Этот способ приготовления мяса с раскаленными камнями в собственной шкуре животного называется у монголов “бодог”.
157. Местность на северо-востоке Тибета.
158. Гениальный святой Чингис-хан.
159. Так монголы называли правителя чжурчжэньской династии Цзинь, властвовавшей на северо-востоке Китая (1115–1234).
160. Корейского.
161. Сартагулами монголы называли туркестанцев. Здесь, видимо, Хорезм.
162. Области Тибета.
163. Иерарх монастыря Сакья (Саджа) (1092–1158). Он жил ранее Чингис-хана и не мог состоять с ним в отношениях.
164. Послушники.
165. Будды.
166. Видимо, Тамача и Хоричар-Мэргэн “Сокровенного сказания монголов”.
167. Жанр исторической литературы тибетцев и монголов, так называемые “истории религии”.
168. Города в государстве чжурчжэней.
169. Тумэн — 10000. Сорок тумэнов — формула, обозначающая весь монгольский народ до падения Юаньской империи.
170. Тангуты, народ на северо-востоке Тибетского нагорья.
171. По-видимому, имеется в виду Елюй-Чуцай, сановник Чингис-хана.
172. Персонаж китайской мифологии, в других летописях — единорог.
173. В других летописях рассказывается, что Чингис-хан смог победить Шидургу-хана только после того, как тот открыл, что умрет, если его удушить шнурком, хранящемся в сапоге.
174. Другое имя Елюй-Чуцай.
175. Богатыри, прозвище ближайших сподвижников Чингис-хана.
176. Мифическая птица.
177. Владыка Богдо (то есть Чингис-хан).
178. Название группы людей, освобожденных от налогов и осуществлявших обряды поклонения Чингис-хану.
179. Сочинение прославленного историка Сумба-хамбо Ишибалджора (1704–1788).
180. От кит. цин-ван, княжеский титул.
181. Современный г. Увэй в КНР.
182. Тибет.
183. Сакья-пандита (Саджа-пандита) Гунгаджалцан (1182–1251).
184. Санскр.: “ученый”. Часто входит в титулы буддийских учителей высокого ранга.
185. Знаменитый тибетский проповедник и наместник монгольской империи в Тибете Пагба-лама Лодойджалцан (1235–1280).
186. Другое имя бодхисаттвы Авалокитешвары.
187. Божество буддийского пантеона. Культ его развит в тантризме.
188. Младший сын Чингис-хана, согласно традиции, был хранителем очага.
189. Учитель школы кармапа. Известный буддийский проповедник (1204–1283).
190. Кашмир.
191. Последователь школы йогачара в буддизме махаяны.
192. Реинкарнациями.
193. Тибетский поэт и тантрический учитель Миларэпа (1040–1123).

194. Послушник.
195. Высшие церковные иерархи, реинкарнации.
196. “Великий славный”.
197. Ваджраяна, тантрическое учение.
198. Главные пять будд Ваджраяны, часто именуемые дхьяни-буддами.
199. Лама из Сакья.
200. Так называемое квадратное письмо, составленное Пагба-ламой на основе тибетского алфавита.
201. Священные горы в провинции Шаньси в Китае.
202. Известный монастырь в Тибете, прославившийся учеными ламами и печатней.
203. Мудрый.
204. Города вокруг Пекина, летние и зимние резиденции императоров.
205. Имеется в виду Чойджи-Одсэр, переводчик буддийских сочинений (XIV в.).
206. Буддийский канон Ганджур.
207. Сочинение из буддийского канона.
208. Император Хун-у (1368–1399) Минской династии.
209. Основатель школы гэлугпа в Тибете (1357–1419).
210. Княжеский титул.
211. Союз западно-монгольских племен.
212. По буддийским представлениям, дурные деяния приводят к дурным последствиям.
213. Соправитель, ведавший обычно левым крылом.
214. В династии Тан императора, правившего 73 года, не было.
215. Дарайсун-хан.
216. “Вяжущий сабли”, намек на чудесную силу ламы.
217. В имени Далай-ламы Содномдхамцо “дхамцо” в переводе с тибетского означает “океан”, а в имени Алтан-хана “алтан” в переводе с монгольского означает “золото”.
218. Иносказательное название Тибета. Дзу — статуя Будды.
219. Для благоденствия.
220. Тибетское имя грозного божества Махакалы.
221. Подданные крупного церковного иерарха.
222. Божество грозного вида.
223. Административно-племенное объединение монголов. То же — Тумэд, Ордос и пр.
224. Женское божество гневного вида.
225. Будда долголетия.
226. Мифический китайский император. Здесь — почетный титул.
227. Китайская мера площади.
228. Область на востоке Тибета.
229. Город на востоке Тибета.
230. Название монастырей на северо-востоке Тибетского нагорья.
231. Ордосский князь.
232. Бошогту-джинон, владетель трех западных тумэнов.
233. Халхаский Абатай-хан.
234. Первый и самый знаменитый буддийский монастырь в Северной Монголии.
235. По-видимому, какой-то местный святой. “Дубчин” означает “великий волхв” и употребляется для обозначения йогачаров и тех, кто занимается тантрической практикой.
236. Здесь пропуск. В других списках: “Мне передал письмо посланец Богдо-Цзонхавы”.
237. Райская страна.
238. Неясно.
239. “Великий дворцовый учитель”.
240. Один из главных гениев-хранителей в тантризме.
241. Учение желтошапочников, или школы гэлугпа.
242. Чудовище.

243. Последний номинально единый правитель монголов (1592–1634).
244. Ставка Лигдэн-хана.
245. Так в тексте.
246. Джурчидского (чжурчжэньского).
247. “Ниспосланный небом”, кит. Тянь-мин. Девиз правления основателя династии Цин Нурхаци (1559–1626; правил с 1616 г.).
248. “Высокий святой”.
249. В других списках — Нагун.
250. Княжеский титул времени империи Цин.
251. “Двойной эфу”.
252. Это не халхаский Тушэту-хан.
253. Император Цинской династии Абахай (1592–1643).
254. Святой Тайцзун, величайший Хуанди.
255. В Тибет.
256. Дореформенные школы Тибета, то есть существовавшие до школы гэлугпа.
257. Подданных себе.
258. “Высший мудрейший”. Монгольское название девиза правления маньчжурского хана Абахая (1636–1643).
259. Военно-административное объединение западных монголов.
260. Ойраты — западные монголы. Хошуты — одно из их подразделений.
261. Монастырь Галдан, оплот школы гэлугпа.
262. “Воинственный хан, защитник религии”.
263. Большой монастырь в провинции Цзан, около города Шигацэ, один из четырех крупнейших монастырей гэлугпа в Центральном Тибете.
264. Владыка смерти и ада Эрлик-хан.
265. В других источниках — Гэрсэндэ.
266. 1368–1399 гг. Храмовое имя — Тайцзу.
267. Монгольское традиционное произношение девиза правления императора минской династии Юнлэ. См. прим. 58.
268. Храмовое имя Жэньцзун, девиз правления Хунси, годы правления 1425–1426.
269. Храмовое имя Уцзун, девиз правления Чжэндэ, годы правления 1506–1522.
270. Храмовое имя Шицзун, девиз правления Цзяцзин, годы правления 1522–1567.
271. В других списках это касается XIII императора, храмовое имя Шэньцзун, девиз правления Ваньли, годы правления 1573–1620.
272. Храмовое имя Сыцзун, девиз правления Чунчжэнь, годы правления 1528–1644.
273. Храмовое имя Шицзу, девиз правления Шуньчжи, годы правления 1644–1662.
274. “Князь, опора государственного правления”.
275. “Князь, помощник в управлении государством”.
276. Синин, столица провинции Цинхай в Китае.
277. Местность недалеко от Пекина, где император охотился.
278. Переводчик.
279. Двухнедельный молебен. Торжества, посвященные Новому году.
280. Хэдэруа и тэбэри — возможно, предметы буддийского культа.
281. Храмовое имя Шэнцзу, девиз правления Канси, годы правления 1662–1723.
282. Западные области Тибета.
283. Настоятель монастыря Галдан.
284. Прославленные тибетские ученые монахи.
285. 1651–1697 гг.
286. Второй панчен-лама (1663–1737).
287. Гневные божества-хранители религии.
288. Другой титул панчен-ламы.

289. Правильно: Чихун-Дорджи.
290. Глава буддистской церкви Монголии. Здесь — Первый Джэбдзундамба Лубсан-Данби-Джалцан (1635–1723).
291. Джэбдзундамба.
292. Местечко в Южной Монголии (территория современного Автономного района Внутренняя Монголия КНР).
293. Области собственно Китая.
294. Мифическое чудовище, пожирающее солнце.
295. Дацан — монастырская школа; часто общее обозначение монастыря. Виная — сочинения и учение, касающиеся дисциплины монашеской общины.
296. Туркестанцы.
297. Сэра, Брэбун, Галдан.
298. Медицинские трактаты.
299. Далай-хан, в 1668–1701 гг. правитель Тибета.
300. Лхабдзан-хан, принявший управление Тибетом.
301. Шестой далай-лама.
302. Настоятель монастыря Лавран в Амдо.
303. Джамьян-Шадпа считается перерождением великого ламы дацана Гоман в Брэбуне.
304. Лхасский оракул.
305. Формула, обозначающая Будду, его учение и общину.
306. Высокий чин в монастыре, секретарь канцелярии.
307. Тантрические монастыри.
308. Ритуальный, торжественный плат.
309. В монастыре Сэра — четыре дацана (факультета), один из которых — “Нижний” (Мадба-дацан).
310. Видимо, храм в Лхасе.
311. Стяг над обителью чойджона Нэйчуна.
312. Помощник знатного ламы.
313. Район на востоке Тибета.
314. Лишь истинное перерождение помнит обстоятельства предыдущих жизней.
315. Воскурение и чтение молитв.
316. Храмовое имя Шицзун, девиз правления Юнчжэн, годы правления — 1723–1736.
317. Гневным божествам.
318. Перерождения пскинских хутухт.
319. Хиа — адьютант.
320. Владыка ада.
321. Члены тибетского правительства.
322. Амбань — маньчжурский наместник.
323. Школа буддийской философии. В процессе обучения устраиваются диспуты, включающие вопросы и ответы соперничающих монахов.
324. В тибетских монастырях на службах сапоги снимают.
325. Ученая степснь буддийского философа.
326. Буддийское учение о причинно-следственной связи явлений.
327. Император Гаоцзун-Тэгус-Хуанди, девиз правления Цяньлун, годы правления — 1736–1796.
328. Цэвэн-Равдан (1697–1727). Скончался при Юнчжэне.
329. 1727–1748 гг. правления.
330. Царь, покровительствовавший буддизму (IX в.).
331. Наместники маньчжурской династии в Тибете.
332. Видимо, особый орнамент.
333. Река в Китае и Казахстане.
334. Дзахчины — монгольское племя.
335. Храмовое имя Жэньцзун, девиз правления Цзяцин, годы правления — 1796–1821.

336. Четыре аймака Халхи.
337. Джэбдзундамба.
338. Первый панчен-лама (1569–1662).
339. “Поклоняюсь Локешваре”.
340. Видимо, магическое заклинание.
341. Торгуты ушли на Волгу (Иджил) под предводительством Хо-Орлюка в 1630 г. Часть из них вернулась в 1771 г.
342. 1642–1724 гг.
343. “Истинно верующие”.
344. “Твердо мыслящие”.
345. Имеется в виду III Панчен-лама Балдан-Еше (1738–1780).
346. Одна из центральных идей буддизма. Термин “пустота” (шуньята) обозначает отсутствие самостоятельной реальности всех вещей, которые проявляются лишь вследствие взаимосвязей.
347. Ислам.
348. Счастливые области, рай.
349. Далай-ламу и Панчен-ламу.
350. Храмовое имя Сюаньцзун, девиз правления Даогуан, годы правления — 1821–1851.
351. Цзонхава.
352. Намек на популярный в монгольской литературе сюжет притчи о колодезной лягушке, думавшей, что весь мир таков же, как ее колодец.
353. Намек на обезьян, не знающих своего происхождения и родства. Известное выражение, использованное еще Пятым далай-ламой и популярное у монгольских историков.
354. Рукопись русского перевода сочинения ламы Эрдэнипэла “Что является причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами” находится в библиотеке Института востоковедения РАН, Москва (Шифр VII М 7 ж/эрд.). Сведения о монгольском оригинале, о его сохранности и местонахождении нам неизвестны.
- Свой труд Эрдэнипэл написал, по-видимому, в 1930-х гг., когда был вынужден покинуть монастырь из-за политических репрессий, направленных против буддийских монахов и церкви в Монголии. Очевидно, свою книгу Эрдэнипэл писал под контролем коммунистов — этим можно объяснить, что в его труд попали чуждые монгольской традиции, чисто западные материалистические идеи о том, что “истоки всякой религии лежат в вымысле самого человека” и т.п. Другое объяснение — искусственные вставки, добавление переводчиков. Возможно, он работал над своим трудом по заказу Монгольского Ученого комитета. В 20-х и 30-х гг. такая практика существовала — Ученый комитет (предшественник Академии наук Монголии) несколько раз инициировал написание работ по истории Монголии известными учеными ламами или светскими литераторами. Более точная датировка сочинения Эрдэнипэла возможна на основании данных, имеющихся в нем самом. Говоря о построении Эрдэни-дзу, Эрдэнипэл пишет: “Можно предположить, что Эрдэни-дзу со дня основания Абатай-ханом, считая по 28-й год МНР, существует, как таковой, в течение 353 лет”. По-видимому, он имеет в виду не дату образования МНР (возможно, это ошибка переводчика) — 1924 г., а год установления независимости Монголии — 1911 г., в прошлом традиционно использовавшийся в обозначении дат. В этом случае датой окончания труда будет 1939 г., что, между прочим, сходится и с цифрой 353, обозначающей количество лет, прошедших со времени построения Эрдэни-дзу (1586 г.). В другом месте он говорит об ойратском “ясном письме”, что “народ олэтов и торгоутов пользуется им в официальной и частной переписке уже более 290 лет”. Известно, что оно было создано в 1648 г. (Эрдэнипэл называет 1647 г.). Это тоже соотносится с 1939 г. как возможным годом написания сочинения.
- Сочинение написано в рамках традиционной монгольской историографии, в жанре так называемых “историй религии”. Этот жанр сложился еще в Тибете и был заимствован монголами. Его широчайшая популярность и продуктивность в средневековых литературах тибетцев и монголов была связана с общей клерикальной “ориентацией” их письменного творчества. “История религии в Монголии” Эрдэнипэла повествует об истории Монголии с древнейших времен, о древних

верованиях монголов, о распространении в Монголии буддизма, о событиях, связанных с вхождением монголов в империю Цин (XVII в.). Изложение прерывается на второй половине XVII в., что дает основание предположить, что это — лишь I том. Рукопись поделена на 14 глав. Деление условное, порядковый номер главы часто не указан, дано только название.

Эрдэнипэл использовал большой фактический материал, частично не известный до настоящего времени, почерпнув его из многочисленных монгольских летописей, тибетских исторических сочинений и китайских хроник. Чаще всего он не указывает своих источников, но иногда называет их. В частности, он цитирует “Золотое сказание”, по-видимому, Лубсандандзана, “Желтую историю”, “Хрустальные четки” Рашпунцага, “Хрустальное зеркало” Джамбадорджи, многочисленные тибетские источники, например, “Дэбтэр джамцо” Сумба-хамбо, которое он называет “Дэбтэрийн далай”, “Историю религии в Индии” Таранатхи, дневник Пятого Далай-ламы, китайские хроники, например, “Мэн-гу-ю-му-цзы”. Судя по сведениям, сообщаемым им, он работал и с сочинением Саган-Сэцэна, “Илтэхэл шаштрой”, тибетскими религиозными трудами, перепиской чиновников, дневниками и пр.

Чувствуется отдаленное знакомство автора с некоторыми европейскими трудами и методами исторической науки. Такое сочетание образованности в традиционных знаниях со стремлением использовать новые подходы делает его сочинения интересным не только с исторической, но и с историографической точки зрения. Эрдэнипэл ставит своей задачей, если не анализировать события, то хотя бы объяснять их, а это заставляет его искать в исторических источниках, с которыми он был хорошо знаком, новые данные, а также вводить в оборот неизвестные, забытые или периферийные для монгольской историографии сочинения.

355. Судя по дальнейшему описанию, под огнепоклонниками Эрдэнипэл имеет в виду манихеев или исповедующих религию, близкую к манихейству. Соединение огнепоклонства с буддизмом, по видимому, результат неловкого перевода или опечатка. Представляется, что вместо тире между словами “огнепоклонников” и “буддизм” должен стоять союз “и”.

356. Арши — от санскр. риши (мудрец, жрец). Тиртики — название секты в Древней Индии. Тибетцы часто называют этим словом не-буддистов. Удгага — видимо, Удрака, учитель-брахман, к которому Будда обратился первоначально с просьбой преподавать ему учение. Ардгалайма — видимо, отшельник Арада Калама, проповеди которого слушал Будда.

357. В тексте: Махасан-мада. Царь Махасаммата (“Многими возведенный”) — в древнеиндийской мифологии первый царь людей.

358. Отождествить не удалось.

359. Имеется в виду до начала нашей эры.

360. Хуанди — в древнекитайской мифологии культурный герой и первый царь. Согласно китайским источникам, Ши-цзюнь был потомком Хуанди по линии его младшего сына Чан-и.

361. По Сыма Цяню, Сянь-юй — племя на севере, которое Хуанди прогнал, вступив на престол.

362. Мифический император династии Ся, деспот, погубивший государство.

363. Китайские комментаторы считают, что так назывались и предки сюнну при династии Ся. Шунь-вэй — легендарный прародитель сюнну (хунну, гуннов).

364. Большинство исследователей считают тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую группы членами одной языковой семьи — алтайской.

365. Брамин — монгольское произношение слова “брахман”. Брахманизм — форма индуизма.

366. Название “могал”, или “могол”, произошло от самих монголов (а не наоборот), потомки которых образовали на территории Восточного Туркестана и Семиречья государство Моголистан (XIV в.). Позднее (XVI в.) под именем Могольской империи возникло большое государство в Индии, управлявшееся династией Великих Моголов.

367. Вероятно, тибетский историк Бабо-Цзуглаг-прэнба (1504–1566).

368. Хор — старое тибетское название кочевых народов, обитавших на территории к северу от Тибета. Обычно под хорами подразумевались тюркские и монгольские народы. Чахар — название одной монгольской народности. Сокбо — тибетское название монголов.

369. Ари, или Нгари — район на западе Тибета.

370. Район в долине реки Инда, северо-западнее Нгари. Население преимущественно тибетское. Ныне — территория Индии (штат Джамму и Кашмир).

371. Качи — тибетское название Кашмира. Ныне — штат Индии Джамму и Кашмир.
372. Имеется в виду китайский путешественник Сюань Цзан (VII в.), совершивший путешествие из Китая в Индию и описавший его в знаменитом романе “Путешествие на Запад”. Известен в Монголии под именем Тансан-лама.
373. Тибетское название иранских племен (stag gzig) действительно переводится как “тигры-леопарды”.
374. Эрдэнипэл возводит название “арийцы” к санскритскому слову агуа (чистый, святой).
375. Асура — персонаж древнеиндийской мифологии. Асура в переводе с санскрита значит “небог”. Эти существа противопоставляются богам (санскр. deva), с которыми постоянно враждуют. Эрдэнипэл, по-видимому, отождествляет арийцев с дэвами.
376. Тэнгри — так монголы обозначают богов-дэвов.
377. Эрдэнипэл выводит происхождение монголов от иранских племен, основываясь на схожести в верованиях и на том, что кочевников севера (и тюрок, и монголов, и иранцев) китайцы называли “ху”, а тибетцы — “хор”. Эрдэнипэл произвольно расширяет ареал первоначального этногенеза и распространения монгольских народов, видимо, стремясь подчеркнуть культурную общность монголов с соседями.
378. Княжество Хунза на западе от Тибета. Тибетское наименование связано с названием языка “бурушаски”, на котором говорит население района. Часто идентифицируют с районом Гилгита.
379. Шаншунг — район на западе Тибета (западнее Нгари), население которого традиционно исповедовало древнюю тибетскую религию бон.
380. Гималаи.
381. Имеется в виду главный учитель и основатель религии бон Шенраб. Его полное имя — gshen gabs mi po gshen (“Всзнающий человек Шен”).
382. То есть, с запада.
383. Древнеиндийский философ (III в.); наряду с Нагарджуной считается одним из главных учителей махаяны.
384. По-видимому, имеется в виду финский ученый Г. Рамстед.
385. Согдийский.
386. Бай-балык, находится на территории Булганского аймака Монголии.
387. Скорее всего, трезубец.
388. Ритуальный шарф или плат.
389. Ритуальная горка из камней, которую кочевники устанавливают для почитания духов преимущественно на горных перевалах.
390. Хунну (сюнну), создавшие первую кочевую империю в 3 в. до н.э. на территории Монголии.
391. Старое русское название оз. Хубсугул, расположенного на северо-западе Монголии.
392. Знаменитое шаманское (и позднее, буддийское) божество, объект поклонения в Хубсугульском аймаке Монголии. В пещере неподалеку от сомона Цагаан Уур сохранилось его святилище. Рядом находятся развалины буддийского монастыря. По буддийской версии Даян-дэрхи был укрощен и поставлен на службу буддизму.
393. Гаоцзун, девиз правления — Цяньлун (1711–1799).
394. Заимствование из древнеуйгурского. Означает “Будда”.
395. Далсс Эрдэнипэл излагает биографию Будды согласно ее версии, наиболее распространенной в Тибете и Монголии.
396. Древнее государство на северо-востоке Индии.
397. Имеется в виду, наверное, Капилавасту, столица царства.
398. По преданию, у родителей Будды долго не было детей.
399. Имя Будды до ухода из мира — Сиддхарта, но часто его пишут как Артасиддхи.
400. Династия Чжу правила в 715–431 гг. до н.э.
401. Ашока — правитель империи маурьев. III до н.э.
402. Источники называют учителем Будды Вишвамитру, по-тибетски — Принбугоца (Sprin bu go tscha).

403. Большинство источников называют отцом Яшодхары Дандапани.
404. Монахи, считавшие наготу условием жизни аскета.
405. В рукописи пропущен Ашваджита. Это — первые пятеро слушателей проповеди Будды, они известны в источниках под именем “Пятеро”.
406. По другим версиям, царевич Артасидхи отказывается от отшельничества, поняв бесполезность самоистязания.
407. По-видимому, так переводчики передали понятие Бога.
408. По-видимому, желания. Один из главных постулатов буддизма гласит: все страдания происходят от желаний. См. далее.
409. Отождествить не удалось.
410. Тибетское название монахов, принявших первичные обеты.
411. Тибетское слово, обозначающее монахов, принявших 253 обета.
412. По-видимому, царь Шрвасти Прасенаджит.
413. Видимо, имеется в виду племя шакья.
414. В литературе о Будде — его главный оппонент.
415. В другом изложении пять новых правил, предложенных Девадаттой, сходятся к запрету жить на окраине городов, питаться не подношениями, а угощением, одеваться не в лохмотья, а в подаренную одежду, жить под крышей, есть мясо и рыбу.
416. Цари страны Магадхи.
417. По более распространенным версиям первый собор был созван вскоре после смерти Будды.
418. Ближайшие ученики Будды.
419. Иногда — Нанда. Правнук или праправнук Ашоки, покровительствовавший буддизму.
420. Кушанский император (I–II вв.).
421. Саутрантики. Буддийская школа, возникшая ок. II в. до н.э.
422. Махаяна — течение, называемое северным буддизмом, Хинаяна — южным.
423. По-видимому, Хотан.
424. Здесь и далее автор (или переводчики) часто путает этнонимы “хотан” и “хотон”. Хотонами монголы называли тюркские племена. Здесь явно имеются в виду хотанцы.
425. Этим словом китайцы обозначали северных кочевников.
426. Император династии Хань (141–87 гг. до н.э.).
427. Эрдэнипэл, видимо, цитирует сочинение Таранатхи.
428. Турушка — царь Кашмира, Дхармачандра — царь, правивший в Бенгалии.
429. Император династии Поздняя Хань (58–76 гг.).
430. Может быть, китайский путешественник Фа-сян (392–414).
431. Возможно, столица провинции Цинхай Синин.
432. Город на северо-западе провинции Ганьсу (КНР), известный своими пещерными буддийскими храмами, украшенными фресками IV–XIV вв.
433. Отождествить не удалось.
434. Отождествить не удалось.
435. То же, что “сокба”.
436. Император династии Тан Тайцзун (627–649).
437. Династия Тан в Китае правила в 618–907 гг.
438. Отождествить имя правителя и географическое название в данном фрагменте не удалось.
439. Эрдэнипэл вновь смешивает общую культурную среду с ареалом этногенеза монголов. На границе с Индией собственно монголы появились значительно позже.
440. Тибетский историк (1575–1634), глава школы джонанпа. Эрдэнипэл пересказывает отрывок из его “Истории буддизма в Индии”.
441. Город в центральной части Пакистана.
442. Мусульманский проповедник, известный под именем Ардешира.
443. То есть мусульманского учения (тиб., монг.).
444. Возможно, Мултан.

445. По-видимому, прославленный буддийский монастырь Наланда в Северо-Восточной Индии.
446. Племянник Дхармачандры Канакачандра был в подданстве у хана Турушки.
447. У Тарантахи — двоюродный брат Дхармачандры Буддапакшу.
448. Индийский философ (ок. II в до н.э.).
449. Шиенна и Хидно — названия, отождествить которые не удалось.
450. Династия Цинь правила в Китае в 221–207 гг. до н.э.
451. Возможно, шаньюй (правитель) хунну Модэ (рубеж III и II вв. до н.э.).
452. Возможно, юэчжи, с которыми воевал Модэ.
453. Чжурчжэни.
454. Таньшихуай (136–181).
455. Сяньби.
456. Мощное кочевое государство Тоба Вэй, ушедшее из Монголии на юг; овладело в IV–V вв. всем Северным Китаем. Вело войны с Жуаньжуанским каганатом (IV–VI вв.); основало в Китае династию Северная Вэй.
457. Соответствует китайской мере длины ли.
458. В тексте непонятно: “с просьбой должить огню”.
459. Мотив о запрещении жертвоприношений животными встречается во многих повествованиях об обращении монголов в буддизм — например, о тумэдском Алтан-хане и о халхаском Абатай-хане.
460. Хушан — устойчивое монгольское произношение кит. слова “хэшан” (монах).
461. Возможно, титул одного из ханов Тоба Вэй.
462. Первый учитель даосизма (III–IV вв. до н.э.).
463. Возможно, Шицзянь.
464. Видимо, девиз государства, введенный Шицзянем — Цзянь-го.
465. Чжурчжэни.
466. Тюркский каганат (VI–VIII вв.).
467. Уйгурское ханство (VIII–IX вв.).
468. Кутлут-Бильге-Кул-хан (744–747).
469. Ошибка — 744 г.
470. Баянчур (747–759).
471. Правительство, министерство.
472. Тюрк. Бай-балык — то же, что монг. Баин-балгасун.
473. Манихейство.
474. Имеется в виду тюркское руническое письмо.
475. Бакши — учитель.
476. Тува.
477. Жестокое наказание для буддийских монахов, считающих убийство животных страшным грехом.
478. В тибетских источниках упоминаний о том, что три монаха, сохранившие буддийские книги, остановились в Монголии, нет. Обычно говорится, что, пройдя через районы Нгари, Гарлог и Хор, они пришли в район Амдо, на северо-востоке Тибетского нагорья. По-видимому, упоминание района “Хор”, под которым здесь имеются в виду территории, расположенные на северо-западе от Тибетского нагорья, заселенные тюркскими кочевниками, и дали основание монгольским летописцам говорить о том, что эти монахи побывали в Монголии.
479. Имеется в виду не Тэмуджин (Чингис-хан), а Тамачи, внук Бортэ-Чино.
480. В 916 г. правитель киданей Абаоцзи объявил себя императором.
481. Государство киданей Ляо просуществовало с 907 по 1125 гг. (“Да” — кит. “великий”).
482. В других известных сочинениях, имеющих в своем названии слово “золотой” (“алтан”) — в “Золотом сказании” Лубсандандзана, “Золотом сказании” Мэргэн-гэгэна нет указаний на то, что 12 ханов, покоренные Чингис-ханом, были мусульманами.
483. Отождествить не удалось.
484. Эрдэнэпил придерживается датировок рождения Чингис-хана (1162–1227) и Батмунхэ-хана (1464–1543), утвердившихся в науке.

485. Каракитай, часть киданей, переселившаяся в XII в. в Среднюю Азию.
486. Согласно сочинению “Сборник летописей” средневекового персидского историка Рашид-ад-Дина, тайчуды вели свое происхождение от среднего сына Хайду-хана Чаракэ-лингума, а род Есугэй-багатура восходил к старшему сыну Хайду-хана Байшинкор-Докшину.
487. Правитель найманов.
488. Имеются в виду не все верующие, а духовенство.
489. Монгольский исторический труд XIX в., сочиненный Джамбадорджи, перевод которого представлен в настоящем сборнике. В дальнейшем Эрдэнипэл много раз ссылается на это сочинение.
490. Другое, распространенное в Монголии произношение названия буддийской секты “кагьюпа”.
491. В Монголии обычно произносится “Саджа”. Находится в провинции Цзан.
492. Об установлении Чингис-ханом с иерархами тибетской буддийской церкви отношений почитания говорится только в поздних тибетских источниках.
493. Перечислены высшие иерархи монастыря Сакья, являвшиеся часто и владельческими князьями области, где был расположен монастырь. Сакья-пандита — прославленный буддийский мыслитель, литератор и политический деятель (1182–1251).
494. Известно, что сакьяские, или в другом произношении, саджаские ламы появились при монгольском дворе по инициативе принца Годана, владевшего землями, пограничными с Тибетом. Первым был Сакья-пандита, прибывший со своим племянником Пагба-ламой Лодойджалцаном. Именно последний был приглашен в центральную ставку к императору Хубилаю и провозглашен государственным учителем.
495. Кидани были выходцами из Маньчжурии.
496. Хубилай-хан по просьбе Пагба-ламы, которому он формально отдал в подчинение тринадцать областей Тибета, освободил тибетских монахов от податей.
497. Здесь и далее Эрдэнипэл цитирует сочинение Лубсан Дандзана “Золотое сказание” (XVII в.).
498. В тексте ошибочно: год черной зайчихи.
499. По-монгольски: Шидургу-хан. Это имя, по “Тайной истории”, ему дал Чингис-хан, прежде чем казнить его. Собственное имя его было Бурхан.
500. Кхон-Гончокджалбо или “царь Гончок из рода Кхон” был основоположником школы сакья и основателем монастыря (1073).
501. Возможно, Бутан (тиб. ‘brug). Однако может быть, переводчики не поняли фрагмента, и здесь имеются в виду учителя Кхон-Гончокджалбо, один из которых был известный тантрист Бромги.
502. Следующее предложение опущено, так как его перевод непонятен: “В отношении же воззрения можно сказать, что оно почти одинаково с обрядом, который относится ко всему с точки зрения мысли; оно и считается высшим обрядом Шакьямуни”.
503. Видимо, имеется в виду раздел буддийской философии даннид (тиб. mthsan nyid).
504. “Дуйнхор” является тибетским названием известной буддийской тантры “Калачакры”. Суффикс “ба” обозначает человека, деятеля. Таким образом, здесь “дуйнхурба” обозначает монаха последователя учения “Калачакры”. Гун-Данба — по-видимому, Гунтанпа — “монах из Гунтана”. Гунтан — название местности в Нгари, такое же название носит монастырь.
505. Из какого сочинения взята эта цитата, установить не удалось. По крайней мере, не из известной монгольской летописи “Желтой истории” (“Шара туджи”).
506. Почтовые перегоны.
507. “Дэбтэр-джамцо” — “История буддизма в Амдо”, написанная в 1865 г. настоятелем монастыря Лавран Браггон-шабдун Гончок-Данба-Рабджа.
508. Установить не удалось.
509. Вероятно, жена Угэдэй-хана.
510. Этот эпизод напоминает описания тибетских и монгольских сочинений обстоятельств принятия буддийских обетов Хубилай-ханом. Весьма вероятно, этот эпизод был позднее спроецирован на более раннюю историю, и Угэдэю таким образом приписано также принятие буддийских обетов. В тексте сказано: установил и вынес “Хэдерма Махагалы”.
511. Ритуальная жертвенная пирамидка из теста.

512. В других источниках — Дордан-дархан.
513. Вероятно, монастыри Радэн и Джал-Лхакан, расположенные к северу от Лхасы.
514. Пагба-лама Лодойджалцан (1235–1280) был на самом деле племянником Сакья-пандиты.
515. Лянчжоу — китайское название ставки Годана (Гудэна), сына Угэдэя, брата Гуюка. Ныне — Увэй (Ганьсу, КНР).
516. О том, что Дордан-дархан был брагом Гудэна, в других источниках сведений нет.
517. Маньчжуры, поделив Тибет на внешний и внутренний, внешний называли “Сидзан”, “Западным Тибетом” Отсюда и выражение, часто употребляемое монголами, “западная страна”.
518. Род шелка.
519. Есть сведения, что этот субурган стоял в Лянчжоу до начала XX века, когда был разрушен во время землетрясения. Мощи Сакья-пандиты, считается, перенесены в монастырь Сакья.
520. “Ге-Очир” (Хэ-Очир) - божество Хэваджра, одно из основных в культе школы Сакья.
521. Сообщение о передаче Гудэном Сакья-пандите тибетских тринадцати областей в подчинение является просцированием в прошлое событий более позднего времени. Известно, что Хубилай-хан отдал в подчинение тринадцать тибетских областей Пагба-ламе.
522. Гудэн (Годан) был двоюродным братом Хубилая.
523. Шилин (Силян) — город на северо-западе Китая, ныне Синин, столица провинции Цинхай.
524. Имеется в виду так называемый “Чингисов камень”, находящийся сейчас в Эрмитаже в С.-Петербурге.
525. От “Цал” — название местности, где был расположен монастырь Гунтан.
526. Известный буддийский проповедник (1204–1283).
527. Возможно, сокр. от “нинмапа”. Нинмапа (“старая”) — буддийская школа, опиравшаяся на проповедь Падмасамбхавы (VIII в.). “Лун” в переводе с тибетского “закон”, “наставления”.
528. Аригбуга.
529. Пекин.
530. История Монголии, написанная французом Леоном Кауном (Cahun L. La bannière bleue. Paris, 1877). Перевод на монгольский язык под названием “Хух монголын хух туг” был осуществлен в 1915 г. известным литератором и общественным деятелем Ц. Жамцарано.
531. В тексте перевода “Азбука” отсутствует.
532. Хубилай-хан учредил должность сановника, ведавшего гражданскими и военными делами в Тибете и значительно ограничившего власть Пагба-ламы. Первым таким управителем был Шакьясанпо.
533. Знаменитая сандаловая статуя Будды, объект почитания буддистов.
534. Дай-Цин-хан — правитель династии “Великая Цин”. Цин — маньчжурская династия, правившая в Китае в 1644–1911 гг. Здесь явно имеется в виду Цзинь — династия чжурчжэней, предков маньчжуров (1115–1234 гг.). Джурчитами монголы называли предков маньчжуров чжурчжэней.
535. Г. Ховорс — английский историк XIX в., написавший труд по истории Монголии (Howorth H.H. History of the Mongols from the Nineth to the Nineteenth Century. L., 1876–1888).
536. В тексте ошибочно: 1237.
537. Грамматический трактат.
538. Здесь вслед за тибетским слоговым письмом буквами названы слоги, состоящие из согласной и гласной букв, причем, под разрядом подразумеваются согласные буквы, а родом — гласные.
539. Н.Н.Кротков (1869–1919), русский консул в Урумчи в начале XX в. Коллекция собранных им рукописей хранится в Рукописном фонде СПбФ ИВ РАН.
540. Бодхисаттва мудрости.
541. Шестнадцать знаменитых проповедников буддизма из школы старейшин — стхавиравады.
542. В 1372 г. войска Минской династии разбили войска Билигту-хана, но через год силы монголов были восстановлены.
543. Тогус-Тэмур (1378–1388).
544. По другим источникам, за эти 12 лет сменилось 5 ханов, которые погибали во время дворцовых переворотов.

545. По китайским источникам это и есть Угэчи-хасаха (Гуйличи).
546. Считается, что титул “хаган” носили всемонгольские ханы, в отличие от титула “хан”, который могли иметь владетели отдельных областей и племен.
547. Буяншир (1379–1412) с титулом Ульзийтумур.
548. Отождествить не удалось.
549. Минский император Инцзун, девиз правления — Чжэнтун (1436–1450).
550. Три тумэдских области.
551. Возможно, Уй-Цзан — Центральный Тибет.
552. Имеется в виду цаннид.
553. Проповедник буддизма, основатель школы кадампа, предшественница гэлугпа.
554. По-видимому, имеется в виду школа дзогчен — направление или подразделение школы нинмапа. Во всяком случае, упоминаемый здесь Гуру-Чойбан (1212–1273) был учителем этой школы.
555. Тибетский царь (742–797).
556. “Адисын ундэс” — “Основы благословения”; “Убадшин джирухэну толта” — “Сердцевина сердца убадшин”; — “Линхувын туб гэрэл” — “Прямой луч лотоса”; “Пурбын ундэс” — “Суть ваджры”.
557. Отождествить не удалось.
558. Падамба — индийский проповедник буддизма, основатель монастыря Динри, глава мистической школы чод в буддизме; Маджиг-Лабдон (1055–1145) — прославленная монахиня, последовательница мистического направления в буддизме.
559. 1292–1361 гг.; с 1326 г. — настоятель монастыря Джонан.
560. Учение и обряды поклонения “Калачакре”.
561. Сокращенное тиб. название — “Ламрим”, основополагающий трактат Цзонхавы.
562. В тексте: Лхасын еке иругел. Ежегодное богослужение лам в Лхасе, на которое съезжаются монахи из многих монастырей. Посвящено молитве о благополучии (тиб. монлам) в новом году.
563. В тексте: Лхасын дзун бэене брок.
564. Знаменитый монастырь Галдан, находящийся в нескольких десятках км от Лхасы. Оплот школы гэлугпа. Осн. в 1409 г.
565. В тексте: Билгийн ундэс.
566. В тексте: Дзагардзана.
567. В тексте: Тодорхой угт (Яснословный).
568. В тексте: Пендрагереди.
569. Вторым настоятелем Галдана (с 1431 г.) был Хайдубдже (1385–1438). Гэндундуб (1391–1474) — племянник и ученик Цзонхавы. Тибетская традиция возводит к нему линию перерождений далай-лам.
570. Основателем Брэбуна был Джамьянчойдже-Дашибалдан (1379–1449).
571. Тибетские источники его называют Шахья-Еше.
572. В тексте ошибочно: 1441.
573. В секте кармапа, которая является отпочкованием от карджудпа, были два подразделения — “красношапочников” и “черношапочников”.
574. 1476–1542 гг.; Традиция называет его вторым далай-ламой.
575. Местность Танаг в провинции Цзан.
576. Правительство Тибета.
577. Победитель.
578. Видимо, оракулы.
579. Обычно “дэсрид” переводится как “регент”.
580. В тексте: 1518.
581. В тексте: 1560.
582. Речь идет о возникновении института панчен-лам. Чойджиджалцан (1570–1662) был в действительности объявлен панченом впервые, но затем его назвали четвертым, а первым, вторым и третьим объявили соответственно ученика Цзонхавы Хайдубдже (1385–1438), Соднамчоглана

- (1438–1505) и Лубсандондуба (1505–1568). Поэтому Чойджиджалцана называют иногда первым, а иногда четвертым панченом.
583. В тексте: шестая.
584. Монгольская летопись XVII в. Саган-Сэцэна.
585. В тексте: 1460.
586. В Хухэ-Хото имели ставку правители тумэдов, после Алтан-хана тумэдского получившие титул “малых ханов”, однако они никогда не были великими ханами всей Монголии.
587. Официальные родословные княжеских домов Монголии, составленные маньчжурскими властями.
588. Традиционное название группы тумэдских родов.
589. Монгольская летопись XVIII в.
590. В монгольской летописи “Желтая история” (“Шара туджи”) Ноянтай назван вторым сыном Гэрэндзэ.
591. Здесь: Нунху.
592. Алтан-хан много раз нападал на ойратов. Кто именно имеется в виду под именем Джела-Туруги, установить не удалось.
593. Правильно: “шунь и ван”.
594. Владетель Ордоса.
595. Храмовое имя — Шицзун, время правления — 1521–1567.
596. Название реки отождествить не удалось. Может быть, имеется в виду Хуанхэ? По-монгольски “Хуанхэ” переводится, как “Шара-мурэн” (“Желтая река”), а по-тибетски называется Мачу.
597. Храмовое имя — Шэнь-цзун. Время правления — 1573–1620.
598. Возможно, название города в провинции Шаньси.
599. “Записки о военных действиях”, автор — Вэй Юань (XIX в.).
600. Чиновники в государственном аппарате Минской династии, отвечавшие за взаимоотношения с монголами.
601. Не отождествлено.
602. 1567–1573 гг.
603. В тексте: “сведения, приведенные Хуан-мином”. Однако здесь, вероятно, имеется в виду историческое сочинение “Хуан-Мин-шилу” (“История августейшей [династии] Мин”).
604. Третий далай-лама (1543–1588).
605. Мегафорическое название Тибета.
606. Термин, которым тибетцы и монголы называют светских людей, оказывающих покровительство и финансовую поддержку буддизму. Здесь — Алтан-хан.
607. Виная, учение о монашеской дисциплине.
608. Западное Дзу — так монголы называли Лхасу.
609. В других источниках — Адис-дархан.
610. “История августейшей [династии] Мин”.
611. В тексте ошибочно: 1566.
612. Джукан (или Джокан) — храм в Лхасе, где помещена самая знаменитая статуя Будды в Тибете — Джу (Джо). Халха-монголы произносят это слово как “дзу”.
613. В других источниках: Магачин-бакши.
614. В тексте: Шилхоушери.
615. В тексте: из внутреннего казначейства.
616. Правильно: “для улучшения последующего рождения”. Понятия “загробной жизни” в буддизме нет. По-видимому, так вышли из положения переводчики, переводя фрагмент о том, что буддийским представлениям, происходит с человеком после смерти.
617. Молитва, посвященная прославленному буддийскому мыслителю Тибета XIV в. Цзонхаве.
618. Посвящения, дающие право совершать обряды, посвященные тем или иным божествам.
619. Тиб. *gyal* означает “победа”. Таким образом, название печати может быть переведено как “Печать победы Очирдара далай-ламы”. Очирдара — монгольское произношение имени божества буддийского пантеона Ваджрадара.

620. В тексте — Дегценчонкурлиг.
621. В переводе с монгольского: “Хьюд-чиншри (?), спаситель всех народов”.
622. Князь Тиду из Канджу.
623. По-видимому, “джинона”. Титул Гумэли-Мэргэн-джинона, по некоторым источникам — деда Сэцэн-хунтайджи. Бинту-тайджи — сын Бухэ-тайджи, сына Арсолода, 7-го сына Даян-хана.
624. Переводится как “Драгоценный свет”. Какое сочинение имеется в виду, установить не удалось.
625. Установить не удалось.
626. Возможно, “Обитель всеобщего учения”. В тексте: Пунцокшан.
627. “Храм всеобщего благоденствия”.
628. “Владыка южных сорока одной юрты”.
629. Мощи и священные предметы, которые закладываются в статуэтки божеств или субурганы. Переводчики под “внутренними органами” имели в виду, по-видимому, такую закладку.
630. Халха считается у монголов “нижней” Монголией, в отличие от “верхней” — области близ Кукунора.
631. Божество буддийского пантеона.
632. По другим источникам — 16 великих архатов.
633. Манифестация Махакалы, покровитель Эрдэни-дзу.
634. “Появившийся самопроизвольно монастырь благодетний”.
635. Возможно, Махакала.
636. Учитель — для буддиста — наивысший авторитет. Культ учителя чрезвычайно развит в разных школах. В гэлугпа под учителем обычно подразумевается Цзонхава.
637. Монгольский ученый буддист (1642–1716).
638. Имеется в виду Северная Монголия, или Халха.
639. Каких русских послов имеет в виду Эрдэнпэл, неясно. Возможно, они посетили Монголию в более позднее время.
640. Монахи брили головы. Одевание буддийского монаха — красно-желтого цвета. Здесь, может быть, имеется в виду даос.
641. 1765 г. В тексте ошибочно: “Вань-луна”.
642. Один из вариантов титула, полученного от Далай-ламы.
643. Монгольская летопись XIX в. Автор — Галдан-туслагчи.
644. 1679–1703; регент, правивший в Тибете после смерти Пятого далай-ламы.
645. Настоятель Эрдэни-дзу имел титул “цорджи”. Биография, по-видимому, принадлежит самому знаменитому деятелю Эрдэни-дзу — VII настоятелю Дагвадарджа (1734–1803).
646. В тексте ошибочно: Дамбаджарджа.
647. Крупнейший буддийский иерарх, резиденция которого находилась в Пекине. Здесь, по-видимому, Джанджа-хутухта Ролбидорджи (1717–1786).
648. Гургомбо считается гением-хранителем монастыря Сакья.
649. Одна из высоких должностей в монастыре. Лама, отвечающий за общие службы.
650. Возможно, здесь и далее имеется в виду ханша из Байбалыка.
651. Так в тексте: может быть, “стене”?
652. Здесь явная ошибка. Имеется в виду, конечно, дата провозглашения не МНР, а независимости Монголии — 1911 г.
653. В тексте ошибочно: “Минской династии”.
654. По-видимому — в центр, министерство, в Пекин.
655. В тексте: “местность Улеты”.
656. Знаменитый проповедник буддизма (1557–1653).
657. Вероятно, “патера”, то есть католического миссионера.
658. В других источниках сказано, что Далай-лама получил от китайского императора титул “сань шэн да ван го ши” (царь учения в трех странах, государственный наставник).
659. Сэнгэ-Дугурэнг-хан.

660. Монгольское произношение имени “Майтрея”.
661. Миларэпа.
662. Годы жизни Лигдэн-Хутухта-хана — 1592–1634 гг.
663. Прозвище Карма-ламы, намекающее на его магические способности; монг. — “Илд-Дзанги-дагч”.
664. Под его руководством работало 35 переводчиков, и в 1628–1629 гг. перевод был закончен, причем текст перевода был написан золотыми буквами. Перевод некоторых сочинений был сделан раньше (по мнению некоторых исследователей — даже в эпоху Юань), Гунга-Одсэру оставалось только исправить его и выпустить.
665. Одна из наиболее почитаемых буддистами книг “Золотой блеск” (санскр. “Суварнапрабхасутра”).
666. В тексте: год белого дракона.
667. Эконом монастыря, заведующий казной.
668. В Лхасе имеются две знаменитых статуи Будды — Малый и Большой Джу.
669. “Прямой пестрый”.
670. В тексте ошибочно: Алтан-хан.
671. В тексте: дзунагбы.
672. Далее в переводе эти два деятеля “сливаются” в одно лицо.
673. Видимо, Джан (тиб. byang), то есть Джантанг, северное пустынное нагорье Тибета.
674. В тексте: А’ян-тан-ган.
675. Оракчи-Батор — по-видимому, Нурхаци, отец Абахая, основателя династии Цин в Китае. Из рода Гиоро происходят маньчжурские императоры династии Цин.
676. От кит. гун-цзы.
677. “Дурбэн” означает “четыре”. Традиционное название западных монголов, делившихся на четыре больших племенных объединения.
678. Девиз правления Абахая, умершего в 1643 г. — Чундэ.
679. От тиб. sngags ba (заклинатель, тарничи).
680. Одно из высших званий ламской учености.
681. Ойратский Дзая-пандита Намхайджамцо (1599–1662).
682. На самом деле Джэбдзун-Таранатха, как уже говорилось, был главой школы джонанпа.
683. Титул первого буддийского перерождения в Северной Монголии и в дальнейшем главы монгольской церкви.
684. Ойратское письмо “тодо бичиг” (ясное письмо), составленное Дзая-пандитой Намхайджамцо.
685. В большинстве источников: 1653 г.
686. Манифестация Махакалы, то же, что Гургомбо.
687. Мера длины, около 500 м.
688. 1637 г. Некоторые источники указывают на 1636 г. как на год переговоров халхаских ханов с маньчжурским императором.
689. Символическое подношение, означавшее принятие покровительства маньчжурского императора.
690. В тексте: Дайсан Гуши Учдзун Сечен.

Содержание

А.С. Железняков, А.Д. Цендина. Предисловие	3
А.С. Железняков. Монгольский взгляд на историю	5
Золотое сказание (перевод Г.С. Гороховой, А.Д. Цендиной)	19
[I. Происхождение монгольских ханов и царей Индии и Тибета]	19
[II. Родословная Чингис-хана]	22
III. Юность Тэмуджина]	24
[IV. Вступление Чингис-хана на престол]	26
[V. Военные походы монголов в Корею, Северный Китай и Туркестан. Завоевание Тангутского государства]	28
[VI. Кончина Чингис-хана]	33
[VII. Правление монголов в Китае]	35
[VIII. Изгнание монголов из Китая]	39
[IX. Вступление на престол Даян-хана]	40
[X. Правление в Монголии наследников Тогон-Тэмюра]	41
[XI. Вступление на престол Даян-хана]	53
[XII. Военные походы Даян-хана. Борьба за воссоздание единого монгольского государства]	55
[XIII. Смерть Даян-хана]	58
[XIV. Правление Боди-Алага]	59
[XV. Государство Алтан-хана]	61
Джамбадорджи. Хрустальное зеркало (перевод Б.И. Короля, А.Д. Цендиной)	62
[I. Буддийская космогония и география]	62
[II. Генеалогия монголов]	71
[III. Мировая держава монголов]	75
[IV. Малые ханы]	95
[V. Монголы под властью маньчжурской династии Цин]	105
Эрдэнипэл. Конечная причина религий в Монголии (перевод Ринчена и Самбу)	155
I. Что является конечной причиной религий, исповедуемых монгольскими племенами	155
II. О шаманской вере древних предков монголов	156
III. Учение Шакьямуни и его распространение в Монголии	161
[IV.] Принятие восточными монголами религии Шакьямуни и падение ее в Западной и Восточной Монголии	171
V. О том, каких религиозных верований придерживались монголы, начиная со времени Чингис-хана и до начала распространения желтой веры .	176
[VI.] Эпоха трех ханов после Чингис-хана	184

[VII.] Период правления Хубилай-Сэцэн-хана	189
VIII. О десяти императорах Юаньской династии после Хубилая	193
[IX.] Эпоха шестнадцати малых ханов после Тогон-Тэмуря	197
[X.] Распространение желтой религии в Монголии и влияние на этот процесс маньчжурской власти	200
[XI.] О том, как желтая религия распространилась в Монголии и о том, как это было связано с властью маньчжурской династии [продолжение]	207
[XII.] Наступление беспокойных времен в Монголии	236
[XIII.] Хитрости, предпринятые тибетскими ламами, чтобы сделать монголов приверженцами одной желтой веры	241
[XIV.] Первые попытки маньчжурской стороны колонизировать монголов, используя для этого религию	246
Литература	248
Комментарии	251
Содержание	274

Научное издание

Серия “СФЕРА ЕВРАЗИИ”

Александр Сергеевич ЖЕЛЕЗНЯКОВ,
Анна Дамдиновна ЦЕНДИНА (сост.).

История в трудах ученых лам

М.: Товарищество научных изданий КМК. 2005. 275 с.

Редактор издательства К.Г. Михайлов

Для заявок:

123100 Москва а/я 16 изд-во КМК
kmk2000@online.ru

см. также:

<http://webcenter.ru/~kmk2000>

Отпечатано в типографии ООО “Галлея-Принт”
Москва, 2-я Кабельная, 2б

Подписано в печать 29.11.2005.
Формат 70×100/16. Объем 17,25 печ. листов.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Тираж 800 экз.

СФЕРА ЕВРАЗИИ

Данная книга содержит три фундаментальных работы монгольских историков-лам XVII, XIX и XX вв. Сочинение Эрдэнипэла “Конечная причина религий в Монголии”, написанная в 30-х гг. XX в., публикуется впервые, причем монгольский оригинал текста до сих пор не обнаружен. Труд Джамбадорджи “Хрустальное зеркало”, относящийся к первой половине XIX в., никогда еще не переводился ни на один из европейских языков. Наконец, одна из самых ранних летописей — “Золотое сказание” (XVII в.) анонимного автора издавалась лишь в приблизительном переложении на русский язык Г. Гомбоева в 1858 г. Давно назревшее издание на русском языке этих трудов важно не только для знания истории Монголии и Евразии в целом, но и для корректного сравнения отношения монголов к своему прошлому с тем, как это прошлое воспринимается со стороны, а также для сравнения логики развития исторической мысли кочевых и оседлых народов.